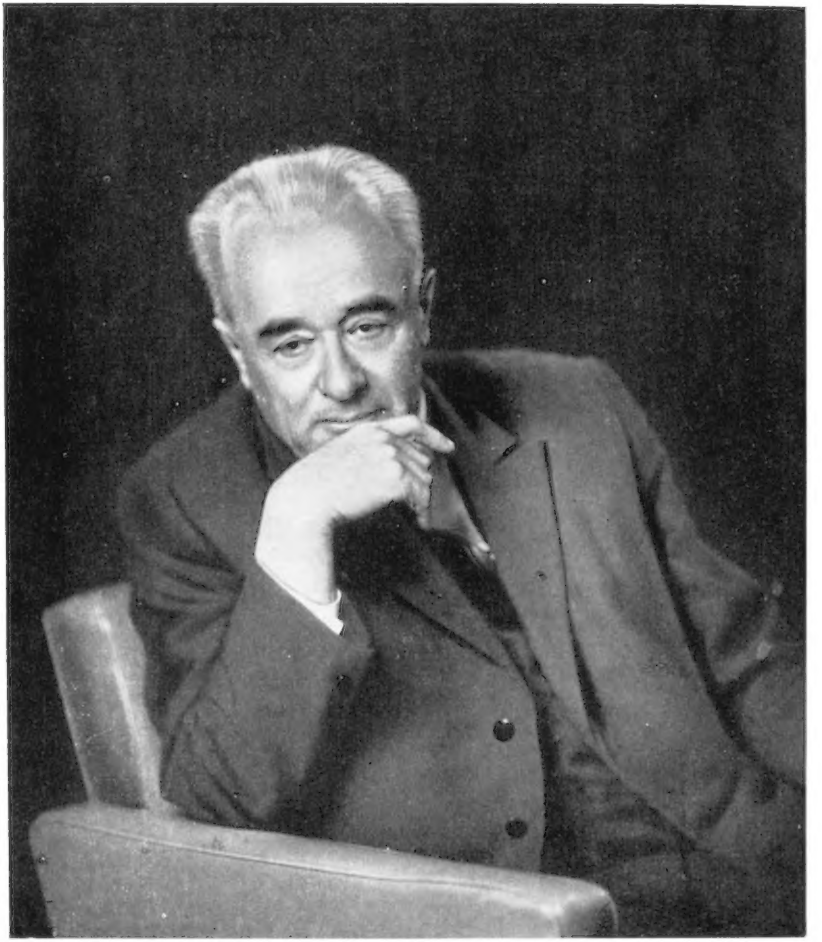
Н. А. Цаголов

Вопросы истории политической экономии



Н. А. Цаголов

Вопросы истории политической экономии

Избранные произведения

Издательство
Московского университета
1984

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор экономических наук, профессор
В. В. Куликов

доктор экономических наук, профессор
В. В. Радаев

Цаголов Н. А. Вопросы истории политической экономии. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984, 408 с.

Данная книга завершает публикацию избранных произведений руководителя кафедры политической экономии экономического факультета Московского государственного университета, заслуженного деятеля науки, доктора экономических наук, профессора Николая Александровича Цаголова.

Первая книга — «Вопросы методологии и системы политической экономии» — вышла в свет в 1982 г., вторая — «Вопросы теории производственных отношений социализма» — в 1983 г.

В предлагаемой вниманию читателей третьей книге рассматриваются вопросы истории политической экономии, экономической мысли и экономического развития. Структура работы в целом исключает возможность строго хронологического расположения материала, однако этот принцип по мере возможности соблюден в подборке материала внутри отдельных разделов.

Написанные на протяжении нескольких десятилетий сочинения потребовали некоторой редакционной обработки, которую осуществила старший научный сотрудник МГУ, кандидат экономических наук К. Г. Козлова, подготовившая книги к печати.

Предназначается для экономистов: научных работников, преподавателей, аспирантов.

Ц $\frac{0602000000-288}{077(02)-84}$ 72—84

© Издательство Московского университета, 1984 г.

Раздел первый

Классики буржуазной политической экономии

«Экономическая таблица» Кенэ и ее значение (К 200-летию «Экономической таблицы»)

В декабре 1958 г. исполняется 200 лет со времени первого издания «Экономической таблицы» Франсуа Кенэ, выдающегося французского экономиста, общепризнанного главы целой школы политической экономии, сыгравшей исключительно важную роль в идейной борьбе во Франции накануне первой буржуазной революции.

Какую научную задачу сформулировал и разрешил Кенэ своей «Экономической таблицей»? Какую роль сыграло это произведение в борьбе общественных классов той эпохи?

«Экономическая таблица» явилась первым в истории политической экономии опытом научного анализа процесса общественного производства не как единичного акта, а как непрерывно повторяющегося процесса, т. е. как процесса воспроизводства. Кенэ впервые проанализировал состав совокупного общественного продукта и движение его элементов как условие нового процесса производства. «Экономическая таблица» Кенэ — «это столь же простое, сколько и гениальное для своего времени изображение годового процесса воспроизводства, опосредствуемого обращением...»[1]. До Кенэ политическая экономия не только не решала такой задачи, но даже и не ставила ее.

Меркантилизм — первая школа буржуазной политической экономии — развивался в условиях господства натуральных форм феодального производства, раздробленности и замкнутости феодальной экономики. Денежные отношения были развиты только в сфере международных экономических отношений. В таких условиях перед экономической наукой не вставала проблема воспроизводства в народном хозяйстве в целом. Лишь развитие капиталистического уклада, разрывающее замкнутость феодальных хозяйственных единиц и связывающее воедино звенья экономиче-

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 262.

ской системы страны, создает материальные условия для постановки проблемы общественного воспроизводства.

Великий научный подвиг Кенэ заключается в том, что он поставил перед собой задачу свести воедино бесчисленные разрозненные акты обмена, найти закон там, где, на первый взгляд, господствует хаос. Его заслуга состоит, далее, в том, что он попытался проанализировать главные линии экономических связей, посредством которых воспроизводство осуществляется как единый процесс. «Экономическая таблица» открыла экономической науке путь для проникновения в сущность общественного воспроизводства.

Достаточно беглого взгляда на «Экономическую таблицу», чтобы увидеть: несмотря на феодальную оболочку системы физиократов, Кенэ при построении своей таблицы имел в виду общество, ставшее на буржуазные рельсы. Во-первых, отношения в ней опосредствуются деньгами. Во-вторых, «Экономическая таблица» основывается на том, что происходит постоянный обмен веществ между промышленностью и сельским хозяйством, полностью отделенных друг от друга. В-третьих, хозяйство и в земледелии и в промышленности ведется капиталистически: оно ведется во имя прибыли, получение которой предпринимателем считается обязательным условием нормального хода процесса воспроизводства.

Все экономические явления, рассматривавшиеся меркантилистами, изучались ими с точки зрения достижения цели движения капитала — увеличения количества денег. Источник такого увеличения они искали за пределами страны, в сфере международных торговых отношений. Анализ внутренних условий процесса воспроизводства органически не был свойствен меркантилизму. В тех же случаях, когда отдельные представители меркантилизма начинали изучать взаимоотношения между различными сферами народного хозяйства и пытались внутри хозяйства страны раскрыть тайну роста стоимости, они неизбежно вступали в конфликт с основой меркантилистской доктрины. Для анализа процесса воспроизводства необходимо было коренное преодоление основ меркантилизма.

Поскольку фетишизация денег составляет наиболее характерную черту меркантилизма, он на первый взгляд кажется в большей мере буржуазной системой, чем система физиократов, которые развенчивали фетишизм денег и обращались к сельскому хозяйству как к источнику богатства. Однако анализ условий процесса воспроизводства, взятого прежде всего как процесс реализации, показывает, что теоретические искания физиократов связаны именно с буржуазной формой производства. При изучении процесса воспроизводства общественного продукта Кенэ исходит по существу из формулы кругооборота товарного капитала. Объектом анализа у него является обращение не просто товаров, а товаров, в которых заключена прибавочная стоимость. Цель этого обращения — реализация прибавочной стоимости и создание ус-

ловий для повторного ее производства. Использование Кенэ для построения «Экономической таблицы» формулы кругооборота товарного капитала свидетельствует о том, что он считал движение денег производным от движения товаров.

Преодоление денежного фетишизма меркантилистов было важным условием развития классической школы буржуазной политической экономии. И хотя, развенчивая меркантилистские представления, Кенэ и его последователи доходили подчас до натурализма, это не меняет того факта, что воззрения физиократов отражали победу зрелых форм буржуазной экономики.

«Экономическая таблица» Кенэ дает характеристику не только вещественных условий процесса воспроизводства, но и воспроизводства общественных отношений, воспроизводства тех классов, которые, по Кенэ, являются необходимыми элементами социальной структуры общества. Этот момент следует особо подчеркнуть. Не безликий обмен интересует Кенэ, а движение частей общественного продукта как отношение между классами. Его конечная цель — выяснить, каковы нормальные условия воспроизводства тех классов, наличие которых он считает обязательным при «естественном порядке». Именно поэтому он не занимается изучением актов обмена внутри каждого отдельного класса, между отдельными его членами. Он также не рассматривает единичные акты обмена между разными классами. Объединяя акты обмена, Кенэ стремится в конечном счете дать картину экономических отношений между классами. При этом он изображает не внешнюю форму, а реальный баланс материальных экономических отношений классов, находящихся в неразрывной связи с обменом веществ между сферами общественного производства.

В «Экономической таблице» анализируются условия простого воспроизводства. Это определяется той исторической обстановкой, в которой формировались взгляды Кенэ. Глубокий кризис феодальной системы экономических отношений, выразившийся в упадке сельскохозяйственного производства, требовал прежде всего постановки вопроса об условиях предотвращения дальнейшего его падения. Но это не значит, что Кенэ не интересовала проблема расширенного воспроизводства. Тот факт, что Кенэ говорит о недопустимости изъятия прибыли у предпринимателей, по сути дела, означает защиту накопления капитала. Именно в этом смысл программы «единого налога», от которого должны быть освобождены и фермеры, и промышленники.

Кенэ также рассматривает условия расширенного воспроизводства. Он отмечает, что масштабы «чистого продукта» могут возрастать в том случае, если фонд издержек, иными словами капитал, увеличивается за счет чистого продукта или за счет фонда промышленности.

В характеристике источников расширенного воспроизводства сказываются классовая основа и историческая ограниченность учения физиократов об условиях накопления. «Чистый продукт» должен быть, по мысли Кенэ, не только единственным объектом

налога, но и источником роста производства. Кенэ считал, что получатели «чистого продукта» должны выделять часть его для расширенного воспроизводства. Тем самым он выражал интересы фермера-капиталиста. В то же время Кенэ полагал, что источником накопления может являться фонд промышленности. Следует учесть, что длительное время развитие промышленности во Франции осуществлялось при государственном покровительстве за счет огромных изъятий из сельского хозяйства. Это явилось почвой для возникновения идеи физиократов о «бесплодии» промышленности и теоретической основой их предложений об увеличении капиталов сельского хозяйства за счет капиталов промышленности как условии расширенного воспроизводства.

«Экономическая таблица» Кенэ не может быть понята без анализа других его произведений. Однако, несмотря на предельную ее краткость, «Экономическая таблица» заключает в себе все основные теоретические положения и обоснование главных принципов экономической политики физиократической школы.

По Кенэ, экономические законы носят естественный характер, они не могут быть нарушены без вреда для производства. Этот тезис, составляющий методологическую основу «Экономической таблицы» и означающий по существу признание объективности экономических законов, имеет огромное научное значение.

Источник богатства следует искать в сфере производства — такова вторая важнейшая предпосылка «Экономической таблицы».

Кенэ считал, что, поскольку экономические законы объективны, вмешательство в хозяйственную жизнь противоестественно. Хозяйственный процесс должен осуществляться независимо от государственной власти, каждый имеет право действовать, как ему угодно. Принцип свободной конкуренции — одна из предпосылок «Экономической таблицы».

В своей «Экономической таблице» Кенэ исходит из того, что обмен закономерно является эквивалентным, что прибыль не возникает в обращении, что деньги не представляют собой богатство, они — лишь средство обмена.

Таким образом, положения, составляющие основу «Экономической таблицы» Кенэ, явились решительным ударом по меркантилизму, по всем привычным его догмам.

Коренным вопросом буржуазной экономической мысли был вопрос о том, в чем тайна обогащения, где скрыт его источник. На протяжении почти двух столетий господствовала меркантилистская доктрина, утверждавшая, что прибыль возникает в обращении, что внешняя торговля является источником богатства страны. По-иному решает этот вопрос Кенэ. Он заявляет, что обращение ни на атом не может увеличить богатство страны, что богатство, «чистый продукт», создается лишь в материальном производстве. Обоснование этого тезиса — великая научная заслуга Кенэ. Маркс писал: «Физиократы перенесли исследование о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу непосредственного производства и этим заложили основу для анализа

капиталистического производства»[2]. Перенесение поисков прибавочной стоимости, прибыли из сферы обращения в сферу производства открывало путь к раскрытию основной загадки буржуазной экономики.

При построении «Экономической таблицы» Кенэ исходил также из ряда других важных предпосылок, сохраняющих и поныне свое научное значение при изучении закономерностей воспроизводства. Так, Кенэ отвлекается от колебания цен, что является единственно правильным, научным приемом при абстрактном анализе процесса воспроизводства.

Кенэ, далее, исходит из определенной структуры продукта не только по стоимости, но и по натуральной форме. И хотя он считает исходным деление совокупного общественного продукта на сельскохозяйственный и промышленный, а не его деление на средства производства и предметы потребления, сама попытка расчленения продукта по стоимости и по натуральной форме представляет собой серьезный вклад в экономическую науку. Как впоследствии установил Маркс, плодотворный анализ процесса общественного воспроизводства невозможен, если отвлечься от натуральной формы совокупного общественного продукта.

Рассматривая производство в качестве единственного источника «чистого продукта», Кенэ не ограничивается при изучении процесса воспроизводства анализом только актов процесса производства. Он исследует процесс обращения различных составных частей общественного продукта и исходит из научно плодотворного разграничения первоначальных и годичных авансов. Это разграничение верно подмечает различия в природе элементов производительного капитала, обусловленные различием в перенесении стоимости на производимый продукт, — между основным и оборотным капиталом.

Как «Экономическая таблица» Кенэ, так и вся концепция физиократов была и по сей день остается предметом дискуссии. Споры ведутся, в частности, о том, каковы классовая основа и историческая роль «Экономической таблицы» и всей концепции Кенэ.

Значительная часть буржуазных историков политической экономии считала физиократов идеологами феодализма, защитниками феодального экономического строя. Надо сказать, что физиократы в известной мере сами дали основание для таких утверждений, поскольку они рассматривали в качестве необходимого звена общественной системы, покоящейся на «естественном праве», земельного собственника. Между тем в соответствии с идеями «Экономической таблицы» Кенэ и экономической программы физиократизма земельные собственники, являющиеся единственным классом, который безвозмездно, без эквивалента получает «чистый продукт», должны быть единственным плательщиком «единого налога», а все остальные сословия, классы общества должны быть освобождены от каких бы то ни было налогов. Следова-

[2] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 14.

тельно, дифирамбы, встречающиеся у Кенэ и у других физиократов в адрес земельных собственников, которые, по их мнению, имеют право на получение «чистого продукта», являются в значительной степени иллюзорными. Программа физиократов по существу предполагала частичную конфискацию земельной собственности, ибо последняя, как известно, экономически реализуется в земельной ренте. «Чистый» же продукт Кенэ есть не что иное, как земельная рента. Поэтому, как указывал Маркс, «в тех выводах, которые делают сами физиократы, кажущееся превознесение земельной собственности переходит в ее экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства»[3].

Основанием к тому, чтобы связывать систему Кенэ с идеологией феодализма, служило также и то обстоятельство, что он рассматривал земледелие в качестве единственной сферы общественного производства, способной умножать богатство. Конечно, феодальное производство в основном является земледельческим. Превознесение земледелия Кенэ и его последователями выражается в тезисе о том, что только в земледелии создается «чистый доход» и что поэтому только класс, занятый в земледелии, является производительным, а класс, занятый в промышленности и в торговле, «бесплоден». Но по существу этот тезис означает преклонение перед такой формой общественного производства, которая создает прибыль, прибавочную стоимость.

Кенэ воспевает форму земледельческого производства, при которой земельный собственник выступает как получатель «чистого продукта»; хозяйство ведется в крупных масштабах с применением наемной рабочей силы. В качестве агентов производства у Кенэ выступают не землевладелец и не крестьянин, а фермер (арендатор) и его наемный рабочий. Функция последнего сводится к созданию продуктов, которые превосходят продукт, необходимый для воспроизводства его рабочей силы. Выдвижение на передний план процесса общественного земледельческого производства как единственной сферы деятельности производительного класса не изменяет того факта, что физиократы имеют в виду не феодальное, а капиталистическое общественное производство.

Однако было бы неправильно считать феодальные мотивы в системе Кенэ лишь внешней стороной его воззрений. Разумеется, поскольку он исходил из крупного капиталистического производства, он смотрел вперед и связывал прогресс сельского хозяйства с капиталистической его формой. Но не следует забывать, что интересы буржуазии и землевладельцев так или иначе примиримы, коль скоро капиталу обеспечивается получение средней прибыли. Буржуазная критика феодализма имеет ограниченный характер, ибо капиталист, как и феодал, является эксплуататором. Защищая капиталистическое производство и развивая программу «единого налога», физиократы не только никогда не доходили до вывода о ликвидации феодальной земельной собственности, но, на-

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 23.

против, изыскивали аргументы в пользу сохранения феодальной земельной собственности. Таким образом, нельзя отрицать некоторую феодальную ограниченность учения Кенэ.

Система физиократов во многих отношениях внутренне противоречива. Она покоится на ряде догм, которые не могли выдержать испытания временем. Среди них в первую очередь следует отметить положение, будто только земледелие приносит прибыль, создает «чистый продукт».

Поиски источника «чистого продукта», прибавочной стоимости лишь в земледелии основаны прежде всего на том, что здесь прибавочный продукт выступает в своей наиболее очевидной форме. Элементарным условием существования прибавочного труда и прибавочного продукта является наличие избытка средств существования над тем количеством, которое необходимо земледельческому производителю для воспроизводства своей рабочей силы. Создание прибавочного продукта в земледелии — элементарная предпосылка существования прибавочного продукта вообще, а следовательно и прибавочной стоимости и ее конкретной формы — земельной ренты, которую физиократы ошибочно считали единственной и общей формой прибавочной стоимости.

Таким образом, хотя Кенэ был далек от раскрытия тайны прибавочной стоимости, он нащупал ее элементарную основу. Он искал ее в сфере производства, видел ее в определенном уровне производительности труда. И в этом — громадная научная заслуга Кенэ.

Физиократы еще не проводили различия между производством стоимости и потребительной стоимости, между вещественным содержанием богатства, т. е. богатством как массой потребительных стоимостей, и богатством как суммой стоимостей. Они были склонны к отождествлению увеличения массы потребительных стоимостей с увеличением суммы стоимости. Но фактически физиократы искали ответа на вопрос о тайне увеличения стоимости. Их интересовала та же задача, что и меркантилистов, но путь ее решения был избран другой. По самой своей сути это была задача, выдвинутая буржуазным развитием.

В эпоху, когда жил Кенэ, капиталистическое производство не было еще господствующей формой земледельческого производства во Франции, но оно уже получило распространение в ряде районов страны. Промышленное производство было еще слабо развито, и судьбы Франции в тот период определялись прежде всего перспективами развития сельского хозяйства. Вот почему классовая модель, использованная Кенэ, не является еще буржуазной. Однако сама система физиократов — это теоретическая защита интересов буржуазного производства.

Конечно, деление общества на производительный класс, «бесплодный» класс и класс собственников является отражением феодальных представлений Кенэ. Это деление базируется на разных признаках. С одной стороны, производительный и «бесплодный» классы выступают как представители разных видов конкретного

труда — сельскохозяйственного и промышленного. С другой стороны, класс собственников не имеет отношения к тому или иному виду конкретного труда и является лишь получателем ренты.

Различия между сельским хозяйством и промышленностью у Кенэ поглощают действительные различия между классами буржуазного общества. Однако предложенное Кенэ деление общества на классы явилось шагом вперед в учении об обществе и классах.

Кенэ делит общество на классы не по сословному признаку, что характерно для феодализма, а по тому, каково участие того или иного класса в производстве и распределении прибавочной стоимости («чистого продукта»). Кенэ пытается установить связь между классовой структурой общества и структурой производства.

Правда, производителем прибавочной стоимости он считает не тот класс, который ее в действительности производит, и в качестве производителя «чистого продукта» им указана лишь часть социальной группы, присваивающей прибавочную стоимость. Однако в конечном счете классовое деление общества у Кенэ подчинено задаче уяснения источника прибавочной стоимости и каналов ее распределения.

Следует отметить, что классовая структура общества, из которой исходит Кенэ при построении «Экономической таблицы», имела для того времени вполне реалистический характер. В классовой структуре, данной в «Экономической таблице», правильно подмечены отношения, характеризующие антагонизм современного Кенэ феодального общества. Главные экономические отношения этого общества развертываются на почве земледельческого производства, и борьба между основными классами ведется из-за прибавочного продукта, создаваемого в земледелии.

Кенэ видел прогресс сельского хозяйства в развитии фермерски-капиталистического крупного производства, доля которого в то время была еще весьма незначительна. Французское общество того периода в своей массе ни в городе, ни в деревне не было разделено на классы капиталистов и наемных рабочих. Кенэ представлял себе фермера-капиталиста как фигуру, осуществляющую прогресс в сельскохозяйственном производстве. Отвоевать для него необходимые условия роста, защитить его от растущих притязаний землевладельцев — вот что составляло главную задачу Кенэ.

Классовая структура общества, данная Кенэ в «Экономической таблице», отражает существенные противоречия эпохи разложения феодализма. Основным в тот период был социальный конфликт не между классами буржуазного общества, которое только лишь вызревало в недрах феодального строя, а между буржуазией, развертывавшей борьбу за овладение сферой производства, и феодалами, которые еще осуществляли политическое господство в стране и экономически реализовывали земельную собственность в разных формах ренты. Конфликт между феодалами и буржуа-

зией в модели классов, принятой Кенэ в качестве нормальной, обнаруживается с большей очевидностью, чем если бы была дана структура развитого буржуазного общества. Таким образом, классовая структура, принятая Кенэ, будучи ложной в формально-экономическом смысле, была истинной в историческом смысле. Она служила решению той задачи экономической политики, которую выдвигали физиократы.

Став полностью на позицию класса капиталистов, Кенэ хотя и не призывает к экспроприации земельных собственников, однако объявляет, что элементарным условием нормального воспроизводства является недопущение изъятия в казну какой-либо части стоимости общественного продукта, кроме «чистого продукта», попадающего классу земельных собственников. Он специально подчеркивает, что для нормального течения процесса воспроизводства необходимо не только дать возможность полностью возместить «авансы» капиталистов, потребленные в процессе производства, но и обеспечить им прибыль, которую он рассматривает как форму заработной платы. Должны быть полностью возмещены все издержки производства, в которые в качестве нормальных элементов Кенэ включает прибыль фермера в земледелии и капиталиста в промышленности.

В эпоху разложения феодального строя основной его антагонизм — между феодалом и крестьянином — становится еще острее, но на передний план классовой борьбы начинает выступать борьба между носителем новых, буржуазных производственных отношений — классом капиталистов — и классом земельных собственников. И хотя Кенэ воспевает лишь один отряд буржуазии, занятый в сфере земледельческого производства, а другой отряд, занятый непосредственно в сфере промышленного производства, он объявляет «бесплодным», тем не менее он защищает оба отряда от налогового пресса государства и отстаивает для них условия свободной конкуренции. Отстаивая интересы нового, прогрессивного в то время буржуазного класса, физиократы, как указывал Маркс, явились теоретическими предшественниками и отцами французской буржуазной революции конца XVIII в.

В «Экономической таблице» Кенэ, как уже отмечалось, исходит из того, что в обществе царит свободная конкуренция. Одна из заслуг Кенэ и физиократизма в целом заключается в том, что, борясь против меркантилизма, который пытался проводить буржуазную политику феодальными методами, физиократы смело провозгласили принцип свободной конкуренции в качестве условия подъема и развития экономики. Для того времени принцип, выдвинутый физиократами, являлся прогрессивным, так как он был направлен против средневековых уз, препятствовавших развитию производительных сил.

Физиократы искали оправданий своих принципов экономической политики не в исторических условиях эпохи, не в том конфликте между растущими производительными силами и устаревшими феодальными производственными отношениями, который

принял острейшие формы в XVIII в., а в так называемом естественном праве человека. По их мнению, общественные законы так же даны природой, как и законы физические. Они не видели корней экономических законов в производственных отношениях, в отношениях собственности, сущность которых выражается в этих законах. Но как бы наивны ни были их представления о каузальной основе экономических законов, попытки физиократов уяснить законы буржуазного общества имели важное значение для последующего развития экономической науки.

Предшественники Кенэ — меркантилисты — исходили из того, что государственная власть может по своему усмотрению определять направление экономического развития, а идея об объективном характере экономических законов была им чужда. В противоположность этому Кенэ защищал тезис об объективном характере экономических законов. Этот тезис имел поистине выдающееся научное значение. Он явился краеугольным камнем всей классической школы политической экономии, методологической основой ее движения вперед, разумеется, в пределах, обусловленных узостью буржуазного мировоззрения. Положение об объективном характере экономических законов могло быть выдвинуто лишь в то время, когда буржуазия была передовым классом и ее политическая экономия утверждала прогрессивные идеи.

Научный анализ процесса общественного воспроизводства, начатый Кенэ, не был продолжен его буржуазными преемниками. «Экономическая таблица» «осталась довольно-таки темной для следующих поколений экономистов»[4]. В некоторых отношениях в анализе процесса общественного воспроизводства буржуазная политическая экономия после Кенэ сделала шаг назад. Так, Кенэ в своей «Экономической таблице» исходит из задачи воспроизводства затраченных в процессе производства первоначальных и годичных авансов, и, следовательно, воспроизводство постоянного капитала является у него органическим элементом процесса воспроизводства в целом. Между тем буржуазная политическая экономия после Кенэ, основываясь на ложной догме Смита о распределении стоимости совокупного общественного продукта лишь на v и m, закрывала себе путь к уяснению подлинного механизма процесса общественного воспроизводства.

Только Маркс впервые по достоинству оценил «Экономическую таблицу» Кенэ и подверг ее глубокому и всестороннему анализу. Вскрыв недостатки «Экономической таблицы» и тех предпосылок, из которых исходил ее автор, создав взамен нее свою «экономическую таблицу», идеи которой широко развиты в «Капитале» и «Теориях прибавочной стоимости», Маркс вместе с тем отметил выдающееся значение попытки Кенэ проанализировать капиталистический процесс воспроизводства. «Эта попытка, — писал Маркс, — сделанная во второй трети XVIII века, в период детства

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 252.

политической экономии, была в высшей степени гениальной идеей, бесспорно самой гениальной из всех, какие только выдвинула до сего времени политическая экономия»[5].

Вопросы экономики, 1958, № 11.

«Богатство народов» А. Смита — первая система политической экономии

Испытание временем — наиболее надежное испытание для любого произведения духовного творчества. Основной труд А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», со дня выхода в свет которого прошло уже два века, выдержал такое испытание, свидетельством чего является литература вокруг его основных идей.

Историческая роль «Богатства народов» не может быть оценена однозначно. Она определяется в первую очередь тем, что нового дало это произведение по сравнению с предшествующим этапом развития политической экономии, какие новые решения старых вопросов оно предложило, какие новые вопросы поставило. Эта роль определяется также тем, каким направлениям последующей экономической мысли оно послужило исходной основой и насколько значим сегодня тот круг проблем, который разрабатывался А. Смитом в «Богатстве народов».

Это произведение явилось обобщающим для своей эпохи. В своем труде А. Смит предпринял первую попытку создания системы политической экономии и определил «территорию» этой науки. «У А. Смита, — писал К. Маркс, — политическая экономия развилась в некоторую целостность, охватываемая ею область получила до известной степени законченные очертания...»[1]

Продолжая лучшие традиции своих предшественников, А. Смит в «Богатстве народов» объявил законы политической экономии «естественными», т. е. объективными, действующими независимо от воли и желаний людей и правительств. Однако речь шла только о законах капиталистического способа производства, которые автор считал вечными, соответствующими самой природе человека.

Огромную положительную роль идеи «естественного» закона подчеркивал В. И. Ленин в борьбе против Струве, пытавшегося развенчать эту идею и утверждавшего, будто она «потерпела полное крушение». В статье «Еще одно уничтожение социализма» В. И. Ленин писал: «Вопиющая неправда, будто идея естественного закона в политической экономии потерпела крушение...»[2]

[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 345.
[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 177.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 41.

И далее: «...классики нащупывали и нащупали целый ряд «естественных законов» капитализма, не понимая его преходящего характера, не видя классовой борьбы внутри его. <...>

<...> Но идея естественного закона в функционировании и развитии общества не приходит в упадок, а крепнет все более и более» [3].

Идея «естественного» закона нанесла серьезный удар по субъективизму в политической экономии. И попытки истолковать отдельные стороны учения А. Смита в субъективистском духе, предпринимавшиеся в разные периоды с целью превратить А. Смита в родоначальника субъективистских направлений, конечно, не имеют под собой никакой научной основы. В этой связи характерно, что значительная часть буржуазных историков экономической мысли, идейно связанных с субъективно-психологическими течениями в политической экономии, не очень чтит А. Смита и его «Богатство народов».

Формально А. Смит не проводил различия между политической экономией и теорией экономической политики. В «Богатстве народов» он называл системами политической экономии всю совокупность воззрений и меркантилизма («коммерческая, или меркантилистическая система»), и физиократов (школа «экономистов», которую А. Смит рассматривал как современную ему разновидность «земледельческой системы») [4]. Больше того, в преамбуле к книге IV «О системах политической экономии» А. Смит формулирует задачи политической экономии как задачи экономико-политические [5]. А. Смит различал «системы политической экономии» по тому, в какой мере экономическая политика каждой из них соответствует естественным законам экономики. Уделяя много внимания экономической политике, А. Смит начал «Богатство народов» с законов политической экономии и оценивал то или иное направление экономической политики под углом зрения соответствия или несоответствия их «естественным» законам политической экономии.

Таким образом, фактически в ходе анализа автор «Богатства народов» отделяет объективные политико-экономические законы, вытекающие из естественной природы человека, от нормативных задач экономической политики. Хотя последние всегда были импульсом к разработке и открытию объективных экономических законов, смешение объективных законов и нормативных задач никогда не способствовало развитию политической экономии. Это положение сохраняет свою актуальность и сегодня.

По сути дела, А. Смит признает только такие нормативные задачи, которые заключаются в создании условий для проявления естественных законов экономики. Поэтому он критически относится к меркантилистической системе в целом, являющейся «по

[3] Там же, с. 42.

[4] См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 491.

[5] Там же, с. 313.

своей природе и сущности системой ограничений и стеснений», которая «вместо того, чтобы предоставить каждому человеку преследовать свои интересы по своему собственному разумению, наделяла одни отрасли чрезвычайными привилегиями, а другие чрезвычайными стеснениями»[6].

Критически преодолевая ограниченность школы «экономистов» (физиократов), считавших производительным лишь земледельческий труд, А. Смит высоко оценивает и, по сути дела, полностью поддерживает идеи физиократов, которые также апеллировали к естественным экономическим законам и исходили из того, что соблюдение последних только и может обеспечить действительное умножение богатства. Характеризуя учение физиократов, А. Смит замечает: «Изображая труд, затрачиваемый в земледелии как единственный производительный труд, она (школа физиократов. — *Н. Ц.*) отстаивает, пожалуй, слишком узкие и ограниченные взгляды, но поскольку она признает богатство народов, состоящим не в непригодных для потребления деньгах, а в предметах потребления, ежегодно воспроизводимых трудом общества, поскольку она признает полную свободу единственным действительным средством для обеспечения возможно больших размеров этого ежегодного воспроизводства, постольку ее учение, надо думать, во всех отношениях столь же истинно, сколь благородно и либерально»[7].

Для изучения капитализма, являющегося формой товарного производства, фундаментальное значение имеет теория товара, в которую А. Смит внес существеннейший вклад. А. Смит четко разграничил потребительную и меновую стоимость товара. Под потребительной стоимостью А. Смит понимал «полезность какого-нибудь предмета»[8] и показал полную независимость величины меновой стоимости от потребительной стоимости: «Предметы, обладающие весьма большой потребительной стоимостью, часто имеют совсем небольшую меновую стоимость или даже совсем ее не имеют, напротив, предметы, имеющие очень большую меновую стоимость, часто имеют совсем небольшую потребительную или совсем ее не имеют»[9] Эти элементарные положения трудовой теории стоимости, имеющие фундаментальное значение, актуальны и в настоящее время, поскольку служат преодолению ошибочных концепций, авторы которых и сегодня еще предпринимают попытки выведения меновой стоимости из полезности.

А. Смит рассматривает трудовые отношения в качестве фундамента всех экономических отношений; это также актуально и сегодня, ибо встречаются еще высказывания о том, что трудовые отношения существенны только для товарного производства.

А. Смит не дал анализа двойственной природы труда, создающего товар, не дал качественной характеристики труда, создаю-

[6] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов, с. 480.
[7] Там же, с. 421.
[8] Там же, с. 36.
[9] Там же, с. 37.

щего стоимость, тем не менее фактически он исходил из труда, отвлеченного от его конкретной формы и количественно сравнимого. Несмотря на ряд противоречий в характеристиках того труда, который определяет стоимость, именно в «Богатстве народов» впервые в истории политической экономии предпринята попытка развернутого рассмотрения труда в качестве источника стоимости. Это и дало основание В. И. Ленину писать: «Адам Смит и Давид Рикардо, исследуя экономический строй, положили начало *трудовой теории стоимости.* Маркс продолжал их дело»[10].

Опираясь на трудовую теорию стоимости, исходя из нее, А. Смит выдвинул положение о том, что прибыль является вычетом из труда рабочего. Анализируя части стоимости продукта, производимого трудом наемного рабочего, он писал: «Стоимость, которую рабочие *прибавляют* к стоимости материалов, распадается сама в этом случае на две части, из которых одна идет на оплату их заработной платы, а другая — на оплату прибыли их предпринимателя» (курсив наш.— *Н. Ц.*)[11]. Хотя наряду с этим объяснением прибыли как части стоимости у А. Смита встречаются и другие объяснения, при которых прибыль наряду с прочими доходами выступает в качестве источника стоимости, приведенное положение об источнике прибыли актуально и сегодня в борьбе с апологетическими теориями прибыли. Как бы предвидя попытки многочисленных адвокатов капитализма представить прибыль капиталиста как заработную плату, А. Смит продолжал: «Могут подумать, что прибыль на капитал представляет собой лишь другое обозначение для заработной платы за особый труд, за труд по надзору и управлению делом. Однако эта прибыль совершенно не похожа на заработную плату, она устанавливается совсем на иных началах и не стоит ни в каком соответствии с количеством, тяжестью или сложностью предполагаемого труда по надзору и управлению»[12]. Таким образом, А. Смит подошел вплотную к созданию теории прибавочной стоимости.

Не сумев развить эту теорию, А. Смит тем не менее сделал очень многое для понимания источников доходов в буржуазном обществе. И его «Богатство народов» представляет собой опыт систематического объяснения экономических основ классового деления буржуазного общества, изучения доходов классов и направления движения этих доходов. Это отмечали и К. Маркс[13] и В. И. Ленин[14]. Одних этих достижений уже достаточно, чтобы «Богатство народов» было отмечено как крупнейшая научная веха в истории политической экономии.

Однако необходимо иметь в виду еще ряд обстоятельств, имеющих огромное значение для понимания исторической роли этого произведения.

---

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 45.
[11] Смит А. Цит. соч., с. 51.
[12] Там же, с. 51.
[13] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 178.
[14] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 44.

А. Смит выступил в качестве критика средневековых экономических институтов, системы экономических отношений феодализма и экономической политики меркантилизма. Борьба за принципы фритредерства, т. е. всеобщей свободной конкуренции, в тот исторический период носила прогрессивный характер. В. И. Ленин характеризовал А. Смита как «великого идеолога передовой буржуазии»[15]. В «Богатстве народов» ее экономико-политические, антифеодальные требования получили развернутое политико-экономическое обоснование.

Характеризуя А. Смита как «великого идеолога передовой буржуазии», В. И. Ленин имел в виду и тот факт, что историческая роль буржуазии в XVIII в. еще не препятствовала возможности бескорыстного исследования объективных экономических законов. «Богатство народов» — продукт именно такого исследования. В этом труде нашли отражение результаты научного познания экономического строя, на который была способна буржуазная политическая экономия того времени. Как класс, представлявший интересы общественного прогресса, буржуазия могла безбоязненно исследовать экономические отношения капиталистического способа производства, объявляя их естественными, т. е. соответствующими природе человека. Буржуазная политическая экономия того периода еще не ставила своей задачей скрывать противоречия, связанные с капиталистическим строем. Она не видела еще ни их развитых форм, ни перспектив их развития.

Следующие поколения буржуазных экономистов столкнулись с необходимостью изучения этих противоречий, и наиболее значительное тому свидетельство — творчество Д. Рикардо, осуществившего опыт анализа экономических основ классовых противоположностей. И хотя Д. Рикардо не смог указать на решающую противоположность буржуазного общества — противоположность между буржуазией и пролетариатом, сам факт включения в политическую экономию экономического объяснения противоположности интересов классов, несомненно, важен: категории политической экономии начинают рассматриваться как выражение противоположности интересов классов.

«Богатство народов», являясь первым развернутым опытом создания системы политической экономии, дает пример изучения совокупности сложившихся категорий политической экономии. Вместе с тем в работе представлен и опыт системной стыковки элементов этой совокупности. Эта задача, хотя и осталась нерешенной, поставлена А. Смитом прежде всего в области теории стоимости.

Провозглашая буржуазный общественный строй естественным, А. Смит не видел форм, через которые неизбежно должно было пройти экономическое развитие, чтобы этот строй возник и утвердился. Вместе с тем история показывает, что до капитализма существовала другая форма товарного производства, которую

[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 521.

А. Смит назвал «обществом первобытным». Фиксируя этот исторический факт, он не смог найти ни исторического, ни логического объяснения перехода от одной формы производства к другой.

Насколько сложна эта задача в теоретическом отношении, видно из того, что непосредственный преемник А. Смита, великий Рикардо, не будучи в состоянии решить эту проблему, пытался, по сути дела, снять ее, анализируя даже начальные формы товарного производства при помощи категорий капиталистического производства. Да и в наше время научное решение соотношения простого товарного и капиталистического производства, которое было дано К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным и заключается в положении об историческом и логическом (т. е. теоретическом) первенстве простого товарного производства по сравнению с капиталистическим производством, по существу иногда игнорируется, а в некоторых случаях отрицается отдельными комментаторами «Капитала» К. Маркса. Поставив проблему соотношения простого товарного производства и производства капиталистического, А. Смит тем самым выдвинул вопрос не только огромной теоретической, но прежде всего методологической значимости. И в этом одна из его огромных заслуг.

Поскольку автор «Богатства народов» не установил четкой исторической и логической связи между категориями, он поставил в одну плоскость изучение категорий, выражающих разные уровни познания сущности и явления. Отсюда и его неразличение категорий, находящихся на разных уровнях восхождения от абстрактного к конкретному. Эту особенность «Богатства народов» К. Маркс характеризовал как сочетание в нем на равных началах двух линий изучения — эзотерической, т. е. исследования экономических отношений в их внутренней связи, и экзотерической, т. е. рассмотрения этих отношений в тех формах, в которых они проявляются на поверхности [16]. Это приводило к разноречивым толкованиям содержания одних и тех же категорий в «Богатстве народов».

Экзотерическая линия в главном труде А. Смита, взятая сама по себе, представляет необходимый момент научного познания. Она становится ненаучной, как это было показано К. Марксом, лишь постольку, поскольку рассматривается наравне с эзотерической или взамен ее. В данной связи необходимо подчеркнуть, что разграничение К. Марксом эзотерической и экзотерической линий в исследовании имеет важное методологическое значение для повышения уровня критики буржуазной политической экономии по проблемам, возникающим вследствие перехода капитализма в монополистическую стадию, вследствие развития государственно-монополистического капитализма. Подмена эзотерического экзотерическим явственно выступает, в частности, в концепциях «трансформации капитализма», «планового капитализма», развивающихся в условиях государственно-монополистического капита-

[16] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 177, 182.

лизма. Такая подмена служит методологическим подспорьем для апологетического смешения «планомерных» форм выколачивания монопольных сверхприбылей с планомерной организацией общественного производства.

Между тем нельзя не видеть глубочайшего различия между экзотерическим у А. Смита и у представителей современной буржуазной политической экономии. У А. Смита экзотерическое не исключает эзотерического, существует наряду с ним. У современных же буржуазных экономистов экзотерическое подается взамен эзотерического; в теоретическом наследстве Смита они ищут лишь экзотерические элементы, из которых строят вульгарную систему. Отсюда муссирование в современных буржуазных апологетических концепциях отдельных, вульгарных, по сути дела, высказываний А. Смита, не характерных для его системы в целом; отсюда и отказ от идеи объективности экономических законов, смешение нормативных задач экономической науки с задачами раскрытия объективных экономических законов и, наконец, возведение в добродетель отсутствие системы в современной буржуазной политической экономии. На этом поприще особенно подвизается один из столпов последней П. Самуэльсон.

Параллельное сосуществование двух линий в исследовании — эзотерической и экзотерической — является выражением как научной беспристрастности А. Смита, так и незавершенности его работы по созданию системы политической экономии, более того — невозможности завершения такой системы в рамках буржуазного мировоззрения. Это можно проиллюстрировать на примере системы Д. Рикардо, в которой сведение категорий к единому основанию достигалось ценой отрицания развития форм товарного производства, отрицания неизбежной модификации его категорий.

Критика К. Марксом двух параллельных линий, имеющихся в системе А. Смита, актуальна не только для борьбы с буржуазными экономическими концепциями современности, но также и для критического преодоления тех неудачных попыток построения системы политической экономии социализма, которые еще нередко встречаются. Обоснованно стремясь включить в систему политической экономии социализма все реально существующие социалистические производственные отношения и показать движение этой системы как системы взаимосвязанных категорий, иногда неправильно пытаются решить эту задачу путем одноплоскостного подхода, что ведет к смешению эзотерических и экзотерических категорий, к фактической ликвидации, таким образом, иерархичности системы.

Игнорирование положения о иерархичности системы политической экономии социализма, разглагольствования под видом приближения теории к практике о равноценности, равнозначности всех категорий социализма не способствуют развитию науки. Но всегда следует помнить, что «нет ничего более практичного, чем хорошая теория» [17].

[17] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 48.

Критикуя А. Смита за то, что он не сумел представить прибавочную стоимость «ясно выраженным образом в форме определенной категории» и смешивал ее с прибылью, К. Маркс говорил: «Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» [18].

Умение отличить категории эзотерического порядка от категорий экзотерического порядка и найти необходимые формы связи между ними необходимо всегда, когда наука в процессе своего развития обогащается новыми категориями. Недостатки системы «Богатства народов» в этом смысле следует рассматривать не только как «детскую» болезнь первого опыта создания системы политической экономии, но и как трудность каждого этапа поступательного движения науки.

«Богатство народов» является научным документом эпохи мануфактурной стадии капитализма, созданным идеологом буржуазии. Поэтому и ответ на задачу исследования «природы и причин богатства народов» не мог не нести на себе печать своего времени и интересов того класса, который объективно представлял автор «Богатства народов». А. Смит рассматривал вопрос о богатстве народов исходя из посылки о возможности гармонии эгоистических интересов отдельных, обособленных агентов производства и интересов всего общества. Однако некоторые подходы к решению этой задачи заслуживают внимания и в наше время, когда строительство коммунизма в условиях научно-технической революции и соревнования двух противоборствующих систем — капитализма и социализма — выдвигает на передний план вопросы эффективности общественного производства.

Источником богатства, по А. Смиту, является труд. В отличие от своих предшественников — физиократов, которые видели источник умножения богатства лишь в земледельческом труде, А. Смит преодолел конкретно-отраслевую ограниченность понятия труда, умножающего богатство. Вместе с тем он не игнорирует различий между производительным и непроизводительным трудом. В методологическом плане существенно и то, что А. Смит ставит вопрос о пропорциях в разделении совокупного общественного труда (на производительный и непроизводительный), о его применении как фактора «богатства народов», т. е. фактора эффективности общественного производства.

Не анализируя и не оценивая здесь те или иные решения этого вопроса у А. Смита, важно подчеркнуть, что постановка вопроса о производительном и непроизводительном труде не только сохраняет свою значимость для современной эпохи, но и становится еще более важной. Некоторые аспекты смитовских трактовок вопроса о производительном и непроизводительном труде яв-

[18] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 64.

ляются теоретическим заслоном против умножающихся в наше время в связи с ростом непроизводственной сферы попыток стереть различие между производственной и непроизводственной сферами приложения общественного труда. Такие попытки влекут за собой отрицание особого значения материального производства в развитии общества и всех сфер приложения общественного труда. Наконец, ставя вопрос о том, что только труд, который обменивается на капитал, а не на доход, является производительным, А. Смит выдвигает на передний план социально-экономический аспект проблемы производительного труда, очень важный при рассмотрении ее в системе политической экономии, в процессе логического восхождения от абстрактного к конкретному.

Смитовская постановка вопроса о факторах производительности труда представляет интерес и сегодня. А. Смит ставит эту проблему в двух планах. Во-первых, он изучает технико-экономические факторы роста производительности труда. И здесь в его учении сказываются особенности его эпохи. «Увеличение производительности полезного труда зависит прежде всего от повышения ловкости и умения работника»[19], — писал А. Смит. Разделение труда — вот главный источник роста производительности. Вопрос о вещественных факторах производительности труда, прежде всего об орудиях труда, их совершенствовании как источнике роста производительности, не обходится А. Смитом, но ставится им на второе место[20].

А. Смит, однако, не ограничивается технико-экономическими факторами, а тщательно изучает социально-экономические факторы роста богатства. В современных условиях, когда задача повышения эффективности общественного производства становится все более актуальной, когда разработка вопросов социально-экономических критериев эффективности хозяйствования является обязательным условием мобилизации всех, а не только технико-экономических факторов роста эффективности производства, это необходимо подчеркнуть.

Главным социально-экономическим фактором роста эффективности производства А. Смит считал создание условий свободной конкуренции. Он ясно видел противоположность интересов агентов капиталистического производства, видел, что предприниматели (промышленники и торговцы) стремятся создать для себя монопольные условия в ущерб обществу. «Интересы представителей той или иной отрасли торговли и промышленности всегда в некоторых отношениях расходятся с интересами общества и даже противоположны им»[21]. Стремление к ограничению конкуренции характерно, говорил А. Смит, для предпринимателей — торговцев и промышленников. Он боролся против ограничения конкуренции, выступал против монополий.

---

[19] Смит А. Цит. соч., с. 420.
[20] Там же.
[21] Там же, с. 195.

Несмотря на то что между современными монополиями и монополиями, которые критиковал А. Смит, имеется огромное различие, его аргументы против монополий действенны и сегодня. Однако предложенная им альтернатива монополиям в виде свободной конкуренции звучит для современной эпохи как анахронизм. Альтернативой современным монополиям, имеющим генетическую основу в процессах капиталистического обобществления, является не свободная конкуренция, а смена капиталистических форм обобществления его социалистической формой.

А. Смит верил в то, что создание условий для свободной конкуренции — это создание таких условий, при которых выгодное для отдельного агента производства окажется выгодным в конечном счете и для общества в целом [22]. Эта специфически буржуазная вера в свободную конкуренцию носила вполне реалистический характер в условиях борьбы против монополий средневекового типа.

Следует подчеркнуть методологическую важность смитовской постановки вопроса о разных уровнях интересов, разных уровнях выгодности, хотя решение этого вопроса является у него буржуазно ограниченным. Если брать капиталистическое производство, то оно и для отдельного капиталиста, и для всех капиталистов, взятых вместе, имеет один критерий эффективности — норму прибыли. Но она не может быть критерием эффективности для общества в целом: ведь в нем имеются классы с противоположными интересами и с разными по природе доходами.

С точки зрения развития производительных сил эффективность общественного производства имеет критерии, являющиеся общими для разных способов производства. С социально-экономической точки зрения каждый способ производства имеет специфические критерии эффективности. Те критерии эффективности, из которых исходил А. Смит, опираясь на модель «экономического человека», не могут быть реальными для способов производства (в особенности для социализма), в которых мотивы так называемого «экономического человека» не являются движущим фактором развития производства. Социально-экономический критерий эффективности социалистического производства имеет фундаментом планомерность и основной экономический закон социализма. Эффективность в масштабе социалистического хозяйства в целом не может рассматриваться как простой результат эффективности отдельных предприятий. Локальные критерии, связанные с хозрасчетной формой экономической жизнедеятельности предприятия, и социально-экономический критерий всего социалистического общественного производства — явления разного порядка. Первенство здесь принадлежит не локальным критериям, а критериям общественного производства как планомерного целого.

Одним из фундаментальных завоеваний экономической науки является различение экономической политики и политической эко-

[22] Смит А. Цит. соч., с. 331.

номии. С этим связан и вопрос о роли государства в экономике, ставший сейчас еще более актуальным, чем во времена, когда жил и работал А. Смит.

Здесь необходимо, очевидно, обратить внимание на две проблемы. Первая — соотношение частного предпринимательства и государства. Веря в неограниченную силу частной инициативы, А. Смит не исключал возможности и даже необходимости участия государства в создании определенных элементов вещественного богатства. При этом имелись в виду такие его элементы, которые в новейшей литературе получили наименование инфраструктуры. А. Смит писал, что такие объекты, как мосты, судоходные каналы, гавани, «которые, будучи, может быть, в самой высокой степени полезными для обширного общества в целом, не могут, однако, своей прибылью возместить расходы отдельного человека или небольшой группы людей»[23].

Смитовскую постановку вопроса иногда сравнивают с кейнсианской. Однако Дж. Кейнс ставил вопрос совсем в иной плоскости: он считал, что институт частного предпринимательства не может себя воспроизводить не только в какой-то отдельной сфере производства, но в силу внутренних экономических законов не в состоянии самовоспроизводиться вообще. Поэтому, по мнению Дж. Кейнса, для того чтобы обеспечить постоянное воспроизводство, необходимо вмешательство извне, т. е. со стороны государства. Таким образом, идея достижения роста богатства на основе свободного предпринимательства оказывалась поставленной под сомнение. Между тем у А. Смита институт частного предпринимательства не подвергался критике; Смит говорил лишь о том, что какой-то круг объектов находится за пределами его экономических возможностей. А. Смит более или менее точно указывал на те элементы, которые составляют этот круг. Налицо, следовательно, принципиально разная постановка вопроса о роли государства для свободного частного предпринимательства у А. Смита и Дж. Кейнса.

А. Смит считал институт частного предпринимательства безупречным и обеспечивающим рост общественного богатства без всякого вмешательства со стороны государства и этот институт защищал. Дж. Кейнс и его последователи считают, что в механизме частного предпринимательства имеются органические пороки, не дающие ему свободно воспроизводиться. Тем не менее кейнсианцы выступают за сохранение института частного предпринимательства и поэтому пропагандируют создание инструментов которые постоянно помогали бы его поддержанию и существова нию. Вся современная буржуазная политическая экономия, в своей подавляющей части требующая неизмеримо более широких, чем два века назад, мер воздействия на экономический процесс (в том числе даже те буржуазные экономисты, которые выступают с идеями планирования капиталистического хозяйства), видит

[23] Смит А. Цит. соч., с. 520.

свою главную задачу в сохранении института частного предпринимательства. Таким образом, современную буржуазную политическую экономию характеризует глубочайшее противоречие: признание органической неспособности частного предпринимательства к расширенному воспроизводству, с одной стороны, и его апологетическая защита — с другой. Это противоречие отражает объективное противоречие между развитием государственно-монополистического капитализма и институтом частного предпринимательства.

Вопрос о соотношении государства и экономики имеет в наше время и некоторые другие аспекты. Если в эпоху свободной конкуренции государство и его деятельность выступали в качестве элемента надстройки общества, то появление государственно-монополистического капитализма приводит к изменению характера функций государства.

Для своего времени А. Смит дал правильную характеристику роли государства, являвшегося прежде всего охранителем буржуазной собственности. Но и там, где государство выступало в качестве субъекта экономической политики, оно продолжало функционировать в качестве элемента надстройки. В первом случае его задача заключалась в том, чтобы сохранять данный общественный порядок, а во втором — при сохранении данного общественного порядка задача государства — вмешательство в экономические отношения извне, но без того, чтобы становиться субъектом производственных отношений.

Будучи субъектом экономической политики, государство по-прежнему является элементом общественной надстройки, внешним по отношению к базису. Однако развитие процессов обобществления, особенно в формах монополий, развитие самих производственных отношений капитализма привело к тому, что противоречия капиталистического производства не могут разрешаться без непосредственного участия государства в самом экономическом процессе воспроизводства монополистического капитала. Буржуазное государство для решения задач экономической политики направляет свои капитальные вложения в те или иные отрасли и становится непосредственным агентом экономического производственного процесса, т. е. приобретает новые, базисные, функции. Иначе говоря, наряду с надстроечными функциями в качестве субъекта экономической политики государство начинает выполнять базисные функции в качестве субъекта производственных отношений. Это вытекает из изменений в производственных отношениях, а не из эволюции самого государства.

Вопрос о соотношении различных функций государства оказывается еще более сложным в условиях социалистической экономики. Поскольку исходным пунктом социалистических преобразований является уничтожение собственности капиталистов и утверждение собственности государства (которая является неизбежной формой общенародной собственности), последнее становится непосредственным управителем производства, субъектом произ-

водственных отношений и организует процесс общественного производства в масштабе всего общества. Управление совокупным общественным процессом производства следует отнести к базисным функциям.

Экономическое управление при социализме является неоднородным процессом. В условиях социализма государство играет роль надстройки, охраняя социалистическую собственность и вырабатывая определенную экономическую политику. Но государство в силу характера производственных отношений социализма принимает на себя и функцию непосредственного управления социалистическим производством. Обязательная форма управления социалистическим производством есть планомерная его организация в масштабе всего общества. В этой функции государство выступает как направитель планомерности, руководитель производства. Поскольку оно приводит в движение принадлежащие ему вещественные факторы производства и ассоциированную рабочую силу всех членов общества, функции государства являются функциями базисного порядка. Таким образом, экономическое управление при социализме, с одной стороны, выступает как экономическая политика, и в этом качестве оно — явление надстройки, с другой стороны, как непосредственная организация общественного производственного процесса оно — явление базиса.

В планомерной организации производственного процесса реализуется определенная экономическая политика социалистического государства, но это не значит, что экономическая политика и планомерная организация производства в общественном масштабе суть однозначные явления. Выработка определенных мер экономической политики основывается на экономической стратегии партии. Определение направлений планомерной организации социалистического общественного процесса производства также опирается на начала, полагаемые экономической стратегией партии. Экономическая стратегия всегда есть явление надстройки, но в первом случае — это воздействие надстройки на надстройку, во втором — воздействие надстройки на базис.

Отмечая 200-летие работы А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», мы не только отдаем дань уважения произведению одного из величайших представителей английской классической политической экономии, которая наряду с немецкой классической философией и французским утопическим социализмом явилась одним из источников марксизма. Вновь и вновь вчитываясь в строки «Богатства народов», мы яснее понимаем, что именно марксизм дал ответы на вопросы, поставленные передовой общественной мыслью того времени, осознаем творческий характер этих ответов.

Раскрытие связей этого произведения с предшествующей ему экономической мыслью и с дальнейшим развитием политической экономии — один из путей углубления нашего теоретического знания. Изучение проблем «Богатства народов» с использованием тех теоретических и методологических идей, которые были разви-

ты основоположниками марксизма-ленинизма в процессе анализа этого произведения, является фактором повышения теоретического и методологического уровня исследований в области марксистско-ленинской политической экономии. Такое изучение способствует дальнейшему развитию марксистско-ленинской политической экономии, успешному решению тех огромных задач, которые поставлены перед экономической наукой XXV съездом КПСС.

Борьба вокруг идей «Богатства народов» неотделима от всей современной идеологической борьбы. Наша задача здесь заключается в том, чтобы подчеркнуть прогрессивные начала теории А. Смита, обнажить то слабое, что вытекает из его буржуазной ограниченности и исторических условий его эпохи, показать, что подлинно научные начала учения А. Смита получили завершение в единственно научной политической экономии современности — в марксистско-ленинской политической экономии.

В кн.: Адам Смит и современная политическая экономия. Под ред. проф. Н. А. Цаголова. М., Изд-во Моск. ун-та, 1979.

К вопросу о теории стоимости Рикардо [1]

В лекции правильно отмечается связь методологических основ теории Рикардо со школой естественного права. Верно также замечание Г. Мюрдаля, что метод Рикардо метафизичен и абстракции его не всегда оправданы. Однако к теории и методу Рикардо, как и ко всякой теории и всякому методу, надо подходить исторически. Метод Рикардо так же, как и метод всей классической школы, был крупным шагом вперед в развитии политической экономии. Несмотря на ложное отождествление экономических законов буржуазного общества с экономическими законами вообще и объявление буржуазных экономических отношений и соответствующих им экономических законов вечными, заслуга классической школы политической экономии состоит в том, что она впервые установила существование объективных экономических законов, действующих независимо от воли людей. Рикардо анализировал закон стоимости именно как такой объективный закон, не зависимый ни от воли отдельных лиц, ни от велений государственной власти. Тем самым он сделал громадный шаг вперед по сравнению с меркантилистами, которые за движением цен не видели закона стоимости.

Несмотря на все недостатки философии школы естественного права, Рикардо, опираясь на нее, создал свою теорию стоимости, на которой зиждется все его понимание категорий политической

[1] О лекции профессора Мюрдаля «Теория стоимости Рикардо». (Из выступления на научном совещании в Институте экономики АН СССР).

экономии. Проф. Мюрдаль не только не заметил этого крупного достижения, которое заключалось в утверждении объективного характера экономических законов и в тот период методологически было связано со школой естественного права, но выдвинул совершенно недоказуемое положение, будто теория стоимости Рикардо носит нормативистский характер. На основании того, что английские социалисты пытались истолковать теорию стоимости Рикардо в нормативистском плане, полагая, что закон стоимости является не теоретическим отражением реально существующих отношений, а лишь идеалом, который может быть достигнут при социализме, нельзя делать вывод, будто Рикардо был также нормативистом в теории стоимости. В этой связи необходимо отметить полную несостоятельность попытки Г. Мюрдаля представить марксистскую экономическую теорию как нормативистскую и неправильность его утверждения, будто марксизм выводит социализм из трудовой теории стоимости. Как известно, марксизм подверг глубокой критике нормативистские теории стоимости утопических социалистов. Вывод о победе социализма вытекает не из теории стоимости, а из анализа противоречия между выросшими при капитализме производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, ставшими оковами для их дальнейшего развития.

Проф. Мюрдаль считает недостатком теории стоимости Рикардо то, что последний определяет стоимость трудом, а не денежными издержками на производство товара, которые, по мнению Г. Мюрдаля, являются конечными. Проф. Мюрдаль видит порок там, где в действительности имеется большое научное достижение. В самом деле, выход за пределы денежных издержек производства при определении стоимости означает выход из того порочного логического круга, в котором находится так называемая теория издержек производства. Проф. Мюрдаль критикует также Рикардо за то, что он проводит различие между стоимостью и меновой стоимостью и считает метафизической всякую попытку «выразить более глубокие взаимоотношения, нежели поддающиеся наблюдению факты». Однако подобная критика теории Рикардо означает, по сути дела, критику с позиций отрицания науки. Задача всякой науки заключается в том, чтобы проникнуть в сущность явлений, не поддающуюся непосредственному наблюдению. Заслугой Рикардо является то, что он не ограничился простой констатацией движения меновых стоимостей товаров, а пытался установить закон этого движения, закон стоимости.

Г Мюрдаль не прав, утверждая, будто Рикардо занимался поисками меры стоимости с неизменной стоимостью. В действительности в VI отделе I главы «Начал политической экономии», посвященной вопросу о неизменной мере стоимости, Рикардо пишет, что «иметь такую меру невозможно». Хотя Рикардо делает в этом отделе ряд лишних допущений, однако нет сомнений в том, что поиски мерила стоимости с неизменной стоимостью он считал несостоятельными.

В серьезном критическом рассмотрении нуждаются также взгляды Г. Мюрдаля на роль теории стоимости Рикардо и ее связь с теорией распределения. Рикардо сделал важный шаг в науке, очистив теорию стоимости Смита от ряда серьезных дефектов. Он стремился объяснить законы распределения на основе теории стоимости. В теории распределения Рикардо заработная плата, прибыль и рента представляются не как самостоятельные, движущиеся изолированно и не затрагивающие друг друга элементы, а как части единого целого — стоимости, созданной трудом. Сведение всех видов доходов к стоимости, а стоимости к труду дало научную основу для понимания движения доходов в капиталистическом обществе и классовых антагонизмов в нем. В этом — одна из величайших заслуг Рикардо перед наукой. Отрицая связь теории распределения Рикардо с его теорией стоимости, проф. Г. Мюрдаль тем самым отрицает самое ценное в теории распределения Рикардо. В таких условиях положительная оценка теории распределения Рикардо, по сути дела, лишается всякого основания.

Вопросы экономики, 1957, № 6.

Раздел второй

Основные экономические проблемы периода падения крепостного права

Кризис крепостного хозяйства

Рост капиталистической промышленности. Противоречия крепостнической промышленности и ее упадок

Наиболее крупным событием внутренней жизни России в XIX столетии была «крестьянская» реформа 1861 г. Падение крепостного права явилось следствием кризиса крепостнической системы, вызвавшего исключительное обострение классовой борьбы.

В конечном счете падение крепостного права явилось результатом несоответствия существовавших производственных отношений характеру производительных сил. Характер производительных сил в середине XIX в. требовал новых, буржуазных производственных отношений. Эти новые отношения возникли и развивались уже в недрах крепостнической системы, несмотря на то, что им были поставлены тяжелые преграды крепостным правом.

Обычным для периода разложения феодализма является развитие под феодальной оболочкой таких товарно-денежных отношений, на основе которых рождаются отношения капиталистические. Подобные процессы широко развивались в России не только в XIX в., но и раньше. Сословное единство крестьянства не могло помешать возникновению внутри него классовых противоположностей, поскольку развивалось разделение труда, росли производительные силы и крестьянство втягивалось в водоворот рыночных отношений. В этих условиях крестьянство, несмотря на систематически усиливающуюся феодальную эксплуатацию, дифференцировалось.

Известны такие развитые формы дифференциации крестьянства, когда некоторые крепостные крестьяне сами становились владельцами крепостных (формально записанных на имя господ-помещиков) [1]. В условиях жестких сословных ограничений и моно-

[1] См.: Туган Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Т. I. М., 1938, с. 84; Щепетов К. Н. Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947, с. 355; Кашин В. Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в. — Звезда, 1926, № 4, с. 178.

полии помещичьего землевладения классовая дифференциация могла развиваться в наиболее яркой форме на базе промышленного производства. Крестьянская промышленность явилась полем, особенно благоприятным для развития капиталистических отношений внутри крестьянства[2]. Наряду с ней важным источником накопления для крестьянской верхушки была торговля. Отдельные крепостные предлагали десятки и даже сотни тысяч рублей выкупных своим владельцам-помещикам. Имеются и прямые данные о размерах предприятий, которыми обладали крепостные или бывшие, откупившиеся крепостные. Еще в первой четверти XIX столетия «на фабрике Грачевой было 900 станов и 103 набивных стола, на фабрике Ямановского 100 станов и 110 набивных столов (рабочих около 1500), у Гарелина — 1021 стан и 85 набивных столов (рабочих 1407). Все эти фабрики принадлежали или крепостным, или бывшим крепостным графа Шереметева»[3].

Еще более интенсивно шел процесс разложения государственного крестьянства, систематически выделявшего из своей среды капиталистические элементы. В своем капитальном труде о государственных крестьянах Н. М. Дружинин приводит сведения Казенных палат, согласно которым «было перечислено из сословия государственных крестьян»[4]:

	в 1834 г.	в 1835 г.	в 1836 г.
в купцы	431	1 192	1 016
в мещане	837	2 987	2 373

Н. М. Дружинин указывает при этом, что эти сведения далеко не полно характеризуют социальные сдвиги, наблюдавшиеся в казенной деревне: «Очень многие торгующие крестьяне так же, как и многие фабриканты и заводчики из среды государственных крестьян, предпочитали по-прежнему оставаться в поселянском звании»[5].

Рассматривая вопрос о трех стадиях развития капитализма в русской промышленности и отмечая, что первой стадией его являются мелкие, преимущественно крестьянские промыслы, Ленин показывает, как из хозяев этих промыслов вырастали крупнейшие капиталисты, имена которых широкоизвестны были в России[6].

Наряду с этим, крестьянским по генезису, капиталом значительное развитие получил капитал, родившийся на базе разложения городского ремесла и развития купеческого капитала. По данным ревизий, мужчин купеческого сословия было в 1836 г. 123 796, а в 1851 г. — 180 359 душ. Хотя удельный вес этого со-

---

[2] См.: Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в. М.—Л., 1950.
[3] Туган-Барановский М. И. Указ. соч., с. 82.
[4] Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.—Л., 1946, с. 76.
[5] Там же, с. 76.
[6] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 542—543.

словия в общем числе населения не очень значителен, однако заметный рост его совершенно очевиден[7]

Рост промышленности и торговли нашел свое выражение в росте городского населения. Городское население, составлявшее в 1724 г. 3%, выросло к 1812 г. до 4,4 и к 1851 г. — до 7,8%, а его численность увеличилась с 328 тыс. человек в 1724 г. до 1653 тыс. в 1812 г. и 3482 тыс. — в 1851 г.[8] За век с четвертью городское население возросло более чем в 10 раз.

Рост городского населения является результатом развития промышленности, но он не выражает точно роста населения, связанного с промышленным трудом.

По расчетам А. Семенова, во второй половине 50-х гг. на фабриках и заводах было до 500 тыс. постоянных рабочих; столько же «занимаются по деревням ткачеством и другою фабричной работой», а всего, вместе с лицами, уходящими на разные промыслы, он насчитывал до 2 млн. рабочих. С учетом семейств всех этих рабочих, по Семенову, «1/5 часть населения Европейской России получает довольство свое преимущественно от фабричных занятий и промысла»[9].

По подсчету М. Злотникова, в России в 1804 г. существовало (вместе с горными заводами) 1200 предприятий, в 1825—1828 гг.— 1800, а во второй половине 50-х гг. — около 2818[10].

Разложение натурального крепостного хозяйства и развитие «национального рынка» в огромной мере было ускорено и усилено строительством усовершенствованных путей сообщения, развитием парового железнодорожного и водного транспорта, начавшимся также примерно со второй четверти XIX в.

Протяженность железнодорожной сети в России увеличилась с 27 км в 1838 г. до 1004 км в 1851 г.[11] В 1843—1848 гг. строится линия Варшавско-Венской железной дороги, в 1847—1851 гг. — линия между Петербургом и Москвой. В 1859 г. открывается линия Петербург — Варшава.

Тогда же было начато строительство нескольких каналов, соединявших бассейны Волги, Западной и Северной Двины, Немана и Вислы; реконструированы и улучшены каналы, созданные еще при Петре I, — Вышневолоцкий, Ладожский и др. С 1813 г. начинается пароходное строительство. С 1843 г. разрешается свобо-

---

[7] «Купечество 3-й гильдии в большей своей части торговли не вело», «незначительная часть купечества 3-й гильдии вела мелочную торговлю» (Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1953, с. 55). Это обстоятельство, понятно, снижает абсолютные размеры численности купеческого сословия, но не изменяет факта заметного роста его.

[8] См.: Милюков П. Очерки по истории русской культуры. Ч. I, изд. 6. Спб., 1909, с. 84.

[9] Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. III. Спб., 1859, с. 398.

[10] См.: Злотников М. От мануфактуры к фабрике. — Вопросы истории, 1946, № 11—12, с. 36, 37, 39.

[11] См.: Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М., 1950, с. 88.

да пароходства по всем рекам, а в 1856 г. организуется пароходство по Черному морю.

С развитием промышленности возрастало и число промышленных рабочих.

На протяжении более чем полувекового периода перед реформой происходит систематический рост промышленности. Если в конце первой четверти XIX в. число рабочих в обрабатывающей промышленности составляло около 200 тыс., то в конце второй четверти оно составило уже около 500 тыс., а перед реформой — около 600 тыс.[12] Еще быстрее росла промышленная продукция, что свидетельствует о росте производительности труда. По расчетам академика С. Г. Струмилина, годовая выработка на рабочего возрастала следующим образом: если принять за 100 годовую выработку 1804 г., то выработка за 1825 г. составит 125, за 1845 г.— 172, а за 1863 г. — 490[13].

Особенно заметен рост выработки на рабочего в период 1845—1863 гг., в течение которого произошло почти утроение ее.

Все эти факты, дополненные данными о росте производства машин в стране и ввоза их из-за границы, привели видного исследователя развития промышленности в России, академика С. Г. Струмилина к выводу, «что российская промышленность еще в крепостной период — в особенности с 30-х годов, а еще заметнее с половины 40-х годов — вступила в ту полосу весьма радикальной своей перестройки и бурного роста, которые в Англии известны под названием промышленного переворота»[14], что «победное начало машинной индустрии в России» относится к предреформенному периоду.

Таким образом, одновременно с развитием промышленности в старых формах в России совершался переход от мануфактуры к фабрике, прежде всего и главным образом в текстильной промышленности[15].

В статье «К вопросу о промышленном перевороте в России» С. Струмилин указывает, что «число веретен в бумагопрядении с 350 тыс. в 1843 г. увеличилось до 1232 тыс. в 1853 г. и 1784 тыс. веретен в 1860 г., всего за 17 лет — в 5,1 раза». В этой же статье автор приходит к выводу, что в обработке хлопка «на долю ма-

---

[12] См.: Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. М., 1944, с. 28, 37.

[13] См. там же, с. 44.

[14] Там же, с. 36.

[15] Как известно, вопрос о времени завершения промышленного переворота в России так же, как и вопрос о начале переворота в отдельных отраслях, является еще дискуссионным (см., напр.: Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. М., 1954, гл. XXI, § 3; Пажитнов К. А. К вопросу о промышленном перевороте в России. — Вопросы истории, 1952, № 5; Яцунский В. К. Промышленный переворот в России. — Вопросы истории, 1952, № 12 и ряд других статей в «Вопросах истории»). Однако не оспаривается, что переход от мануфактуры к фабрике начался примерно в тот период, о котором говорит С. Г. Струмилин. Нас в данном случае интересует лишь тот факт, что начало перехода относится к дореформенному периоду.

шинной продукции падает, по денежной оценке, не менее 80% общего ее итога»[16].

С. Струмилин указывает, что кризисные явления имели место в экономике дореформенной России. Оба кризиса, происходившие в дореформенный период, оказали влияние и на сферу обращения и непосредственно на сферу промышленного производства[17].

Период, предшествовавший 1857 г., ознаменовался в России обычным предкризисным подъемом и ажиотажем, сменившимся затем всеми характерными для страны, переживающей кризис, явлениями, вплоть до сокращения численности занятых в промышленности рабочих. Только одна отрасль промышленности — машиностроение — в этот кризисный период не снижала уровня производства, а в 1860 г. почти удвоила его объем по сравнению с 1858 г.

Этот факт заслуживает особого внимания. Он говорит о происходившей перестройке мануфактуры в фабрику, а резкое увеличение объема машиностроительного производства после кризиса свидетельствует об ускорении этого процесса под влиянием кризиса. Кризис выступил как исходный пункт технического прогресса — явление, характерное для капиталистической промышленности, перешедшей в фазу крупной машинной индустрии.

Таким образом, капиталистический уклад в промышленности стал не только побеждать, но и воспроизводиться в той форме, которая дается капиталистическим циклом, ярко обнаруживая силу «экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма»[18].

Уже во второй половине XVIII в. рост промышленности в России был связан в значительной мере с развитием мануфактур, применявших вольнонаемный труд, и кустарных промыслов, хотя удельный вес вольнонаемного труда был еще невысок.

В 70-х гг. XVIII столетия посессионные рабочие составляли 58,5% всего числа рабочих обрабатывающей промышленности, помещичьи — 10,2 и вольнонаемные — 31,3%[19]. В XIX в. тенденция падения удельного веса принудительного труда выражена в обрабатывающей промышленности вполне отчетливо. Процент принудительного труда в обрабатывающей промышленности составлял: в 1804 г. — 55,4, в 1825 г. — 45,6 и в 1860 г. — 18[20].

Правда, абсолютное число подневольных рабочих возрастало и в XIX в. В 1804 г. их было в обрабатывающей промышленности 49,6 тыс. человек, а в 1860 г. — 117 тыс. Особенно велик был этот

---

[16] Вопросы экономики, 1952, № 12, с. 80.

[17] См.: Струмилин С. Промышленные кризисы в России. — Проблемы экономики, 1939, № 5. А. Яковлев указывает, что в 1839, 1847 и 1857 гг. в России имели место частичные кризисы перепроизводства (см.: Яковлев А. Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955, с. 42, 43, 61, 80).

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.

[19] См.: Рашин А. Г. Формирование промышленного пролетариата в России. М., 1940, с. 16.

[20] См.: Пажитнов К. А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. — Исторические записки, 1940, т. 7, с. 243.

рост в первой четверти XIX в.: из общего прироста, достигшего 67 тыс. человек, 46,5 тыс. приходится на период с 1800 по 1825 г. В последующие же 35 лет (1825—1860 гг.) прирост составлял лишь 21 тыс. человек[21]. В горнозаводской промышленности и абсолютная величина принудительного труда, и его удельный вес были значительно бóльшими. Общее число рабочих в горнозаводской промышленности составляло перед реформой 248 тыс., из коих на долю вольнонаемных приходилось лишь 19%[22].

Более высокая доля принудительного труда в горной промышленности, несомненно, связана с крепостнической монополией на недра как объект хозяйства.

Удельный вес принудительного труда во всей промышленности составлял в 1860 г. (накануне реформы), по подсчетам Пажитнова, 44%[23], а по подсчетам Злотникова — 38,6%[24].

Высокий удельный вес принудительного труда не может служить свидетельством производственных преимуществ предприятий, где такой труд применялся. Производственные преимущества выражаются прежде всего в уровне производительности труда. Между тем производительность подневольного, принудительного труда была ниже производительности вольнонаемного. Господство принудительного труда является результатом феодальных монополий, экономическое значение которых лишь подрывалось, но не уничтожалось конкуренцией предприятий, основанных на вольнонаемном труде. Наибольшей стойкостью обладали те формы крепостной промышленности, в которых феодальные монополии были более значительны.

Горная промышленность, возникшая под прямой опекой государства, являлась главной цитаделью принудительного промышленного труда. Она исключала возможность развития мелких промыслов и была с самого начала организована как крупное производство. Рынок этой промышленности не носил массового характера. Поэтому в горной промышленности концентрировались в наибольшей мере крепостнические формы труда, которые тормозили технический прогресс и общее развитие горной промышленности, получившей в Западной Европе громадный размах именно в XIX столетии. В XVIII столетии Россия по производству металла была передовой страной, а основным его производителем в стране стал Урал. Когда в стране не было еще значительных масс свободной рабочей силы, «крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но отчасти и в Европе»[25]. Однако то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в период расцвета европейского капитализма.

---

[21] Там же.
[22] Там же, с. 238.
[23] Там же, с. 244.
[24] Вопросы истории, 1946, № 11—12, с. 39.
[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 485.

Феодальные монополии и принудительный труд, являвшиеся основой развития в XVIII в., превращаются в XIX в. в тормоз развития. Ликвидация этого тормоза затягивается на длительный период, особенно в отраслях, которые требовали приложения капитала в крупных размерах, а рынок для которых не претерпевал существенных изменений. Слабое развитие машинной индустрии и железных дорог явилось одной из причин узости рынка для металлургической промышленности, а отсталая, рутинная техника мешала конкурентоспособному выходу русского металла на внешний рынок.

Застой горнозаводской, в особенности металлургической, промышленности является одним из наиболее ярких показателей кризиса феодального способа производства в России. Кризис этот принял различные формы. В одних отраслях он выразился в консервации принудительного труда, застойном характере воспроизводства, резком отставании от уровня развития соответствующих отраслей в западноевропейских странах. Так обстояло дело в горнозаводской промышленности.

В обрабатывающей промышленности процесс разложения крепостнического хозяйства протекал неединообразно. В одних отраслях происходил резкий сдвиг в сторону капиталистической мануфактуры, а затем и капиталистической фабрики, в других реставрировался крепостнический труд.

О наступившем кризисе крепостнического способа производства в обрабатывающей промышленности лучше всего свидетельствовало положение посессионной мануфактуры.

В первой четверти XIX столетия при общем падении доли крепостного труда удельный вес рабочих, занятых на дворянских вотчинных предприятиях, более или менее систематически повышался, а удельный вес посессионных рабочих систематически понижался, причем это относительное понижение сопровождалось и уменьшением абсолютной массы посессионных рабочих.

Чем же объяснить такую различную динамику развития посессионной и вотчинной мануфактур?

Посессионная мануфактура заключала в себе более глубокие противоречия, чем вотчинная мануфактура. Именно здесь в первую очередь и в наиболее яркой форме должны были обнаружиться внутренние противоречия крепостной промышленности.

В период своего возникновения посессионные предприятия являлись важным средством создания промышленности в крепостнической стране, где отсутствовали кадры свободных наемных рабочих. Они могли успешно функционировать потому, что были по сути дела единственной формой промышленности, вышедшей за рамки промысла. Поддержка, которую государство им оказывало в разных формах, в том числе путем таможенной политики, монопольное положение, обеспечивавшее им сбыт продукции по выгодным ценам, — все это создавало благоприятные условия для их развития.

В XVIII столетии, пока не было достаточного количества сво-

бодной рабочей силы и никаких ограничений со стороны рынка, посессионные предприятия являлись прогрессивной формой производства. Они были орудием развития промышленности, этой потенциально наиболее революционной отрасли общественного производства. Но уже в конце XVIII и в начале XIX в. условия развития промышленности заметно изменились.

В чем же заключались трудности посессионной системы? Противоречия посессионной мануфактуры — это прежде всего противоречия товарного производства, основанного на принудительном труде и лишенного возможности превратить в товар самого работника.

Посессионное предприятие всегда носило товарный характер, но его крепостническая организация при казенном рынке не вступала в противоречие с условиями сбыта. Когда же промышленность России стала во все большей мере обслуживать широкий рынок, на котором выступали уже и предприятия капиталистические, внутренний строй посессионной мануфактуры оказался в полном несоответствии с условиями рыночных отношений.

Посессионная мануфактура базировалась на труде приписных и покупных крестьян. Покупка сама по себе отвлекала средства предприятий, становилась дополнительным элементом издержек производства, которого не было у предприятий, работавших при помощи свободной наемной рабочей силы. По существу дела это покупка раба.

Между тем цена, уплачиваемая за раба, как указывает Маркс, «есть не что иное, как антиципированная и капитализированная прибавочная стоимость или прибыль, которая со временем будет выжата из него. Но капитал, уплаченный при покупке раба, не входит в состав того капитала, посредством которого из раба извлекается прибыль, прибавочный труд. Наоборот. Это — капитал, отчужденный рабовладельцем, вычет из того капитала, которым он располагает в действительном производстве»[26].

Покупатель наемной рабочей силы авансирует капитал на заработную плату, которая является одним из элементов его издержек производства. Покупатель посессионных рабочих кроме затрат на содержание рабочей силы, входящих в издержки производства в качестве заработной платы, должен затратить капитал на покупку продаваемого ему крестьянина. Таким образом, в издержках производства у него появляется дополнительный элемент. Уже один этот факт должен понижать его конкурентоспособность по сравнению с предприятием, функционирующим при помощи наемной рабочей силы.

В XVIII в., как ни велики были масштабы закрепощения крестьянства и роста крепостного населения, общая численность населения также росла быстро. Но в XVIII в. еще происходило увеличение удельного веса крепостного населения. В XIX в. наметился явный перелом. При весьма медленном росте, а затем и

[26] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 373—374.

прекращении роста крепостного населения происходил быстрый рост общей численности населения. Удельный вес крепостного населения в его общей численности систематически снижался. В 1815 г. он составил 46,2% всего населения, в 1851 г. — 31,9, в 1858 г. — 30,7%. Общая же численность населения в 1796 г. равнялась 36 млн. человек, в 1815 г. — 45 млн., в 1851 г. — 68 млн., в 1858 г. — 74 млн. человек [27].

Одновременно происходил рост городского населения: и абсолютный, и относительный.

Рост удельного веса свободного от крепостной зависимости населения способствовал расширению рынка рабочей силы. Поэтому возможность конкуренции со стороны промышленных предприятий, основанных на наемном труде, становилась вполне реальной.

Но дело этим не ограничивалось. Поскольку крупное промышленное производство в России вышло за рамки казенного спроса и обслуживало свободный широкий рынок, оно должно было принять форму, которая обеспечивала бы ему возможность приспосабливаться к колебаниям рынка, к изменениям в спросе. Этой способностью не обладали посессионные предприятия.

Владельцы посессионных предприятий не могли продавать крестьян отдельно от предприятия или переводить их на другую фабрику. Посессионер мог сокращать производство, но он обязан был выплачивать всем своим рабочим заработную плату в том или ином виде.

Посессионное предприятие находилось, таким образом, в менее благоприятных условиях, чем предприятие с наемной рабочей силой.

Посессионер был поставлен и в менее благоприятные условия, чем владелец дворянской вотчинной мануфактуры, ибо последний имел право и возможность в случае изменения рыночной конъюнктуры сокращать производство, перебрасывать своих рабочих из мануфактуры на сельскохозяйственные работы. Не случайно кризис крепостной мануфактуры начался с кризиса и упадка посессионной мануфактуры, соединявшей в себе все слабые стороны дворянской промышленности и не обладавшей ее преимуществами.

Но и дворянская мануфактура, поскольку она производила на широкий рынок, была глубоко противоречивой, особенно в условиях технического прогресса. Дворянская промышленность имела две формы. Одна из них представляла собой своеобразный промышленный «привесок» к земледельческому в своей основе феодальному поместью. Другая являлась организацией промышленного производства, оторванного от поместья. Эта форма дворянской мануфактуры приближалась к посессионной. Противоречия дворянской мануфактуры обнажались тем больше, чем больше она отрывалась от сельскохозяйственного производства и становилась самостоятельной по отношению к процессу воспроизвод-

---

[27] См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1952, с. 403, 481.

ства в феодальном поместье, т. е. чем больше она приближалась по внутреннему строю к посессионной.

Если рабочие, работая на вотчинной мануфактуре, отбывали барщину или имела место работа «брат на брата», то воспроизводство необходимого продукта было отделено от производства прибавочного продукта, как в земледелии. Если при этом сырьем служил продукт помещичьего сельского хозяйства, то между земледельческим и промышленным помещичьим производством не было серьезной разницы. Рабочая сила крепостных, работавших в промышленном предприятии помещика, была такой же даровой, как и рабочая сила крепостных, отбывавших барщину на помещичьем поле. Как на барской земле, так и в помещичьем промышленном предприятии производился только прибавочный продукт. Воспроизводство необходимого продукта, т. е. средств существования работника, происходило не на барской земле и не на промышленном предприятии, а в хозяйстве самого крепостного. Таким образом, помещик не делал никаких затрат на рабочую силу. Из созданного у него в промышленном предприятии и реализованного на рынке продукта он ни одного рубля не должен был тратить на рабочую силу. Это обстоятельство, понятно, создавало для вотчинника-промышленника в конкурентной борьбе с промышленником-капиталистом значительные преимущества.

Этим объясняется и тот абсолютный рост количества применявшегося в промышленности принудительного труда, который, как мы отмечали выше, имел еще место в XIX в. Он происходил за счет свеклосахарного и винокуренного производства в помещичьих имениях, которые сами являлись источником сырья для этих производств [28].

Если же крепостной рабочий полностью отделен от надела и сырье для промышленного производства приобретается со стороны, то вотчинная мануфактура должна подчиниться законам кругооборота и воспроизводства капиталистического предприятия. Все элементы производства должны воспроизводиться как элементы капитала, тогда как капиталистического отношения внутри вотчинной мануфактуры нет.

Поскольку принудительный труд является даровым, предприятие, применяющее его, может выдерживать конкуренцию капиталистического предприятия, основанного на наемном труде. Поскольку же рабочая сила при принудительном труде должна воспроизводиться из стоимости, созданной в данном промышленном предприятии, более низкая производительность принудительного труда становится фактором ослабления конкурентной способности вотчинной мануфактуры. В целом при равенстве всех остальных условий более низкая производительность принудительного труда должна была иметь в качестве естественного следствия более высокий уровень издержек производства.

---

[28] См.: Пажитнов К. А. К вопросу о роли крепостного труда в дореформенной промышленности. — Исторические записки, 1940, т. 7, с. 239—241.

А что принудительный труд менее производителен, чем наемный, было хорошо известно еще в XVIII в., когда даже государство стремилось к расширению сферы применения наемного труда. В инструкции, данной главному начальнику всех горных заводов на Урале и в Сибири В. Н. Татишеву, отмечается, что Демидов отпускает вдвое более железа против казенных заводов, хотя не имеет и четвертой части людей по сравнению с ними, и что «по слухам он наиболее вольными работниками и гораздо дешевле все работы исправляет»[29].

Глубокие противоречия в промышленности, основанной на принудительном, крепостном труде, становятся особенно острыми в период развития машинной техники. Это развитие на первых порах бывает связано не только с относительным падением доли переменного капитала, но и с уменьшением его абсолютных размеров в отраслях, где совершается технический переворот.

Каждая общественная система производства имеет свои законы применения машин. При социализме главным, определяющим мотивом для введения машины является экономия труда или облегчение его, при капитализме — экономия на оплачиваемом труде. При феодализме же, поскольку помещик не делает никаких затрат на рабочую силу, нет стимула для введения машины. За машину надо платить, а рабочая сила дана помещику даром. Характеризуя крепостное барщинное хозяйство, Ленин писал: «Во внутреннем строе этого хозяйственного режима нет никаких импульсов к преобразованию техники...»[30].

Там, где воспроизводство необходимого продукта неразрывно связано с воспроизводством стоимости сырья и оборудования и производством прибавочного продукта, может возникнуть потребность в машине. Но реализация этой потребности в условиях феодального предприятия встречается с трудностями, по сути дела непреодолимыми.

Например, в посессионном предприятии его владелец, вводя машину, должен был бы содержать рабочих, которые бы высвобождались вследствие введения машины. Но посессионные предприятия, лишенные права отчуждать прикрепленных к ним крепостных, не могли изменять контингента работников. В этих условиях введение машины не могло послужить основанием для сокращения числа рабочих. Какова бы ни была степень производительности вводимой машины, только естественная убыль могла сократить число рабочих. Таким образом, у посессионера не могло возникнуть стимула к применению машин.

Не менее сложно обстояло дело и в вотчинной мануфактуре. Применение машин привело бы к резкому сокращению потребности в рабочей силе. Машина, сокращая численность рабочей силы, не уменьшает «расходов» помещика на ее «содержание». Если помещик обеспечен достаточным количеством рабочей силы, то

[29] Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. Т. I, изд. 2. Л., 1925, с. 45.
[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 223.

крепостной крестьянин, продолжая владеть надельной землей, не участвует в производстве прибавочного продукта. С точки зрения помещика это означает, что часть его крепостных продолжает получать «заработную плату» (пользование наделом), не давая ни прибавочного труда, ни прибавочного продукта.

Опасность «недоиспользования» дарового принудительного труда сама по себе выступала в качестве серьезного фактора, задерживавшего переход к машинной технике.

Вместе с тем возможность продажи крепостных без земли в связи с развитием машинного производства неизбежно сокращается, ибо спрос на крепостной труд ввиду этого начинает падать. Трудности продажи крепостных к тому же усугубляются тем, что круг возможных покупателей ограничен (дворянство), спрос этой ограниченной группы на труд невелик, да и экономически покупка крепостных теперь превратилась в непроизводительное отвлечение капитала.

Вотчинная мануфактура, которая имела возможность перебрасывать рабочих из промышленности в сельское хозяйство, не могла в сколько-нибудь широких размерах использовать машину, ибо применение машин, во-первых, означает применение значительного постоянного капитала, а во-вторых, требует более культурного, бережного отношения к орудиям труда, что при принудительном труде оказывается невозможным.

Не случайно крах посессионной мануфактуры, застой и упадок вотчинной мануфактуры приходятся на период начавшегося перехода к применению машин в промышленности. Если развитие капиталистической мануфактуры, основанной на вольнонаемном труде, лишь оттесняло крепостную мануфактуру, то развитие капиталистической фабрики положило начало ликвидации крепостной мануфактуры. Машинное производство и крепостничество оказались несовместимыми.

Машинное производство начало побеждать еще в крепостной России.

С. Г Струмилин подверг критике Туган-Барановского, утверждавшего, что середина XIX в. в России характеризуется распадом фабрики и победой кустаря. Струмилин указывал, что в 40-х и 50-х гг. XIX в. в России имел место такой значительный рост производительности труда, который возможен лишь в условиях глубокой технической реконструкции. «В среднем за десятилетие до 1825 г. прирост выработки был не выше 11—12%, с 1825 по 1845 г. — до 17% за десятилетие, после 1845 — до 78% за десятилетие» [31].

Характеризуя период промышленного развития России в 40-х и 50-х гг., С. Г Струмилин пишет: «Это был огромный скачок вперед, точнее, целая промышленная революция на подъеме от мануфактуры к фабрике» [32].

---

[31] Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России, с. 45.
[32] Там же.

Независимо от того, насколько этот процесс был глубок, он явился сильнейшим ударом по крепостной мануфактуре и ставил вопрос не только о крепостной промышленности, но и о крепостническом строе. Главная цитадель крепостничества была в земледелии, и она препятствовала развитию капиталистической промышленности, ограничивая для нее и рынок сбыта, и рынки рабочей силы и сырья.

Все указанные выше обстоятельства послужили основой для развития новых классовых противоречий.

Двумя основными классами крепостнической России были помещики и крестьяне. Их отношения и определяли характер классовой борьбы в тот период. Купеческий капитал не вступал в конфликт с крепостническими отношениями. Они могли сосуществовать. Нормальное функционирование купеческого капитала возможно и при наличии феодальных отношений в сфере материального производства. Только промышленный капитал представляет собой такую систему экономических отношений, развитию которой мешает крепостничество. С ней связано появление нового класса, представляющего новую, буржуазную общественную форму производства, капиталистическую систему эксплуатации, интересы которой вступают в противоречие с существующими отношениями эксплуатации. Отсюда неизбежное развитие буржуазной экономической идеологии и буржуазной критики крепостного права.

При этом следует подчеркнуть, что буржуазная критика крепостного права развивалась наряду с критикой, шедшей от представителей крестьянства, и, вполне естественно, отличалась от нее и по классовому содержанию, и по цели, и по характеру.

Росту буржуазной идеологии и буржуазной критики крепостного права способствовало также известное развитие капиталистических форм производства и в земледелии.

Формы капиталистических отношений и их роль в земледелии

Развитие капитализма в земледелии происходило не за счет превращения помещичьего хозяйства в капиталистическое.

В 1803 г. был издан закон о свободных хлебопашцах, а в 1842 г. — закон об обязанных крестьянах. Оба эти закона предоставляли помещикам право освобождать на известных условиях крестьян и переводить свои поместья на капиталистические начала. Однако в действительности таких переводов почти не было.

В. Семевский указывает, что «общее число перешедших в этот разряд сельского населения (свободных хлебопашцев. — *Н. Ц.*) при императоре Александре I доходит до 47 153 душ мужского

пола»[33]. Законом о свободных хлебопашцах в большинстве случаев воспользовались те дворяне, которые хотели покинуть свои имения и превратиться в рантье. Во всяком случае никто из них не имел в виду стать предпринимателем в области сельского хозяйства. Это видно из следующих фактов, сообщаемых тем же Семевским: «Почти всегда крестьяне получали свободу на основании закона 1803 года вместе с землею и притом по большей части они приобретали всю землю, находившуюся в их вотчине; из 161 случая перехода крестьян в свободные хлебопашцы при императоре Александре I в 116 случаях им передавалась в собственность вся земля»[34]. Характерно также, что некоторые из помещиков, которые желали воспользоваться законом о свободных хлебопашцах, оговаривали себе право брать людей во двор[35].

Подводя итоги реализации закона об обязанных крестьянах, Семевский писал: «Таким образом, всего-навсего, в 13 лет царствования Николая со времени издания закона 2 апреля 1842 г. поступило в обязанные крестьяне только 24708 душ муж. пола, принадлежавших трем аристократическим фамилиям, — результат поразительно ничтожный!»[36].

Итак, нет сведений об использовании помещиками законов 1803 и 1842 гг. для замены крепостнических отношений капиталистическими, труда принудительного — трудом вольнонаемным.

Это не значит, что отдельные помещики не нанимали рабочих. Отмечалось применение помещиками наряду с трудом крепостных труда вольнонаемных. Подобные факты имели место в 40-х и 50-х гг. главным образом во вновь колонизируемых районах Средневолжья и Новороссии, где процент крепостного населения был весьма незначительным, а также в правобережной Украине в связи с распространением свекловичных посевов, управиться с которыми при помощи крепостного труда не представлялось возможным[37]. Все это, однако, еще не означало превращения крепостного помещичьего хозяйства в капиталистическое.

В поместье, где только частично применяются наемные рабочие, есть уже капиталистическое отношение, но о переходе к капиталистическому производству говорить еще нельзя. Основа хозяйства остается крепостнической. Орудия производства остаются крестьянскими. Применения постоянного капитала в значительных масштабах нет, а основную массу работников продолжают составлять крепостные крестьяне.

Развитие такой формы производства свидетельствует не о замене крепостнических отношений капиталистическими, а о расширении хозяйств известной прослойки помещиков за пределы их

---

[33] Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I. Спб., 1888, с. 266.
[34] Там же, с. 271.
[35] Там же, с. 270.
[36] Там же, с. 104.
[37] См.: Вознесенский С. В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг. М., 1932, с. 191—192.

крепостнических границ. Капиталистические отношения возникают в данных случаях наряду с крепостническими, а не вместо последних.

Развитие капиталистических отношений в этой форме заслуживает серьезного внимания как факт, показывающий изменение места и значения крепостного труда в XIX в. Общая масса прибавочного труда, извлекаемого барщинно-крепостническими методами, в XIX в. возросла, расширилось поле приложения этого труда за счет повышения степени эксплуатации. Но незаметны были явления, характерные для XVIII в., когда в больших масштабах происходили пожалования и обращение новых масс крестьянства в разряд помещичьих крестьян и распространение крепостничества на новые районы страны. Для XIX в. не характерно расширение крепостнических отношений.

Основание новых районов в XIX в. происходит, с одной стороны, за счет переселения крепостных, а с другой — за счет наемной рабочей силы. Новые массы рабочей силы — это преимущественно наемные рабочие, которые используются отчасти помещиками в добавление к крепостному труду, а главным образом, купеческими предпринимателями, начинавшими применять капитал не только в торговле и промышленности, но и в сельском хозяйстве.

Капитализм в земледелии крепостнической России возникал в результате скупки купцами земель и организации на этих землях производства при помощи наемной рабочей силы. (Право владения населенными имениями и покупки крепостных принадлежало только дворянскому сословию.) В 40-х гг. эта форма купеческого предпринимательства уже не была исключением, о чем свидетельствует целый ряд источников. В частности, Заблоцкий-Десятовский указывает, что в «губерниях Воронежской, Тамбовской и в особенности в Саратовской за Волгою есть множество купцов, имеющих по 500, по 1000 и более десятин земли, обрабатываемой ими вольнонаемными работниками»[38].

Но широкому распространению этой формы мешали сословные границы мобилизации земельной собственности. О том, насколько жесткими и стеснительными были эти границы для капитала, достаточно яркое представление дает статья В. Кокорева, крупнейшего русского капиталиста середины XIX в. «Казна своих земель не продает, хотя и сама большею частию не пользуется ими; частные земли в связи с населенными имениями, и оне доступны к покупке лишь одним дворянам. Значит, промышленность в оковах, в крепостной зависимости своего рода, — писал В. Кокарев.— Свободных частных земель,— продолжает он,— т. е. незаложенных и ненаселенных, доступных к приобретению для промышленности всем сословиям, едва ли найдется в России столько,

---

[38] Заблоцкий-Десятовский А. П. О крепостном состоянии в России.— В кн.: Граф П. Д. Киселев и его время. Т. IV. Спб., 1882, с. 283.

сколько таких земель имеет, например, Бельгия, несмотря на то, что Бельгия равняется одной нашей Тульской губернии»[39].

Гнет крепостничества не исключал развития капитализма также внутри самого крестьянства. Процесс этот, имевший место и в среде государственного, и в среде помещичьего крестьянства, мог в перспективе послужить основой широкого развития буржуазных отношений в стране.

Процесс разложения крестьянства происходил, как отмечалось выше, прежде всего в промышленности, где в первую очередь создавались предприятия, применявшие наемный труд. Но он имел место и в земледелии. Понятно, однако, что масштабы его в условиях крепостного права, когда крестьянин был лишен права приобретать на свое имя недвижимость, при общинном землевладении и переделах, при господстве произвола помещиков не могли быть значительными[40].

В весьма интересном исследовании о расслоении барщинного крепостного крестьянства Г Н. Бибиков приходит даже к выводу о «нивелировке крестьянских хозяйств в начале XIX в. сравнительно с концом XVIII в.»[41]. При этом, понятно, речь идет о нивелировке на понижающемся уровне.

Все это говорит о том, что капиталистическая система начала развиваться и расширяться в земледелии не путем замещения крепостнической, а наряду с ней и под ней (крестьянский капитализм), ослабляя ее позиции, создавая предпосылки ее уничтожения, но не уничтожая ее.

О характере производства на рынок в помещичьем крепостном хозяйстве

Совершенно ошибочно распространенное среди сторонников теории «торгового капитализма» мнение, что развитие торгового земледелия, свидетельствующее о росте товарного производства, приводило еще при крепостном праве к органическому перерастанию торгующего крепостного помещичьего хозяйства в капиталистическое. Это мнение опирается на ложный тезис о тождестве товарного производства и капиталистического, о неизбежном перерастании всякого товарного производства в капиталистическое.

---

[39] Кокорев В. Миллиард в тумане. — Санкт-Петербургские ведомости, 1859, № 6, 9 янв., с. 23.

[40] «Отдельные случаи, когда тому или иному крепостному удавалось сделаться крупным капиталистом, были очень редки. Полная власть господина, всегда имевшего возможность повысить оброк, неуклонно грозила предприимчивому крепостному, если не разорением, то большими затруднениями в делах» (Князьков С. Быт крепостных крестьян перед освобождением. — В кн.: Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М., 1911, с. 202).

[41] Бибиков Г. Н. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. — Исторические записки, 1938, т. 4, с. 111.

Мнение о том, что всякое товарное производство органически превращается в капиталистическое, является предпосылкой ложной концепции, согласно которой отмена крепостного права была результатом признания помещиками-крепостниками чисто экономической невыгодности крепостнического способа производства.

Не останавливаясь пока на том, выгоден ли крепостной труд для дворян и сводится ли уничтожение крепостничества к замене крепостного труда наемным, следует отметить прежде всего очевидную абсурдность постановки вопроса о выгодности или невыгодности крепостного права для крестьян, а также голословность утверждения о технических усовершенствованиях, якобы происходивших в земледелии под влиянием развития денежного хозяйства.

Развитие торгового помещичье-крепостнического земледелия глубоко отлично от развития простого товарного производства. Простое товарное производство не существовало никогда как особая общественно-экономическая формация, но на известной ступени развития производительных сил и общественного разделения труда оно выступает как особый вид производства, питающий капитализм и существующий рядом с ним.

Форма собственности, характерная для простого товарного производства, создает возможность его стихийного перерастания в капиталистическое. Но феодально-помещичье производство стихийно не может превращаться в капиталистическое, как бы высок ни был уровень товарности помещичьего крепостного хозяйства. Производство товара имеет место при самых разнообразных способах производства, но это не значит, что каждый из этих способов производства может органически, стихийно перерасти в капитализм.

При переходе от феодализма к капитализму должен произойти переход от отношений *личной* зависимости к отношениям *вещной* зависимости[42] — переход, который нельзя мыслить как стихийный процесс. Этот переход подготавливается, обусловливается стихийными экономическими процессами, его необходимость вызывается последними, но самый переход должен выступать как результат акта внеэкономического. Изжившие себя отношения личной зависимости должны быть уничтожены. Только в этом случае можно говорить о переходе к отношениям вещной зависимости. Вопрос о том, какую форму примет переход, — будет ли он осуществлен революционным путем или путем реформы, в данном случае не имеет значения.

Сказанное действительно для всякого перехода от феодализма к капитализму, независимо от конкретной формы феодализма, хотя, конечно, каждая определенная форма феодальной зависимо-

[42] Под вещной зависимостью мы понимаем в данном случае такую зависимость, которая имеет своей основой монополию эксплуататора на средства производства, являющиеся продуктом человеческого труда. Отношения же личной зависимости, как известно, имеют своей основой феодальную собственность на землю, т. е. монополию на средство труда, данное природой.

сти имеет специфическое значение с точки зрения подготовки условий для развития капитализма.

Феодальная зависимость, сведенная до простого оброчного обязательства, создает лучшие условия для развития капитализма, чем феодальная зависимость в форме крепостничества. Но в обоих случаях исключена возможность стихийного превращения феодальных отношений между помещиком и крестьянином в отношения капиталиста и наемного рабочего. В обоих случаях капиталистические отношения устанавливаются или между самими зависимыми крестьянами, или между крестьянами и капиталистами [43].

Прежде всего, в эпоху крепостничества товарные отношения в земледелии охватывают если не исключительно, то главным и подавляющим образом реализацию прибавочного продукта. Необходимый продукт входит в рыночный оборот значительно реже. По мнению И. Сабурова, от крестьян поступало во внутреннюю и внешнюю торговлю не более 10% общего количества товарного хлеба [44].

Развитие товарного характера помещичьего производства само по себе не является показателем преобразования способа производства. Русский помещик являлся товаровладельцем, он реализовывал на рынке значительные массы хлеба, но это не превращало его в капиталиста, а его крепостных — в пролетариев. Он по-прежнему не приводил в движение капитал, а его крестьяне оставались крепостными. Соединение средств производства с рабочей силой было феодальное.

Термин «капиталистическая барщина», введенный в обращение М. Покровским, является внутренне противоречивым и не отражает действительных отношений производства.

Ни товарный, ни торговый характер земледелия не формируют капитализма. Существен прежде всего порядок соединения средств производства с рабочей силой, обусловленный характером собственности на средства производства. А характер собственности в барщинном хозяйстве, даже при самой высокой его товарности, оставался феодальным.

Увеличение товарного производства в крепостническом барщинном хозяйстве развивает противоречие между мотивами и способом производства. Как известно, феодальное хозяйство в своей основе является натуральным. Феодал извлекает путем эксплуа-

---

[43] Понятно, что при рассмотрении данного вопроса необходимо различать оброчное и барщинное крепостное хозяйство, а в барщинном — хозяйство помещика и хозяйство крепостного. Оброчное крестьянское хозяйство имеет наибольшие возможности для развития в нем элементов капиталистических отношений. Хозяйство барщинного крепостного в значительно меньшей мере создает условия для возникновения капиталистических отношений. Особо стоит вопрос о превращении барщинного хозяйства помещика в капиталистическое, о чем и идет речь в тексте.

[44] См.: Сабуров И. В. Влияние земледелия на государственное богатство, с русской точки зрения. — Журнал землевладельцев, 1858, т. III, № 10, отд. II, с. 58.

тации крестьян прибавочный продукт определенной натуральной формы. До тех пор пока этот продукт не превращается в товар, жажда прибавочного продукта не может быть безграничной. Когда же прибавочный продукт производится как товар, побудительным мотивом производства становится уже меновая стоимость. Весь внутренний строй феодального хозяйства предполагает в качестве мотива производство потребительной стоимости, а превращение прибавочного продукта в товар, выдвигая на передний план меновую стоимость, толкает предпринимателя на путь резкого увеличения степени эксплуатации. Отсюда — обострение противоречий между помещиками и крестьянами.

Вовлечение в рыночный оборот не превращает, однако, крепостническое хозяйство помещика в капиталистическое. Даже пользование ссудным капиталом не могло осуществить такое превращение. Подобно тому как получаемые на рынке деньги крепостник-помещик потреблял на личные нужды и прихоти, точно так же и ссудный капитал, получаемый русскими помещиками, использовался ими не на производственные цели. Наиболее распространенной формой кредита был кредит под залог имений помещиков. Эта своеобразная форма ипотечного кредита, расширением масштабов которого правительство имело в виду поддержать оскудевающее дворянство, не могла влить свежую кровь в одряхлевшие сосуды крепостничества. Дворянство безнадежно запутывалось в долгах. Систематически нарастали сумма долга крепостников и процент заложенных крепостных крестьян.

Систематическое и быстрое нарастание задолженности дворянства не являлось, однако, свидетельством перевода крепостного хозяйства на капиталистическую основу. В. Станюкович отмечал, что в 1859 г. из общей суммы расходной части бюджета Шереметевых в 1341,7 тыс. руб. 736,7 тыс. пошло на покрытие долгов, но ничего не было израсходовано на производственные цели[45]. Аналогичны данные, приводимые и по хозяйству Юсупова[46].

С. Вознесенский приводит мнение барона Кампенгаузена, который заявлял: «Опыты показывают, что редко когда позаимствованные якобы для улучшения сельской промышленности капиталы действительно на оное употреблялись. Займы сии большею частью обратились на предметы роскоши, для государства вредные»[47].

Задолженность помещиков, носившая феодальный характер, не способствовала капиталистическому преобразованию крепостного хозяйства. Наибольший процент заложенных имений оказывался в губерниях с абсолютным господством крепостнического хозяйства. В новых районах — Юго-Западном и Новороссий-

[45] См.: Станюкович В. Бюджет Шереметевых (1798—1910). М., 1927, с. 24.

[46] См.: Сивков К. В. Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX в. — Исторические записки, т. 9; Он же. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX века. М., 1951.

[47] Вознесенский С. В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России в 1800—1860 гг., с. 74—75.

ском — процент заложенных имений был значительно ниже. Но эти районы являлись как раз районами наибольшего распространения капитализма в земледелии. Так, например, в Таврической губернии было 7,5% заложенных имений, в Полтавской — 15,8, в Екатеринославской — 24,7, в Волынской — 25,3, в Херсонской — 26,6%. В то же время в Калужской губернии было 93,6% заложенных имений, в Тульской — 61,2, в Нижегородской — 78,3% и т. д. [48].

Если бы кредит носил капиталистический характер, то новые районы должны были бы пользоваться им во всяком случае в не меньшей мере, чем районы с абсолютным преобладанием крепостнического принудительного труда. География ипотечной задолженности свидетельствует скорее всего о непроизводственном использовании сумм.

Ипотечный кредит сам по себе не приводил к гибели крепостничества, однако способствовал углублению его неразрешимых противоречий. Уплата банковских процентов на большую величину ссуженных денег, не превращаемых в своей главной доле в капитал, еще больше зажимала тиски крепостнической эксплуатации и подрывала производственный базис помещичьего хозяйства. Этим базисом, как известно, является надельное хозяйство крепостного крестьянина, рабочей силой и орудиями производства которого осуществлялся производственный процесс в земледельческом хозяйстве феодала-помещика.

Были ли какие-либо серьезные признаки обновления вещественных условий производства в помещичьем земледельческом хозяйстве?

В XIX в. начинается развитие отечественного сельскохозяйственного машиностроения, расширяются ввоз сельскохозяйственных машин и использование их в земледелии. Как ни быстро росло машиностроение, абсолютные размеры его были весьма незначительны, а машины использовались не в основных, старых районах крепостничества, а в Прибалтийских губерниях и в новых районах. Спорадическое применение машин в центральных районах является свидетельством того, что здесь не было предпосылок для роста использования машин. Там, где не применялся переменный капитал, не мог быть применен и постоянный капитал. Исторически и логически рост постоянного капитала связывается обычно с замещением переменного капитала. Как указывалось выше, там, где рабочая сила является даровой, отпадает всякий стимул введения машин для замещения рабочей силы. Применение машин при этих условиях возможно лишь в качестве средства расширенного воспроизводства при недостатке рабочей силы. Однако в районах барщинного хозяйства рабочая сила не ставила границы производству, и поэтому даже при переходе к расширенному воспроизводству отсутствовали стимулы для внедрения машин.

---

[48] Банковые долги и положение губерний в 1856 году. — Журнал Министерства внутренних дел, 1860, февраль, отд. III, с. 233.

Внедрение машин требовало также наличия необходимых для этого средств, изыскание которых не могло не быть труднейшей задачей для хозяйства, ведущегося в потребительских целях.

Переход от барщинного хозяйства к капиталистическому предполагает коренные изменения во всей системе производства. А между тем даже после отмены крепостного права барщина в виде системы отработок продолжала сохраняться. В 80-х гг. в 17 губерниях из 43 преобладала еще отработочная система[49]. Сохранение крепостнических методов производства является не свидетельством силы крепостного хозяйства, как это пытался изобразить П. Струве в своей работе «Крепостное хозяйство», а лишь показателем трудности перехода от крепостного хозяйства к капиталистическому.

Между крепостным поместьем и капиталистическим предприятием существует коренная разница. Они отличны не только по характеру применяемой рабочей силы (крепостной — в одном случае и вольнонаемной — в другом). Функционирование капиталистического предприятия есть форма оборота капитала, авансированного капиталистом. Крепостником же не авансируется ни постоянный, ни переменный капитал.

Условия и средства производства даны ему на основе сословных прав. В денежной форме реализованного им товарного продукта к нему не притекают ни стоимость постоянного, ни стоимость переменного капитала — к нему притекает лишь стоимость прибавочного продукта.

В капиталистическом предприятии по завершении одного цикла оборота капитала, когда последний притекает в денежной форме, возникает задача воспроизводства вещественных и личного факторов производства, функционировавших в завершившемся цикле в виде постоянного и переменного капитала. В помещичьем производстве нет кругооборота этих элементов. Все те возможности маневрирования, которые даются формой капитала и возникают под влиянием условий рынка, при капитализме относительно легко превращаются в действительность. Помещичье хозяйство, связанное с рынком и поэтому также нуждающееся в маневрировании, не имеет этих возможностей или имеет их в столь незначительной степени, что противоречие между методом реализации прибавочного продукта и способом его производства, развивающееся с ростом товарности крепостного хозяйства, не может быть преодолено в его рамках.

Казалось бы, что это противоречие может быть преодолено, если помещик продаст свое имение, полученную сумму денег превратит в капитал и начнет новое, капиталистическое производство. Примерно так рассуждал Струве, который из этого рассуждения делал вывод: так как не было массового процесса ликвидации крепостнических хозяйств, то очевидно, что крепостное хозяйство было еще крепким, не переживало кризиса.

Такая постановка вопроса, кажущаяся на первый взгляд ис-

[49] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 188; т. 15, с. 133.

ключительно убедительной, при ближайшем, более внимательном рассмотрении оказывается глубоко порочной.

Ведь если один помещик продаст свое имение, то это означает, что другой помещик приобретет его. Переход имения от одного помещика к другому отнюдь не решает проблемы. В этом рассуждении содержится методологическая ошибка, аналогичная ошибке тех теоретиков недопотребления, которые утверждали, что капитализм не может внутри себя реализовать прибавочную стоимость и что возможность реализации возникает на внешнем рынке.

Коренное различие между крепостническим и капиталистическим предприятием не уничтожается и в том случае, если крепостное поместье получено его владельцем не в порядке пожалования, а в порядке купли.

При купле, допустим, капиталистического предприятия капитальная стоимость в одной, денежной форме заменяется капитальной стоимостью в другой форме, а именно в форме вещественных условий и средств труда.

Между тем капитальная стоимость, уплаченная за поместье, не функционирует в нем ни в какой форме; она является простой платой за право на доход, возникающий совершенно независимо от капитальной стоимости, заплаченной за поместье. Величина этой капитальной стоимости не находится в зависимости от стоимости вещественных элементов, при помощи которых производится тот доход, право на который оплачивается капитальной стоимостью поместья.

Последняя не совершает никакого кругооборота внутри того поместья, за которое она уплачена, тогда как капитальная стоимость капиталистического предприятия совершает кругооборот внутри предприятия и появляется в руках его владельца частями, а затем полностью. Движение этой капитальной стоимости предполагает не только присвоение прибавочного продукта, созидаемого при ее помощи, но и возврат стоимости ее основной и оборотной частей.

Капитальная стоимость, уплаченная за поместье, дает право на получение дохода — прибавочного продукта, но она никогда не вернется обратно к новому владельцу поместья, если только он не продаст свой титул на доход, т. е. не продаст поместье другому.

Как было указано выше, переход от крепостного хозяйства к капиталистическому означает не только замену принудительного труда вольнонаемным. Речь идет о переходе от системы хозяйства, при которой субъект хозяйства не авансирует ни одного элемента стоимости созидаемого продукта, к системе хозяйства, при которой необходимо авансировать определенную величину стоимости на все факторы производства. Из присваивателя прибавочного продукта субъект этого хозяйства превращается в присваивателя всего продукта, но вместе с тем коренным образом меняется форма процесса воспроизводства. Если раньше субъект хозяй-

ства только присваивал, то теперь он должен также авансировать.

Из сказанного следует, что при переходе от крепостного хозяйства к капиталистическому должен осуществляться подлинный переворот во всей системе производства.

Но допустим, что среди помещиков-крепостников оказалась какая-то часть желающих перейти от крепостной системы к капиталистической. Каковы условия этого перехода? Предположим, что желающий продает поместье и на вырученные деньги заводит капиталистическое предприятие. Но это есть переход отдельного лица из разряда помещиков в разряд капиталистов, а само поместье осталось неизменным — крепостническим.

Следовательно, в такой постановке вопроса нет никакого смысла. Чтобы поставленная проблема находилась на рациональной основе, нужно мыслить переход не путем продажи поместья, а путем изменения его внутреннего строя.

Тот факт, что отдельные помещики наряду с крепостным хозяйством имели и капиталистические предприятия, общеизвестен. Известно также, что подобные предприятия создавались за счет прибавочного продукта, созданного трудом крепостных крестьян. Но это также не решает проблемы, ибо факт личной унии крепостного и капиталистического хозяйств не меняет характера, экономической природы каждого из них.

Проблема должна быть решена при нормальных, обычных, типичных условиях, когда помещик-крепостник остается владельцем поместья, но коренным образом меняет его экономический строй. Что для этого необходимо? Он должен стать обладателем постоянного и переменного капитала.

В этом случае откуда у него могут взяться средства для организации хозяйства на капиталистических началах? Понятно, что эти средства могли бы возникнуть только в результате получения необходимой капитальной суммы от крестьян. Но в состоянии ли были крестьяне, во-первых, дать эту сумму и, во-вторых, дать ее сразу?

Прежде всего рассмотрим такой случай. Допустим, что вся земля (в том числе и надельная) остается за помещиком — крестьяне обезземеливаются[50]. Если с крестьян при этом освобождении не будет взято ничего, то помещик лишится возможности вести хозяйство по-новому, ибо в его распоряжении не будет не только переменного, но и постоянного капитала.

Если же предположить, что с крестьян при освобождении берется капитальная их «стоимость», то очевидно, что крестьяне не в состоянии будут оплатить ее сразу. Между тем выплата по час-

[50] Неправомерность такого предположения даже с точки зрения феодального права хорошо выразил Семевский. Он писал: «При обсуждении вопроса о выгодности или убыточности крепостного труда в России нельзя было зачислять в число потерь помещиков выделение известного количества земли крестьянам, снабжение их лесом, заботу об их пропитании; без этих потерь не было бы и права помещиков на свои имения» (Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. Т. I, с. 320).

тям, оказываясь обременительной для крестьян, не может обеспечить немедленной перестройки хозяйства помещика на новой основе. Для того чтобы получить с «капитальной стоимости» своего поместья доход, равный норме средней прибыли, помещик должен разом привести в движение всю эту «капитальную стоимость» в качестве капитала. Если же этого не произойдет, то доход, который он будет получать, по сумме может оказаться меньшим, чем доход, который он получал, применяя крепостной труд.

Таким образом, какие бы условия распада крепостных отношений мы ни взяли, немедленный переход помещичьего хозяйства на капиталистическую основу с тем, чтобы помещик стал получать нормальный капиталистический доход, оказывается практически невозможным.

Практическая невозможность превращения поместья в капиталистическое предприятие является результатом того, что крепостное и капиталистическое хозяйства глубоко отличны друг от друга, покоятся «на диаметрально противоположных основаниях»[51].

Для перехода к капиталистическому хозяйству «требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела»[52]. Ни одно из этих условий практически не существовало в момент ликвидации крепостных отношений.

Если отдельные помещики-крепостники, сохраняя в своих поместьях крепостнические формы производства, становились одновременно и предпринимателями-капиталистами, то это свидетельствовало о том, что крепостничество себя исчерпало, а не о его автоматическом распаде. Ни один помещик не становился капиталистом-предпринимателем путем отказа от крепостного поместья.

Но трудности перехода от крепостного к капиталистическому хозяйству не только не уменьшаются, а, наоборот, еще более увеличиваются, когда речь заходит не об отдельных помещиках, а об общем переходе крепостного хозяйства к капиталистической системе производства.

Совершенно не случайно была после реформы консервация барщины в виде отработков. Она стала результатом не только косности дворянства, но и отсутствия объективных предпосылок капиталистического производства на базе помещичьего хозяйства.

Не случайно дворяне без энтузиазма воспринимали заверения экономистов о большей выгодности вольнонаемного труда. Так, виднейший идеолог дворянства Желтухин считал, что одна из главных задач заключается «в убеждении помещиков, что воль-

---

[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 185.
[52] Там же, с. 185—186.

нонаемная работа в России не только возможна, но и выгодна»[53]. Но убеждение это, как известно, не имело успеха. Дворянство слушало рассуждения о большей выгодности капиталистической системы, но продолжало держаться старой, крепостнической системы.

Особенно тяжелы были условия перехода к капиталистической системе для мелкопоместных помещичьих хозяйств, владельцы которых не имели никаких накоплений и не могли также использовать свой относительно незначительный земельный фонд в качестве средства получения капитала, необходимого для ведения хозяйства на капиталистических началах. Отсюда общеизвестная особенная консервативность мелкопоместного дворянства.

Но и для крупного дворянства задача решалась не так просто, как это кажется. С освобождением крестьян дворянство лишалось не только их труда, но и их инвентаря. Следовательно, нужно было начать покупать не только рабочую силу, но и инвентарь. Остававшаяся у помещика монополия на землю являлась существенной экономической силой, обеспечивавшей возможность получения ренты путем сдачи земли в аренду. Но сдача в аренду земли не есть капиталистическое ведение хозяйства. Задача же сводится как раз к выяснению условий преобразования помещичьего крепостнического хозяйства в хозяйство, основанное на наемном труде, т. е. хозяйство капиталистическое.

Указанные выше трудности перехода от крепостного хозяйства к капиталистическому усугублялись особенностями сельскохозяйственного производства. Годовой цикл воспроизводства в земледелии создавал потребность в больших размерах переменного капитала. Между тем в крепостном поместье не было переменного капитала. Отработочная система хозяйства, утвердившаяся после реформы, была неизбежна при отсутствии необходимого переменного и постоянного капитала.

И все же факт роста капиталистического производства в земледелии крепостной России бесспорен. Но этот рост происходил не за счет превращения крепостного хозяйства в капиталистическое, а наряду с существованием крепостного хозяйства, оказавшегося в XIX в. неспособным к расширенному воспроизводству своей производственной основы, хотя оно в известных пределах еще воспроизводило в расширенном масштабе прибавочный продукт.

Основная ошибка большинства исследователей разложения крепостного хозяйства заключалась в том, что они исходили из предпосылки о возможности стихийного перерастания помещичьего крепостнического хозяйства в капиталистическое при сохранении крепостного права. Это глубоко ошибочное положение послужило исходным методологическим пунктом для ряда не только однородных, но и противоположных концепций.

М. Н. Покровский утверждал, например, что замена крепостнической формы хозяйства есть дело «чисто экономического рас-

[53] Желтухин А. Проект освобождения крестьян (1847 г.). — Журнал землевладельцев, 1859, т. VI, № 24, прилож. 6, с. 8.

чета», что барщинное хозяйство — одна из невыгоднейших форм сельскохозяйственного производства, что под влиянием роста хлебных цен «крупное сельское хозяйство на крепостном труде становится все более буржуазным»[54]. Что крупное сельское хозяйство на крепостном труде может стать буржуазным, автор, по-видимому, считал аксиомой и доказывал лишь, что оно становится «все более буржуазным». Автор исходил из того, что производство на рынок само является актом превращения феодального производства в капиталистическое.

Такой взгляд вытекал из так называемой «меновой концепции» и теории «торгового капитализма», от которой М. Н. Покровский формально отказался, но методологических основ которой он отнюдь не преодолел.

К сожалению, критики М. Н. Покровского не поставили под сомнение теоретическую основу, на которой построены его взгляды. Порочность взглядов М. Н. Покровского критики видят не в том, что он исходит из возможности автоматического превращения помещичье-крепостнического хозяйства в капиталистическое, а в том, что он исходит только из этого. Не случайно поэтому и в их рассуждениях о кризисе крепостного хозяйства фигурируют доводы о выгодности. «В распоряжении помещика сороковых годов было достаточно материала для обоснования мысли о большей выгодности наемного труда»[55], — читаем мы в одной работе, заключающей в себе критику взглядов Покровского. «Надо было заменить экономически невыгодную барщину доходным договорным трудом», — писали авторы другой работы[56].

У С. Вознесенского концепция М. Н. Покровского получила следующее выражение: «Невыгоды крепостного строя приводили к тому, что с изменением в 40-х годах рыночной конъюнктуры на хлеб и возобновление сельскохозяйственного предпринимательства, перерождавшийся в аграрную буржуазию среднепоместный слой дворянства снова поставил в порядок дня крестьянский вопрос»[57].

В работе И. Г. Блюмина, посвященной этому периоду, высказано правильное соображение, что распадение помещичьего крепостнического хозяйства «выразилось не в массовом автоматическом вытеснении крепостнических отношений капиталистическими, а в огромном обострении внутренних противоречий крепостного

---

[54] Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. IV. М., 1934, с. 41, 46—47, 48.

[55] Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 года. М., 1937, с. 37.

[56] История СССР. Т. II. Россия в XIX в. Под ред. проф. М. В. Нечкиной. М., 1940, с. 185; см. также: Дружинин Н. М. Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского. — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. I. М.—Л., 1939. Во втором издании «Истории СССР» (1949) это положение отсутствует, хотя здесь имеется еще утверждение, будто некоторые помещики «начали применять наемный труд в своих имениях, заменяя им барщинную работу крепостных» (с. 34). В третьем издании (1954) отсутствует и это положение.

[57] Вознесенский С. В. Разложение крепостного хозяйства и классовая борьба в России 1800—1860 гг., с. 196.

хозяйства»[58]. К сожалению, автор теоретически не развил эту свою правильную мысль и не придал ей должного значения. По-видимому, вследствие этого мы читаем у него двумя десятками страниц ниже: «Разложение представляло собой весьма сложный процесс, далеко не ограничивавшийся простым автоматическим вытеснением феодальных отношений и заменой их капиталистическими»[59]. По существу автор в первом случае отрицает возможность автоматического превращения помещичьего крепостного хозяйства в капиталистическое, а во втором — признает.

Но вернемся к М. Н. Покровскому.

Чтобы доказать неизбежность автоматического превращения помещичье-крепостнического хозяйства в капиталистическое, М. Н. Покровский ссылался на данные, приведенные в известной работе Заблоцкого-Десятовского «О крепостном состоянии в России», а также на статью А. Кошелева «Охота пуще неволи», которые должны были подтвердить большую выгодность вольнонаемного труда по сравнению с барщинным. Уже ссылка одновременно на эти две статьи, доказывавшие разные положения, показывает, насколько поверхностным был анализ вопроса. Если Заблоцкий доказывал и большую производительность и большую выгодность наемного труда для помещика, то Кошелев доказывал лишь большую производительность наемного труда. Когда же Кошелев в другом месте рассматривал вопрос о сравнительной выгодности того или другого вида труда, то он пришел к следующему выводу: «Конечно, если сравнивать этого работника (наемного. — *Н. Ц.*) с барщинным, то нельзя не найти его дорогим»[60].

П. Струве стоял на той точке зрения, что барщинный труд в середине XIX в. был более выгодным, чем вольнонаемный[61].

Несмотря на прямо противоположные выводы М. Н. Покровского, с одной стороны, и П. Струве — с другой, оба они подходили к вопросу о соотношении крепостного и капиталистического хозяйств с ложных позиций, считая возможным автоматическое превращение первого во второе при крепостном праве. Но хотя помещичье хозяйство и не превращалось в капиталистическое, капитализм пролагал себе путь не только в промышленности, но в известной мере и в земледелии.

Развивавшиеся капиталистические элементы питали буржуазную идеологию и буржуазную критику крепостничества. Но при

---

[58] Блюмин И. Г. Очерки экономической мысли в России в первой половине XIX в. М.—Л., 1940, с. 11.

[59] Там же, с. 39.

[60] Кошелев А. По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности. — Русская беседа, 1857, т. IV, с. 124.

[61] См.: Струве П. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. Спб., 1913, с. 103. У Струве взгляд на барщинное хозяйство как однотипное капиталистическому выражен яснее, чем у М. Н. Покровского. Однако наиболее последовательно это положение отстаивал Л. Н. Юровский, который писал, что барщинное хозяйство, приспособленное к требованиям рынка, превращается в предприятие (Юровский Л. Н. Саратовские вотчины. Саратов, 1923, с. 85).

этом надо иметь в виду, что поскольку степень развитости элементов аграрного капитализма была несравненно меньше, чем степень развитости промышленного капитализма, постольку характер буржуазной критики крепостничества определялся преимущественно противоречием между интересами капиталистической промышленности и существованием крепостного права.

Изменения в формах и степени феодальной эксплуатации и обострение противоречий крепостничества

В сфере земледелия внутренние противоречия крепостного хозяйства были не менее глубоки, чем в промышленности. Основное производственное отношение феодального общества в земледелии выражается в феодальной земельной ренте. В XIX в. в России отчетливо прослеживается перерождение феодальной земельной ренты, свидетельствующее о кризисе феодально-крепостнического способа производства, о превращении его в тормоз развития производительных сил.

В XIX в. в России существовали две формы феодальной эксплуатации: барщина и оброк. По числу крепостных удельный вес барщины был выше, чем удельный вес оброчной формы феодальной эксплуатации[62]. Но по сравнению с XVIII в. происходило увеличение удельного веса оброчных крепостных. Так, по 12 нечерноземным губерниям процент оброчных крестьян возрос с 55 до 58,9, а в семи черноземных губерниях — с 26,1 до 28,8[63].

Уже эти общие данные показывают пестроту удельных весов барщины и оброка. Если взять данные по отдельным губерниям, то различия в удельных весах барщины и оброка будут еще более заметны. Так, например, в 1858 г. в Костромской губернии крепостных крестьян на барщине было 12,5%, а в Тамбовской — 78%.

Да и динамика, взятая по отдельным губерниям, показывает, что возрастание оброка имеет место далеко не всюду. Так, например, по сравнению с XVIII в. в XIX в. процент барщинных крестьян поднялся: в Воронежской губернии — с 36 до 55, в Орловской — с 66 до 72 и в Пензенской — с 48 до 75[64].

---

[62] «По всем 40 губерниям в области Войска Донского, где есть сведения о количестве оброчных и издельных крестьян по всем имениям, процент оброчных равняется 28,3, издельных — 71,7, т. е. во всей крепостной массе Европейской России (не считая Кавказа) преобладала барщина» (Игнатович И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Изд. 3. Л., 1925, с. 76—77).

[63] Там же, с. 74.

[64] См.: Игнатович И. Указ. соч., с. 73. Юровский пишет о Саратовском крае: «Ход развития привел к преобладанию барщинной системы над оброчной в нашем крае, — к преобладанию местами столь полному, что оброк в некоторых уездах встречался лишь в виде исключения» (Юровский Л. Н. Саратовские вотчины, с. 101).

Итак, при общей тенденции к росту процента оброчных крестьян обнаруживаются целые губернии с ярко выраженным резким ростом процента барщинных крестьян. Рост процента барщинных крестьян имел место в губерниях черноземных, т. е в основных хлебопроизводящих районах Центральной России. В районах Новороссии, Украины, области Войска Донского процент барщинных крестьян повсюду был выше 95 и приближался к 100[65].

Таким образом, за общим ростом процента оброчных крепостных и падением процента барщинных скрывалось резко противоположное движение этих процентов по отдельным губерниям, показывающее, что при характеристике эволюции феодальной ренты нельзя ограничиться констатацией роста общего процента оброчных. Различия в динамике процента оброчных и барщинных крестьян скрывали различные формы разложения и кризиса крепостного хозяйства в отдельных районах России, обусловленные различием их экономических условий.

Это прежде всего необходимо иметь в виду, чтобы не сделать поспешного вывода о том, что XIX в. характеризуется систематическим возрастанием оброчной системы крепостнического производства в земледелии. Больше того, есть основания сделать обратный вывод, если принять во внимание изменения в масштабах использования барщинного труда.

За первую половину XIX в. помещики отняли у крестьян огромные пространства земли. Так, в конце XVIII в. в черноземных губерниях у помещиков было 18% земли, а у крестьян — 72%. В середине XIX в. у помещиков этих губерний было уже 49%, а у крестьян— 51%. По восьми нечерноземным губерниям процент земли, находившейся в руках помещиков, поднялся с 14 до 25, а процент земли, находившейся у крестьян, упал с 86 до 75[66].

Увеличение барской земли, обрабатываемой, как известно, крепостными, означает, поскольку не было никаких серьезных признаков технического прогресса в сельскохозяйственном производстве, увеличение массы затрачиваемого прибавочного труда.

Масса барщинного труда, затрачиваемого в земледелии, не только не сокращалась, а увеличивалась. Это положение подтверждается и увеличением числа барщинных дней — явлением, повсеместно наблюдавшимся в XIX в.

Таким образом, несмотря на падение процента барщинных крестьян, возрастающая доля земледельческого производства осуществлялась методами барщины.

Итак, с одной стороны, процент барщинных крестьян уменьшался, а с другой — в прилагаемом к земледельческому производству труде процент барщинного труда возрастал. Такова реальная противоречивая картина развития крепостного земледелия.

Возрастание удельного веса оброчных крестьян способствовало увеличению массы рабочей силы, предлагаемой на рынке труда,

[65] См.: Игнатович И. Указ. соч., с. 379.
[66] См.: Огановский Н. П. Наделение землей помещичьих крестьян. М., 1913, с. 31.

и для развития капиталистических отношений играло положительную роль. Однако оно не являлось выражением прогрессивной тенденции в эволюции феодальной земельной ренты, т. е. тенденции обособления феодальной земельной собственности от земледельческого производства.

Прежде чем попытаться ответить на вопрос, какую же другую тенденцию выражал рост оброка, следует отметить, что в первой половине XIX в. натуральный оброк был почти полностью вытеснен денежным.

Таким образом, рента продуктами сменяется денежной рентой, причем эта смена происходит в условиях одновременного роста масссы отработочной ренты (барщины). Получают одновременное развитие низшая и высшая формы феодальной ренты. Но это сочетание, хотя и кажется противоестественным, становится вполне понятным, если ближайшим образом рассмотреть природу и денежного оброка и барщины.

Барщина XIX в. не является старой, патриархальной барщиной замкнутого феодального поместья, где прибавочный продукт потребляется в натуральной форме. Она есть метод производства в значительной части товарного прибавочного продукта, который должен быть превращен в деньги.

Таким образом, существование денежной и отработочной ренты не означает в данном случае сосуществования в русском феодально-крепостническом строе двух систем хозяйства, резко отличных по методам реализации прибавочного продукта. В обоих случаях рента появляется в денежной форме: но в одном случае она поступает от эксплуатируемого производителя прямо в виде денег; в другом случае она присваивается в виде труда, а затем уже продукт труда превращается в деньги.

Тенденция к росту оброчной системы характерна прежде всего для нечерноземных губерний, и она отражает стремление крепостников во всевозрастающей мере овладевать прибавочным трудом вне сферы земледелия.

До тех пор пока крестьянская промышленность имела форму домашней промышленности, соединенной с земледелием, присвоение феодалом прибавочного продукта, созидаемого в результате как земледельческого, так и промышленного труда, не могло иметь серьезного народнохозяйственного значения. Масштабы промышленной деятельности были сравнительно незначительны, а способ производства был ремесленный. Но в XIX в. промышленная деятельность начинает обособляться, масштабы промышленности значительно возрастают, техника изменяется, эволюционируя в 40-х и 50-х гг. к машине. В промышленности главное место начинают занимать капиталистические предприятия.

В XIX в. относительные и абсолютные размеры крепостнического промышленного производства сокращаются. Но это не означает падения величины прибавочного продукта, создаваемого в промышленности и присваиваемого крепостниками. Имеется тенденция к падению величины промышленного прибавочного про-

дукта, создаваемого под командой крепостника, но зато намечается тенденция к росту массы прибавочного продукта, производимого в промышленности под командой капиталиста и присваемого крепостниками.

Размеры промышленного прибавочного продукта, производимого капиталистическими методами, заметно возрастают. Накопление капитала становится необходимым условием нормального развития промышленности, перешедшей на капиталистическую систему производственных отношений.

Вторжение феодала в эту сферу общественного производства является серьезным тормозом ее развития. Рост оброчной системы в России в XIX в. отражал постепенное превращение денежной ренты из формы прибавочного продукта, реализуемого в феодально организованном земледелии и присваиваемого феодалом, в форму присвоения феодалом прибавочного продукта, производимого в капиталистически организованной промышленности.

Рост удельного веса и числа оброчных крестьян, рост величины оброка на единицу крепостного труда, географическое преобладание массы оброчных крестьян и, наконец, полная победа денежного оброка над натуральным — все это является выражением расширения источников феодальной ренты, выхода их за рамки земледелия и крестьянской домашней промышленности.

Динамика величины оброка показывает, что источником роста его не мог быть только земледельческий труд.

В начале XVIII в. оброк с ревизской души доходил до 1 руб., в середине этого века — до 2 руб., в начале XIX в. — до 5 руб. В середине XIX в. оброк с тягла доходил до 20—24 руб.[67]

Правда, одновременно с ростом оброка происходил и рост цен на хлеб, но рост оброка значительно обгонял рост цен на хлеб.

К. В. Сивков в своем исследовании бюджета Юсупова указывает, что за 30 лет оброк с души в большинстве вотчин Юсупова увеличился в 9 раз (в ассигнационных рублях). Переводя ассигнационный рубль в серебряный, К. В. Сивков пишет, что с 1798 по 1829 г. оброк увеличился в 3—3,5 раза, но добавляет, что «реальная тяжесть оброка в 1829 г. по сравнению с 1798 г. была где-то посредине между указанными цифрами и зависела прежде всего от стоимости хлеба»[68]. О росте оброка свидетельствуют и другие источники.

Паразитический характер оброка, как и всякой феодальной ренты, не требует доказательств. Оброк, вышедший за границы феодальной деревни, становится паразитическим вдвойне. Он превращается в тормоз развития уже возникших более передовых форм общественного производства, в данном случае капиталистической промышленности. Оброк не есть форма добавочной прибы-

[67] См.: Огановский Н. П. Указ. соч., с. 21—22.

[68] Сивков К. В. Бюджет крупного собственника-крепостника первой трети XIX в. — Исторические записки, 1951, т. 9, с. 148; см. также: Индова Е. И. Крепостное хозяйство в начале XIX в. По материалам вотчинного архива Воронцовых. М., 1955.

ли, и его границей отнюдь не является средняя прибыль. Устанавливаемый авторитарно оброк (денежная рента) сам является границей прибыли. Не прибыль здесь определяет величину ренты, а скорее рента определяет величину прибыли. Отсюда ясно, какое отрицательное влияние она должна была оказывать на развитие капиталистического производства.

Итак, в XIX в. в России имеет место и рост оброка и рост барщины. Такое утверждение противоречиво, если рассматривать барщину и оброк XIX в. как формы феодальной эксплуатации в области земледелия. Но если иметь в виду отмеченные выше тенденции изменения источника оброка, то станет ясно, что эти два явления вполне могут сопутствовать друг другу.

Рост числа оброчных крепостных крестьян не означал роста количества земли, переданной на оброк, и роста количества крепостного оброчного труда, прилагаемого к этой земле. Возраставшее количество оброчников затрачивало труд не в земледелии, а в промышленности. Для промышленности рост числа оброчных имел положительное значение, так как он увеличивал масштабы предлагаемой рабочей силы и таким образом помогал решению важной задачи — обеспечению промышленности наемным трудом. Поскольку рабочему-оброчнику капиталист должен был выплачивать заработную плату, которая включала бы помимо стоимости рабочей силы рабочего также и оброк, уплачиваемый помещику, постольку, следовательно, не вся прибавочная стоимость доставалась капиталисту: часть ее он уступал помещику. Что же касается земледелия, то рост числа оброчных крестьян, как правило, не был выражением прогрессивного по своей природе перевода всего земледельческого процесса производства в сферу крестьянского хозяйства.

При оброке крестьянин более самостоятелен, чем при барщине. Однако увеличение оброчных не обязательно вело к тому, что увеличивалось поле приложения труда оброчных в земледелии. Увеличение оброчных часто вело к увеличению отхода в промышленность, а не к уменьшению размеров барщинной площади и увеличению площади оброчных земель.

Рост числа оброчных крепостных сопровождался, как мы видели выше, ростом барской запашки, уменьшением наделов. Здесь находит свое экономическое выражение то обстоятельство, что мера прибавочного труда крестьянина все больше эмансипируется от величины надела. Таким образом, происходило не отделение земельной собственности от земледельческого производства, совершалась не эмансипация непосредственного производителя в земледелии от непосредственного принуждения, а, наоборот, налицо были все признаки расширения процессов отделения непосредственного производителя от земли и соединения земледельческого производства с феодальной земельной собственностью.

Увеличение размеров оброка усиливает противоречия между крепостничеством и растущей капиталистической промышленностью, а рост барщины становится исходным пунктом кризиса кре-

постнического способа производства внутри земледелия. Увеличение размеров барщины в XIX в. в отличие от предшествующих веков связано с развитием торгового земледелия в помещичьем хозяйстве.

Рост внутреннего и внешнего хлебного рынка расширил возможности сбыта сельскохозяйственной продукции, а углубление общественного разделения труда, рост денежного хозяйства развили жажду присвоения прибавочного продукта в денежной форме до необычайных размеров. Эта неутолимая жажда прибавочного труда при крепостническом способе производства не является чем-то специфическим для русского феодала. К. Маркс писал: «... как только народы, у которых производство совершается еще в сравнительно низких формах рабского, барщинного труда и т. д., вовлекаются в мировой рынок, на котором господствует капиталистический способ производства и который преобладающим интересом делает продажу продуктов этого производства за границу, так к варварским ужасам рабства, крепостничества и т. д. присоединяется цивилизованный ужас чрезмерного труда» [69]

Процесс расширенного воспроизводства земледельческого прибавочного продукта в барщинной форме совершался в известных пределах за счет экстенсивного расширения общего поля приложения крепостнического земледельческого труда. Этот процесс расширения поля земледельческого труда, хотя и происходил в крепостнической форме, являлся прогрессивным, поскольку он вовлекал в сельскохозяйственную обработку новые земли.

Но в основных районах страны борьба за увеличение прибавочного продукта приняла другие формы. Она выразилась прежде всего в увеличении абсолютной массы прибавочного труда, достигаемого «в непосредственной погоне за барщинными днями» [70], число и удельный вес которых в России в XIX в. выросли.

Если условно воспользоваться аналогичными понятиями из сферы капиталистической экономики, то можно сказать, что в данном случае имело место увеличение «абсолютной прибавочной стоимости». Но наряду с производством «абсолютной прибавочной стоимости» имело место увеличение и «относительной прибавочной стоимости» специфически крепостническими методами. Наблюдалось не только увеличение абсолютного количества прибавочного труда, но и сокращение необходимого труда. Последнее, однако, достигалось не за счет роста производительности труда, а за счет сокращения величины необходимого продукта. Факты, подтверждающие это, сводятся прежде всего к сокращению наделов крепостных крестьян, т. е. их основного средства труда, что при застойном характере техники неизбежно приводило к уменьшению величины необходимого продукта.

Сокращение необходимого труда и продукта вело к ухудшению жизненных условий крепостного крестьянина, что влекло за собой резкое сокращение, а затем и прекращение прироста кре-

[69] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 247.
[70] Там же, с. 248.

постного населения. В XIX в. прекратился и механический прирост крепостного населения.

Нажим помещиков приводил также к невозможности нормального воспроизводства орудий производства, что не могло не сказаться и на процессе производства на поле самого помещика, который, как уже говорилось, обслуживался не только трудом, но и орудиями крепостного. Происходил процесс частичного отделения непосредственного производителя от средств производства. Крестьянин постепенно лишался земли, терял орудия производства.

Наряду с обезземеливанием своих, помещичьих крестьян дворяне в XIX в. продолжали экспроприацию других групп крестьян. Широко практиковались захваты земель государственных крестьян.

Одновременно с частичным обезземеливанием и лишением крестьян средств труда происходило и полное отделение крестьян от земли и средств труда. Оно выражалось в росте числа дворовых и росте числа месячников.

При этом надо иметь в виду, что число дворовых возрастало не только за счет лиц, переводимых во двор для обслуживания помещика и его семьи, но и за счет лиц, которых помещик отпускал на работу за пределы поместья за определенный оброк. В этой форме оброк уже полностью освобождается даже от номинальной связи с наделом.

Отделение непосредственного производителя от средств производства в обычных феодальных условиях означает ускорение процесса разложения феодального способа производства. В условиях России XIX в. процесс разложения старых, крепостнических отношений происходил быстрее, чем развитие новых отношений более прогрессивного типа.

К. Маркс на основе изучения развития оброчного феодального хозяйства на Западе сформулировал положение о кристаллизации внутри крестьянства элементов буржуазии и пролетариата при внедрении денежных отношений как об основном, определяющем факте процесса разложения феодального хозяйства. Но его распространение на барщинное феодальное хозяйство было бы неправильно. Конечно, и при барщинном хозяйстве внедрение денежных отношений не может не вести к расслоению крестьянства. Но возникает вопрос: что является основным, определяющим фактом для крестьянского хозяйства при барщине, когда винт помещичьей эксплуатации под влиянием жажды денежной формы прибавочного продукта закручивается до отказа? Конкретные исследования показывают, что этим основным, определяющим фактом является деградация крестьянского хозяйства.

В описываемых условиях процесс отделения непосредственного производителя от средств производства становится не только и не столько исходным пунктом образования и развития капиталистических отношений в земледелии, сколько фактором полной пауперизации крестьянства и низведения его до уровня, приближающегося к уровню раба.

Каково бы ни было абсолютное количество крепостных дворовых или месячников, тенденция его возрастания является показателем глубочайшего перерождения основного отношения феодального общества. Это отношение, как известно, базируется на феодальной земельной собственности. Каков бы ни был конкретно-исторический генезис феодального отношения, феодал-господин выступает в качестве владельца земли, и обязанность крепостного уплачивать в той или иной форме ренту феодалу связана с тем, что крестьянин пользуется землей феодала. Независимо от того, возникло ли феодальное отношение в результате постепенного экономического закабаления феодалом крестьянина или путем прямого принуждения, феодальное отношение в своей нормальной форме всегда предполагает, что крепостной крестьянин пользуется землей, титул собственности на которую принадлежит феодалу.

Сохранение личной зависимости крестьянина без пользования им землей означает глубочайшее перерождение феодально-крепостнических производственных отношений. Оно означает шаг назад, а не вперед в развитии этой общественной формы производства.

Понятно, что это движение вспять не означает возврата к рабовладельческой системе производства. И рабство, и феодализм предполагают отношения личного господства и подчинения, отношения внеэкономического принуждения. Но между рабством и феодализмом помимо всего другого имеется одно существенное различие: при рабстве весь труд — не только прибавочный, но и необходимый — осуществляется в условиях внеэкономического принуждения. При барщине только прибавочный труд осуществляется путем внеэкономического принуждения. Необходимый труд затрачивается, и необходимый продукт производится без внеэкономического принуждения.

В условиях оброка и необходимый и прибавочный труд затрачивается без внеэкономического принуждения. Последнее необходимо лишь для перехода прибавочного продукта в руки эксплуататора.

Прогрессивность феодализма во всех его формах по сравнению с рабством очевидна. Чем больше поле приложения труда без внеэкономического принуждения, тем больше возможностей для роста производительности труда.

Между тем сокращение поля необходимого труда барщинного крестьянина вело к расширению сферы внеэкономического принуждения. Превращение крестьянина в месячника или дворового приводит к превращению всего труда в труд принудительный.

Для средневековья характерна относительная стабильность величины прибавочного продукта, изымаемого феодалом у крепостного крестьянина. Величина прибавочного продукта более или менее фиксируется и превращается в норму обычного права.

Эта фиксированность величины прибавочного продукта, являясь прямым следствием рутинного характера производства и неизменности уровня производительности труда, становится в дальнейшем фактором роста производительности труда. А результат

всякого роста производительности труда может быть использован для расширения воспроизводства.

Для России в последний период развития крепостного хозяйства характерен обратный процесс — систематическое возрастание величины изымаемого прибавочного продукта в форме оброка. Тем самым затрудняется прогресс земледелия.

Рост барской запашки означает отделение непосредственного производителя от средств труда и расширение сферы земледельческого производства под командой феодала. Рост числа месячников и числа дворовых доводит этот процесс до своего логического предела, ликвидирует одно из основных условий феодального производства — наличие у непосредственного производителя средств труда и заинтересованности в труде.

Основное противоречие русского крепостнического земледелия, поскольку последнее втягивалось в широкие рыночные отношения, заключалось в том, что оно переходило на рельсы расширенного воспроизводства продукта без соответствующего расширенного воспроизводства факторов производства этого продукта. Отсутствовал рост крепостного населения, не было признаков роста производительности труда в земледелии, урожайность находилась в застойном состоянии. Между тем, как отмечал Ленин, производство помещиками хлеба на продажу развивается, растет вывоз хлеба за границу. Ленин указывал, что производство помещиками хлеба на продажу было предвестником распадения старого, т. е. крепостного, режима. Оно не только подрывало натуральнохозяйственную основу крепостничества, но и, повышая степень эксплуатации, резко обостряло противоречия между эксплуататорами — помещиками и эксплуатируемыми — крестьянами. Вместе с тем намечаются изменения в самом характере производственных отношений между помещиком и крепостным крестьянином.

Эволюция форм феодальной эксплуатации вела к обострению классовых антагонизмов в разных направлениях.

Развитие барщины, связанное с сокращением поля необходимого труда, доводит до крайнего предела антагонизм барщинного крестьянства и класса помещиков. К нему присоединяется антагонизм, идущий от роста числа месячников и дворовых, означающего по сути дела реставрацию рабства.

Рост числа оброчных крестьян также способствует обострению противоречий между крестьянами и помещиками. Этот рост не был связан с увеличением количества труда, затрачиваемого в земледелии без прямого принуждения. Сумма оброка стала терять связь с наделом. Оброк начал превращаться в форму прибавочного продукта, производимого не в земледелии, а в промышленности. Поэтому эволюция оброка была фактором обострения противоречий не только между крестьянами и помещиками, но и между капиталистами, не желавшими делиться с помещиками прибавочной стоимостью, производимой на их предприятиях, и помещиками, все больше начинавшими улавливать прибавочный продукт, создавшийся в сфере капиталистической промышленпродукт, создававшийся в капиталистической промышленности.

* *
*

Кризис крепостнического экономического строя являлся результатом резкого несоответствия крепостнических производственных отношений характеру производительных сил. Кризис этот выражался в ряде явлений. В промышленности крепостнические формы производства обнаружили свою полную неспособность выдержать конкуренцию с капиталистическими формами производства и даже начали распадаться. Натуральный покой крепостного хозяйства был нарушен; обнаружилось стремление к расширению производства прибавочного продукта и одновременно наметилась тенденция к сокращению производственной основы крестьянского хозяйства. Это противоречие, разжигая антагонизм классов, не могло быть разрешено на основе крепостнических производственных отношений.

Вместе с ростом экономических противоречий крепостного хозяйства, особенно в связи с кризисом крепостничества в цитадели феодального производства — земледелии, усиливалась и резко обострялась классовая борьба крестьян против помещиков. Эта борьба, хотя и носила стихийный характер, ускоряла развитие крестьянской по классовому содержанию революционно-демократической экономической идеологии, которая, выражая интересы трудящихся, была самой передовой для своего времени идеологией, проповедовавшей наиболее прогрессивные формы перестройки социально-экономической жизни страны.

В кн.: Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., Госполитиздат, 1956.

О причинах падения крепостного права

Предреформенная экономика России представляла собой сложный комплекс разнородных хозяйственных процессов, являвшихся результатом разложения крепостнического способа производства. В промышленности функционировали крепостные предприятия, применявшие принудительный труд, капиталистические мануфактуры, основанные на наемном труде; имели место ремесло и кустарное производство. Развивалась даже капиталистическая фабрика. В этом сочетании разнородных экономических элементов брала верх капиталистическая фабрика, одерживавшая победу не только над крепостной, но и над капиталистической мануфактурой.

В промышленности ярко обнаруживалось превосходство капиталистического производства над крепостническим. По сути дела, все основные позиции феодализма в промышленности были

сильно подорваны, но феодальные границы промышленного развития страны далеко не были уничтожены. Сохранялись необеспеченность промышленности рабочей силой, узость рынка вследствие господства крепостнических отношений в стране. Крепостничество становилось «несносной» препоной, задерживавшей рост капиталистического промышленного производства.

Объективные интересы прогрессивного развития страны требовали ликвидации крепостнических отношений, которые исчерпали свою миссию в промышленности, в особенности в тех ее отраслях, продукция которых поступала на внутренний рынок массового потребления. В других отраслях промышленность сбрасывала с себя оковы крепостнических отношений (распад посессионной и закат дворянской мануфактуры), «переходила» от капиталистической мануфактуры к капиталистической фабрике, т. е. поднималась на новую ступень капиталистического развития.

В добывающей промышленности устранение крепостнических отношений встретилось с дополнительными препятствиями. Монополия частной собственности на недра и монополия на недра как на объект частного хозяйства затрудняли развитие капиталистической конкуренции и капиталистических производственных отношений. Рынок для добывающей промышленности был еще более узок, чем для обрабатывающей. В качестве рынка для добывающей промышленности могли выступить обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство. Однако в обрабатывающей промышленности развивались преимущественно отрасли, производящие предметы потребления, и ее спрос на продукты добывающей промышленности был поэтому весьма ограничен.

Сельское хозяйство, покоившееся в основном на крепостнических отношениях, не могло предъявить значительного спроса на орудия производства, ускоренное развитие производства которых явилось бы источником растущего спроса на продукцию добывающей промышленности.

В сфере сельского хозяйства трудности развития капитализма были несравненно бóльшими, и без уничтожения крепостного права замена крепостного хозяйства капиталистическим была бы невозможна.

Феодальная монополия земельной собственности и крепостная личная зависимость достаточно гарантировали существование помещичьего крепостного хозяйства даже при весьма низком уровне его производительности.

Не производственно-экономические преимущества сохраняли крепостное хозяйство в земледелии, а феодальные привилегии. С одной стороны, они тормозили развитие капитализма, с другой — давали возможность существовать консервативному способу производства.

Ростки капитализма в земледелии в центральных районах страны были сдавлены указанными феодальными монополиями. Капиталы уходили в новые районы, где крепостнические отношения не успели еще овладеть всем пространством труда.

Сохранение крепостнических форм производства после реформы 1861 г. было не свидетельством силы их до реформы, как утверждал П. Струве, а выражением крепостнического характера этой буржуазной реформы, подорвавшей, но не уничтожившей всех феодально-крепостнических монополий.

Процесс превращения крепостного земледельческого хозяйства в капиталистическое, изображаемый М. Н. Покровским как чисто стихийный процесс, требовавший лишь известной помощи со стороны правительства, во всяком случае не был столь органическим, как полагали М. Н. Покровский и многие другие, считавшие, что «экономические интересы массы дворян требовали ликвидации крепостного права»[1].

М. Н. Покровский объяснял спад антикрепостнических настроений среди дворянства после 14 декабря 1825 г. низкими ценами на сельскохозяйственные продукты. «Низкие хлебные цены были лучшим оплотом крепостного права...», — писал он[2]. Экономический смысл этого положения может заключаться лишь в том, что крепостному хозяйству легче приспособиться к низким ценам, чем капиталистическому. Правильно ли это?

Критерий выгодности в крепостном хозяйстве резко отличен от капиталистического критерия выгодности. Капиталистическое предприятие производит товарный продукт, в котором кроме прибавочной стоимости содержится стоимость постоянного и переменного капитала. Помещик-крепостник, как правило, реализует на рынке только прибавочный продукт. Низкие цены на этот продукт не могут сами по себе влиять на условия воспроизводства вещественных и личного факторов производства. Последние воспроизводятся главным образом в хозяйстве крестьянина, а не помещика и на основе натурального оборота.

Теоретически крепостническая форма помещичьего производства дает возможность продолжать процесс воспроизводства при любых ценах, ибо реализуется не весь продукт, а лишь прибавочный, который продавцу ничего не стоит.

Общественная форма производства решающим образом влияет на способность предприятия продолжать процесс производства в условиях падения цены. Характеризуя парцеллярное крестьянское хозяйство, Маркс писал: «... для того чтобы владеющий парцеллой крестьянин обрабатывал свою землю или купил землю для возделывания, нет необходимости в том, чтобы... рыночная цена повысилась до уровня стоимости или до уровня цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь — одна из причин того, что в странах с преобладанием парцеллярной собственности цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании

[1] Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. Т. IV. М., 1934, с. 55.
[2] Там же, с. 17.

цен производства или в образовании стоимости вообще. Следовательно, такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда»[3].

У парцеллярного крестьянина стоимость прибавочного продукта может не являться компонентом цены. У крепостника-помещика стоимость «постоянного» и «переменного» капитала может не выступать в качестве компонента цены продукта. Создающаяся благодаря этому возможность продажи продукта по низкой цене не является следствием производственных преимуществ крепостного хозяйства; она является результатом его специфической общественной организации, при которой ухудшающиеся условия реализации должны ложиться на плечи непосредственного производителя. В период низких цен его эксплуатируют еще больше, чем в период высоких цен, и материальные условия производства подрываются тем самым во всевозрастающей мере.

Общественная форма крепостного хозяйства такова, что оно может функционировать и тогда, когда капиталистическое предприятие оказалось бы не в состоянии продолжать процесс производства. В условиях понижающихся цен возможности развития капиталистического производства ограничены, ибо оно требует возмещения всех элементов постоянного и переменного капитала и средней прибыли.

Поскольку понижающиеся цены не способствовали развитию капиталистических предприятий в земледелии, постольку (но только постольку) можно сказать, что низкие цены были оплотом крепостного права. Но вернее было бы сказать, что крепостное право было оплотом низких цен, ибо именно крепостнический характер хозяйства создавал возможность производить и выбрасывать на рынок продукты при понижающихся и низких ценах. При этом помещики не только не сокращали производство, но, наоборот, стремились пустить в продажу еще большее количество продуктов, чтобы иметь прежний денежный доход.

Для получения того же количества денег требовалась большая масса прибавочного продукта в натуральной форме. Отсюда неизбежно стремление к повышению степени эксплуатации, что в условиях рутинного способа производства ведет к деградации производственной основы крестьянского хозяйства — фундамента крепостничества. Тенденция к такой деградации отмечается в исследованиях, характеризующих описываемый период.

Низкие цены разрушали производственную основу крепостного хозяйства и углубляли тем самым его внутренние противоречия. Они, конечно, не были и не могли быть оплотом крепостного хозяйства. Но и высокие цены не выводили его из кризиса и не преобразовывали его стихийно в капиталистическое. Высокие цены создавали возможность возникновения и развития капиталистических предприятий, возможность капиталистического рас-

[3] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 371.

ширенного воспроизводства. Тем самым подтачивалась монополия крепостного хозяйства, но само это хозяйство не подрывалось непосредственно под влиянием высоких цен.

Вопреки М. Н. Покровскому, ни низкие цены не упрочивали крепостное хозяйство, ни высокие цены не вели к его превращению в капиталистическое. Низкие цены подрывали его внутреннюю производственную основу, высокие цены создавали ему конкурента. Это означает, что дело не в том или ином уровне или тенденции цен, а в противоречии между крепостнической организацией производства и широким масштабом вовлечения его в товарно-рыночные отношения, которое в конечном счете ведет к расширенному производству прибавочного продукта без адекватного расширения условий производства, а подчас и при сужении их.

«Ценовая», вернее меновая, концепция устойчивости и перерождения крепостного хозяйства не выдерживает критики.

Но и помимо всего этого фактическая история хлебных цен оказалась иной, чем ее изобразил М. Н. Покровский. В работе Института истории АН СССР, посвященной критике взглядов М. Н. Покровского, подвергнута анализу динамика цен на хлеб в России в дореформенный период и показаны ошибки М. Н. Покровского [4].

Ошибки, допущенные М. Н. Покровским в характеристике динамики цен, подрывают тот стержень, вокруг которого он построил свою концепцию спада и подъема антикрепостнических настроений среди крепостников, концепцию, которая должна была объяснить падение крепостного права в России в середине XIX столетия.

Но даже если бы динамика цен была такой, какой ее изобразил М. Н. Покровский, то и в этом случае нельзя безапелляционно объяснять спад антикрепостнических настроений среди дворянства изменениями в уровнях цен. «Ценовая» концепция кризиса крепостного хозяйства не только по формальным основаниям, но и по существу является ложной. Эта концепция исходит из непонимания всех сторон и всей глубины кризиса крепостного хозяйства. Больше того, она является отрицанием кризиса. Всю сумму процессов, происходивших в русском крепостном земледелии в середине XIX столетия, она сводит к органическому, стихийному перерождению крепостного хозяйства в капиталистическое, а реформу рассматривает как акт, обусловленный «чисто экономическим расчетом». Из такого взгляда логически вытекает вывод, что крепостное хозяйство уже полностью было подготовлено к капиталистическому преобразованию. Но тогда остается непонятной вся послереформенная эволюция русского земледелия, сохранившего огромные пережитки крепостничества, которые не были преодолены вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

[4] См.: Мороховец Е. Крестьянская реформа 1861 г. в освещении М. Н. Покровского. — В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского. Ч. I. М.—Л., 1939, с. 394—396.

Тот факт, что реформу проводило помещичье правительство, что она в максимально возможной мере обеспечивала экономические интересы помещиков, является для многих наших исследователей, не преодолевших догму Покровского, основанием для вывода, что реформа была проведена вследствие экономической заинтересованности помещиков в отмене крепостного права. Такой вывод является результатом смешения двух самостоятельных вопросов: 1) почему идеологи и руководители помещичьего класса шли на реформу и 2) как они защищали экономические интересы помещичьего класса в реформе. Расчленив эти два самостоятельных вопроса, легко будет понять, что реформа была проведена не вследствие экономической заинтересованности помещиков в отмене крепостного права, а в силу причин другого порядка. Если угнетенное крестьянство вело борьбу против крепостного права, подталкиваемое прежде всего своим классовым экономическим интересом, то класс помещиков шел на отмену крепостного права по политическим соображениям. Будучи вынужден пойти на реформу, он стремился в максимальной мере обеспечить свои экономические интересы в этой вынужденной реформе.

Стремление каждое мероприятие, проводимое представителями того или иного класса, объяснять коммерческими интересами этого класса, является наследием «экономического материализма», этой буржуазной карикатуры на марксизм. Оно ничего общего не имеет с историческим материализмом, подчеркивающим самостоятельное значение классовой борьбы. Последняя, вырастая из экономических условий той или иной эпохи, не сводится к ним, не является лишь копией их, а имеет свою логику и свое, особое значение. Классовая борьба является решающим фактором перехода от одного способа производства к другому. Именно внутренние противоречия крепостного строя, до крайности обострявшие борьбу классов, были причиной ликвидации крепостнических отношений.

Помещичье-крепостническое хозяйство подвергалось деформации. Кризис этого хозяйства заключался не в том, что оно превращалось в капиталистическое, а в том прежде всего, что его противоречия не могли быть разрешены ни на собственной основе, ни путем стихийного перехода на рельсы капитализма. Это деформирующееся помещичье-крепостническое хозяйство становилось все более тяжелой преградой для развития новых, более прогрессивных общественных отношений, соответствовавших новой исторической ступени в развитии производительных сил.

Не экономические интересы дворянства привели к реформе, а невозможность удержать старые, рушившиеся формы хозяйства. Не стремление создать новые, передовые формы хозяйства, а невозможность господствовать при старых экономических порядках — вот что вынудило крепостников идти на реформу. Они шли на отмену крепостного права, ибо борьба за его сохранение могла бы привести к потере дворянством всех экономических и политических позиций, ослабление которых стало очевидным для пра-

вящих кругов крепостнического государства. Правительство, писал Ленин, «после поражения в крымской войне увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков»[5].

Россия была крупнейшим государством Европы не только по занимаемой территории, но и по численности населения. На протяжении полутора веков Россия являлась важнейшим фактором международной политики. Ряд серьезных побед русского оружия свидетельствовал о большой военной мощи России. Развивавшиеся, несмотря на тяжелый пресс крепостнических отношений, промышленность и торговля нуждались во внешних рынках.

Оборот внешней торговли России за вторую четверть XIX века почти удвоился. Среднегодовой оборот за период с 1851 по 1853 г. составлял 193,7 млн. руб. (против 100,5 млн. руб. за период с 1824 по 1826 г.). Вывоз за это же время возрос с 54,6 млн. руб. в среднем за год до 107,2 млн. руб.[6]

О том, насколько значительны эти суммы, можно судить по тому, что в начале 50-х годов продукция обрабатывающей промышленности России составляла около 160 млн. руб.[7]

Вместе с ростом внешней торговли происходили и существенные сдвиги в ее направлении. В то время как общий объем вывоза за указанный выше отрезок времени примерно удвоился, вывоз по Черному и Азовскому морям возрос почти в 6 раз (с 6,1 млн. руб. до 34,8 млн.) и удельный вес вывоза в этом направлении возрос с 11,1 до 32,5%.

Неизбежная при господстве крепостнических отношений узость внутреннего рынка и невозможность конкуренции с передовыми странами на старых рынках толкали внешнюю торговлю России на Восток. Сферы Черного и Азовского морей служили важнейшим каналом развития русской внешней торговли, к росту которой весьма ревниво относились западные страны, в особенности Англия, стремившаяся не допустить усиления русского влияния на Востоке.

Россия вела активную внешнюю политику для защиты зарубежных интересов русской торговли. Между тем назревало несоответствие между задачами этой политики и средствами ее социального и военно-экономического обеспечения. Первая половина XIX в. была периодом резкого усиления отставания России от Западной Европы и в политическом, и в социальном, и в экономическом отношениях.

Если в XVIII в. русскому самодержавию противостояли на Западе, как правило, феодальные государства, то в XIX в. на Западе окончательно сложились буржуазные государства, между тем как в России продолжало господствовать самое реакционное самодержавие.

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.

[6] См.: Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Ч. III. Спб., 1859, с. 65—69.

[7] См.: Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России. М., 1944, с. 44.

Если в XVIII в. феодально-крепостническому экономическому строю в России соответствовало на Западе господство и преобладание феодальных отношений, то в XIX в., после французской революции 1789 г., в Западной Европе были разрушены основы феодальных порядков. Страны Западной Европы бурно развивались на основе новых, капиталистических отношений, между тем как в России продолжали господствовать крепостнические отношения. Несоответствие между Россией и Западом стало особенно очевидным после революции 1848 г., когда были ликвидированы феодальные порядки даже в восточной части Западной Европы.

В середине XIX столетия только в России фигура помещика-крепостника оставалась центральной. Помещик был социально-экономической и политической силой, пытавшейся удержать общество в рамках отношений, обеспечивавших его господство.

Если до последней трети XVIII в. возникшей и развивавшейся в русской промышленности мануфактуре соответствовало развитие мануфактурной формы производства в промышленности Западной Европы, то последняя треть XVIII и первая треть XIX в. были для передовых стран Западной Европы периодом промышленной революции, завершившей процесс становления капиталистического способа производства и двинувшей вперед производительные силы на базе крупной машинной индустрии. Мануфактурная стадия развития капитализма в промышленности оказалась давно пройденной ступенью. В тот же период в России мануфактура продолжала оставаться основной формой промышленности, развитие которой происходило не только в рамках общего господства крепостничества, но и в значительной мере непосредственно на крепостнической основе.

В XVIII столетии главными отраслями промышленного производства в Европе были отрасли, производившие предметы потребления. В это время Россия являлась крупным и растущим производителем и экспортером железа в Европе. В XIX же столетии, когда западноевропейские страны завершали процесс создания системы машин и развертывали машинное производство самих машин, Россия стала резко отставать от западных стран по производству железа, а машиностроение делало в ней лишь первые шаги (да и то с 40-х гг.). Производство железа составляло в России в 1860 г. 290 тыс. т, в Германии в 1850 г. — 402 тыс. т, в Англии в 1850 г. — 2250 тыс. т[8].

Экспорт железа, возраставший в XVIII в. и составлявший по тем временам солидную величину, стал резко падать в XIX в. Душевое потребление железа было в России на значительно более низком уровне, чем в передовых странах Западной Европы. Потребление чугуна на душу населения составляло в середине XIX в.: в Великобритании — 138 фунтов, во Франции — 43, а в России — 9,7 фунта[9].

[8] Mulhall M. Industries and Wealth of Nations. London—New York, 1896, p. 164, 143, 76.

[9] См.: Гагемейстер Ю. О состоянии железного промысла в России. — Экономический указатель, 1857, № 9, с. 209.

Подлинное развитие металлургии может начаться в стране только при победе машинной индустрии и при наличии развитого железнодорожного строительства. Обоих этих условий в России еще не было. Мануфактура предъявляла лишь весьма ограниченный спрос на железо, а экспорт железа не мог развиваться как вследствие неразвитости транспортной сети, так и вследствие стремительного роста металлургии в странах, прежде являвшихся импортерами русского железа. Удельный вес производства орудий труда был весьма незначителен. Продукция машиностроения в денежном выражении составляла за десятилетие (1851—1860) 36,4 млн. руб. серебром [10], а продукция обрабатывающей промышленности за тот же период — 2051,4 млн. руб. Это значит, что удельный вес машиностроения в продукции только обрабатывающей промышленности не составлял даже двух процентов.

В 1860 г. на механических заводах в России было занято 11,6 тыс. рабочих, а общее число промышленных рабочих равнялось 860 тыс. [11] Таким образом, удельный вес рабочих, занятых на механических заводах, не составлял и полутора процентов.

До развития железных дорог Россия не уступала западным странам по качеству транспорта, а в зимнее время благодаря прочному и длительному снеговому покрову она имела и своеобразные транспортные преимущества. Но к середине XIX в., когда западные страны уже обзавелись железными дорогами, Россия только начала строительство их и имела лишь отдельные железнодорожные линии, общая протяженность которых до реформы составляла 1500 км. Отставание России в области транспорта стало вопиющим.

Мощность паровых двигателей составляла в 1860 г. (в тыс. л. с.) в России — 200, в Германии — 850, во Франции — 1150, в Англии — 2400 [12].

Экономическая отсталость России нашла свое выражение в итогах Крымской войны. Героизм русского воина, не нашедший в стране необходимого экономического резерва, на который он мог бы опираться, не в состоянии был преодолеть военно-экономического могущества противников России в Крымской войне.

Известно, что Маркс и Энгельс были весьма высокого мнения о боевых качествах русского солдата, но именно они считали поражение России в Крымской кампании вполне закономерным. «Крымскую войну, — писал Энгельс, — характеризовала именно безнадежная борьба нации с примитивными формами производства против наций с современным производством» [13].

Поражение в Крымской войне было, однако, не только военно-экономическим поражением — оно было вместе с тем и огромным политическим ударом по царизму. Царизм, указывал Эн-

---

[10] См.: Струмилин С. Г. Промышленный переворот в России, с. 20.
[11] См.: Злотников М. От мануфактуры к фабрике. — Вопросы истории, 1946, № 11—12, с. 39, 45.
[12] Mulhall M. Industries and Wealth of Nations, p. 379.
[13] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 398.

гельс, «скомпрометировал Россию перед всем миром, а вместе с тем и самого себя — перед Россией»[14].

Поражение в войне должно было неизбежно активизировать силы, которые стремились внутри страны найти выход из создавшегося положения.

Возрастание степени и чудовищность форм феодальной эксплуатации привели прежде всего к резкому обострению классовой борьбы крестьянства против помещиков, угрожавшей самим основам общественно-экономического и политического строя крепостной России. Именно она заставила «первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху*, чем ждать, пока свергнут *снизу*»[15].

Царизм понял, что необходимо сделать уступку, пока помещичье государство не будет взорвано возмущенным народом.

Классовая борьба крестьянства против помещичье-крепостнической эксплуатации обнаруживалась прежде всего в форме так называемых крестьянских волнений.

Число волнений в период кризиса крепостничества резко возросло. В 1860 г. было 108 случаев крестьянских волнений[16].

Непосредственные поводы и формы крестьянских волнений были разнообразны. Крепостные крестьяне совершали индивидуальные и массовые побеги из поместий в районы Урала, Сибири, Приморья, Кавказа и т. д. Побеги эти, вначале носившие тайный характер, превращаются потом в массовые, открытые самовольные переселения, подчас сопровождавшиеся кровавыми стычками с военными отрядами, задерживавшими переселенцев.

Крестьяне оказывали неповиновение помещикам, все более усиливавшим барщинную эксплуатацию, и отвечали на насилие насилием, которое принимало в отдельных случаях форму индивидуального террора против помещиков и управляющих имениями. За 19 лет, с 1836 по 1854 г., по данным министерства внутренних дел, было убито 173 помещика и управляющих[17].

Это стихийное крестьянское движение дополнялось движением крепостных и посессионных рабочих.

Кульминационным пунктом кризиса крепостничества явилась революционная ситуация 1859—1861 гг., которая была результатом общенационального кризиса, обусловленного не только крестьянскими «бунтами», но и протестом других слоев населения, а также общедемократическим движением на окраинах. Конечно, на первом плане стояла борьба крестьянства, отражавшая общенациональные интересы.

Борьба крестьянства оказала сильнейшее влияние на формирование и развитие революционно-демократического направления русской общественной мысли.

Одной из ярких форм проявления революционной ситуации в

[14] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 40.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 173.
[16] Крестьянское движение 1827—1869 гг. Вып. I. М., 1931, с. 146.
[17] См.: Мороховец Е. А. Крестьянская реформа 1861 г. М., 1937, с. 55.

идейной жизни страны было «распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций...» [18].

Острота кризиса крепостничества, охватившего все стороны этого отжившего строя, обусловила не только быстрый рост революционно-демократической борьбы против крепостных порядков, но и идеологический кризис внутри самого господствующего класса, часть представителей которого вынуждена была, боясь революции и борясь против нее, призвать свой класс к уступкам, к отмене крепостного права.

Но тот факт, что значительная часть идеологов господствующего класса пришла к признанию необходимости отмены крепостного права и критиковала его, отнюдь не приводил к смягчению противоположности между идеологиями основных классов феодального общества. В решении коренных вопросов экономического развития и классовой борьбы, возникших в связи с падением крепостного права, противоположность классовых интересов помещиков и крестьян была настолько очевидна, что никакие идеологические маски представителей помещичьего класса не могли скрыть враждебности их экономической программы программе идеологов крестьянства.

Конкретно содержание борьбы враждующих идеологий сводилось, как указывал Ленин, к тому, будет ли основой земледельческого производства свободное крестьянское хозяйство или медленно эволюционирующее по капиталистическому пути помещичье хозяйство, опирающееся на феодальную по характеру монополию земельной собственности.

Решение этого исторического вопроса зависело от соотношения классовых сил.

Крестьянство тогда не могло выполнить ту историческую задачу, которая в основном была правильно намечена революционной демократией во главе с Чернышевским. Революционная ситуация не переросла в революцию. Наоборот, господствующий класс путем уступок, при помощи реформ сумел удержать не только политическое господство, но и свою экономическую основу — земельную собственность. Идеологи господствующего класса прилагали поэтому все усилия к оправданию реформы. Революционная демократия, наоборот, вскрывала крепостнический характер этой буржуазной реформы.

«Крестьянская» реформа была тем объективным общественным явлением, на которое не могли не реагировать идеологи боровшихся классов. Анализ этой реформы поможет выяснению характера и основного содержания борьбы экономических идей в период падения крепостного права.

В кн.: Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., Госполитиздат, 1956.

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29.

Экономическое содержание реформы 1861 г.

Основные положения реформы. Экспроприация крестьянства

Реформа 1861 г. по своему социально-экономическому содержанию была буржуазной. К характеристике реформы, выяснению ее социального характера, классовой природы, исторической роли неоднократно обращались и Маркс, и Энгельс, и Ленин, высказывания которых дают научную основу для анализа реформы. Отмена крепостного права открывала возможность широкого развития буржуазных экономических отношений. Классики марксизма-ленинизма подчеркивали, что никакого другого пути экономического развития, кроме капиталистического, не открывала реформа 1861 г.

Но, как указывал Ленин, буржуазное экономическое развитие в России могло пойти двумя путями: или на базе помещичьего, или на базе крестьянского хозяйства. Те мероприятия, которые осуществлял господствующий класс помещиков при отмене крепостного права, объективно означали создание наиболее благоприятных условий для помещичьего пути буржуазного развития.

«Крестьянская реформа» была осуществлена целиком в интересах класса помещиков. Именно поэтому Ленин говорил, что она была не крестьянской, а помещичьей [1].

К чему сводились основные положения реформы?

Личная крепостная зависимость крестьянина от помещика отменялась. Правда, отмена эта вначале была лишь прокламирована, ибо в течение первых девяти лет после реформы крестьяне были обязаны или отбывать барщину, или платить оброк. Они не имели права отказаться от надела: пользование последним было обязательным.

Если отвлечься от этих девяти лет, то устанавливалась формальная независимость крестьянина от помещика. Феодальная монополия на труд крепостного ликвидировалась, хотя сословная неполноправность и элементы внеэкономического принуждения сохранялись [2].

Но зато были приняты меры, направленные на усиление фактической зависимости крестьянина от помещика.

Во-первых, феодальная собственность помещиков на землю была превращена в их безусловную частную собственность.

Во-вторых, значительная часть земли, фактически находившейся в пользовании крестьян, была отрезана у них и передана помещикам.

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 18.

[2] О том, какими ограничениями был после реформы обставлен крестьянин как член податного сословия и как член общины, см.: Лященко П. И. Крестьянское дело и пореформенная землеустроительная политика. Ч. I. Спб., 1913.

В-третьих, крестьяне могли стать собственниками земли, право пользования которой за ними было признано реформой, только с согласия помещика. Если согласия помещика не было, то крестьяне обязаны были выполнять феодальные повинности — барщину или оброк — в пользу помещика (временнообязанные).

В-четвертых, допускавшийся через девять лет после реформы отказ от надела был обставлен такими условиями, выполнение которых возможно было лишь для наиболее зажиточной верхушки крестьянства. Таким образом, значительная часть крестьянства должна была на деле остаться прикрепленной к земле.

В-пятых, в тех случаях, когда помещик соглашался на переход оставленной крестьянами земли в их собственность, крестьяне обязаны были уплатить такие выкупные платежи, которые значительно превосходили рыночные цены на землю[3]. Эти платежи, по свидетельству даже дворянских и буржуазных историков и экономистов, являлись выкупом не только земли, но и личности крепостного крестьянина[4], хотя формально было объявлено, что личная зависимость крестьянина отменяется безвозмездно.

* *
*

Отмена феодально-крепостнической монополии на личность крестьянина сама по себе означала переворот, коренное изменение в отношениях между помещиком и крестьянином. Вместо отношений личной зависимости устанавливались формально свободные отношения. Разрывалась принудительная связь между крестьянином и помещиком, а рабочая сила крестьянина становилась потенциальным товаром, создающим возможность резкого расширения сферы капиталистических отношений.

Нельзя недооценивать значения этого факта. Следует иметь в виду, что счет богатства русских помещиков велся на души, что при оценке имений за основу бралось количество душ, что в кредитных учреждениях помещики получали ссуды под залог душ.

Казалось бы, на основе отмены отношений личной зависимости должны были немедленно произойти коренные изменения в условиях и форме процесса производства. Между тем отношения по земле были установлены реформой таким образом, что они обеспечили помещикам возможность сохранения старых методов

---

[3] По исчислению А. Лосицкого, выкупная стоимость надела превосходила ее рыночную стоимость в черноземной полосе на 56%, а в нечерноземной — на 121% (см.: Лосицкий А. Выкупная операция. Спб., 1906, с. 17).

[4] «Временно-обязанные крестьяне должны платить с каждой десятины своего надела по меньшей мере 3 рубля. Но 3 рубля превышают существующую здесь наемную плату за землю, ибо, отдавая землю в наем, никак нельзя получить за нее, в общей сложности, более 2 рублей за десятину; при отдаче же земель в аренду на долгий срок плата получается еще меньшая». (Скалдин. В захолустье и в столице. Спб., 1870, с. 93).

производства[5]. Анализ главных положений реформы свидетельствует об этом со всей очевидностью.

Типичные феодальные отношения не допускали лишения крестьян земли. Даже законодательство русского самодержавия ограничивало в этом отношении помещиков[6].

Наделение крестьян землей было обязательным условием крепостнических отношений. При этом условии превращение всей земли в безусловную собственность помещиков явилось актом насилия по отношению к крестьянству.

Сочетание освобождения, т. е. отмены крепостного права, с «выгодным» для помещика выкупом означает мошенничество и грабеж и с точки зрения феодального и с точки зрения буржуазного права. Превращение феодальной собственности помещика в буржуазную собственность есть грабеж крестьянина с точки зрения феодального права, по которому крестьянин не может быть лишен надела. Прокламирование свободы крестьянина и одновременное принуждение его уплатить выкуп за утерянные феодалом права есть грабеж крестьянина с точки зрения буржуазного права. А, по сути дела, это есть акт экспроприации крестьянства, плохо прикрытый сомнительной юридической ширмой[7].

Все эти насилия удались господствующему классу только потому, что «революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было»[8].

Рескрипт 20 ноября 1857 г. устанавливал, что крестьянам отводятся надлежащие по местным условиям количества земли «для обеспечения их быта и выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком».

Это была лицемерная декларация, совершенно нарушенная реформой. Последняя законодательно завершила обезземеливание крепостного крестьянства, энергично проводимое самими помещиками в последний период существования крепостного права.

---

[5] Так как у подготовителей реформы не было уверенности в том, что помещики быстро сумеют осуществить переход на новую, капиталистическую форму хозяйства, были приняты серьезные меры, чтобы сохранить старые отношения производства. Главной из них являлась обязательность для крестьян пользования за повинность наделом. Официозный историк крестьянской реформы Скребицкий прямо писал, что обязательность пользования наделом для крестьян была установлена «единственно лишь для того, чтобы предотвратить нарушение существующего хозяйственного строя в помещичьих имениях» (Скребицкий А. Крестьянское дело в царствование Александра II. Т. II, ч. 1, Бонн-на-Рейне, 1863, с. 485).

[6] Свод законов Российской империи, т. IX. Спб., 1857, с. 223.

[7] В данном случае налицо особый вид первоначального накопления капитала. Экспроприация непосредственного производителя в классических условиях первоначального накопления капитала позволила экспроприаторам накопить необходимые средства для капиталистического производства. Экспроприация, осуществленная реформой 1861 г., давала помещику возможность продолжать производство прежними методами, хотя и при личной свободе крестьянина. Но эта экспроприация должна быть рассматриваема как акт первоначального накопления капитала, поскольку она не только не исключала, но создавала известные возможности развития капиталистических отношений.

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 172.

По данным Васильчикова, в 1861 г. дворянам-помещикам в числе 103,2 тыс. «принадлежало, за исключением крестьянских наделов, 82 466 000 десятин» [9]. Тот же Васильчиков сообщает: «Помещичьи крестьяне в числе 9 795 163 ревиз. душ (по другим сведениям — 10 682 400), при издании Положения о крестьянах в 1861 году, владели землей в количестве 35 779 014 десятин, что составляет на душу 3,6 десятин» [10].

Эти цифры достаточно красноречиво характеризуют масштабы помещичьей монополии на землю.

Положения 19 февраля были направлены на укрепление помещичьей монополии на землю. Чтобы наверняка обеспечить экономическую зависимость крестьян от помещиков, у крестьян отрезали около пятой части земли, находившейся в их пользовании до реформы. В черноземных губерниях отрезки были особенно значительны. С реформой в черноземных губерниях крестьяне лишились свыше четверти своего дореформенного землепользования. В некоторых губерниях этот процент был особенно высок. Так, отрезки составляли: в Самарской губернии — 44% всего дореформенного землепользования, в Саратовской — 41, в Полтавской и Екатеринославской — 40, в Казанской — 32, в Харьковской и Симбирской — 31% и т. д. [11]

Черноземные районы, как известно, были районами преобладания барщины. В этих районах и абсолютная величина и относительная доля помещичьих земель были значительно больше, чем в нечерноземной полосе. Реформа последовательно довершала здесь процесс обезземеливания крестьян.

Земельный фонд, который достался крестьянам в пользование, был слишком мал для того, чтобы при примитивном уровне агротехники того времени он обеспечил крестьянину возможность произвести продукт, достаточный для воспроизводства его рабочей силы и орудий производства, а также для внесения возросших платежей как государству, так и помещикам.

Этот факт установлен рядом исследований пореформенной русской деревни. О нем писал Скалдин [12]. В порайонном разрезе этот вопрос тщательно изучен и освещен Ю. Э. Янсоном в его из-

---

[9] Князь А. Васильчиков. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. I. Спб., 1876, с. 491.

[10] Там же, с. 494—495.

[11] См.: Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I. М., 1952, с. 590.

[12] «Платежи, которые приходится крестьянину вносить с своего надела, так велики, что они не только отнимают у него возможность делать сбережение и улучшать свое положение, но уносят еще и часть дневного пропитания, получаемого им с его надела» (Скалдин. Указ. соч., с. 94). У того же автора мы читаем: «Во множестве имений была произведена, при введении уставных грамот, слишком значительная отрезка от крестьянских наделов, лишившая крестьян такой земли, без которой они не могут существовать» (там же, с. 213). Скалдин констатирует: «При существующих повинностях наделы не только не обеспечивают крестьян, но нередко составляют для них бремя, от которого они всячески ищут отделаться» (там же, с. 248).

вестном «Опыте статистического исследования о крестьянских наделах и платежах» [13].

В рескрипте 20 ноября 1857 г., как уже указывалось, прокламировалось наделение крестьян землей в количестве, достаточном для обеспечения их быта и платежей государству и помещикам. Между тем земли, фактически оставленной за крестьянами, было недостаточно для этого.

Для выполнения «обязанностей перед правительством и помещиками» крестьянин вынуждался вступать помимо тех отношений, к которым его обязывал закон, в «добровольные» арендные отношения по земле, при которых помещик выступает как лендлорд, а крестьянин — как арендатор. Крестьянин, таким образом, попадал в кабальную зависимость от помещика. В этом заключалась суть тех феодальных по существу земельных отношений, которые были установлены реформой.

Противоречие, возникшее в результате реформы

Итак, ликвидировав личную крепостную зависимость, реформа при этом лишила крестьян части земли, коей они фактически пользовались, заставила крестьян уплатить помещикам выкупные суммы, которые составляли не только капитализированный прибавочный продукт с земли, принадлежавшей крестьянам, но и выкуп за личное освобождение. «... Крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты...» [14]

Реформа заменила личную зависимость крестьянина зависимостью по земле, расширив и укрепив эту форму зависимости. «Освобожденный» от барщины крестьянин, писал Ленин, «вышел из рук реформатора таким забитым, обобранным, приниженным, привязанным к своему наделу, что ему ничего не оставалось, как «добровольно» идти на барщину» [15].

Характеризуя подлинную сущность освобождения крестьян реформой 1861 г., Маркс писал: «Освобождение сводится попросту к тому, что благородный помещик не может более располагать *личностью крестьянина*, продавать его и пр. Это *личное рабство уничтожено*. Помещики потеряли *власть над личностью крестьянина*» [16]. Маркс подчеркивает далее, что при крепостном праве «помещики были заинтересованы в том, чтобы поддержать крестьянина, как необходимую *рабочую силу*» [17]. Помещик был заинтересован в известном минимуме хозяйственных возможностей принадлежавшего ему крепостного. Без этого нельзя было успеш-

[13] См.: Янсон Ю. Э. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. Изд. 2. Спб., 1881.
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 430.
[16] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 429—430.
[17] Там же, с. 430.

но осуществлять крепостнический процесс эксплуатации. С ликвидацией личной зависимости крестьянина заинтересованность помещика в поддержании определенной экономической мощи крестьянского хозяйства теряет свою почву. Как говорит Маркс, «это отпало» [18].

Теперь все помыслы были обращены на то, чтобы сделать крестьян экономически зависимыми от помещиков. Едва распространились слухи о предполагающемся освобождении крестьян, указывает Маркс, как помещики начали предпринимать попытки «насильственно экспроприировать крестьян или переселить их на самые бесплодные земли» [19].

Экспроприация, которую помещики намеревались, каждый по-своему, осуществить в индивидуальном порядке до реформы, была осуществлена реформой в массовом порядке и более или менее единообразно. Теперь, как указывает Маркс, «*крестьянин* попал в *экономическую зависимость от своего прежнего помещика*» [20].

Но и для дворянства в целом реформа не могла быть экономическим выигрышем. Некрасовская характеристика реформы: «Одним концом — по барину, другим — по мужику» — верно схватывает противоречивый характер проведенной крестьянской реформы.

Юридический факт отмены личной крепостной зависимости имел важное значение для изменения характера производства. Помещичьи хозяйства, которые велись барщинным способом, теряли принудительный труд крестьян и их орудия труда, при помощи которых осуществлялся процесс производства. Разрывалась старая форма отношений, и вместе с этим возникала опасность для старых методов производства. Отрезки и выкупные платежи должны были по замыслу подготовителей реформы явиться кабально-экономическими цепями, связывающими хозяйство крестьянина с поместьем помещика.

При крепостном праве поместье представляло собой сосредоточение значительного земельного массива, производство на котором осуществлялось принудительным трудом крестьян и их инвентарем. Теперь, при новых отношениях, для продолжения процесса производства потребовался бы значительный постоянный и переменный капитал.

Рассматривая вопрос о кругообороте капитала, Маркс иллюстрирует трудности нормального кругооборота при неразвитых капиталистических отношениях жалобами пореформенных русских землевладельцев на недостаток денежного капитала и свободной наемной рабочей силы [21]. Хотя крестьяне и лишились части земли, которой они пользовались до реформы, они не были вполне отделены от своих средств производства. Помещики же не концент-

[18] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 430.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 24, гл. I, § 1.

рировали у себя средства производства, необходимые для ведения крупного хозяйства, и не имели достаточного денежного капитала для выдачи заработной платы до продажи урожая.

При уничтожении крепостной зависимости сохранение, а еще больше расширение помещичьего землевладения вступали в резкое противоречие с условиями материального процесса производства.

Поскольку реформа формально прокламировала независимость крестьянского хозяйства от помещичьего, последнее должно было подвергнуться коренной перестройке. Но для этой перестройки не было необходимых материальных предпосылок. Их не было бы и в том случае, если бы была осуществлена не частичная, а полная экспроприация крестьянского землевладения.

Обезземеливание крестьян в условиях 60-х гг. означало в известном смысле расширение феодальной монополии землевладения, концентрацию земли у помещиков-крепостников. В этой концентрации не было заключено никаких прогрессивных элементов, обеспечивающих быстрое преобразование крепостного хозяйства в капиталистическое. Концентрация земли только тогда выступает как прогрессивный фактор, когда она вызывается концентрацией производства, базирующейся на концентрации средств производства. В этом случае концентрация земли преодолевает несоответствие между масштабами землевладения и характером производства, приводит их хотя бы в относительное соответствие.

Но концентрация земли в руках помещиков, осуществленная реформой, явилась не завершением процесса концентрации производства, а средством сохранения старых, крепостнических отношений производства в условиях ликвидации личной крепостной зависимости[22]. Она означала углубление противоречия между характером производства и формой землевладения. Процесс производства в хозяйстве помещика продолжал осуществляться крестьянином при помощи средств его индивидуального труда. Даже тогда, когда одновременно на поле помещика работало много крестьян, они приводили в движение средства индивидуального труда. Таким образом, характер материального производства суммировался в понятии мелкой культуры, которая вступала в безысходный конфликт с крупным землевладением.

Только победа мелкой (буржуазной) культуры над крупным (крепостническим) землевладением могла обеспечить быстрое поступательное движение русского земледелия и всего народного

---

[22] Вот что писал тонкий наблюдатель аграрных отношений пореформенной деревни Скалдин: «Главное — крестьяне сами оказались в зависимости у помещиков от того, что почти нигде не в состоянии обойтись без пользования помещичьими угодьями, особенно когда так называемая отрезная земля поступила в распоряжение помещиков. Местами крестьянину некуда выгнать не только корову, но и курицу, ибо помещичья земля подходит иногда к самым крестьянским усадьбам. Теперь крестьяне сами принуждены выпрашивать работу у помещиков, чтобы получить за это в пользование некоторые помещичьи угодья». (Скалдин. Указ. соч. с. 46).

хозяйства. Между тем, во-первых, мелкая культура была поставлена в прямую зависимость от помещичьего землевладения, во-вторых, для нее была зафиксирована особая — общинная — форма земельной собственности, которая упрочивала полукрепостнические формы землепользования и землевладения и не могла не тормозить развитие производительных сил. Создалось чрезвычайно оригинальное положение. С одной стороны, для господствующего класса реформа осуществила превращение его феодальных прав на землю в буржуазное право частной собственности. Эта буржуазная по форме монополия собственности давала помещикам возможность сохранять феодальную по характеру форму производства. С другой стороны, крестьянская земля являлась объектом полуфеодальной формы собственности, которая тормозила развитие форм производства, соответствующих уровню развития производительных сил.

Фиксация различных форм собственности для двух различных классов преследовала цель сохранить прежние экономические отношения между этими двумя классами в новых условиях, сковать крестьянина не только монополией помещиков на землю, но и полукрепостнической общиной.

Таким образом, реформа не только не разрешила противоречий помещичьего и крестьянского хозяйства, но и углубила противоречия между формами землевладения и условиями производства. Ликвидировав принудительный труд, реформа сохранила и расширила формы землевладения и землепользования, соответствующие условиям принудительного труда. Объявив труд свободным, она сократила землевладение и землепользование, соответствующее условиям свободного труда.

Две формы экономической зависимости: феодальная и капиталистическая

Поскольку крестьянин пореформенной России был освобожден от ярма личной зависимости, создавались условия для установления и развития разных форм экономической зависимости.

Одна из наиболее чистых форм экономической зависимости устанавливалась тогда, когда крестьянин терял свое хозяйство, превращался в наемного рабочего. Эта форма экономической зависимости начала развиваться внутри крестьянства, дифференцировавшегося в ходе развития товарных отношений. Она развивалась также на базе помещичьих хозяйств, перестроившихся на капиталистический лад. Крестьянин превращался из самостоятельного производителя в наемного рабочего.

Другая форма экономической зависимости устанавливалась тогда, когда крестьянин оставался формально самостоятельным производителем, но в силу монополии помещика на землю при-

нужден был, как и раньше, при помощи своих орудий труда трудиться на земле и в хозяйстве помещика.

В результате реформы одновременно получили мощный толчок к развитию и та и другая формы экономической зависимости.

Говоря о двух типах аграрной эволюции, Ленин указывал, что «если земледельческий центр России и ее земледельческие окраины показывают нам, так сказать, пространственное или географическое распределение местностей, в которых преобладает аграрная эволюция того или другого типа, то основные черты той и другой эволюции явственно видны также во *всех* местностях, где существует рядом помещичье и крестьянское хозяйство»[23].

После отмены крепостного права основные черты и общее направление аграрной эволюции не могли не быть капиталистическими. Вопрос заключался в том, какой тип капиталистического развития станет господствующим, а решение этого вопроса непосредственно зависело от судьбы помещичьего землевладения.

Хотя указанные выше капиталистические формы экономической зависимости развивались и предвещали в перспективе стать определяющими, гнет крепостнического помещичьего землевладения был настолько силен, что тормозил весь процесс капиталистического развития пореформенной России.

В своем труде «Развитие капитализма в России» Ленин писал, что «настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»[24], что «в чисто русских губерниях преобладают отработки»[25], а не капиталистические формы помещичьего хозяйства.

Ленин разграничивает разные виды отработков и указывает, что отработки, выполняемые крестьянами без применения своего инвентаря, «составляют прямой переход к капитализму»[26]. Хотя генетическим основанием этого явления остается зависимость по земле, тем не менее она уже приближается к капиталистической форме экономической зависимости, а процесс воспроизводства в помещичьем хозяйстве теряет феодальный характер, поскольку внутри него начинает осуществляться не только производство прибавочного продукта, но и воспроизводство орудий производства и необходимого продукта.

Но главная форма экономической зависимости крестьян от помещиков заключалась в такой отработочной системе, которая «состоит в обработке земли инвентарем окрестных крестьян, причем форма платы не изменяет сущности этой системы (будет ли это плата деньгами, как при издельном найме, или плата продуктом, как при испольщине, или плата землей или угодьями, как при отработках в узком смысле слова)»[27].

---

[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 217—218.
[24] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 179.
[25] Там же, с. 191.
[26] Там же, с. 200.
[27] Там же, с. 186—187.

Такая форма экономической зависимости предполагает наличие двух секторов производства, из которых один, воспроизводящий орудия труда и необходимый продукт, выступает в качестве производственной основы другого сектора, в котором производится прибавочный продукт[28].

Общее направление экономического развития характеризовалось ликвидацией двухсекторной формы воспроизводства, являвшейся прямым наследством дореформенной, крепостнической системы. Но степень ликвидации ее была весьма низкой даже в XX в., когда экономическая зависимость по земле и соответствующие ей формы воспроизводства имели еще широкое распространение.

* * *

Формы феодальных отношений очень разнообразны. Не менее разнообразны и юридические нормы, которыми они закрепляются или освящаются. Но типичными для феодального способа производства являются отношения по земле.

Основой феодализма выступает феодальная собственность на землю. Феодальная форма земельной собственности предполагает не только господство землевладельца над данной территорией как определенной частью пространства, но и власть над людьми, населяющими эту территорию. Реализация этой власти и означает внеэкономическое принуждение. «Система хозяйства, — учит Ленин, — порождает здесь «внеэкономическое принуждение»...»[29] Последнее предполагает ту или иную форму личной зависимости. Однако какова бы ни была степень личной зависимости, условием получения феодалом прибавочного продукта является наделение непосредственного производителя землей. Надел при барщине — это поле создания необходимого продукта, а при оброке — поле создания и необходимого и прибавочного продукта.

Пользование крестьянина землей является условием обеспечения феодала прибавочным трудом или прибавочным продуктом — в этом заключается экономическая сущность феодального производства и феодальных связей помещика и крестьянина. И эта экономическая сущность может остаться даже при ликвидации отношений личного господства и подчинения.

В статье «Крепостное хозяйство в деревне» Ленин писал: «... когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег взаймы или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства»[30].

---

[28] Мы исходим из тех отношений между помещичьим и крестьянским хозяйством, которые устанавливались после отмены крепостного права в прежних барщинных имениях. Такой прием закономерен, поскольку почти три четверти всего крепостного крестьянства перед реформой состояло на барщине.

[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 72.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 90.

Пусть крестьянин формально свободен, пусть он имеет право вступить в свободные договорные отношения с землевладельцем. Но если при этом крестьянин за право пользования землей должен обработать своим инвентарем землю землевладельца, то устанавливается отношение феодального типа, хотя формально оно укладывается в рамки буржуазных отношений.

Буржуазная форма свободного договора может быть выражением связей, имеющих разное экономическое содержание. Ленин проводит даже условную аналогию между наделом и заработной платой. Аналогия заключается в том, что как заработная плата, так и надел являются средством воспроизводства рабочей силы непосредственного производителя.

Но за этими пределами аналогия кончается. Надел предполагает принуждение; при заработной плате в нем нет нужды. Заработная плата выдается после окончания процесса труда; если рабочий не приведет в движение рабочую силу, то он не может получить и заработную плату. Крестьянин же имеет надел еще до процесса труда. Он может осуществлять процесс производства без всякой связи с помещиком.

При заработной плате прибавочный труд осуществляется слитно с процессом необходимого труда в хозяйстве эксплуататора — капиталиста. Прибавочный же труд наделенного землей барщинного крестьянина осуществляется обособленно от необходимого, а при оброчной системе — не под командой землевладельца, а в хозяйстве самого крестьянина.

Если арендным соглашением предусмотрено, что непосредственный производитель при помощи своих орудий труда должен работать на земле ее собственника, то производственные отношения, которые здесь устанавливаются, по своему существу носят феодальный характер.

В этом случае плата за труд землей существенным образом отличается от заработной платы. При заработной плате нет двух секторов воспроизводства, тогда как при данной форме аренды продолжают сохраняться два сектора воспроизводства: крестьянское хозяйство и помещичье хозяйство, обслуживаемые, однако, трудом и инвентарем крестьянина.

Но суть дела не изменяется коренным образом и в том случае, если платой за труд является не земля, а продукт или даже деньги. Поскольку обработка помещичьей земли осуществляется трудом и инвентарем крестьянина, не обладающего достаточным полем труда и зависимого поэтому от помещика, постольку, следовательно, сохраняется раздельность воспроизводства необходимого и прибавочного продукта.

Экономическая зависимость может порождать отношения, одинаковые по внешней форме, но различные по своему социальному содержанию и по своим производственно-экономическим последствиям.

Как мы уже отмечали, существуют два основных вида экономической зависимости. Один из них является вещной зависимо-

стью, другой — зависимостью земельной. В первом случае производитель лишен средств производства и подвергается эксплуатации, соединяясь с чужими средствами производства и осуществляя процесс труда под командой их собственника — капиталиста. Казалось бы, и во втором случае имеет место аналогичное явление: непосредственный производитель лишен достаточного для своего хозяйства количества земли — а земля тоже средство труда, и, соединяясь с чужим средством труда, он вступает в отношения эксплуатации. Но это лишь формальная аналогия.

Как известно, Маркс относит землю к средствам труда в широком смысле слова. Но имеется глубокое различие между землей и другими средствами труда. Земля — средство труда, данное природой. Другие же средства труда созданы человеком. «Земля... существует без всякого содействия с его (человека. — *Н. Ц.*) стороны как всеобщий предмет человеческого труда»[31]. Хотя «земля есть средство труда, но функционирование ее как средства труда в земледелии, в свою очередь, предполагает целый ряд других средств труда...»[32].

Непосредственный производитель, вступающий в экономические отношения вследствие зависимости по земле, не лишен средств производства. Крестьянин, берущий в аренду землю у помещика, имеет инвентарь, орудия труда. Соединение непосредственного производителя, владеющего средствами производства, с землей, обособленной от него монополией земельной собственности землевладельца, не создает новой производительной силы: производственный строй земледелия остается неизменным, производство по-прежнему осуществляется отдельным производителем-крестьянином при помощи его индивидуальных орудий труда. Соединение же производителя с чужими средствами труда, являющимися продуктом человеческого труда, изменяет способ производства и создает дополнительную производительную силу. Вместо единичного производителя с орудиями индивидуального труда здесь функционируют кооперированные рабочие, вооруженные орудиями кооперированного труда, чем обеспечивается более высокий уровень производительности труда. Следовательно, если землевладелец является одновременно и капиталистом, у которого имеются средства труда, являющиеся продуктом человеческого труда, то соединение с ними непосредственного производителя, лишенного средств труда, может заключать в себе потенции роста производительных сил. Но эти потенции заключены не в собственности на землю, а в собственности на другие средства труда, концентрация которых является потенциальной производительной силой.

---

[31] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 189.
[32] Там же, с. 190.

* *
*

Всякие отношения по земле отличны от капиталистических производственных отношений. Но отношения по земле могут иметь форму, приспособленную к буржуазным условиям производства.

Отношение фермера-капиталиста, берущего землю в аренду, и землевладельца, сдающего землю в аренду, есть отношение по земле. Но оно не мешает установлению способа производства, независимого от земельной собственности. Земельный собственник выступает здесь лишь в качестве получателя дани — ренты, но способ производства покоится не на концентрации земли у земельного собственника, а на концентрации средств производства у фермера-капиталиста, с коим соединяется непосредственный производитель. В результате осуществляется единый от начала до конца процесс производства необходимого и прибавочного продукта и воспроизводства средств производства.

В этом случае возникает отношение буржуазного типа, а земельная собственность перестает быть основой феодальных отношений.

Совершенно иное значение имеет земельная собственность, когда устанавливаются прямые отношения между землевладельцем и непосредственным производителем, т. е. крестьянином, не обладающим полем труда, достаточным для производства необходимого и прибавочного продукта. Тогда земельная собственность может превратиться в средство получения рабочей силы и орудий производства непосредственного производителя для обработки земли землевладельца. В этом случае крестьянин своими примитивными орудиями индивидуального труда осуществляет процесс производства не только на своем клочке земли, но и на арендованном им участке, а также на той части земли землевладельца, которая является объектом хозяйства последнего. Процесс производства в этих условиях не только не может подняться на более высокую ступень, но может и деградировать. Кабальные условия аренды требуют обычно перенапряжения в использовании средств труда и рабочей силы крестьянина, не компенсируемого ростом производимой продукции: большая часть ее, как правило, присваивается землевладельцем.

В данном случае экономическая зависимость способствует сохранению феодального характера производства. Обусловлено это тем, что сама основа рассматриваемой формы экономической зависимости — феодальная, т. е. зависимость по земле.

Земельный надел является для крестьянина средством производства необходимого продукта (барщина) или и необходимого, и прибавочного продукта (оброк), а для земельного собственника — средством присвоения всего прибавочного труда крестьянина. Это и составляет суть феодального отношения по земле. Оно сохраняет свой характер и тогда, когда связано с личной внеэко-

номической зависимостью крестьянина от помещика, и тогда, когда устанавливается «добровольно». В последнем случае оно обусловлено только экономической зависимостью, но это есть экономическая зависимость особого рода.

Для того чтобы организовать сельскохозяйственное капиталистическое предприятие, фермер-капиталист должен уплачивать ренту земельному собственнику. Всякое рентное отношение между капиталистом и земельным собственником вступает в противоречие с интересами капиталистического производства. Но земельная собственность экономически себя реализует при фермерской аренде на базе законов капиталистического, а не феодального способа производства. Рента есть лишь сверхприбыль, а не весь прибавочный продукт. Процесс производства на земле, арендованной фермером-капиталистом, происходит совершенно независимо от процесса производства на земле, являющейся объектом хозяйства земельного собственника, если он вообще ведет хозяйство. Как правило, землевладелец в условиях развитого капиталистического способа производства не ведет хозяйства на своей земле, но даже если он ведет его, то никакого касательства не имеет к процессу производства, который ведется на землях, сданных в аренду.

Пока же не сформировался капиталистический способ производства и общество только расстается с феодальными порядками, в земледелии существуют две главные фигуры: одна из них — землевладелец, имеющий монопольную власть над землей как средством труда, но не имеющий других средств труда; вторая — земледелец, лишенный земли, необходимой ему для производства средств существования, но обладающий другими средствами труда и рабочей силой, необходимыми для функционирования земли как средства труда.

В этих условиях процесс производства у землевладельца зачастую не может осуществляться: хотя он имеет землю, но не имеет других средств труда и рабочей силы, необходимых для функционирования земли как средства труда. Процесс производства у земледельца тоже не может полностью осуществиться: хотя он имеет другие средства труда и рабочую силу, но не имеет в достаточном количестве главного условия труда — земли. Здесь непосредственный производитель — крестьянин — находится в экономической зависимости от земельного собственника. Но она резко отличается от экономической зависимости капиталистического типа. В результате этой формы зависимости самый способ производства остается по характеру своему феодальным: производство и на поле крестьянина и на поле землевладельца осуществляется мелкими средствами труда и трудом индивидуального производителя, как при феодальном строе. Сохраняются два хозяйства. В одном воспроизводятся орудия труда и необходимый продукт, в другом создается прибавочный продукт.

Получатель прибавочного труда или прибавочного продукта и владелец средств труда, являющихся продуктом человеческого

труда, при этой форме производства — разные лица. Естественно поэтому, что средства труда в лучшем случае остаются неизменными, а прибавочный продукт сплошь и рядом проедается без остатка. Такая форма процесса производства не способствует накоплению, расширенному воспроизводству.

Между тем при экономической зависимости капиталистического типа процесс производства осуществляется не мелкими средствами труда индивидуального производителя, а концентрированными средствами труда коллективного производителя. В этом случае прибавочный продукт принадлежит владельцу средств производства, что является благоприятным условием накопления и расширенного воспроизводства.

Таким образом, экономическая зависимость феодального типа даже при отсутствии личной зависимости является опорой старых, феодальных методов производства и не заключает в себе потенций роста производительных сил.

Роль помещичьего землевладения в условиях неразвитого капиталистического способа производства

Экономическая зависимость феодального типа, существовавшая в России после отмены крепостного права, имела тенденцию превратиться в экономическую зависимость капиталистического типа.

Хотя русский крестьянин и после реформы и даже в XX в. был «все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно так же*, как в XI веке шли в кабалу „смерды"»[33], а помещики кабалили крестьян, как «землевладельцы кабалили смердов еще во времена „Русской Правды"»[34], все же экономическая зависимость феодального типа отступала и должна была отступать на задний план.

Прибавочный продукт, создаваемый феодальными методами на основе зависимости по земле, становился источником накопления капитала. Такой процесс происходил в России в широких масштабах, он выражался в переходе помещиков-землевладельцев от барщинного хозяйства к капиталистическому. Но консервативный характер этого пути развития капитализма неизбежен: сила конкуренции, которая обычно подгоняет капиталиста, в данном случае ослабляется монополией земельной собственности, которая консервирует устарелые формы производства, феодальные по своему характеру. Монополия помещичьего землевладения даже при ликвидации отношений личной зависимости порождает экономическую зависимость феодального типа и соответствующую ей фор-

[33] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 131.
[34] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 199.

му процесса воспроизводства. Только в меру роста накопления происходит постепенный переход к капиталистическим формам эксплуатации, и тогда помещичье хозяйство начинает подчиняться законам капиталистического производства и переходить на воспроизводство всех элементов продукта в одном хозяйстве — в хозяйстве помещика.

Но такой переход возможен только на определенной ступени развития производительных сил общества. Чем выше уровень развития производительных сил, тем больше оснований к превращению экономической зависимости феодального типа в экономическую зависимость вещного, капиталистического типа.

Производительные силы определяют характер производственных отношений. Когда человек осуществляет процесс производства главным образом «орудиями производства, созданными цивилизацией»[35], т. е. средствами труда, являющимися продуктом человеческого труда, тогда зависимость непосредственного производителя от владельца средств труда обычно не принимает и не может принять характера личной зависимости, ибо каждый процесс воспроизводства в этих условиях есть не только производство продукта, но и воспроизводство экономической зависимости работника производства.

Когда же земля, это «естественно возникшее орудие производства»[36], является главным средством производства, то это есть выражение низкого уровня развития производительных сил. Тогда зависимость должна принять форму личной зависимости, отношения прямого господства и подчинения. Непосредственный производитель, подвергающийся феодальной эксплуатации, выходит из процесса производства со средствами труда. У него есть необходимые условия для повторения процесса производства в своем хозяйстве. Поэтому необходимо принуждение, чтобы заставить его работать на эксплуататора. По сравнению с рабством здесь очевидный прогресс, поскольку раба необходимо принуждать к труду и тогда, когда он работает на себя, создавая необходимый продукт. При рабстве не обеспечено без принуждения воспроизводство ни одного элемента производства. При феодализме не обеспечено без принуждения или производство прибавочного продукта (барщина), или его присвоение (оброк).

При отношениях вещной зависимости, т. е. зависимости капиталистического типа, процесс эксплуатации слит с процессом воспроизводства необходимого продукта и средств труда. В результате процесса производства непосредственный производитель выходит из него без средств труда. Поэтому здесь нет необходимости применять принуждение.

Маркс говорит: «Если производство имеет капиталистическую форму, то и воспроизводство имеет такую же форму»[37]. Это положение действительно для капиталистической формы эксплуатации,

---

[35] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 65.
[36] Там же.
[37] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 578.

но оно не может быть распространено на феодальную форму эксплуатации. Последняя не заключает в себе элементов автоматического повторения процесса воспроизводства.

Противопоставляя феодализм капитализму, крепостного крестьянина — наемному рабочему, Маркс писал: «Он (крепостной крестьянин. — *Н. Ц.*) постоянно воспроизводит свой собственный рабочий фонд, и этот последний никогда не принимает по отношению к нему формы средства платежа, авансированного в обмен на его труд третьим лицом» [38].

В условиях капитализма неоплаченный труд наемного рабочего принимает форму добровольного и оплачиваемого труда. Поэтому не требуется внеэкономического принуждения для эксплуатации наемного рабочего. Что же касается крепостного крестьянина, то, как указывает Маркс, «его неоплаченный принудительный труд никогда не получает формы добровольного и оплаченного труда» [39]. Поэтому для повторения феодальной формы воспроизводства необходимо принуждение.

Продукт производства наемного рабочего заключает в себе элемент воспроизводства орудий производства и его рабочей силы. Продукт крепостного крестьянина, изымаемый помещиком, не заключает в себе элементов воспроизводства орудий производства. Поэтому в первом случае может допускаться «свобода» труда, а во втором случае должно иметь место внеэкономическое принуждение, чтобы непосредственный производитель стал вновь и вновь являться на господское поле.

При низком уровне производительных сил зависимость по земле, являющаяся главной основой эксплуатации человека человеком, должна быть дополнена отношениями личной зависимости, а при высоком уровне развития производительных сил зависимость по земле отступает на задний план перед зависимостью вещного типа, и эксплуатация человека человеком обычно не требует принуждения. Голодный рабочий в условиях наемного рабства сам является на капиталистическую каторгу.

Разложение феодализма и развитие в его недрах буржуазных отношений явилось экономическим выражением того, что изменились роли «естественных» и «созданных цивилизацией» средств труда. Власть, исходящая от монополий на землю, начала уступать свое место власти денег, отношения личной зависимости стали заменяться отношениями вещной, капиталистической зависимости, буржуа оттеснял феодала.

Понятно, что капиталистические отношения развивались бы тем быстрее, чем меньше экономическая зависимость феодального типа. Последняя не может в новых условиях исключить развитие капиталистических отношений, но может сильно мешать ему.

Различная роль «естественных» и «созданных цивилизацией» орудий производства в процессе воспроизводства ярко обнаружи-

[38] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 580.
[39] Там же.

вает себя и в категории издержек производства. Снашивание «естественных» орудий производства не входит в издержки производства, а снашивание «созданных цивилизацией» орудий производства является их неотъемлемым элементом.

Являясь монополией на естественное средство труда, земельная собственность имеет феодальные черты даже при развитых капиталистических отношениях. Но в одних случаях земельная собственность определяет характер производства, в других она реализует себя на основе действующих независимо от нее форм производства и соответствующих им экономических законов.

Выражением господства земельной собственности в экономических отношениях является присвоение ею всего прибавочного продукта. Выражением ее подчиненности экономическим отношениям, существующим независимо от нее, является присвоение ею лишь части прибавочной стоимости, сверхприбыли.

В условиях капитализма отношение по земле между земельным собственником и капиталистом нельзя подвести под категорию экономической зависимости. Последняя выражает отношение непосредственного производителя к монополисту средств труда. Отношение между ними определяет способ производства.

Поэтому земельная собственность имеет принципиально различное значение в зависимости от того, кто является контрагентом землевладельца. Когда земельная собственность вступает в прямую связь с непосредственным производителем, она есть могучая сила, воздействующая на характер способа производства, а иногда и определяющая его. Когда же нет прямой связи между ними, земельная собственность перестает быть такой силой. Экономическая зависимость тогда неизбежно теряет свой феодальный характер и приобретает вещный, капиталистический характер, а процесс воспроизводства с двумя секторами перерастает в единый процесс воспроизводства. Это перерастание неизбежно сопровождается наиболее тяжелыми формами эксплуатации. Непосредственный производитель еще не высвободился из-под экономической зависимости феодального типа, а уже подпадает под власть экономической зависимости вещного типа. Когда же последнюю ему навязывает торговый и ростовщический капитал, тогда нет границ его эксплуатации и страданиям.

Нельзя сказать, как долго может быть сохранена экономическая зависимость феодального типа, но можно сказать, что она в громадной степени тормозит развитие производительных сил. Но как бы значительно ни было это торможение, на определенной ступени развития производительных сил вещная форма зависимости должна постепенно оттеснять зависимость феодального типа.

Условием полного вытеснения зависимости феодального типа является ликвидация всех характерных для феодализма форм землевладения и приспособление земельной собственности к формам капиталистического производства.

Такое приспособление землевладения к условиям капиталистического производства происходило в Англии. Процесс этот имел

две стороны. С одной стороны, была произведена насильственная экспроприация крестьянского землевладения. С другой стороны, хотя в Англии «насилия производились в пользу помещиков»[40], само помещичье землевладение подвергалось также существенной модификации, освободившись от ограничений ленной системы.

В условиях капитализма такая форма землевладения выступает не как орудие установления экономической зависимости непосредственного производителя от землевладельца, а лишь как средство получения сверхприбыли в форме ренты, уплачиваемой капиталистом, осуществляющим процесс производства на основе законов капиталистической конкуренции.

Но развитие такой формы землевладения невозможно без господства развитого капиталистического производства. Сама возможность свободного приложения капитала возникает лишь при наличии сложившихся буржуазных отношений производства. Следовательно, эта форма не может явиться в результате одного акта, она возникает в результате длительного воздействия капитала на земельную собственность. Она предполагает высокий уровень развития буржуазного производства еще в недрах феодального общества.

Между тем в странах, только вставших на путь буржуазного развития, среди других противоречий имеется противоречие между потребностями буржуазного развития и недостатком капиталов.

В этих странах только расчистка пути для мелкобуржуазного производителя, освобождение его не только от личной, но и от экономической зависимости по земле может послужить прогрессивной основой капиталистического развития производительных сил. При мелкой культуре путы помещичьего землевладения превращаются в орудие консервации отсталых, феодальных форм производства.

При мелком производстве крупная земельная собственность не может быть только монополией на определенный денежный доход — она становится монополией, определяющей формы производства. Не землевладение приспосабливается к формам производства, а, наоборот, сами формы производства подчиняются монополии землевладения. Устранение экономической зависимости по земле есть условие свободного прогрессивного развития земледелия.

Зависимость капиталиста от землевладельца по своей экономической природе не имеет ничего общего с зависимостью мелкого производителя от землевладельца.

Отношение по земле между капиталистом и землевладельцем не ставит капиталиста в экономическую зависимость от землевладельца, ибо условием установления между ними такого отношения является получение капиталистом средней прибыли. Отношение же по земле между землевладельцем и непосредственным

---

[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 252.

производителем ставит последнего в экономическую зависимость от первого.

Роль землевладельца в этих условиях аналогична роли ростовщика. Наемная земля из поля приложения свободного труда превращается в экономическую основу кабальной эксплуатации крестьянина. Как эта, так и ростовщическая форма эксплуатации являются кабальными формами, соответствующими условиям феодального, а не капиталистического производства, с той только разницей, что отношение по земле и возникающая на его основе экономическая зависимость имеют более важное значение для судеб крестьянского производства, чем экономическая зависимость ростовщического порядка.

Укрепление экономической зависимости крестьянина от помещика, осуществленное в России реформой 1861 г., означало лишь переход «из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»[41].

Уничтожение личной зависимости крестьян означает создание условий для превращения рабочей силы бывшего крепостного в товар. С этой точки зрения реформа 1861 г. носит буржуазный характер Расширяется сфера товарного обращения. В орбиту товарного обращения может быть вовлечен новый товар — рабочая сила. Превращение же рабочей силы в товар означает превращение товарного обращения в капиталистическое.

Но для того чтобы возможность такого превращения стала действительностью, необходимо еще наличие двух других условий. Во-первых, должен быть налицо покупатель, сосредоточивший в своих руках необходимый денежный капитал для покупки рабочей силы и средств производства. Во-вторых, требуется, чтобы собственник рабочей силы был «свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы»[42], и вынужден был продавать свою рабочую силу как товар.

Между тем в момент реформы эти два условия отсутствовали в масштабах, необходимых для изменения способа производства в короткий исторический срок. Помещики не обладали капитальными суммами и средствами производства, необходимыми для приведения в движение покупной рабочей силы[43].

Собственник рабочей силы был экспроприирован, но у него оставались предметы, необходимые «для практического применения своей рабочей силы». Однако у него не было достаточного поля труда для того, чтобы это практическое применение могло произойти в масштабах, обеспечивающих возможность воспроизводства его рабочей силы и средств производства.

Это противоречие между возможностью развития капиталистического типа экономических отношений и отсутствием условий, необходимых для этого развития, было уродливо разрешено

[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 140.

[42] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 179.

[43] «Вследствие малодоходности имений все здешние помещики нуждаются в деньгах, или, лучше сказать, денег ни у кого здесь нет, в том числе и у бывших тысячедушных помещиков» (Скалдин. Указ. соч., с. 60).

сохранением старых крепостнических методов производства под внешней оболочкой свободных буржуазных отношений[44].

Таким образом, хотя феодальная монополия на рабочую силу непосредственного производителя отменялась и владелец рабочей силы превращался в ее собственника, потребление рабочей силы в значительной мере происходило в старых условиях, старыми методами, при старых средствах производства.

«Крепостное право, — указывает В. И. Ленин, — *считается* отмененным. Но на деле у помещиков осталась и до сих пор такая власть в руках (благодаря награбленным ими землям), что они и теперь держат крестьянина в крепостной зависимости — *посредством отработков*»[45]. «Отработочное хозяйство, — продолжает В. И. Ленин, — это — то же самое, подновленное, подкрашенное, перелицованное, *крепостническое* хозяйство»[46].

Насколько велики были остатки крепостничества в экономическом строе страны, можно судить по тому, что через 45 лет после реформы В. И. Ленин, говоря об аграрном преобразовании России, указывал, что «историческая задача состоит в борьбе с докапиталистическим строем»[47]. Ленин отметил, что капиталистическое земледелие еще не вполне сложилось в России, что и для XX в. характерны «условия преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России»[48]. «Основой их (крепостников-помещиков. — *Н. Ц.*) современного хозяйничанья является отработочная система, т. е. прямое переживание барщины...»[49]

Ленин отмечал, что «в массе имений *никакого* помещичьего хозяйства нет, а ведется то же крестьянское хозяйство, земля пашется обессиленной крестьянской лошадью, обрабатывается старым и плохим крестьянским инвентарем»[50]. Иначе говоря, как и при крепостничестве, крестьянское хозяйство оставалось производственной основой помещичьего хозяйства.

Причина сохранения в русском пореформенном земледелии значительных остатков докапиталистического строя заключалась в экономической зависимости феодального типа и ни в чем другом. Ленин писал в 1907 г.: «Отработки держатся не силой закона — по закону крестьянин «свободен» умирать с голоду! — они держатся силой *экономической зависимости* крестьян... Для уничтожения этой язвы на теле русского народа есть только одно средство: *уничтожение помещичьей земельной собственности*, ибо она в преобладающей мас-

[44] О степени распространенности и о формах крепостнических методов производства в пореформенном земледелии России см. работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» (гл. III, § 2, 3), «Крепостное хозяйство в деревне», а также статьи Н. А. Каблукова и Н. Ф. Анненского в сборнике «Влияние урожаев и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» под ред. А. И. Чупрова и А. С. Постникова (т. I. Спб., 1897).

[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 130.

[46] Там же, с. 131.

[47] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 270.

[48] Там же, с. 403.

[49] Там же.

[50] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 133.

се случаев есть до сих пор *крепостническая* собственность, источник и опора *крепостнической* эксплуатации»[51].

Таким образом, экономическая зависимость феодального типа оказалась настолько прочной, что экономическая зависимость капиталистического типа по прошествии полувека после отмены крепостного права не стала преобладающей в земледелии.

Этот факт является достаточным доказательством глубокого крепостнического характера реформы 1861 г.[52]

Обычное указание, что реформа 1861 г. заменила личную зависимость крестьянина экономической зависимостью, без выяснения характера последней, приводит к игнорированию существенных различий между той формой экономической зависимости, в которую попадал крестьянин в результате реформы, и той формой экономической зависимости, в которой находится пролетарий.

Смешение этих различий по генезису, основанию и характеру форм экономической зависимости ведет к приукрашиванию реформы 1861 г., к затушевыванию коренного противоречия экономического развития пореформенной России в XIX и XX вв., которое Ленин сформулировал как «противоречие между капитализмом, высоко развитым в нашей промышленности, значительно развитым в нашем земледелии, и *землевладением*, которое продолжает оставаться средневековым, крепостническим»[53].

Анализ специфических черт и особой роли экономической зависимости, в которой находился русский крестьянин после «освобождения» его реформой 1861 г., является условием правильного понимания основной проблемы классовой борьбы эпохи реформы.

В кн.: Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., Госполитиздат, 1956.

---

[51] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 134.

Очень меткую характеристику методов экономической реализации помещичьей земельной собственности после реформы дает Салтыков-Щедрин в рассказе «Помещик». Он пишет, что в деревне «крупные землевладельцы встречаются редко. Они избрали благую часть: отрезали крестьянам в надел пахотную землю, а сами остались при так называемых оброчных статьях: лесах, лугах, рыбных ловлях и т. п. Пашню, какая осталась в излишестве, запустили под пастбище и тоже обратили в оброчную статью... В определенное время сдаются в конторе с торгов участки леса, лугов, мельницы, постоялые дворы, пастбище и прочие статьи. Доход получается без хлопот; издержки по управлению незначительны». (Салтыков Щедрин М. Е. Мелочи жизни. Избр. произв. в семи томах, т. VI. М., 1949, с. 269—270).

[52] Крестьянство сразу же реагировало на крепостнический способ «освобождения». Реформа явилась исходным пунктом новых крестьянских волнений и выступлений (см.: Найденов М. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955).

[53] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 309.

Раздел третий

Русская экономическая мысль в эпоху кризиса и ликвидации крепостничества

У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России

Ленинское учение о двух типах буржуазной аграрной эволюции явилось ценнейшим вкладом в революционную экономическую теорию. Оно подняло марксистскую аграрную теорию и марксистское учение о буржуазно-демократической революции на новую ступень. Это учение Ленина бросает яркий свет на содержание классовой борьбы и отражавшей ее идейной борьбы в России на буржуазно-демократическом этапе освободительного движения.

При разработке учения о двух типах буржуазной аграрной эволюции Ленин опирался на Марксову аграрную теорию. Ленин обобщил опыт буржуазного преобразования аграрного строя в России и в главных капиталистических странах Западной Европы и Америки. Он использовал при этом теоретическое наследие, оставленное предшествующим революционно-демократическим движением в России.

Борьба, которую вела русская передовая экономическая мысль за прогрессивные условия экономического развития России, за интересы трудящихся и в ходе которой она создала оригинальные концепции аграрного развития, и составляет предысторию и начало борьбы идей в России вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции. Эта борьба переплеталась с борьбой против крепостного права. Ее материальной основой был процесс разложения крепостного хозяйства.

Критика крепостнических общественных порядков началась в русской литературе в период нарастания крестьянских волнений, завершившихся крестьянской войной, которую возглавил Емельян Пугачев.

Я. П. Козельский и А. Я. Поленов первые пришли к теоретическому отрицанию крепостного права. Так, Поленов писал, что крепостничество противоречит «естественному праву»[1]. Однако

[1] Поленов А. О крепостном состоянии крестьян в России. — Русский архив, 1865, с. 292.

практические требования Козельского и Поленова, совпадавшие в основном с требованиями Г. С. Коробьина и непосредственно сводившиеся лишь к имущественному обособлению крестьянского хозяйства, свидетельствуют об ограниченности этой критики крепостного права, исходившей из среды дворянства.

Развернутая критика крепостничества начинается на первом этапе освободительного движения в России, представители которого видели причину экономической отсталости России в личной крепостной зависимости крестьянина. Лучшие из них приходили к идее революционного уничтожения крепостничества. Духовным отцом этого этапа является Александр Николаевич Радищев; в центре стоят декабристы и прежде всего Павел Иванович Пестель. Огромное значение Радищева и декабристов заключается в том, что они нанесли первый мощный удар по идеологии крепостничества и способствовали широкому развитию антикрепостнической общественно-экономической мысли.

Разночинский, или буржуазно-демократический, этап освободительного движения знаменует новую фазу борьбы против крепостничества. Она начинается с того времени, когда вопрос о ликвидации личной крепостной зависимости был уже предрешен и на передний план выдвинулась борьба против монополии помещичьего землевладения, за автономию крестьянского хозяйства, за освобождение крестьянина от помещичьего ярма. Центральной фигурой этого периода является Николай Гаврилович Чернышевский.

Козельскому, Поленову и Коробьину противостояли Щербатов, Болтин, Сумароков, боровшиеся против идеи имущественного обособления крестьянского хозяйства и отстаивавшие крепостной строй в неизменном виде.

Радищеву, а затем Пестелю и декабристам в целом противостояли крепостники, реакционная идеология которых нашла свое завершение в «теории официальной народности».

Чернышевскому и его сподвижникам приходилось разоблачать не столько крепостников, идеология которых накануне крестьянской реформы была глубоко надломлена, сколько помещичье-либеральный лагерь, в том числе западников и славянофилов.

Идейная борьба вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции развертывается в эпоху падения крепостного права. Однако некоторые контуры ее стали обозначаться и в предшествующие периоды. Понятно, что эта борьба могла происходить лишь в среде тех представителей русской общественно-экономической мысли, которые критически относились к крепостническому строю. Естественно поэтому, что и размежевание идейных направлений по вопросу о возможном пути буржуазного развития должно быть иным, чем по вопросу об отношении к крепостному праву.

Взгляды Козельского, Поленова и Коробьина, выступавших в Екатерининской законодательной комиссии и в Вольном экономическом обществе, если суммировать их, сводятся к стремлению обособить крестьянское хозяйство от помещичьего, к созданию ус-

ловий для развития производительных сил крестьянского хозяйства. Этим взглядам можно противопоставить взгляды Д. А. Голицына, допускавшего возможность постепенной отмены крепостного права и без основания считавшего себя последователем физиократической системы, феодальную оболочку которой он использовал для своих целей. Голицын высказывался за предоставление крестьянину личной свободы за столь высокие выкупные платежи, что крестьянское хозяйство, поставленное в зависимость от помещика необходимостью земельной аренды, оставалось бы лишь источником дохода для помещика-землевладельца.

Можно ли утверждать, что здесь уже завязалась идейная борьба за выбор пути буржуазного развития сельского хозяйства? Нет, ибо сторонники развития крестьянского хозяйства были беспомощны в своих требованиях с точки зрения создания прогрессивных условий буржуазного развития; Голицын не ставил вопроса о превращении помещика в капиталиста. Первые стремились обособить крестьянское хозяйство от помещичьего; вторые искали пути закабаления крестьянина в случае его личного освобождения. В этом смысле эти два направления в какой-то мере предвосхищают будущее размежевание сил в борьбе за тот или иной путь буржуазного развития.

На дворянском этапе освободительного движения вопрос о перспективах помещичьего и крестьянского хозяйства не являлся еще главным объектом борьбы, но он не мог не принять более конкретных очертаний.

Радищев, призывая к ликвидации помещичьего насилия и произвола, заявлял, что владеть землей должен тот, кто ее обрабатывает. Таким образом, буржуазное развитие земледелия Радищев связывал с крестьянским, а не помещичьим хозяйством.

Аграрный проект Пестеля, намечавший сокращение помещичьего землевладения, демократизацию землевладения, показывает, что Пестель связывал перспективы экономического развития страны с укреплением крестьянского хозяйства. Желание сохранить дворянские доходы в неизменном размере свидетельствует о противоречиях в системе идей этого дворянского революционера. Но главное в системе аграрных взглядов Пестеля состоит в том, что он возлагал надежду на крестьянское хозяйство как на источник развития производительных сил.

Глубокая оригинальность аграрного проекта Пестеля говорит о понимании им того, что Россия в своем экономическом развитии не может копировать западные страны. У Пестеля в его аграрном проекте не было ни сисмондизма, ни признаков англомании, характерной для многих представителей тогдашней дворянской мысли, рассматривавших вопрос о перспективах развития помещичьего хозяйства. Это была самостоятельная постановка аграрной проблемы, носившая для своего времени несомненно демократический характер.

Аграрный проект Пестеля противостоял аграрным взглядам и некоторых декабристов, в том числе наиболее видного экономис-

та-декабриста Н. И. Тургенева. Как известно, большинство декабристов стремилось к освобождению крестьян без земли или с очень незначительным наделом. В этом, пожалуй, наиболее ярко сказалась их дворянская ограниченность. Ликвидация крепостного права мыслилась ими при условии сохранения и по существу расширения помещичьего землевладения.

Разложение крепостного хозяйства и наступивший кризис крепостнической системы, принимавший угрожающие для господствующего класса формы, вынудили значительные слои идеологов дворянства признать необходимость отмены крепостного права. И западничество, и славянофильство, возникшие как противоположные течения, исходили из того, что крепостное право изжило себя. Разногласия между западниками и славянофилами обострились в связи с вопросом о путях дальнейшего экономического развития России. Однако этим разногласиям весьма часто придают явно преувеличенное значение. Несмотря на внешне острую борьбу между западниками и славянофилами, это размежевание в области экономической мысли не было определяющим.

Уже в XVIII в. внутри антикрепостнического направления русской экономической мысли отмечаются некоторые зачатки идейной борьбы вокруг двух возможных типов буржуазной эволюции. В XIX в. под влиянием дальнейшего разложения и кризиса крепостного хозяйства эта борьба приняла более четкие формы, что мы уже видели на примере декабристов. Однако в отличие от декабристов и славянофилы и западники приняли активное участие в классовой борьбе эпохи падения крепостного права. В связи с идейной борьбой этого периода и следует рассматривать их воззрения по интересующему нас вопросу.

В России назревала революционная ситуация. Это был период, когда господствующий класс оказался не в состоянии сохранить в неизменном виде свое господство, когда значительно повысилась активность масс, нужда и бедствия которых особенно обострились. Но это была активность, не ставшая еще революционной. В таких условиях наступала эра буржуазного развития России. Поэтому переход к капитализму происходил не в порядке революции, а в порядке реформы.

В. И. Ленин писал, характеризуя классовую борьбу периода реформы: «Шла борьба из-за способа проведения реформы между помещиками и крестьянами. И те и другие отстаивали условия буржуазного экономического развития (не сознавая этого), но первые — такого развития, которое обеспечивает максимальное сохранение помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации. Вторые — интересы такого развития, которое обеспечило бы в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояние крестьянства, уничтожение помещичьих латифундий, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»[2].

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 216.

* *
*

Россия позднее западноевропейских стран вступила на путь ликвидации феодально-крепостнических отношений и перехода к капитализму. Поэтому русская экономическая мысль изучаемого периода могла творчески воспользоваться опытом развития не только своей страны, но и стран Западной Европы, теориями, возникшими не только в России, но и на почве развитых противоречий буржуазного общества в Западной Европе. Однако особенности экономического развития России потребовали новой, оригинальной постановки проблемы перехода от крепостничества к капитализму. Прогрессивная русская экономическая мысль подготавливала свое решение этой проблемы. Она высоко поднялась над уровнем западноевропейской буржуазной экономической мысли и опередила всю домарксистскую социалистическую политическую экономию Запада. Не случайно банкротство буржуазной политической экономии мастерски вскрыл именно «великий русский ученый и критик Н. Чернышевский»[3].

Как известно, классическая школа политической экономии, рассматривая буржуазное общество как естественную форму общества, соответствующую природе человека, закрывала себе путь к теоретическому познанию закономерностей исторически существовавших докапиталистических форм производства. Задача исторического исследования сводилась у классиков, в частности у Смита, не к познанию закономерностей развития предшествующих форм производства, а к изучению препятствий, которые уклоняли историю от «естественного пути», от «естественных форм» производства, вытекающих якобы из природы человека.

Главе второй своей книги «Исследование о природе и причинах богатства народов», посвященной анализу и критике феодального землевладения, Смит дал характерный для его мировоззрения заголовок: «О препятствиях развитию земледелия в древней Европе после падения Римской империи»[4]. Исследуя условия и формы перехода от феодально-крепостнического производства к буржуазному, Смит представлял этот процесс не как переход от одного способа производства к другому, а как процесс преодоления человеком предрассудков, которые толкали его на путь пользования принудительным трудом вместо более выгодного наемного труда. Смит писал: «Опыт всех веков и народов, как мне думается, свидетельствует о том, что работа, выполняемая рабами, хотя она как будто требует расхода только на их содержание, обходится дороже всякой другой»[5]. Крепостнический способ производства, существовавший в то время в ряде стран Европы, Смит отождествлял с рабством[6].

[3] Маркс К. Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 18.
[4] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М.—Л., 1935, с. 326.
[5] Там же, с. 330.
[6] Там же.

На первоначальных этапах критики крепостного права значительная часть русских экономистов пропагандировала положение о том, что свободный труд выгоднее принудительного. Так, уже в ответе на тему, заданную Вольным экономическим обществом в 1812 г. о сравнительной выгодности свободного и принудительного труда, Якоб и Швитков и некоторые другие заявили, что помещику выгоднее применять свободный, а не принудительный труд [7].

Выгодность свободного труда по сравнению с принудительным на первоначальном этапе борьбы против крепостничества играла положительную роль, дискредитируя крепостничество. Поэтому высказывания Сея о большей выгодности рабского труда были встречены передовыми представителями русской общественной мысли весьма враждебно, несмотря на то, что в тот период Сей рассматривался еще как крупный авторитет, как ученик Смита. Н. И. Тургенев, возражая против этих взглядов, писал: «...в таком деле надобно прежде всех других расчетов сделать расчет со своею совестью» [8].

Пестель также полемизировал с Сеем, причем рассматривал этот вопрос на более высоком уровне. Во-первых, он сомневался в правильности положения Сея применительно к земледелию, а во-вторых, указывал, что выгодность принудительного труда для рабовладельца, если даже она будет доказана, не отменяет того факта, что принудительный труд менее производителен. Наконец, Пестель проводил ту мысль, что большие доходы рабовладельцев повлекут «за собой как неизбежное следствие общественную нищету» [9]. Таким образом, у Пестеля намечалось понимание противоречия между интересами прогрессивного развития общества и корыстными интересами класса, применяющего принудительный труд. Понимание этого противоречия имеет огромное теоретическое значение. Оно позволяет вывести проблему ликвидации принудительного труда за рамки коммерческих расчетов эксплуататоров; это важно и для обоснования возможности насильственного, революционного разрешения конфликта между интересами класса, живущего эксплуатацией принудительного труда, и интересами общественного развития. Следовательно, революционная программа Пестеля имела и свое теоретическое основание.

Линия Пестеля может быть противопоставлена линии тех противников крепостного права в России, которые настаивали на его отмене потому, что хозяйство, основанное на наемном труде, обеспечит помещику бо́льшие доходы. Подобным доказательством пользовались не только сторонники помещичьего хозяйства, но и защитники крестьянских интересов. Это объясняется неразвитостью форм классовой борьбы крестьянства и надеждой на то, что,

---

[7] См.: Семевский В. Крестьянский вопрос в Вольном экономическом обществе в 1803—1822 гг. — Русская мысль, 1833, кн. 1, с. 107, 109, 111.
[8] Архив братьев Тургеневых, вып. 5-й, т. III. Пг., 1921, с. 408.
[9] Красный архив, т. VI. М.—Л., 1925, с. 193.

заинтересовав помещиков в выгодности наемного труда, легче будет добиться отмены принудительного труда.

Поэтому следует отличать экономистов, пропагандировавших выгодность наемного труда в интересах помещичьего хозяйства, от экономистов, пропагандировавших ту же идею, исходя из интересов крестьянства, и ставивших во главу угла личное освобождение крестьянина и экономическое освобождение крестьянского хозяйства.

В своей известной записке «О крепостном состоянии в России» А. П. Заблоцкий-Десятовский вновь ставил вопрос о выгодности свободного труда, развивая идеи Якоба и Швиткова и пытаясь привести конкретные расчеты в пользу выгодности свободного труда для помещиков[10]. Аналогичный смысл придается обычно и статье А. И. Кошелева «Охота пуще неволи». Однако имеется существенная разница между предметом и выводами статьи Кошелева и записки Заблоцкого-Десятовского. Кошелев, по сути дела, поставил в своей статье вопрос о большей производительности вольнонаемного труда по сравнению с принудительным трудом, тогда как Заблоцкий-Десятовский говорил не только о большей производительности, но и о большей выгодности вольнонаемного труда по сравнению с принудительным.

До известного периода экономическая мысль не проводила необходимого различия между этими двумя вопросами и оказывалась не в состоянии объяснить, почему «выгодный» наемный труд не пользуется успехом и помещики сохраняют менее выгодный принудительный труд, оставляя без внимания уверения теоретиков. Чтобы до конца понять различие между этими двумя проблемами, необходимо было осознать коренную разницу между крепостничеством и капитализмом как способами производства.

Учение о способах производства, так же как и выяснение особенностей капиталистического и крепостнического способов производства, является одним из великих научных достижений марксизма. Однако разработка вопроса о сравнительной выгодности свободного и принудительного труда способствовала уяснению разницы между крепостническим и капиталистическим хозяйством, уяснению того, что основания этих способов производства различны.

В связи с изучением динамики цен на сельскохозяйственные товары был поставлен вопрос о том, что в крепостном хозяйстве нет проблемы издержек производства[11]. А это подводит вплотную к мысли о том, что и проблема выгодности в хозяйстве, основанном на принудительном труде, должна ставиться иначе, чем в хозяйстве, основанном на наемном труде, и что решается эта проблема не так, как ее решал А. Смит.

---

[10] См.: Заблоцкий-Десятовский А. П. Граф П. Д. Киселев и его время. Т. IV. Спб., 1882, приложение.

[11] Заблоцкий А. Причины колебания цен на хлеб в России. — Отечественные записки, 1847, т. LII, отдел IV.

Однако Заблоцкий, обративший внимание на различия в процессе ценообразования при крепостном и капиталистическом способах ведения хозяйства, не сумел сделать из этого важного наблюдения необходимых выводов. И это понятно, ибо Заблоцкий как либерально-помещичий критик крепостничества не выходил за рамки интересов помещичьего хозяйства.

Новую, принципиально отличную ступень разработки этого вопроса находим мы у Чернышевского, отмечающего глубокие различия между крепостным помещичьим хозяйством и капиталистическим предприятием. Он еще не выясняет всех различий между крепостным и капиталистическим хозяйством, но подчеркивает то весьма существенное обстоятельство, что капиталистическое хозяйство есть коммерческое предприятие, а крепостное хозяйство таковым не является. Чернышевский делает отсюда важный вывод, что при отмене принудительного труда не все помещики сумеют с выгодой возделывать свои поля.

Чернышевский ясно видит трудности перехода от одного способа ведения хозяйства к другому и подвергает специальному анализу, казалось бы, безусловное положение о выгодности перехода от принудительного труда к наемному. Чернышевский отнюдь не сожалеет о тех помещиках, которые не смогут возделывать с выгодой своих полей. Если отмена принудительного труда не будет выгодна помещикам, писал он, то тем не менее не сохранить нужно «крепостное право, мешающее развитию свободного труда, который один производителен, один увеличивает богатства нации», а ликвидировать; не сохранить нужно принудительный труд, «уничтожающий в хозяине расчетливость» [12], а ликвидировать; не сохранить, а уничтожить надо систему хозяйства, при которой доходы «получаются способом, противным экономическому расчету» [13].

Таким образом, Чернышевский развивает те мысли, которые впервые в неразвитом виде были сформулированы Пестелем и суть которых сводится к тому, что вопрос об отмене крепостного права не может быть решен в зависимости от выгодности или невыгодности этого для помещиков (рабовладельцев). Вопрос о выгодности для помещиков отказа от принудительного труда и перехода к наемному труду отделяется от вопроса о влиянии отмены принудительного труда на развитие народного хозяйства, на рост производительности труда.

Это имело огромное принципиальное значение для теоретической формулировки противоположности интересов борющихся классов и для создания нового, в корне противоположного помещичьим взглядам, учения об условиях перехода от крепостничества к капитализму. Заблоцкий и его предшественники и преемники, защищавшие выгодность наемного труда, так же как и их противники, считавшие принудительный труд более выгодным, не выходили за пределы помещичьих интересов. И те и другие от-

[12] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 1. М., 1948, с. 452.
[13] Там же, с. 444.

стаивали свою точку зрения, будучи убеждены в том, что их взгляд соответствует интересам помещиков.

Чернышевский пришел к новой, демократической постановке вопроса, отражающей интересы угнетенного класса. При этом у него намечается преодоление одного из важных методологических принципов экономического учения Смита — принципа, гласящего: что выгодно для отдельного индивидуума, то в конечном счете выгодно для всего общества; что невыгодно для отдельного индивидуума, невыгодно и для всего общества.

Вопрос о выгодности или невыгодности для помещиков перехода от принудительного труда к свободному был снят. Передовая русская экономическая мысль оказалась подготовленной к постановке и решению основного вопроса, вокруг которого и развертывается борьба классов в России в период перехода от крепостничества к капитализму, — вопроса о судьбе крестьянского хозяйства после отмены крепостной зависимости, о взаимоотношениях помещичьего и крестьянского землевладения и хозяйства.

При той общей постановке вопроса о переходе от крепостничества к капитализму, которая ограничивалась лишь рассмотрением относительной выгодности принудительного и вольнонаемного труда, вопрос о судьбе крестьянского хозяйства и крестьянского землевладения неизбежно отодвигался на задний план. Перед Смитом эта проблема вообще не стояла: условия разложения феодализма и развития капитализма в Англии не ставили перед ним вопроса о судьбе крестьянского хозяйства. В результате преобразования аграрного строя, которое происходило в Англии на протяжении ряда веков, крестьянин был оттеснен, а продолжавшиеся и в XVIII в. огораживания завершали процесс ликвидации крестьянского хозяйства и становления капиталистического земледелия с центральной фигурой в лице фермера. Фермерское капиталистическое хозяйство было не перспективой, а реальной действительностью; капиталистическое преобразование в основном завершилось. Землевладение было отделено от земледельческого производства, а непосредственный производитель — от земли и других средств труда. В колониях распространено было плантационное хозяйство с принудительным трудом, которое Смит не отличал от крепостного хозяйства. Поэтому он и не ставил вопрос о крестьянском хозяйстве, когда говорил о выгодности перехода от принудительного труда к свободному; проблема решалась для него в пределах бухгалтерии предпринимателя.

Физиократы, как известно, пропагандировали фермерское капиталистическое хозяйство. Во Франции эволюция аграрного строя резко отличалась от его эволюции в Англии. Однако и во Франции до ликвидации феодальных порядков центральная проблема сводилась к феодальным повинностям, а не к вопросу об экономическом месте хозяйств феодалов и крестьян. Французская революция разрешила проблему землевладения более радикально, чем она была поставлена предреволюционной буржуазной экономической литературой.

Однако вопрос о том, какое поле воспроизводства будет основным — крестьянское или помещичье, не был и не мог быть центральным и главным, ибо уже в феодальную эпоху феодальная земельная собственность была отделена от земледельческого производства и последнее осуществлялось и до революции в основном в крестьянском хозяйстве. «Начиная с августовских декретов 1789-го года, — пишет М. Ковалевский, — французский крестьянин фактически сделался собственником тех наделов, какими дотоле он пользовался в обмен за барщину, чинш, шампар и ряд поборов» [14].

Ни в Англии, ни во Франции не возникала та проблема, которая была поставлена жизнью в России при переходе от крепостничества к капитализму.

Поскольку одной из важнейших тенденций в эволюции крепостного хозяйства в России был рост барской запашки, вопрос о месте крестьянского и барского хозяйства еще задолго до отмены крепостного права привлекал внимание экономистов, как отстаивавших крепостное право, так и боровшихся против него.

Тем не менее в борьбе против крепостного права в первой половине XIX в. главным вопросом, занимавшим прежде всего критиков крепостничества и объединявшим их, был вопрос о ликвидации личной крепостной зависимости крестьянина. Известно, насколько различны были аграрные проекты декабристов. В этих проектах в зародышевой форме содержатся те идеи, которые в 50-х и 60-х гг. были развиты представителями основных противоположных борющихся сил. Но как ни важны эти различия у декабристов, они отходили на задний план перед единством всех декабристов в борьбе против личной крепостной зависимости. Именно отмена личной крепостной зависимости была главной задачей освободительного движения той эпохи.

В 40-х гг. фронт критиков крепостного права расширился. Он состоял из весьма разнородных элементов, и к нему примкнула значительная часть идеологов помещичьего класса, начинавшая понимать невозможность сохранения крепостного права. Но чем больше развертывалась борьба за ликвидацию крепостничества, тем больше вопрос об условиях освобождения крестьян выдвигался как центральный вопрос классовой борьбы между помещиками и крестьянами.

В этот период в России созревает революционно-демократическая теория ликвидации крепостничества, создаются основы учения об автономии крестьянского хозяйства как первом условии освобождения крестьян, как решающем условии экономического прогресса России после отмены крепостного права. Это учение создавалось в борьбе против идеологии дворянского либерализма, который служил интересам защиты и укрепления помещичьего хозяйства.

---

[14] Ковалевский М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. Спб., 1912, с. 190—191.

* *
*

Главная задача, которую поставили перед собой идеологи господствующего класса, заключалась в дискредитации крестьянского хозяйства как возможной базы развития производительных сил, в оправдании помещичьего хозяйства, в обосновании его прогрессивности. В решении этой задачи дворянские либералы проявили отнюдь не меньше усердия, чем крепостники. Среди дворянских либералов эпохи реформы — а они в данной связи представляют наибольший интерес — имелось три течения. Первое течение было представлено славянофилами; наиболее типичным представителем второго следует считать Б. Н. Чичерина; третье течение олицетворял К. Д. Кавелин, этот, по меткому определению Ленина, отвратительнейший тип либерального хамства, объединявший в себе те идеи западничества и славянофильства, которые в наибольшей мере могли служить интересам укрепления дворянства как господствующей экономической и политической силы в условиях буржуазного развития.

Идейными предтечами дворянских либералов эпохи реформы в аграрном вопросе являлись Голицын, правое крыло декабристов, для которых также отмена крепостного права была связана с сохранением монополии помещичьего землевладения. Но было бы грубой ошибкой не замечать различий между этими течениями. Во-первых, на том историческом этапе борьбы против крепостничества, когда выступали декабристы, главная задача заключалась в борьбе против личной крепостной зависимости, в которой они сыграли выдающуюся роль. Во-вторых, декабристы еще не вполне ясно представляли себе те конкретные формы земледельческого производства, при которых будет реализовываться помещичья собственность.

Для дворянских же либеральных экономистов эпохи реформы характерно было прежде всего стремление к сохранению и расширению помещичьего хозяйства в качестве главной магистрали развития земледельческого производства в России.

В условиях классовой борьбы периода реформы, когда кризис крепостной системы ярко обнаружил паразитизм помещичье-крепостнических отношений, дворянству необходимо было найти теоретико-экономическую аргументацию в пользу помещичьей монополии землевладения. Аргументировать только помещичьими «правами» и «справедливостью» было уже явно недостаточно. Радикальное изменение отношений землевладения эти дворянские либералы считали опасным и по политическим и по экономическим мотивам. Проекты полного обезземеливания крестьян, выдвинутые крайними крепостниками, пугали их по двум причинам: во-первых, они опасались, что освобождение крестьян без земли может вызвать взрыв возмущения крестьянства; во-вторых, они полагали, что при освобождении крестьян без земли должен будет произойти такой резкий перелом в системе помещичьего хозяй-

ства, с которым последнее не сможет справиться в короткий отрезок времени. Отсюда — их требование наделения крестьян землей, отсюда — крестьянофильские фразы, коими пересыпаны произведения этих защитников дворянско-помещичьих интересов в условиях перехода от феодально-крепостнической экономики к буржуазной.

У дворянских либералов основной теоретический аргумент в защиту помещичьей земельной собственности заключался в том, что помещичье хозяйство является крупным хозяйством, а последнее всегда более производительно, чем мелкое. Поэтому-де необходимо сохранить помещичье хозяйство как основную магистраль развития производительных сил. Это положение перепевалось в разных формах всеми идеологами помещиков. Между тем это теоретическое положение основано на простой подстановке, на отождествлении помещичьей крупной земельной собственности и крупного хозяйства. Для такого отождествления не было никакого основания. Крупное хозяйство характеризуется прежде всего концентрацией орудий труда. Между тем помещичье хозяйство, как правило, не обладало орудиями труда, и крестьяне обрабатывали барское поле не только своим трудом, но и своими средствами индивидуального труда.

В отличие от крепостников дворянские либералы считали необходимым сохранить крестьянское хозяйство и даже формально признавали его автономию. Но они утверждали, что крестьянское хозяйство не должно и не может явиться той сферой, в которой будет происходить развитие производства. Для них характерно отрицание возможности экономического развития на базе крестьянского хозяйства, а предлагаемые ими условия освобождения крестьян показывают, что в действительности они были противниками автономии крестьянского хозяйства.

Вопрос об экономическом освобождении крестьянского хозяйства от помещичьего гнета иногда пытаются свести к вопросу об освобождении крестьян с землей. Между тем такая постановка вопроса неправильна.

В России наряду с крестьянским хозяйством и на его основе существовало помещичье хозяйство, которое в основных, старых земледельческих районах страны систематически расширялось за счет крестьянского хозяйства. Было, таким образом, два звена, два сектора воспроизводства в крепостном хозяйстве, один из которых принудительно являлся базой другого. Вопрос заключался в том, будет ли крестьянское хозяйство придатком к помещичьему после отмены крепостного права в силу экономической зависимости от помещика или оно станет самостоятельным, автономным хозяйством, не зависимым от помещичьего землевладения и хозяйства.

Вопрос об эмансипации крестьянского хозяйства не мог сводиться к вопросу о наделении крестьян землей. Возникал новый вопрос: на каких условиях крестьяне должны получить землю — что имело не меньшее значение, чем самое наделение их землей.

Передовая русская экономическая мысль в лице Чернышевского пришла к отрицанию всякого выкупа не только личности крестьянина, но и земли. Однако условия классовой борьбы не давали возможности открыто защищать эту идею. Развернулась борьба вокруг размеров выкупа, и это, естественно, привело к постановке вопроса о природе выкупа. Если определять размер выкупной суммы размером феодальных повинностей, то паразитарная связь между крестьянским хозяйством и хозяйством помещика, насильственно установленная крепостным правом и формально разрываемая освобождением крестьянина от крепостной зависимости, неизбежно восстанавливается «добровольно». Крестьянин превращается в номинального владельца земли, в формально свободного производителя, ибо он должен по-прежнему отдавать в качестве выкупных платежей весь прибавочный труд в виде отработок (или в лучшем случае в виде продукта или в денежной форме) тому же феодалу и работать со своим инвентарем на поле феодала.

Ограничение выкупа ценой земли означало бы теоретическое признание необходимости перевода отношений между помещиками и крестьянами на буржуазную основу. Здесь следует иметь в виду, что при господстве буржуазных отношений не весь прибавочный продукт, не вся прибавочная стоимость, а лишь часть ее — сверхприбыль — превращается в ренту землевладельца. Другая часть прибавочной стоимости превращается в среднюю прибыль. При интенсификации земледелия может оказаться, что величина капиталистической земельной ренты будет значительно больше, чем феодальной ренты, которая получалась с того же участка до отмены феодальных порядков. Но это обстоятельство не может изменить того факта, что в одном случае рента есть форма лишь сверхприбыли, а в другом — всего прибавочного продукта.

Все идеологи дворянства, принимавшие участие в борьбе, разгоревшейся вокруг условий реформы, — и сторонники освобождения крестьян с землей и сторонники освобождения их без земли — отстаивали такую форму выкупа, которая дала бы помещикам возможность получать с крестьян платежи, составляющие сумму во всяком случае не меньше капитализированного прибавочного продукта, получаемого с крестьян при крепостном праве. Эта позиция объединяла всех идеологов помещичьего класса, несмотря на ту внешне острую борьбу вокруг деталей реформы, которую либеральные и народнические историки пытались представить как основную линию борьбы вокруг реформы.

Но это означало вместе с тем, что формально свободный крестьянин становился вековечным данником помещика. Это означало сохранение того объема прибавочного продукта, который изымался помещиком при крепостном праве. Таким образом, крепостное право сохранялось экономически и после его отмены. С урезанным наделом, обремененный феодальными платежами, крестьянин неизбежно попадал в кабальную экономическую зависимость от помещика-землевладельца, а помещик получал возмож-

ность вести свое хозяйство прежними методами: для производства необходимого, а в особенности прибавочного продукта крестьянин должен был по-прежнему обрабатывать помещичьи поля. Формально автономное, крестьянское хозяйство фактически было бы придатком к помещичьему хозяйству, пользовавшемуся не только трудом, но и инвентарем крестьянина.

Таким образом, монополия помещичьего землевладения должна была сохраниться, а превращение помещика-феодала в помещика-капиталиста должно было происходить за счет прибавочного продукта, создаваемого феодальными методами.

В лице дворянских либералов экономическая мысль периода реформы имела теоретиков помещичьего типа буржуазной аграрной эволюции.

Представители прогрессивной экономической мысли этого периода указывали, что ликвидация феодального способа производства и развитие прогрессивных форм буржуазного производства требуют ликвидации не только личной зависимости, т. е. не только оставления за крестьянами земли, но и освобождения их от феодальных платежей за эту землю.

Признание Чернышевским возможности уплаты выкупа помещикам, вызванное условиями классовой борьбы, не изменяет принципиальной противоположности между его позицией по вопросу о выкупе и позицией дворянских идеологов. Чернышевский выражал интересы плательщиков выкупа, т. е. крестьян, а дворянские идеологи выражали интересы получателей выкупа, т. е. помещиков. Исходя из интересов плательщиков выкупа Чернышевский требовал сведения выкупных платежей к платежам, характерным для буржуазных отношений по земле. Конечно, это было минимальное требование с точки зрения развития нового, буржуазного способа производства. Но тот факт, что и это минимальное требование было отвергнуто представителями господствующего класса, делал все более очевидной непримиримость интересов борющихся классов.

Борьба представителей дворянского либерализма против этого требования выдавала их с головой как адвокатов помещичьего хозяйства и ясно показывала, как они мыслили развитие аграрных отношений в России. Консервативный характер этого пути буржуазного развития был ясен даже буржуазно-либеральным русским экономистам. Они видели противоречие между характером дворянского землевладения и прогрессивными условиями земледельческого производства. Они способствовали разоблачению ложной апологетической догмы о тождестве крупной земельной собственности и крупного производства. Наиболее видный представитель буржуазно-либерального направления русской общественной мысли И. Вернадский прямо заявлял о необходимости различения крупной земельной собственности и крупного производства, указывая, что крупная земельная собственность является препятствием к «благоденствию поселян» [15].

[15] Вернадский И. Проспект политической экономии. Спб., 1858, с. 29.

Вернадский и примыкавшая к его «Экономическому указателю» группа буржуазных экономистов понимали, что та форма отношений между помещиками и крестьянами, которую отстаивали дворянские либералы, есть форма закабаления крестьянства, и выступали против дворянско-помещичьих проектов выкупа. «Ведь обращение платимого теперь крестьянами произвольно на них наложенного оброка в капитал равняется увековечению за помещиком права неограниченного налога...», — писал «Экономический указатель» [16].

Известно, что дворянские либералы обосновали требование высоких выкупных сумм, исчисленных путем капитализации феодальных повинностей, необходимостью охраны интересов помещиков как носителей якобы более передовых форм хозяйства, необходимостью сохранения их доходов в неизменном масштабе. Понятно, что это требование находилось в полном противоречии с объективными интересами ускоренного экономического развития, которые в этот период совпадали с интересами крестьянства. Критикуя дворянско-помещичьи выкупные проекты, «Экономический указатель» писал: «Где, из какой философии почерпнуто юридическое начало, которое бы связывало общественный организм в его движении на пути прогресса и образования условием ненарушимости частных, денежных интересов? С принятием такого начала никакое улучшение невозможно. Прямо или косвенно каждый поступательный шаг гиганта, называемого обществом, давит частные, отжившие свой век интересы, попавшиеся под его могучую ногу» [17].

Приведенная цитата характеризует не столько либеральную русскую буржуазную политическую экономию периода реформы, не сумевшую сделать необходимых выводов из этих весьма важных положений, сколько глубину и очевидность противоречия между интересами класса помещиков и задачами создания условий ускоренного экономического развития страны.

Критика крепостного права вообще отнюдь не тождественна критике идейных позиций буржуазной аграрной эволюции помещичьего типа. Дворянские либералы тоже критиковали крепостное право.

Однако крепостничество состоит и в личной зависимости крестьянина, и в монополии помещичьего землевладения. Тому, кто ограничивает борьбу с крепостничеством критикой личной зависимости, требованием отмены монополии на личность крепостного, открыт путь идейной защиты помещичьего типа буржуазной аграрной эволюции. Необходимо подвергнуть критике монополию помещичьего землевладения — этот оплот помещичьего типа буржуазной аграрной эволюции. Но дорога к этому идет через критику монополии частной собственности на землю на базе капиталистического способа производства.

---

[16] Экономический указатель, 1858, № 65, с. 282.
[17] Там же, с. 283.

Для того чтобы проложить путь критике феодальной земельной собственности, необходима прежде всего критика земельной собственности в ее развитых буржуазных формах. Это не значит, что не нужно проводить водораздела между феодальной земельной собственностью и земельной собственностью при капитализме. Но это значит, что предельная ясность понимания паразитарности феодальной земельной собственности достигается тогда, когда становится ясной ее паразитарность и при капиталистическом способе производства. Тогда только во всей полноте раскрываются значение ликвидации помещичьего землевладения и прогрессивная роль крестьянского типа буржуазной аграрной эволюции.

Однако известно, что после ликвидации личной крепостной зависимости феодальная земельная собственность принимает форму буржуазной частной собственности. Но ведь именно последняя и есть основа капиталистического способа производства. Буржуазный экономист не находит достаточной аргументации против феодальной земельной собственности, хотя относится к ней враждебно. И тогда феодальная земельная собственность начинает подвергаться критике лишь за то, что она не приняла вполне буржуазных форм.

Именно так было с русскими буржуазными экономистами, которые критиковали разные формы земельной собственности с разных сторон: то за то, что она чрезмерно крупна, то за то, что она не подлежит дроблению, то за то, что нет свободы ее мобилизации. Отвергнуть ее решительно буржуазная экономическая мысль не в состоянии, ибо в своем теоретическом сознании она ограничена кругом частной собственности, за пределы которого она не может выйти, поскольку остается буржуазной.

* *
*

Чернышевский разрывает этот круг, и в этом прежде всего его коренное отличие от буржуазно-либеральных критиков феодальной земельной собственности.

Разорвав этот круг, Чернышевский смог не только подвергнуть глубокой критике частную собственность, но и разграничить разные формы частной собственности, прежде всего собственность капиталиста от собственности землевладельца. Он критиковал земельную собственность значительно глубже, чем любой теоретик буржуазии. В одной из ранних работ Чернышевского — «О земле как элементе богатства» — проводится в противоположность Рикардо мысль, что «и земли самого низшего сорта из удобных к возделыванию приносят ренту»[18] и что «понижение ренты имело бы влияние на понижение цен»[19]. Чернышевский ярко выявляет противоположность интересов землевладельцев и

[18] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 1, с. 39.
[19] Там же, с. 40.

фермеров, т. е. представителей двух разных видов частной собственности.

Чернышевский показывает, что землевладелец является «третьим лишним» в системе буржуазного производства. Он устанавливает, что порядок получения доходов у землевладельцев и капиталистов разный: «собственник-феодал пользуется рентой и получает, ничего не давая в обмен», капиталисты же «дают простолюдину деньги, покупая его труд»[20]. Чернышевский отмечает также, что земельная собственность на Западе «возникла из феодализма и в главной массе своей представляется остатком его»[21] и напоминает о примиренческом и даже апологетическом отношении буржуазных экономистов к ней.

Могут сказать, что в данном случае Чернышевский воюет против земельной собственности, обособленной от земледельческого производства, между тем помещичий тип буржуазной аграрной эволюции предполагает их соединение. Но Чернышевский знает, что базой этого соединения является монополия помещичьего землевладения и что при таком соединении консервируются старые крепостнические отношения. В «Письмах без адреса», характеризуя сущность крестьянской реформы, Чернышевский писал, что «изменены были формы отношений между помещиками и крестьянами с очень малым, почти незаметным изменением существа прежних отношений»[22].

Таким образом, Чернышевский ясно указывает, что помещичья земельная собственность, соединенная с земледельческим производством, есть еще худший институт, чем земельная собственность, обособленная от производства.

Вдумаемся в ход мыслей Чернышевского по этому важнейшему вопросу. Вспомним данную им характеристику помещичьего хозяйства. Чернышевский говорит, что помещичье крепостное хозяйство есть такое хозяйство, «доходы которого получаются способом, противным экономическому расчету». Он не рассматривает крепостное помещичье хозяйство как разновидность капиталистического, что характерно было для Смита и для большинства идеологов дворянского либерализма. Чернышевский противопоставляет помещичьему хозяйству «хозяйство с наемным трудом», которое, говорит он, «есть коммерческое предприятие, требующее разумной заботы со стороны хозяина»[23].

Как же относится Чернышевский к перспективе помещичьего хозяйства при отмене принудительного труда? Он пишет: «Если партизаны крепостного права откровенно скажут: при отмене обязательного труда не будет в состоянии с выгодой возделывать своих полей тот, кто не может вести своего хозяйства экономическим, расчетливым образом, кто умеет только проживать достающееся ему даром и не может сделаться человеком дельным, если

[20] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 2. М., 1948, 341.
[21] Там же, с. 176.
[22] Там же, с. 629.
[23] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 1, с. 452.

они откровенно скажут это, мы вполне согласимся с такими словами, в которых и заключается вся сущность вопроса»[24].

Чернышевский видел в монополии помещичьего землевладения не средство капиталистического преобразования земледелия, а помеху ему. В «Капитале и труде» он писал: «Но невозможно рассуждать в Англии о том, должен ли лендлорд сам быть фермером или отдавать свою землю в аренду. При условиях английской жизни и при обширности поместий лендлорду невозможно быть самому своим фермером. Потому, хотя с абстрактной точки зрения собственнику выгоднее самому возделывать свою землю, но в Англии преобладает отдача ферм в наймы, и ратовать против такого стремления английских лендлордов вещь совершенно напрасная, пока остаются нынешние обычаи и нынешнее распределение поземельной собственности»[25].

Отсюда ясно, что, по Чернышевскому, обширность поместий, монополия крупного землевладения служат препятствием для превращения субъекта этой монополии в агента производства. Эта мысль вполне созвучна с мыслью, высказанной в приведенной выше цитате из статьи «О новых условиях сельского быта», в которой Чернышевский выразил сомнение в том, что помещики могут превратиться в успешных предпринимателей. В «Ответе на замечание г. Провинциала» он развивает ту же мысль. Чернышевский говорит «о том прирожденном человеческой натуре стремлении, по которому человек, имеющий возможность получать через отдачу своей недвижимой собственности в наймы без всяких хлопот ренту, доставляющую ему избыток в жизни, не захочет возиться с скучными хлопотами земледельческого хозяйства», что «большой собственник, говоря вообще, проживает все свои доходы и скорее будет иметь долги, нежели значительным наличный капитал»[26].

Чернышевский понимал, что крупная помещичья земельная собственность станет не столько базой крупного хозяйства, сколько средством получения дани. Он видел, что сохранение помещичьего землевладения явится не средством развития производительных сил, а орудием извлечения из крестьянского хозяйства прибавочного продукта.

Чернышевский наносит серьезный удар дворянско-помещичьему отождествлению крупной собственности и крупного хозяйства. Он показывает, что это вещи различные.

Как отмечал В. И. Ленин, Чернышевский понимал в основном буржуазный характер крестьянской реформы, понимал, что отмена личной крепостной зависимости неизбежно поведет к дифференциации крестьянства. Это видно из резкого противопоставления им хозяйства, обслуживаемого принудительным трудом, хозяйству с наемным трудом. Характеризуя реформу в «Письмах без адреса», Чернышевский писал: «Предполагалось сохранить

[24] Там же.
[25] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 2, с. 364.
[26] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 1, с. 492.

сущность крепостного права, отменив его формы. Но без форм нельзя сохранить и сущность»[27]

Вместе с тем типу буржуазной эволюции экономических отношений при максимальном сохранении их крепостнического характера Чернышевский противопоставлял такую экономическую эволюцию, при которой крестьянин был бы самостоятельным. Под самостоятельностью Чернышевский понимал не формальную свободу крестьянина, а такое состояние, когда бы «все продукты его труда оставались в его руках»[28].

Решающим условием такой самостоятельности Чернышевский считал форму товарищества трудящихся в производстве; и он был прав, поскольку буржуазная организация производства ведет неизбежно к поляризации классов. Но такую форму самостоятельности он противопоставлял не помещичьему хозяйству и помещичьему землевладению, а капитализму, независимо от того, на какой основе он развивался.

В данной связи необходимо подчеркнуть, что если Чернышевский видел конечную задачу в достижении полной самостоятельности трудящегося, то его первая и поэтому в конкретно-исторических условиях периода реформы главная задача заключалась в отстаивании самостоятельности крестьянского хозяйства от помещичьего хозяйства и помещичьего землевладения. Чернышевский говорит, что необходимо «сохранить каждого поселянина-хозяина в звании поземельного собственника»[29].

То, что Чернышевский защищал принцип общинного землевладения, не должно затемнять того факта, что главную задачу он видел в освобождении крестьянского хозяйства от помещичьей монополии землевладения. В середине 1860 г., через три года после начала дискуссии об общинном землевладении с журналом Вернадского «Экономический указатель», Чернышевский, возвращаясь к этой полемике, писал: «Мы защищали общинное землевладение, «Экономический Указатель» находил пользу заменить его обращением общинных земель в частную собственность. Мы считали очень полезным делом решение вопроса в нашем смысле, но еще несравненно больше дорожили тем, чтобы русский поселянин стал из человека, подлежащего обязательному труду, работником действительно свободным...»[30]. В статье «О поземельной собственности» Чернышевский отмечает: «Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице»[31]. И вслед за этим он продолжает: «Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»[32]. Последние два высказыва-

---

[27] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 2, с. 629.
[28] Там же, с. 365.
[29] Чернышевский Н. Г. Избр. эконом. произв., т. 1, с. 489.
[30] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1949, с. 244—245.
[31] Там же, с. 328.
[32] Там же.

ния на первый взгляд противоречат друг другу. В первом случае субъектом собственности на землю назван сам хозяин и работник, во втором — государство. Однако самое существенное заключается в том, что оба варианта исключают земельную собственность как чуждую экономическую силу, противостоящую хозяину и работнику, т. е. исключают земельную собственность как барьер земледельческого производства.

Противопоставляя государственную собственность на землю частной собственности на нее, Чернышевский боролся за ликвидацию монополии помещичьего землевладения. Противопоставляя общинное землевладение частному, он стремился предотвратить возникновение новых форм монополии землевладения после ликвидации помещичьей монополии землевладения. Хотя Чернышевский и не проводил водораздела между двумя формами частной собственности — одной, являющейся лишь превращенной формой феодальной земельной собственности, и другой, возникающей на базе капиталистической дифференциации, — он видел центральную задачу в ликвидации той формы частной собственности, носителем которой является помещик.

Постановка проблемы обеспечения автономии крестьянского хозяйства показывает, какой гигантский шаг вперед сделала русская экономическая мысль 50-х гг. в вопросе об условиях перехода от крепостничества к капитализму по сравнению с западноевропейской экономической мыслью и по сравнению со всей предшествующей русской экономической литературой.

В России именно крестьянин рассматривался прогрессивной экономической мыслью как центральная фигура в условиях отмены крепостного права. Перед русской теоретической мыслью стояли специфические задачи, не имевшие готовых решений.

На первый взгляд может показаться, что отказ от трехчленной формулы классов при решении проблемы отмены крепостничества и выдвижение в качестве центральной фигуры крестьянина, освобожденного от помещичьей зависимости, является выражением типично мелкобуржуазной идеологии, характерной и для Запада, где ряд теоретиков в условиях развития буржуазного общества пытался отстоять самостоятельное крестьянское хозяйство. Однако внешняя аналогия не отражает какого-либо внутреннего единства между постановкой вопроса о самостоятельности крестьянского хозяйства в России и на Западе.

Во Франции вопрос о мелком крестьянском хозяйстве, его судьбе и перспективах был поставлен уже в пореволюционный период и нашел своего теоретика в лице завершителя классической школы во Франции — Сисмонди. Но Сисмонди вел борьбу против крупного капиталистического производства, за консервацию и реставрацию мелкотоварного производства. Передовая русская экономическая мысль вела прогрессивную борьбу за победу мелкобуржуазной культуры в земледелии, против крупного (крепостнического) землевладения.

Боровшийся за самостоятельность крестьянского хозяйства,

Чернышевский был далек от мелкобуржуазных иллюзий учения Сисмонди, которое, как известно, использовали либеральные народники в качестве теоретической базы их экономической программы.

Между учением Сисмонди и Чернышевского лежит глубокая пропасть. С позиций мелкого производителя Чернышевский критикует крепостничество, а Сисмонди — капитализм. Капитализму Чернышевский противопоставляет социализм, а Сисмонди — мелкотоварное производство. Чернышевский зовет вперед, а Сисмонди назад. Учение Чернышевского революционно, учение Сисмонди реакционно.

Выражая наиболее последовательно для своего времени реальные прогрессивные исторические задачи классовой борьбы крестьянства, Чернышевский становится вождем революционной демократии, провозглашает непримиримость интересов помещиков и крестьянства и призывает «к топору». Он разоблачает либеральных глушителей классовой борьбы и подготавливает крестьянскую революцию.

Революционная критика Чернышевским самодержавия и крепостничества, помещичьего землевладения выражала насущные задачи буржуазно-демократического преобразования России. Наличие утопических привесков в аграрной программе Чернышевского не умаляет ее глубокой революционно-демократической направленности против основного барьера, препятствовавшего экономическому развитию России, — против помещичьего землевладения. Труды Чернышевского являются той частью научного наследия русской революционной демократии, которая послужила одним из отправных пунктов при разработке В. И. Лениным теории о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

Вопросы экономики, 1949, № 3.

Главный объект борьбы экономических идей и основные позиции идеологов крестьянства

Экономическая проблематика в период антифеодальной борьбы на Западе и ее место в русской экономической мысли

Особенности развития русской общественной, в том числе экономической, мысли часто связывают лишь с экономической отсталостью России. Некоторые авторы указывали, что в России с запозданием воспроизводились и выдвигались на первый план те идеи, которые на Западе были уже

пройденным этапом. Это мнение выражено и у Г. В. Плеханова в его «Истории русской общественной мысли».

Анализ действительного развития русской экономической мысли показывает неправильность подобного рода мнений.

Отсталость общего уровня экономического развития России несомненна, но это развитие имело свои специфические черты. Особенности развития крепостнического строя породили в России такие важные проблемы, которые не могли быть разрешены посредством общих формул, выработанных западноевропейскими мыслителями и отражавших условия экономической жизни и классовой борьбы в Западной Европе.

Русская экономическая мысль изучаемого периода могла, конечно, воспользоваться опытом развития аграрных отношений не только своей страны, но и стран Западной Европы. Среди буржуазных идеологов наибольшими симпатиями пользовалась французская система аграрных отношений. У революционных демократов значительный интерес вызвал американский аграрный строй. Представители дворянства обнаруживали особые симпатии к прусской форме аграрных отношений и пропагандировали ее.

Исторические условия России создавали объективную возможность прусского пути буржуазного развития, поэтому интерес помещичьих кругов к теории и практике этого пути совершенно естествен. Крестьянский же тип буржуазного развития, как он мог сложиться на базе русских исторических условий, не имел готового примера, и здесь русская экономическая мысль, боровшаяся за интересы крестьянства, должна была решать вопросы экономического развития самостоятельно. Она использовала имевшийся в странах Западной Европы опыт, но решить русские проблемы можно было только путем творческого использования его, а не путем подражания. Именно поэтому она смогла высоко подняться над уровнем не только буржуазной экономической мысли, но и социалистической литературы Запада, предшествовавшей Марксу.

Хотя Россия позднее некоторых стран вступала на путь антифеодальной борьбы и установления буржуазных отношений, особенности экономического развития России потребовали новой постановки проблемы перехода от крепостничества к капитализму. В длительной борьбе прогрессивная экономическая мысль России подготавливала оригинальное решение этой проблемы и разрабатывала многие другие вопросы, связанные с нею.

Чтобы понять специфические особенности русской антикрепостнической революционно-демократической мысли, следует иметь в виду следующее. Во Франции и в Англии в период антифеодальной борьбы идеологическое господство принадлежало буржуазии, а не крестьянству. Поэтому антифеодальные мероприятия, непосредственно затрагивавшие интересы крестьянства, не стояли, как правило, в центре внимания передовой экономической мысли. Последняя развивалась во Франции и в Англии как идеологическое выражение интересов буржуазии. Между тем в России антикрепостническая идеология, носившая революционно-демократиче-

ский характер, непосредственно выражала интересы крестьянства.

Двумя основными классами крепостной России являлись крепостные крестьяне и помещики-дворяне. Наряду с ними уже существовали и развивались, хотя еще составляли относительно незначительную силу, рабочий класс и буржуазия — основные классы будущего буржуазного общества. Но рабочие не являлись еще освобожденными от феодальных пут пролетариями, свободно продающими свою рабочую силу; в значительной части они были оброчными крестьянами, уходившими на заработки. Буржуазные элементы, разнородные по своему социальному происхождению, включали в себя представителей различных общественных групп.

Идеология рабочего класса в России тогда еще не была отделена от идеологии основного трудящегося класса крепостной системы — крестьянства. Буржуазия, оформлявшаяся как класс, уже выдвинула и своих идеологов, но ее идеология во многом соприкасалась с идеологией обоих основных классов крепостной России периода крестьянской реформы.

Объективно экономические интересы буржуазии в борьбе против крепостного права соприкасались с интересами крестьянства, так как и она была заинтересована в уничтожении феодально-крепостнического строя.

«... Крепостное право, — писал Ленин, — стесняло одинаково всех — и крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок» [1].

Однако несмотря на длительную историю капиталистического уклада в России, генезис которого большинство современных исследователей относит к середине XVIII в. [2], демократические элементы буржуазии были еще относительно слабы. Значительная часть представителей крупного капитала в области торговли и промышленности находилась в слишком тесной связи с господствующим классом. Сложившейся буржуазии в земледелии еще не было. Поэтому трудно было ожидать антикрепостнических выступлений, направленных на решительную ликвидацию старого строя, от идеологов русской буржуазии, тем более, что значительная часть идеологов помещичьего класса вынуждена была признать невозможность сохранения старых форм хозяйственной жизни и пыталась отстоять позиции дворянства на путях буржуазного преобразования экономики страны.

Объективно буржуазный по содержанию характер борьбы крестьянства против крепостничества не должен скрыть того, что есть существенная разница между крестьянской борьбой против феодализма и фрондерством купцов или фабрикантов. Крестьян-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 306.

[2] См. дискуссию о возникновении капиталистического уклада на страницах журнала «Вопросы истории» за 1947—1949 гг.

ская борьба против феодализма была направлена главным образом и прежде всего на изменение «специально касающихся крестьянства поземельных отношений»[3] и неизбежно превращалась в борьбу против феодального способа производства. Между тем борьба буржуазии за то или иное изменение поземельных отношений не ведет обязательно к изменению способа производства.

Главная линия классовой борьбы в предреформенной России XIX в. пролегает между помещиками-феодалами и крепостными крестьянами. Этим определяются и главная линия идейной борьбы в России в тот период, и ее особый по сравнению с Западом характер.

Как известно, буржуазная экономическая наука XVIII в. на Западе развивалась под знаменем лозунга «laissez faire, laissez passer». Из разнообразных пут феодальной эпохи, тормозивших в тот период процесс капиталистического развития, большое внимание буржуазии и ее экономических идеологов привлекали меркантилистические ограничения свободной конкуренции, преодоление которых выдвигалось на передний план. Меркантилизм являлся буржуазной политикой, осуществляемой феодальными методами. Таким образом, борьба здесь велась зрелой буржуазной теорией и политикой против их незрелых форм, развившихся в виде меркантилизма в период становления капиталистического способа производства.

Несомненно, что экономические взгляды физиократов и Смита наносили серьезный удар и по всей системе феодализма. Не случайно Маркс назвал физиократов теоретическими отцами французской революции. Вместе с тем не случайно и то, что физиократизм принимал феодальную оболочку. Это нашло свое выражение не только в том, что физиократы признавали земледелие единственным источником богатства, но и в том, что они политически примирялись с феодализмом, хотя теоретически, прокламацией единого налога на земельную собственность последняя подвергалась ими частичной конфискации[4].

Факт такого примиренчества говорит о том, что строй феодальных отношений, как ни был он тяжел, не исключал развития капиталистического уклада и обогащения буржуазии.

В Англии, во времена Смита, главным тормозом буржуазного развития было не господство феодального способа производства, а наличие меркантильного типа преград буржуазному развитию. Поэтому у Смита критика феодализма идет рядом с критикой меркантилизма. В Англии буржуазное преобразование и промышленности, и земледелия, и землевладения давно уже было на полном ходу. Буржуазное общество в XVIII столетии «сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости»[5].

В промышленности ведущую роль играла капиталистическая

---

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 331.
[4] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 23—24.
[5] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 709.

мануфактура, в земледелии центральной фигурой производственного строя являлся фермер-капиталист. Поэтому у Смита критика феодального землевладения сводилась к следующему. По его мнению, крупное землевладение не обеспечивало необходимого прогресса земледелия. Он считал неразумными законы об единонаследии, препятствующие дроблению земельной собственности. Но проблема коренных изменений в структуре производства и в составе его агентов перед Смитом не стояла.

Специфически феодальное соединение земельной собственности с земледельческим производством было делом далекого прошлого для Англии. Да и во Франции собственность феодалов на землю экономически реализовывалась в оброчной форме.

Наконец, рента не была уже единственной и общей формой прибавочного продукта. Больше того, рента стала выступать как сверхприбыль, как доля прибыли, основные части которой в виде торговой прибыли, процента начали обособляться в связи с обособлением отдельных функциональных форм капитала (торговый капитал, ссудный капитал) и которая становилась первичной формой прибавочной стоимости. Основные отношения буржуазного экономического порядка уже нашли теоретическое выражение в системе Смита.

Отсталость Франции выразилась в том, что в физиократической системе рента выступает в качестве главной, если не единственной формой прибавочной стоимости. Но вместе с тем основу теоретического радикализма физиократии, превзошедшей в этом отношении английскую политическую экономию того периода, также можно найти в отсталости экономических отношений Франции по сравнению с Англией. Во Франции еще только назревала революция против феодального строя, который изжил себя и не давал простора новому, капиталистическому способу производства. Противоречия между феодальными и буржуазными производственными отношениями были значительно острее во Франции, чем в Англии. Но и во Франции производство, все еще скованное феодальными отношениями, переходило на капиталистические рельсы; капиталистические отношения начинали занимать все более доминирующее положение в феодальном обществе. Феодальные отношения сводились лишь к присвоению ренты. Нетерпимость этих отношений становилась тем острей, чем больше производство вступало на путь производства во имя прибыли. Полемика против «старого строя» принимала форму борьбы не столько против старого способа производства, сколько за долю прибавочной стоимости.

Феодальный «костюм» физиократии с этой точки зрения не только был внешним атрибутом ее, но и выражал характер антагонизма между буржуазией и старыми классами того общества, в недрах которого возник капиталистический способ производства и родилась буржуазия.

Все это объясняет тот факт, что в центре внимания буржуазной экономической мысли Англии и Франции оказывается задача

преодоления принципов меркантилизма и обоснования принципов свободной конкуренции.

И французские и английские классики политической экономии явились провозвестниками идей экономического либерализма, но не идей экономической революции. Их идеи не были непосредственно направлены на уничтожение какой-либо формы собственности. Они были направлены на снятие ограничений уже существующей формы собственности — буржуазной частной собственности.

Это отнюдь не умаляет прогрессивного значения ни французской, ни английской классической школы. Теоретически дискредитировав всякое ограничение буржуазной собственности и буржуазного способа производства, они дали политическим деятелям идейное оружие революционной борьбы за полную ликвидацию власти феодалов.

Однако, как бы это ни показалось парадоксальным, для обоснования непосредственного революционного действия, направленного на низвержение феодальных устоев, физиократы дали теоретически больше, чем их прямой преемник в Англии — Смит.

Теоретический анализ капиталистического способа производства, данный Смитом, несравненно выше всего того, что дано в этом отношении физиократами, если исключить гениальную «экономическую таблицу» Кенэ. Смит исходит в анализе из наличия трех действительных классов капиталистического общества и рассматривает отношения между ними. Категории его теоретической системы являются прямым отражением действительных экономических отношений капиталистического общества, преломленным через его буржуазное мировоззрение. Отношения между тремя классами, как они уже сложились, являются для него естественными. Задача заключается не в том, чтобы их изменять, а в том, чтобы дать им полный простор для свободного развития. Естественно и разумно не только отношение между капиталистом и рабочим, но и между капиталистом и земельным собственником. В этой позиции Смита находит выражение далеко зашедший в Англии процесс обуржуазивания феодальной земельной собственности, влекущей за собой смягчение противоречий между буржуазией и земельными собственниками. Не случайно борьба против земельных собственников сводится у Рикардо в конечном счете к вопросу о величине ренты. Не случайно Рикардо отрицает абсолютную ренту и тем самым резко уменьшает значение своей борьбы против землевладельцев.

Отсутствие у классиков специального качественного анализа отношений ренты мешает выяснению специфической роли земельной собственности в буржуазном обществе. Далеко зашедший процесс развития буржуазных отношений в Англии не ставил перед английскими классиками вопроса о коренных изменениях в существующей системе экономики. Перед ними была лишь задача расчистки путей для этой системы.

Препятствием же для развития системы были, по их мнению,

не существующие отношения собственности, а вмешательство в их свободную игру извне, со стороны государства. Методологическую основу этой ограниченной постановки вопроса, несомненно, следует искать во внеисторическом подходе к капиталистическим производственным отношениям, которые, по мнению Смита, соответствуют природе человека и прокладывают себе путь даже вопреки законодательству, стремящемуся уклонить развитие от естественного хода вещей.

Между тем неразвитость теоретической системы физиократизма, являвшаяся серьезным препятствием для зрелого понимания всего комплекса производственных отношений капиталистического способа производства, послужила фундаментом для более решительной теоретической атаки против феодальной земельной собственности.

Земледелие является основной отраслью производства феодального общества. Чем больше экономическая сила феодализма, тем больше значение земледелия и всего комплекса вопросов, связанных с земледелием, для развития страны. Невозможно преодоление феодализма лишь путем развития промышленности — необходимо уничтожение его и в земледелии. Там, где развивается капитализм, но еще силен феодализм, ликвидация последнего предполагает изменение аграрного строя, изменение отношений земледельческого производства и связанных с ним феодальных отношений распределения.

Исключительный интерес физиократии к земледелию, который воспринимался историками экономической мысли как выражение отсталости физиократической системы и ее якобы феодального характера, являлся на самом деле отражением исключительно глубокого понимания физиократами основных задач экономического развития Франции в интересах буржуазии. Та историческая задача — преобразование аграрных отношений, которая перестала быть актуальной в Англии, явилась во Франции основной в общей задаче полного преодоления феодализма. Поэтому, как бы ни относиться к физиократизму и его дифирамбам земледелию с точки зрения познания законов капиталистического производства, нужно признать, что физиократы выдвинули исключительно ценные положения для критики феодализма.

Модель классов, которая дана Кенэ в качестве исходного пункта всего анализа процесса воспроизводства и которая должна была послужить основой для определения экономической политики хотя бы в налоговой области, не выдерживает критики с точки зрения структуры буржуазного общества и его решающих антагонизмов. Но она имела положительное значение в стране, которая еще не изжила феодализм, в стране, где главный узел борьбы завязывался не вокруг отношений буржуазии и рабочего класса, а вокруг отношений буржуазии и феодальной собственности.

Не отношения фермеров и их батраков были главной сферой классовой борьбы в земледелии, а отношения феодалов и произ-

водителей. Не отношения между буржуазией и пролетариатом были главным социальным вопросом в промышленности, а создание для нее условий свободной конкуренции.

Вот почему классовая модель Кенэ давала опорные точки для того, чтобы нащупать основные противоречия французского общества того периода, когда уже сложились буржуазные отношения, но полному развитию их мешали феодальные барьеры. Для промышленности эти барьеры выражались в системе меркантилистической регламентации и опеки, для сельского хозяйства — в бесконечных поборах со стороны феодалов, феодальной церкви и феодального государства.

Устранить меркантилистическую политику и оградить капитал в промышленности и земледелии от всяких поборов, переложить всю тяжесть налогового пресса на земельную собственность — таковы антифеодальные требования физиократов. Направление главного удара физиократов при этом было правильным, поскольку он был обращен против ренты — единственной с их точки зрения формы «чистого продукта». Объявив, что лишь земледелие создает «чистый продукт», физиократы тем самым констатировали, что есть лишь одна форма прибавочной стоимости, т. е. рента, и исходили из того, что присвоение прибавочной стоимости носит феодальный характер. Таким образом, с точки зрения классово-политической учение физиократов о чистом продукте помогало борьбе против феодальной земельной собственности.

Как известно, физиократы ориентировались лишь на частичную конфискацию доходов земельной собственности, не допуская мысли о ликвидации самой земельной собственности дворянства. Больше того, физиократы даже преклонялись перед крупным землевладением. В этом следует различать две стороны. Поскольку физиократы выступали за то, чтобы все налоги брались только с чистого продукта земли, что означало частичную конфискацию земельной собственности, постольку превознесение земельной собственности оказывалось мнимым. Однако в превознесении землевладения был, несомненно, и реальный элемент примирения с ним. Физиократы не отрицают земельную собственность, если она окажется приспособленной к буржуазному производству, т. е. если она не будет претендовать на нормальную, среднюю прибыль, а будет ограничиваться сверхприбылью.

В этом примирении сказывалась ограниченность физиократов. Однако Смит не проектировал и налоговой конфискации доходов землевладельцев. Поэтому физиократическая система, несмотря на свой феодальный костюм, оказывается по существу более радикальной. Именно потому, что объектом ее анализа были более противоречивые отношения, она практически дала буржуазии больше, чем ее преемники, исходившие из более зрелых буржуазных экономических отношений. Методологическую основу этого следует искать в том, что если, по Смиту, буржуазные отношения соответствуют естественной природе человека, то, по физиократам, они соответствуют естественному праву человека. Поскольку

это право еще не реализовано, до сознания физиократов яснее доходило различие между буржуазными и добуржуазными формами производственных отношений. Поэтому тем более энергичными они должны были быть в борьбе за торжество естественного права, которое не прокладывает себе путь так свободно, как это делает естественная природа человека, на которую опирается Смит.

Это различие методологии физиократов и Смита само выражает разную степень победы капитализма над феодализмом в представленных ими странах. Больший оптимизм Смита есть выражение большей развитости капиталистического способа производства в Англии по сравнению с Францией.

Не случайно, что менее совершенная, с точки зрения буржуазных отношений, физиократическая система, соответствовавшая сравнительно более конфликтной обстановке во Франции, дала более радикальную критику феодального землевладения, чем система Смита и Рикардо. Не случаен тот факт, что не Смит, а продолжатели физиократического учения, «английские физиократы, писавшие в 1798 г., впервые доказывали на основании Кенэ, наперекор А. Смиту, необходимость уничтожения частной собственности на землю»[6].

Феодальное землевладение экономически реализует себя иначе, чем земельная собственность, преобразованная на капиталистический лад. Если задача буржуазии сводится в период перехода от феодализма к капитализму к такому преобразованию земельной собственности, которое бы подчинило присвоение ренты закону средней прибыли, то задача феодального землевладения сводится к тому, чтобы остаться монопольным получателем прибавочного продукта, чтобы удержать ренту как ее форму.

Учение о чистом продукте есть теоретическая попытка оградить капиталистическую прибыль от всякой возможности экспроприации ее феодальным государством.

Резкое противопоставление ренты прибыли, характерное для физиократизма, является выражением неразвитости буржуазных отношений производства. Но необходимо иметь в виду, что у самих физиократов противопоставление ренты прибыли не доходило до противопоставления двух способов производства. Хотя буржуазные отношения в земледелии не были достаточно развиты, физиократы исходили из них. Анализируя таблицу Кенэ, Маркс писал: «Первая предпосылка таблицы заключается в предположении, что повсеместно введена арендная система, а вместе с ней и крупное земледелие в том значении, какое имели эти слова во времена Кенэ; причем образцом для Кенэ являются Нормандия, Пикардия, Иль-де-Франс и некоторые другие французские провинции. Фермер выступает поэтому как действительный руководитель земледелия, он представляет в таблице весь производительный (земледельческий) класс и выплачивает земельному собственнику ренту деньгами»[7].

[6] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т 34, с. 287.

[7] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 256. (Глава «Из "Критической истории"» работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг», откуда взята приведенная цитата, написана, как известно, К. Марксом).

Поэтому главная задача заключалась и для физиократов не в изменении способа производства, а в изменении распределения прибавочной стоимости (не изымать ее у капиталиста) или в лучшем случае — в изменении способа ее *присвоения*.

Говоря об этом периоде, Энгельс писал: «По политическому положению дворянство было всем, буржуа — ничем; по социальному положению буржуазия была теперь важнейшим классом в государстве, тогда как дворянство утратило все свои социальные функции и продолжало только получать доходы в качестве вознаграждения за эти исчезнувшие функции»[8].

Уничтожение частной земельной собственности, которого требовали английские физиократы на основе учения Кенэ, являлось не средством ликвидации феодального способа производства, а лишь попыткой прекратить присвоение землевладельцами ренты.

Поскольку физиократы представляли интересы уже существующего капиталистического производства, их борьба против земельной собственности принимала ограниченный характер.

Фактическая экспроприация феодального землевладения, осуществленная в ходе французской революции, не была результатом реализации какой-либо буржуазной теоретической программы. Она была результатом логического развития революционной классовой борьбы, вышедшей в известный период далеко за рамки, предусмотренные теоретиками буржуазии.

Борьба физиократов против земельной собственности была борьбой буржуа против земельной собственности как орудия присвоения прибавочной стоимости, а не крестьянской борьбой против феодальной земельной собственности как оплота и носителя феодального способа производства.

Буржуазный характер этой системы, направленной против феодализма, определял и границы критики феодального землевладения со стороны физиократов. Поскольку сам буржуазный способ производства, провозвестниками которого они выступали, был основан на частной собственности, а феодальное землевладение также рассматривалось ими как форма частной собственности, они не могли найти против него до конца последовательной критической аргументации.

Именно эта особенность буржуазного миросозерцания и привела к тому, что в физиократической системе главный удар был направлен против меркантилистической теории и политики.

Эта ограниченность физиократической системы целиком сводится к ее классовой основе и к историческим условиям перехода от феодализма к капитализму во Франции.

* *
*

Между тем в России резко отличны были условия перехода от крепостничества к капитализму, а

[8] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 168.

вместе с тем и характер борьбы классов и характер теоретической борьбы.

Поэтому понятно, что русская экономическая мысль мало что могла взять у физиократов. Что же касается борьбы между фритредерами и протекционистами в России, то и она протекала в иной плоскости и имела иное значение, чем борьба между физиократизмом и меркантилизмом.

Меркантилистическая политика и идеология в России в основном уже были изжиты во второй половине XVIII в. Главным барьером всякого прогресса России в XIX в. стало крепостничество, борьба с ним в России являлась в эту пору несравненно более актуальной задачей, чем во Франции.

Борьба вокруг таможенной политики в первой трети XIX в., в которой аграрно-крепостнические круги пытались воспользоваться идеями западноевропейского фритредерства, явилась ареной развития русской теории протекционизма.

Протекционизм, развитый Н. С. Мордвиновым задолго до разработки «национальной системы политической экономии» Ф. Листом, не имел отношения к меркантилизму.

Фритредерские идеи были уместны и начали пользоваться успехом и в Англии и во Франции тогда, когда в этих странах сложился фундамент капиталистической промышленности. Осуществление в России фритредерской политики в начале XIX в. означало бы не ускоренную ликвидацию феодально-крепостнических порядков, а скорее их консервацию, ибо в России не было еще фундамента капиталистической промышленности. Создание ее означало бы создание плацдарма, с которого могли быть нанесены серьезные удары по крепостничеству. Но протекционизм Мордвинова как конкретная программа экономической политики был внутренне противоречивым.

Теоретическая значимость протекционизма Мордвинова несравненно выше его значения как конкретной экономической программы. Теоретическое значение протекционизма Мордвинова заключалось в том, что он, исходя из признаний принципа свободной конкуренции и связанного с ним учения о разделении труда, не абсолютизировал их. Космополитической трактовке этих принципов фритредерами Мордвинов противопоставил учение о национальном значении их применения. По мнению Мордвинова, внутринациональное разделение труда должно явиться основой межнационального разделения труда, а не наоборот, как это вытекало из концепций фритредеров. Свободная конкуренция должна явиться орудием развития национальных производительных сил на базе разделения труда внутри страны. Протекционизм должен быть средством уравнения экономических условий разных стран.

Стремясь к развитию промышленности в буржуазных формах, Мордвинов, однако, был далек от понимания того, что главным препятствием развитию капиталистической промышленности являлось крепостное право. Он исходил из возможности сосуществования крепостного права и капиталистической промышленности,

развития последней в условиях этого сосуществования. Тем самым он обнаруживал ограниченность своего дворянски консервативного мировоззрения, выйти за рамки которого ему никогда не удавалось. Реальное значение программы Мордвинова находилось в обратном отношении к действительному историческому развитию. Чем глубже заходил процесс разложения крепостного хозяйства и чем яснее обозначался кризис крепостнического строя, тем меньше протекционистская политика могла являться действенным орудием создания такой системы промышленности, которая бы способствовала преодолению отставания России от западных стран.

Однако на той ступени развития, когда разлагающееся крепостное хозяйство еще не переживало кризиса, покровительственная система вполне оправдывала себя, поскольку помогала развитию промышленности.

Возникновение машинного производства делает особенно наглядной несовместимость феодальной системы производственных отношений с прогрессом промышленного производства.

Первоначально капиталистические формы производства получают наибольшее развитие в сфере обрабатывающей промышленности, главным образом в отраслях легкой промышленности. Как известно, капиталистическая индустриализация начинается с отраслей легкой промышленности. Эта особенность капиталистической индустриализации не может быть отменена той или иной системой таможенной политики.

Задача экономической политики в период перехода легкой промышленности на рельсы машинной индустрии заключалась в том, чтобы поддержать этот процесс индустриализации. Для этого необходимо было обеспечить промышленность машинами, металлом и железными дорогами. Между тем страна испытывала металлический голод. За период господства запретительной системы производство металла существенно не возросло, тогда как промышленность в целом значительно шагнула вперед. Этот факт показывает, что не недостаточная охрана тяжелой промышленности является причиной ее отставания.

Удешевление металла и машин в этот исторический период явилось бы фактором ускорения развития русской промышленности. Не случайно Чернышевский в заметке «О свободной международной торговле» писал, что «дешевизна железа могущественно содействует улучшению народного быта»[9].

Рассматривая частный вопрос о понижении пошлин на железо во Франции, Чернышевский указывал: «Несправедливо задерживать развитие народного благосостояния во Франции запрещением или высокими пошлинами на английское железо для того, чтобы французские железозаводчики могли продавать свое железо по высокой цене, обременительной для французской нации»[10].

В России в этот период металлургическое производство поко-

[9] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, с. 624.
[10] Там же.

илось на крепостном, принудительном труде. Таким образом, высокие охранительные пошлины были опорой крепостнических форм производства. Они не способствовали индустриальному развитию страны, которое при капитализме начинается с легкой промышленности.

Между тем отрасли легкой промышленности к тому периоду достаточно окрепли. Исследователь таможенной политики России Лодыженский писал: «Система протекционизма, применявшаяся в течение тридцати лет, вызвала в России довольно развитую мануфактурную деятельность, которая пустила прочные корни. Изданием тарифа 1850 года было открыто свободное соперничество русских и польских фабрик, и, вместе с тем, значительно уменьшен размер пошлин, охранявших русскую промышленность от совместничества иностранной. Результатом этой довольно решительной меры было то, что некоторые мелкие фабрики были вынуждены прекратить действия, зато крупные предприятия уцелели и, введя у себя разные усовершенствования, стали успешно соперничать с польскими и иностранными мануфактурами и даже увеличили свое производство против прежнего» [11].

Реальная внешнеторговая политика России в XIX в. складывалась под влиянием многих факторов. Государство шло в этой политике не по прямой дороге. Внешнеторговая политика оказывалась под воздействием как интересов господствующего класса помещиков, так и под влиянием общих интересов помещичьего государства.

Фритредерские идеи первой четверти XIX в. в большей мере питались узкими интересами помещиков, заинтересованных в наиболее выгодном соотношении цен на сельскохозяйственные товары, владельцами которых они были, и на промышленные товары, свободный ввоз которых обеспечивал им получение этих товаров по дешевым ценам.

Характерно, что среди декабристов сторонниками фритредерства были представители наиболее правых кругов. У Н. И. Тургенева не случайно сочетались фритредерство и идея безземельного освобождения крестьян. Буржуазное преобразование России он видел на базе помещичьего хозяйства. Интересы помещичьего хозяйства, преобразующегося в капиталистическое сельское хозяйство, также требовали свободного ввоза.

Между тем Пестель как представитель левого, наиболее радикального крыла декабристов не разделял фритредерских иллюзий в отношении тогдашней России.

Само правительство на протяжении второй четверти XIX в. проводило политику твердого протекционизма и частично затрагивало интересы крайних крепостников. Конечно, пойдя по пути протекционизма, государство крепостников не перестало быть крепостническим и не вступало в противоречие с интересами помещичьего класса в целом.

[11] Лодыженский К. История русского таможенного тарифа. Спб., 1886, с. 256.

Во-первых, известная часть помещиков начала вести предпринимательскую деятельность в области промышленности еще со времен Петра I. Поэтому охрана промышленности была на пользу этим кругам господствующего класса и они требовали ее.

Во-вторых, даже если считать, что главные экономические интересы господствующего класса лежали в пределах сельского хозяйства, то и в этом случае крепостническое государство не могло отказаться от промышленности, поскольку политические задачи и положение страны в системе других государств требовали в XIX в. известного уровня промышленного развития (для покрытия хотя бы основных нужд армии в снаряжении). В какой-то мере интересы промышленного развития страны совпадали с политическими нуждами государства крепостников.

«Все правительства, даже самые абсолютистские, — указывал Энгельс, — *в конечном счете* только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны. Они могут делать это по-разному — хорошо, плохо или посредственно; они могут ускорять или замедлять экономическое развитие с вытекающими из него политическими и юридическими последствиями, но в конечном итоге должны следовать за этим развитием» [12].

Даже крепостническое государство не могло игнорировать необходимость промышленного развития страны.

Но если охранительная система имела положительное значение в начальной фазе развития промышленности, то с появлением машинного производства и железных дорог охрана всех отраслей начинала вступать в противоречие с интересами развития самой промышленности. Фритредерские идеи третьей четверти XIX в. явились выражением этого реального противоречия, хотя защита их сплошь и рядом обосновывалась абстрактными теоретическими соображениями.

Правящим кругам также стало ясно, что та охранительная система, которая должна была служить поддержке всех отраслей, начинала вступать в противоречие с задачами, какие ставились перед нею. Правительство должно было уступать логике экономического развития, но на этом пути оно делало весьма робкие шаги.

Фритредерская критика охранительной системы играла положительную роль не потому, что безупречна была ее теоретическая аргументация, а потому, что она разрушала веру в систему народного хозяйства, основанную на монополиях и привилегиях, подрывала тепличную обстановку, в которой консервировались крепостнические формы производства.

Тот факт, что фритредерские идеи разделялись и частью аграрно-консервативных кругов, не меняет дела. Совпадение ближайших коммерческих интересов той или иной консервативной общественной группы с прогрессивной программой вполне возможно.

---

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 314.

Физиократическая система воспринималась во Франции как феодальная, так как непосредственно она была направлена против кольбертизма. Но ведь Кольбер осуществлял политику покровительства промышленности. Если подойти к физиократической системе поверхностно, то она предстанет перед нами как антипромышленная. Вместо всесторонней регламентации и щедрой опеки промышленности, которая практиковалась французским меркантилизмом, физиократы выдвинули лозунг «laissez faire, laissez passer».

Казалось бы, это была политика удушения промышленности. Между тем только атмосфера свободной торговли могла создать условия для расцвета подлинной капиталистической промышленности.

Если экономические условия в России в середине XIX в. и не были одинаковыми с условиями Франции второй половины XVIII в., то можно утверждать, что они были подобными. И там и тут процесс разложения феодального хозяйства зашел далеко. И там и тут промышленность, созданная путем покровительства, требовала новых условий для своего успешного дальнейшего развития на фабричной основе. Свобода торговли в этих условиях была направлена не против промышленности, а против устаревших методов ее развития.

Русское фритредерство середины XIX в. было по своей экономико-политической направленности родственно физиократизму Франции середины XVIII в. Понятно, что речь здесь идет о социально-экономической направленности их программ.

Сложное и трудное заключается в том, что в обоих случаях борьба за радикальное капиталистическое преобразование страны, которое создает наиболее благоприятные условия для развития промышленности, принимает форму антипромышленной политики.

Но эта форма иллюзорна. Она обманывает только потому, что вопрос о протекционизме и фритредерстве исследуется не конкретно-исторически, а абстрактно и внеисторично. Не случайно поэтому фритредерская линия середины XIX в. в России большинством исследователей оценивается отрицательно, ее классовая основа ошибочно отыскивается только среди аграриев, и ставится вопрос о простом рецидиве фритредерских идей первой четверти XIX в.

На самом же деле хотя отдельные аграрные круги и продолжали отстаивать фритредерскую политику, само фритредерство наполнилось новым, антикрепостническим содержанием.

Непонимание сущности фритредерских идей середины XIX в. обнаруживается в книге С. Покровского «Внешняя торговля и внешняя торговая политика России». Автор довольно подробно останавливается на внешнеторговой политике середины XIX в., т. е. периода перехода от крепостничества к капитализму, и на идеологической борьбе вокруг этой политики. Идеологическую борьбу вокруг торговой политики он рассматривает сразу за всю

вторую половину XIX в. Поэтому при оценке борьбы он абстрактно противопоставляет фритредерство протекционизму. В итоге симпатии автора оказываются целиком на стороне протекционистов, хотя С. Покровский должен признать, что фритредерские тенденции тарифов 1850 и 1857 гг. отнюдь не ущемляли интересов русской промышленности, что «таможенная политика этого периода в общем способствовала развитию русской промышленности и подъему народного хозяйства в целом»[13]. Вместе с тем он указывает, что «в послереформенный период борьба с общей промышленной отсталостью страны могла начаться со снижения пошлин на чугун и железо, разрешения беспошлинного ввоза черных металлов железнодорожным компаниям и машиностроительным заводам»[14].

Можно сказать, что это была не фритредерская, а разумная протекционистская политика. Пусть будет так. Но фактом остается то, что 50-е гг. означают поворот в таможенной политике от крайнего к более умеренному протекционизму. Признавая этот факт, нельзя идейную борьбу вокруг таможенной политики 50-х гг. свести к абстрактному противопоставлению протекционизма фритредерству. Нельзя забывать положение Маркса о том, что теоретическое содержание спора между протекционистами и фритредерами было исчерпано уже давно. Оценка позиций фритредеров и протекционистов должна быть построена на анализе того, какое направление торговой политики соответствовало в тот период задачам ускорения экономического развития страны, разрушения отсталых, крепостнических форм производства, подъема технического уровня производства, развития промышленности — усиление протекционизма или его ослабление. Такой подход к оценке тем более правомерен, что ни один крайний фритредер этого периода не отстаивал политику ликвидации всяких таможенных пошлин, всякого покровительства. Теоретическая защита фритредерства в тот период была средством борьбы против крайних форм покровительства, создававших тепличную обстановку для сохранения устарелых форм производства.

Между тем С. Покровский, который считал, что тарифы 1850 и 1857 гг. сыграли положительную роль — а они носили фритредерский (относительно прежнего периода) характер, — заявлял, что протекционисты отстаивали «интересы промышленности и промышленной буржуазии», а фритредеры — «интересы сельского хозяйства и помещиков-крепостников»[15].

Следует прежде всего поставить под сомнение отождествление интересов промышленности и интересов некоторых слоев промышленной буржуазии, а также отождествление интересов сельского хозяйства и интересов помещиков-крепостников.

Нужно также иметь в виду, что и среди промышленников не было полного согласия по вопросу о характере тарифной поли-

[13] Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947, с. 268.
[14] Там же, с. 276.
[15] Там же, с. 294.

тики. Каждый промышленник был заинтересован в охране своей отрасли и одновременно в свободном ввозе промышленных товаров, необходимых для его производства. Это засвидетельствовано большим количеством документов.

Промышленники как производители и продавцы определенных видов товаров были заинтересованы в высоких пошлинах на эти товары, зато как покупатели и потребители сырья они выступали в качестве фритредеров.

Так, например, в период разработки тарифа 1850 г. «министру финансов были представлены записки от влиятельных и видных железозаводчиков Мальцева и Пастухова, доказывавших опасность допущения иностранного железа для судьбы русской железной промышленности»[16]. По свидетельству М. Соболева, авторы утверждали: «Англия, чрезвычайно расширившая производство железа, имеет избыток предложения и при открытии русской границы двинет в Россию дешевое железо. Внезапное понижение цен, которое за этим последует, окончательно разорит заводы, держащиеся теперь помощью правительства»[17].

Главный начальник казенных горных заводов заявлял, что «уральские заводы занимают теперь 400 000 крепостных душ обоего пола и 100 000 вольных рабочих; ввоз иностранного железа повлечет за собой упадок горных заводов, который в свою очередь разрушит все благосостояние уральского края»[18].

Сохранение высоких таможенных пошлин для этой отрасли промышленности означало не только поддержку железоделательных предприятий, но и сохранение крепостнических форм производства и соответствующей им техники. Между тем известно, что потребители железа требовали понижения пошлин на железо[19].

Московские фабриканты пряжи, поддержанные московским генерал-губернатором князем Щербатовым, требовали сохранения высоких пошлин на пряжу. Между тем бумаготкацкие фабриканты подавали прошения о понижении пошлин на пряжу[20], одновременно требуя сохранения высоких пошлин на продукты хлопчатобумажного производства[21].

Как указывал Маркс, капиталисты являются братьями-врагами. Когда речь идет об интересах его предприятия, его отрасли, капиталист готов задушить другое предприятие, другую отрасль. Вместе с тем у капиталистов есть всегда и общие интересы.

Следует также иметь в виду, что интересы промышленников и интересы промышленного развития страны далеко не всегда совпадают. Известно, что в России 50-х гг. среди протекционистов были не только представители промышленной буржуазии, но

---

[16] Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911, с. 35.
[17] Там же.
[18] Там же, с. 36.
[19] Там же, с. 165.
[20] Там же, с. 39—41, 161, 162.
[21] Там же, с. 58—60, 150—152.

и представители помещиков. Характерна в этом отношении позиция «Русской беседы» — помещичьего органа, выступавшего в защиту протекционизма. Среди фритредеров, наоборот, были ярые враги помещиков-крепостников.

Противопоставление фритредеров как защитников феодального класса помещиков протекционистам как якобы представителям нового класса — буржуазии для конкретно-исторических условий России середины XIX в. не выдерживает критики. Это противопоставление является следствием ложного распространения выводов, относящихся к первой четверти XIX в., на условия третьей четверти XIX в.

С. Покровский упустил из виду, что при наличии в стране крупной промышленности главным препятствием к развитию ее была не иностранная конкуренция, а феодальные монополии, которые охраняли примитивнейшие формы производства на базе крепостничества. Ликвидации этих форм производства способствовала бы свободная конкуренция. Не случайно герценовский «Колокол» положительно относился к снижению таможенного тарифа [22].

Необходимо также иметь в виду, что и Н. Г. Чернышевский высказался против протекционизма. Никогда, конечно, не следует забывать, что Чернышевский хорошо понимал подчиненное значение вопроса о тарифе, но нельзя игнорировать его высказывания о протекционизме и их значение для того периода. Вернадский — противник крепостничества и безусловный трубадур капитализма — боролся против протекционизма.

С. Покровский явно симпатизировал протекционистам, но чувствовал себя связанным тем, что демократические круги и наиболее радикальные элементы из либерально-буржуазных кругов были противниками протекционизма. Он неправильно интерпретировал позицию Чернышевского и писал: «Отрицание Чернышевским протекционизма, проводившегося царским правительством, вытекало из отрицания самых основ современного ему общественного устройства, из требования революционного преобразования общества и организации его на социалистических началах» [23]. С. Покровский продолжал: «Поэтому Чернышевский не защищает положительной экономической политики, которая имела прогрессивное значение при сохранении основ старого общественного устройства, и резко критикует систему расхищения народных средств, переливавшихся через посредство казначейства и госу-

---

[22] Колокол, 1857, № 3, 1 сент.

[23] Покровский С. А. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, с. 296. Аналогичное положение мы находим и у Струве. Характеризуя идеи торговой политики в России в середине XIX в., он писал: «В эту эпоху уже намечается в общем русле общественной мысли течение социалистическое, но как течение отвлеченное, не преследующее в рамках существующего экономического строя определенных конкретных задач, оно не занимало определенной торгово-политической позиции и уже по одной этой причине не могло стать на сторону протекционизма» (Струве П. Б. Торговая политика России. Изд. 2. Спб., 1913, с. 207).

дарственного банка в карманы капиталистов. Протекционизму полукрепостнического государства он противопоставляет революционную программу, которая должна уничтожить основы старого порядка»[24].

Прежде всего непонятно, почему крепостническое государство превратилось в полукрепостническое и почему из отрицания Чернышевским основ современного ему общества вытекает отрицание только протекционизма.

Чернышевский видел главную задачу в ликвидации крепостничества. В постановке вопроса о протекционизме и фритредерстве Чернышевский вплотную подошел к тому, что было дано Марксом в его известной речи о свободе торговли.

С. Покровский не только неправильно толковал позицию Чернышевского, но и прямо извращал ее. Он игнорировал хотя бы следующие слова Чернышевского: «Посмотрите, например, сколько десятков лет тянулась в Англии и тянется теперь в других странах борьба между протекционизмом и свободою торговли. А что такое эта перемена перед изменением, какое соединено с социализмом? — не больше как поправка одной очевидной опечатки перед полною переработкою всей книги, устаревшей по своему содержанию»[25]. Эта цитата явно показывает, как глубоко понимал сущность фритредерства и протекционизма Чернышевский и почему нельзя давать такую интерпретацию взглядам Чернышевского, какую им дал С. А. Покровский.

Борясь против крепостничества и против капитализма, Чернышевский, однако, защищал ту политику, которая ускоряла экономическое развитие страны даже при существующем строе.

Вопреки П. Струве и С. Покровскому, Чернышевский не ставил вопрос так: протекционизм или социализм. Неверно, что «протекционизму полукрепостнического государства он противопоставляет революционную программу, которая должна уничтожить основы старого порядка», как пишет С. Покровский.

Революционную программу Чернышевский противопоставляет не протекционизму, а крепостничеству, а поскольку он борется против капитализма, то и последнему. Революционную программу он противопоставляет и протекционизму и фритредерству, проводимым крепостническим государством, а политике протекционизма — свободу внешней торговли.

При этом само противопоставление дается им не абстрактно, а конкретно. Он говорит не о достоинствах протекционизма или фритредерства вообще, а о полезности или вредности той или другой системы в тот или иной период.

Как известно, тарифы 1850 и 1857 гг. смягчали протекционистский характер русского таможенного тарифа. Чернышевский дает следующую оценку этим тарифам: «Тарифы 1850 и 1857 годов

---

[24] Покровский С. А. Указ. соч., с. 296.

[25] Чернышевский Н. Г. Подстрочные примечания к переводу «Оснований политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, с. 832.

постепенно приводят фабричную промышленность к тем нормальным отношениям к земледелию, которые нужны для процветания сельского хозяйства»[26]. В рецензии на «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» Г. К. Кэри Чернышевский пишет, что он вовсе не сочувствует протекционизму и полагает, что «теория свободной торговли гораздо более соответствует выгодам нации»[27].

Понятно, что между постановкой вопроса о свободе торговли у Чернышевского, с одной стороны, и Вернадского и других русских фритредеров — с другой, имеется существенная разница. Чернышевский с исключительной глубиной показывает, что вопрос о политике внешней торговли не является и не может являться главным вопросом. В частности, Чернышевский критикует Кэри за то, что он, Кэри, выдвигает для Америки того периода в качестве главного вопроса тарифный вопрос. Чернышевский иронически пишет: «... главную занимательность письмам Кэри дает забавная мономания его ставить тарифный вопрос средоточением всей общественной жизни, главным регулятором всех ее явлений; эту мономанию навели на него экономисты, перестроившие всю науку в таком духе, что вопросы о торговле стали главным предметом ее»[28]. Чернышевский критикует Кэри за то, что он не видит, что «коренное зло в Соединенных Штатах — невольничество»[29] и что тарифом нельзя избавиться от коренного зла.

Защищая для русских условий политику свободной торговли, Чернышевский и в данном случае указывает, что вопрос о том или ином направлении внешней торговой политики, о том или ином тарифе не является главным. С глубоким экономическим и политическим тактом Чернышевский, поддерживая русских фритредеров против протекционистов, заявляет, что он никогда не имел «счастия находить, что хлопоты о низком тарифе должны быть для нас предметом первостепенной важности при нынешнем положении дел. Есть для России десятки экономических потребностей более важных»[30]. Чернышевский с исключительным реализмом правильно подчеркивает подчиненный характер проблемы тарифа, выдвигает на первый план центральную задачу того периода — борьбу за ликвидацию крепостнических монополий.

Линия Чернышевского в вопросе о протекционизме и фритредерстве правильно отражала действительные интересы экономического развития страны.

Вопросы внешнеторговой политики, хотя и не были решающими для экономического развития страны, оказывали серьезное влияние на него. Оценка же исторической роли той или иной системы торговой политики должна определяться тем, в какой мере она служила падению крепостнических форм производства и ускорению развития капиталистического производства.

[26] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 322.
[27] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 909.
[28] Там же, с. 923.
[29] Там же, с. 920.
[30] Там же, с. 909.

Борьба между фритредерами и протекционистами не выходит за рамки данных общественных порядков. Она не может ни создать, ни уничтожить тот или иной строй, но может воздействовать на ускорение или замедление его развития. Поэтому вопросы внешней политики становятся особо актуальными в критические периоды.

Не случайно в России в период падения крепостного права вопросы внешнеторговой политики приняли острый характер и были предметом длительной борьбы. Но как бы остра ни была эта борьба, она не являлась в тот период самодовлеющей и подчинялась главному вопросу борьбы классов эпохи падения крепостного права.

Таким образом, главные экономические проблемы, стоявшие перед западноевропейской экономической мыслью в период перехода к капиталистическому способу производства, отнюдь не были главными для русской экономической мысли. И это — результат специфических условий экономического развития России в первой половине XIX в.

Ходом экономического развития передовые русские экономисты вынуждены были по-своему ставить и оригинально решать экономические проблемы, связанные с переходом от крепостничества к капитализму. Решая эти задачи, они двинули вперед развитие экономической теории.

Проблема сравнительной выгодности принудительного и вольнонаемного труда и ее роль в развитии антикрепостнических идей в России

Критика сложившегося в России крепостнического строя началась еще в XVIII в. В этой критике сразу же обозначились два направления: одно исходило из задачи укрепления крепостничества, другое стремилось расшатать устои крепостничества.

Для первого направления характерно стремление устранить крайние формы крепостнического гнета. Одним из вопросов, выдвинутых этим направлением, был вопрос о сепаратной мобилизации крепостных и земли, который неоднократно являлся предметом обсуждения в правительственных кругах. В числе проектов, составленных М. Сперанским, был один, предусматривавший ликвидацию права обособленного отчуждения помещиками крепостных и земли.

Каким бы маловажным ни казался вопрос о том, продавали ли крепостных с землей или без земли, он все же был вопросом о природе крепостных отношений. Сторонников запрещения сепаратного отчуждения крестьян и земли не следует рассматривать как эмансипаторов. Это была наиболее дальновидная часть кре-

постников, которая чувствовала, что расширение этой сепаратной мобилизации грозит подрывом экономической основы помещичьего хозяйства и заключает в себе ферменты социальных конфликтов, чреватых серьезными политическими последствиями для крепостничества и самодержавия. Они пытались вернуться к более древним формам русского феодализма, фиксацией коих они надеялись стабилизировать существующий общественный и государственный порядок.

Но даже такая критика существующего порядка являлась в известной мере и в определенный исторический период фактором частичного расшатывания идейных устоев крепостничества. Она ставила под сомнение неограниченные права крепостников по отношению к крепостным крестьянам, а за последними признавала какое-то право на землю. Пусть это право было весьма микроскопическим и сопровождалось обязанностью отбывать феодальные повинности, но идеологически оно вносило трещину в систему неограниченного произвола феодалов.

Другая линия критики крепостничества, первые робкие шаги которой связаны с именами братьев Козельских, Поленова и Коробьина, ставивших под сомнение систему крепостнических отношений, получает яркое выражение в воззрениях Радищева, нанесшего первый могучий удар по крепостнической идеологии и выдвинувшего требование революционного уничтожения крепостничества. Эту линию продолжили декабристы. Восстание декабристов, идеи которых оказали мощное влияние на последующее освободительное движение в России, было первым революционным выступлением против самодержавия и крепостничества. Радищев и декабристы подготовили идейные условия для широкого развития антикрепостнической общественной мысли.

На новом этапе, охватывавшем период от 40-х до 60-х гг., для которого, как указывал В. И. Ленин, все общественные вопросы «сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками», необходимой оказывается постановка вопроса о путях дальнейшего экономического развития России после отмены крепостного права и о методах ликвидации последнего. Но прежде чем подойти к нему и даже уже подойдя к нему, русская экономическая мысль длительный период дискутировала вопрос о сравнительной выгодности хозяйств, ведущихся на принудительном и свободном (наемном) труде. Дискуссия эта по своим практическим результатам была мало плодотворна, но она по-новому осветила проблему перехода от крепостничества к капитализму и с этой точки зрения оказалась весьма полезной.

Особенности развития и разложения крепостного хозяйства в России породили особые формы перехода от крепостничества к капитализму. Как уже отмечалось, русская экономическая мысль, представлявшая интересы крестьянства, не могла почерпнуть у Запада готовых решений тех проблем, которые возникали в России. Вследствие особенностей самого объекта своего изучения и характера классовой борьбы она должна была развить и на самом

деле самостоятельно развила учение о ликвидации крепостничества и о создании новых форм экономических отношений.

Как известно, классическая школа, рассматривая буржуазное общество как естественную форму общества, соответствующую природе человека, закрывала себе путь к познанию экономических законов докапиталистических форм производства. Смит, для которого буржуазная форма производства есть естественная форма, не знает, что для того, чтобы иметь возможность применять вольнонаемный труд, нужно обладать такой экономической силой, которая бы заставила свободного человека отдавать свою рабочую силу в пользование другому человеку. Смит не знает, что такая экономическая сила возникает и развивается только на высокой ступени развития производительных сил.

Чем же Смит объясняет факт длительного существования принудительных форм труда? «Присущая человеку гордость внушает ему любовь к власти, и ничто так не оскорбляет его чувства, как необходимость снисходить к уговариванию ниже его стоящих людей. Поэтому всюду, где закон допускает это и где характер работы делает это возможным, он по общему правилу предпочитает работу рабов работе свободных людей»[31].

Итак, по Смиту, выходит, что буржуазная форма производства естественна, но лишь «гордость» мешает пользоваться свободным трудом вместо принудительного. Человек отказывается от пользования принудительным трудом тогда, когда он уже не может выдержать расходов по такому труду. «Возделывание сахара и табака может вынести расходы по обработке земли рабским трудом; возделывание хлеба, как кажется, в настоящее время этих расходов вынести не в состоянии»[32].

Переход от принудительного труда к свободному является для Смита не сменой одного экономического строя другим, а переходом от одного вида труда к другому в пределах одной и той же формы общества. Не случайно Смит не только не проводит необходимого разграничения между древним рабством, плантационным рабством и крепостничеством, но и прямо их отождествляет.

На первоначальном этапе развития борьбы против крепостного права прогрессивные русские экономисты не выходили принципиально за пределы той постановки вопроса о принудительном труде, которая была и у Смита. Пропагандировалось положение о том, что свободный труд выгоднее принудительного. Но это положение оспаривалось многими крепостниками. В связи с этим предпринимались попытки его положительного доказательства.

В 50-е гг., особенно во второй половине 50-х гг., вопрос о сравнительной выгодности принудительного и свободного труда становится темой большого числа статей, помещавшихся в многочисленных журналах того времени. Много статей печаталось в «Журнале землевладельцев». В одних и тех же журналах поме-

[31] Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. I. М.—Л., 1935, с. 330.
[32] Там же.

щались как статьи, доказывавшие бóльшую выгодность принудительного труда, так и статьи, доказывавшие бóльшую выгодность наемного труда.

На первый взгляд кажется, что статьи, доказывавшие бóльшую выгодность свободного труда, играли прогрессивную роль в борьбе с крепостничеством, а статьи, доказывавшие бóльшую выгодность принудительного труда, — консервативную. Но это только на первый взгляд.

Всякие данные о выгодности той или иной формы производства при крепостничестве являются случайными и уже поэтому не могут претендовать на достоверность. Но эти расчеты, помимо того, обладают таким крупным методологическим изъяном, который их полностью обесценивает.

Можно сопоставлять уровни производительности труда различных систем хозяйства, разных эпох в развитии одной и той же системы хозяйства. Методологически такое сопоставление вполне допустимо, так как объекты сопоставления однородны: сопоставляются количества однородных продуктов, произведенных одинаковым количеством труда в разных системах хозяйства или в разные периоды. Отношение количества продукта к количеству рабочего времени есть общая и одинаковая мера производительности труда во все времена и для всех способов производства.

Если бы упомянутые выше авторы сопоставляли крепостное хозяйство с капиталистическим по этому показателю, то оно с методологической точки зрения было бы вполне правомерно. Такое сопоставление было бы явно не в пользу крепостного хозяйства. Это ни в ком не вызывает сомнений. Не случайно поэтому капиталистические предприятия имели в крепостной России явную тенденцию к умножению, а крепостническое хозяйство обнаруживало все признаки застоя. Капитализм приносит высшую по сравнению с феодализмом производительность труда, и в этом залог его победы над феодализмом.

Но из положения о более высокой производительности капиталистически организованного предприятия нельзя автоматически вывести положение о большей выгодности капиталистического хозяйства по сравнению с крепостническим. Понятие выгодности хозяйства лежит в совершенно иной логической плоскости, чем понятие производительности труда.

Последнее инертно к форме хозяйства. Показатель производительности труда всегда, при всех формах хозяйства, во все эпохи один и тот же. Показатель выгодности специфичен для каждого отдельного общественного способа производства. Не может быть общей меры выгодности для различных общественных способов производства. При социализме возникают новые, отличные от капиталистических, критерии выгодности. Обусловливается это новым способом производства, новыми производственными отношениями, при которых возникает новый реально действующий, специфический принцип оценки выгодности.

Можно сопоставлять выгодность двух типов капиталистическо-

го предприятия. Можно сопоставить выгодность двух форм крепостного хозяйства, например, барщинного и оброчного, выгодность двух видов мелкого товарного производства, ибо сопоставляемые объекты в этих случаях имеют общую производственную основу, общую форму соединения производителя со средствами производства, общие основные производственные отношения.

Но нельзя сопоставлять выгодность капиталистического и крепостнического хозяйства, выгодность мелкотоварного производства и крепостнического производства, выгодность капиталистического и мелкотоварного производства и т. д., ибо каждая из этих общественных форм производства базируется на особой, специфической форме собственности, на особых производственных отношениях.

Предположим, что можно найти общую форму выражения валового продукта и дохода для различных форм производства. Допустим, что такой общей формой является денежная форма, хотя не следует упускать из виду, что такое допущение представляет собой в известных пределах насильственную абстракцию, поскольку только продукт капиталистического производства целиком реально принимает денежную форму, а продукт крепостного хозяйства принимает денежную форму лишь частично. Между реальным и мысленным превращением продукта в деньги существует большая разница. Несмотря на это, допустим, что мы приняли общую денежную форму доходов для всех форм производства. Этим мы еще ни на шаг не продвинулись вперед в деле выяснения выгодности одной формы хозяйства по сравнению с другой.

Выгодность должна выражаться через отношение, подобно тому как и производительность труда выражается отношением (продукта к рабочему времени). Но если выражение производительности труда имеет при всех формах производства качественно один и тот же числитель (количество продуктов) и один и тот же знаменатель (количество рабочего времени), то выражение выгодности даже при допущении однородного для разных производств числителя (денежной формы дохода) отнюдь не обеспечено общим знаменателем. В качестве последнего, очевидно, должны выступить затраты по производству дохода.

Капиталист будет относить полученный доход к авансированному им капиталу. Последний является той величиной, в связи с движением которой возник его доход. Мелкий товаропроизводитель будет относить свой доход к количеству затраченного им труда. Крепостник-помещик может отнести свой доход или к земельной площади, или к количеству крепостных душ (количеству крепостных, а не к количеству затраченного крепостными труда).

Полученный результат капиталист может сравнить с аналогичным результатом у другого капиталиста, и таким образом он будет иметь представление о степени выгодности своего предприятия. Мелкий самостоятельный товаропроизводитель может сравнить полученный результат с аналогичным результатом другого такого же товаропроизводителя. Помещик может сравнить свои

результаты с результатами другого помещика или результат, полученный при оброчной системе, сравнить с результатом, полученным при барщинной системе, и сделать выводы о сравнительной выгодности той или иной системы. Таким образом, при каждом типе производства неизбежно будет свой знаменатель выгодности.

Нелепо сравнивать выгодность разных форм производства, отличающихся друг от друга типом производственных отношений. Попытка капитализировать землю или крепостных помещика и таким образом представить знаменатель выгодности крепостного хозяйства в виде капитала или же попытка капитализировать труд и средства производства мелкого товаропроизводителя и представить их также в виде капитала — такая попытка является абсолютно неправомерной с экономической точки зрения. Она была бы подменой реальных экономических отношений, отличных друг от друга, их извращенными тенями в зеркале искусственных счетно-бухгалтерских расчетов.

Но именно такого рода расчеты производили как те, кто утверждал, что крепостное хозяйство выгоднее, так и те, кто утверждал, что капиталистическое хозяйство выгоднее.

Устанавливая, что знаменатель показателя выгодности различен при различных способах производства, мы на минуту допустили, что числитель его — доход — является общим для различных форм производства. Но и это допущение неправомерно, ибо и содержание и форма дохода различны при различных формах производства. Под нормальным капиталистическим доходом понимается средняя прибыль. Капиталист не может присваивать всю прибавочную стоимость. Часть ее — сверхприбыль в форме ренты — попадает классу земельных собственников. Крепостник-помещик присваивает весь прибавочный продукт, который в данном случае не имеет оснований распадаться на прибыль и ренту. Мелкий товаропроизводитель рассматривает в качестве дохода не только «прибавочный продукт», но и «необходимый», и границы его дохода еще более значительно изменяются.

Таким образом, если бы мы допустили возможность перевода «издержек производства» при разных способах производства на единую основу, то и в этом случае мы оказались бы в затруднении, ибо сама категория доходов, условно допущенная нами в качестве общей для всех форм производства, на самом деле резко различна при разных формах общественного производства.

Нелепо предположение о переходе к капиталистической форме хозяйства путем замены крепостного труда как менее выгодного вольнонаемным трудом как более выгодным. Как бы ни был малопроизводителен принудительный труд, отказ помещика от него в земледелии равносилен отказу от дарового труда.

Постановка перед крепостником-помещиком проблемы выгодности или невыгодности крепостнического или капиталистического способов производства так же нелепа, как нелепо поставить вопрос о выгодности или невыгодности водного или сухопутного со-

общения перед грузоотправителем, который имеет возможность одним из этих видов сообщения воспользоваться бесплатно.

Все рассуждения о невыгодности хозяйства, основанного на крепостном труде, по сравнению с хозяйством, основанным на вольнонаемном труде, базируются на представлении о крепостном хозяйстве как форме капиталистического хозяйства.

Такое представление на первый взгляд имеет основание в фактах отчуждения крепостных поместий и превращения полученных за них денег в денежный капитал, который может в свою очередь быть превращен в производительный капитал. Основываясь на этом, можно как будто бы рассматривать цену поместья как капитальную стоимость и сравнивать доход, получаемый с поместья, с доходом, который можно получить при применении такой же суммы в качестве производительного капитала, функционирующего при помощи вольнонаемного труда.

Нетрудно догадаться, что при таком сопоставлении решение задачи дано заранее, т. е., иначе говоря, задачи, собственно, нет. Ибо в самих условиях задачи заключено уже положение, что норма дохода на капитальную стоимость поместья, функционирующего на крепостной основе, меньше нормы дохода на равную величину стоимости, функционирующей на капиталистических началах.

Как складывается стоимость капиталистически организованного предприятия? Она складывается прежде всего из стоимости вещественных элементов этого предприятия: машин, зданий, сооружений, запасов сырья и т. п.

Между тем определение цены крепостного поместья базируется на совершенно иных основаниях. Цена крепостного поместья есть не что иное, как капитализированный доход поместья.

При продаже крепостного поместья отчуждается титул на доход, право на получение дохода. Реализованная в деньгах цена поместья есть эквивалент капитализированной суммы дохода, а не эквивалент вещественных элементов хозяйства поместья. Такие вещественные элементы, подлежащие передаче при продаже крепостного поместья, или вовсе отсутствуют, или составляют ничтожную долю «стоимости» поместья, и их можно игнорировать при теоретическом анализе процесса образования «стоимости» крепостного поместья. Вещественные условия труда в крепостном поместье принадлежат не помещику, а крестьянину.

Таким образом, величина «стоимости» крепостного поместья будет определяться величиной дохода, с одной стороны, и величиной ссудного процента — с другой.

Понятно, что в капитальной стоимости, полученной таким путем, заранее дана степень возрастания ее (норма дохода) — она определяется ссудным процентом. Ведь саму величину капитальной суммы определяет ссудный процент. Данным, таким образом, является доход, а производным — капитальная сумма. Поэтому неправомерной была бы постановка вопроса о том, какой доход может принести капитальная стоимость.

Вопрос этот лишен всякого смысла, ибо при самом определе-

нии капитальной суммы этот доход дан. Нельзя превращать в искомое то, что является данным.

Степень возрастания капитальной стоимости поместья не может быть установлена выше процента. Между тем предприятие капиталистического типа предполагает в качестве нормы возрастания капитальной стоимости среднюю прибыль. Процент всегда есть часть прибыли, а часть всегда меньше целого. Поэтому теоретически всегда доход крепостного поместья должен быть меньше, чем доход капиталистического предприятия, на которое авансирована равная капитальная стоимость.

Этот ответ, повторяем, дан в самой постановке вопроса, а следовательно здесь нет и задачи. Утверждение о большей выгодности капиталистически ведущегося предприятия по сравнению с крепостным поместьем является простой тавтологией потому, что сама величина капитальной стоимости крепостного поместья получена на базе более низкой нормы доходности (процент), чем обычный, нормальный доход капиталистического предприятия (прибыль).

Стоимость капиталистического предприятия определяется стоимостью вещественных элементов капитала, являющихся, как известно, продуктом человеческого труда и, следовательно, объектом воспроизводства. Конкуренция неизбежно должна сводить стоимость предприятия к стоимости его вещественных элементов. Между тем капитальная стоимость крепостного поместья является простой ценой титула на доход, ценой монополии на доход, возникающей в силу крепостного права. Владелец крепостного поместья не отчуждает никаких вещественных элементов производства, так как они принадлежат не ему, а крестьянам.

Может быть указано, что автор доказывает то, что хотел опровергнуть: что капиталистически ведущееся предприятие приносит больший доход, чем крепостное поместье.

Но это возражение не может быть принято. Доказывается не выгодность или невыгодность капиталистического предприятия по сравнению с крепостным поместьем, а принципиальная недопустимость сопоставления, его бессодержательность, тавтологичность.

Итак, из анализа проблемы выгодности перехода от принудительного труда к свободному следует, что ложна в своей основе сама постановка вопроса. Это задача, которая не имеет решения, ибо несопоставима выгодность диаметрально противоположных систем хозяйства.

Пониманию этой противоположности способствовали даже те критики крепостного хозяйства, для которых вся проблема сводилась к положению о большей выгодности вольнонаемного труда по сравнению с принудительным. Речь идет прежде всего о А. П. Заблоцком, который в связи с анализом колебаний цен на хлеб пришел к важному для того времени выводу, что в крепостном хозяйстве нет даже проблемы издержек производства[33]. Этот пра-

[33] См.: Заблоцкий А. П. Причины колебания цен на хлеб в России. — Отечественные записки, 1847, № 5 и 6, отд. IV.

вильный в основном вывод способствовал пониманию коренных отличий крепостного и капиталистического хозяйства.

Пропаганда большей выгодности свободного труда имела положительное значение, поскольку она ослабляла сопротивление помещиков реформе. При определении же условий освобождения крестьян догма о большей выгодности свободного труда для помещика стала играть обратную роль. Помещики начали требовать установления таких условий освобождения крестьян, при которых они немедленно же были бы обеспечены во всяком случае не меньшим доходом, чем при крепостном праве.

Между тем такая задача неразрешима, ибо переход от крепостничества к капитализму не сводится лишь к изменению правового положения работника производства, к замене принудительного труда свободным, а требует коренного изменения системы хозяйства. Крепостничество и капитализм, как указывал Ленин, покоятся на диаметрально противоположных основаниях.

Вопрос о коренных различиях между крепостным и капиталистическим хозяйством был глубоко разработан еще Н. Г. Чернышевским, хотя формально и он не избежал постановки вопроса о сравнительной выгодности крепостного и капиталистического хозяйств. Однако надо иметь в виду, что у Чернышевского проблема выгодности поставлена совершенно иначе, чем у Смита, хотя формальный ответ у них один и тот же. У Смита, как мы видели, ответ на вопрос, почему сохраняется принудительный труд, чисто психологический. Чернышевский не ставит этого вопроса в прямой форме, но он ярко характеризует различие между хозяйством на принудительном труде и хозяйством на наемном труде. В полемике с Тенгоборским, защищавшим необходимость сохранения крепостничества, Чернышевский писал, что обязательный труд «всегда невыгоден и для него»[34], помещика. «Разорение для самих помещиков — вот очевиднейшее следствие обязательного труда»[35], — говорит Чернышевский. «Тут можно говорить о расточительной жизни, о пренебрежении к собственным делам; но, во-первых, все эти и т. п. второстепенные причины недостаточны для накопления долгов, столь всеобщих и столь громадных; во-вторых, и расточительность, и пренебрежение к делам возникают главным образом из того основного зла, которому ныне полагается предел. Может ли экономически вести свои расходы тот, доходы которого получаются способом, противным экономическому расчету? Может ли с усердием заниматься своими делами тот, кому представляется, что источник его доходов, обязательный труд, остается неиссякаем и без всякой заботы с его стороны?»[36]

Чернышевский видит полнейшую противоположность крепостнического и капиталистического хозяйств. Он видит, что и процесс ценообразования по-разному протекает при этих системах хо-

[34] Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта. — Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, с. 84.
[35] Там же.
[36] Там же.

зяйства. При хозяйстве капиталистическом «невозможен случай, предположенный нами, — именно, что издержки производства при наемной плате не покрываются продажей продуктов. Если же наше земледелие находится в таком ненормальном состоянии, то очевидно, что оно введено в это положение обязательным трудом и что единственное средство поднять цену хлеба до нормальной высоты, то есть до того, чтобы ею окупались издержки производства, состоит в отмене обязательного труда. Он губит наше земледелие, роняя цену на хлеб»[37].

Особенно замечательны следующие слова Чернышевского: «Дело не в том, что наемный труд не окупается, — это неправда; дело в том, что хозяйство с наемным трудом есть коммерческое предприятие, требующее расчетливости, сообразительности, требующее разумной заботы со стороны хозяина»[38].

В приведенных выдержках, на первый взгляд, — очевидное противоречие. С одной стороны, Чернышевский утверждает, что принудительный труд «всегда невыгоден», с другой стороны, он допускает, «что издержки производства при наемной плате не покрываются продажей продуктов». Но на самом деле здесь нет противоречия. Чернышевский хочет сказать, что если привести в движение всю сумму вещественных и личных факторов, находящихся в обладании помещика, на началах свободного труда («коммерческое предприятие») и при этом предположить, что и процесс ценообразования находится в соответствии с системой коммерческого предприятия, то, безусловно, хозяйство, основанное на наемном труде, принесет больший чистый доход, чем хозяйство, основанное на принудительном труде.

По существу Чернышевский здесь приближает нас к пониманию коренных различий в характере и величине дохода в крепостном и капиталистическом хозяйстве. Как мы выяснили выше, доход крепостного хозяйства, отнесенный к цене крепостного поместья, должен равняться сумме процентов, причитающихся при данной ставке процента на соответствующий денежно-ссудный капитал. Ведь цена поместья определяется путем капитализации дохода. Как рента, отнесенная к цене земли, не может быть ничем иным, как процентом, так и доход крепостного поместья, отнесенный к цене этого поместья, не может быть ничем иным, как процентом. Между тем стоимость, равная стоимости крепостного поместья, приведенная в движение как капитал, должна принести среднюю прибыль, т. е. процент плюс предпринимательский доход. Чернышевский прав, утверждая, что принудительный труд всегда невыгоден по сравнению с наемным, если имеются налицо изложенные выше условия.

Чернышевский приходит к выводу о невыгодности принудительного труда, исходя из того, что крепостное хозяйство и капиталистическое предприятие суть хозяйства принципиально раз-

[37] Там же, с. 89.
[38] Там же, с. 90.

народные. Смит же считает, что причиной этого является разная производительность труда. Смит не видит диаметральной противоположности крепостного и капиталистического хозяйств.

Когда Чернышевский переходит к анализу условий, при которых «издержки производства при наемной плате не покрываются продажей продуктов», он исходит из условий ценообразования, определяемых наличием принудительного труда. Только в этом случае возникает для него проблема сравнительной выгодности хозяйства на свободном и принудительном труде.

Чернышевский говорит: «Наемный труд не убыточен; но, быть может, обязательный труд в настоящее время выгоднее для помещика?»[39] Мы подчеркнули слова «в настоящее время», ибо в них суть этой новой постановки вопроса.

Если брать нормальный процесс ценообразования, когда цена соответствует стоимости, то выгодность наемного труда не является предметом обсуждения. Она может быть предметом обсуждения, когда условия ценообразования определяются трудом принудительным.

Обещает ли Чернышевский всем помещикам больший доход при ликвидации принудительного труда? — Нет. Те, которые не смогут вести своего хозяйства «экономическим, расчетливым образом», не могут надеяться на это. На этом Чернышевский ставит точку. Но вопрос должен быть развит дальше: зависит ли «экономическое» ведение хозяйства только от желания? Не зависит ли оно также от наличия объективных данных для этого? А такими объективными данными должно явиться наличие постоянного и переменного капитала.

Чернышевский видит, что переход от принудительного труда к наемному представляет собой переход от хозяйства, где доход получается «без всякой заботы», к «коммерческому предприятию». Ясно поэтому, что выгодность их несопоставима. Да и Чернышевский это ясно понимает. И он не сожалеет о тех, кто не сумеет по-новому организовать свое хозяйство.

Возникает далее вопрос: в каком смысле Чернышевский говорил о возможной организации помещичьего хозяйства на началах наемного труда? Если вспомнить, что Чернышевский стремился к тому, чтобы каждый крестьянин в одном лице соединял собственника, хозяина и работника, то уверения его о том, что помещики должны стремиться к переходу к вольнонаемному труду, предстанут перед нами как чисто тактические. В этом мнении нас убеждает другая работа Чернышевского «Капитал и труд», где он резко полемизирует с И. Горловым, который сообщает в своей книге «Начала политической экономии» сведения о тех трудностях, с какими встретились плантаторы после отмены рабства.

Условия классовой борьбы вынуждали Чернышевского наде-

[39] Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта. — Полн. собр. соч., т. V, с. 96.

яться, что убеждение помещиков в выгодности перехода к наемному труду явится средством, облегчающим ликвидацию крепостного права.

Не дойдя до понятия общественного способа производства, Чернышевский не мог поставить все точки над «и» в проблеме выгодности разных систем хозяйства. Но что теоретически он близок был к правильному решению данной проблемы, видно из следующей цитаты, взятой из «Капитала и труда»: «Можно отдавать предпочтение одной форме дела над другою только тогда, когда обе формы возможны при данных условиях дела. Например, можно спорить о том, что выгоднее для английского лендлорда: делить свою землю на крупные или на мелкие фермы. Но невозможно рассуждать в Англии о том, должен ли лендлорд сам быть фермером или отдавать свою землю в аренду. При условии английской жизни и при обширности поместий, лендлорду невозможно быть самому своим фермером. Поэтому, хотя с абстрактной точки зрения собственнику выгоднее самому возделывать свою землю, но в Англии преобладает отдача ферм внаймы, и ратовать против такого стремления английских лендлордов — вещь совершенно напрасная, пока остаются нынешние обычаи и нынешнее распределение поземельной собственности»[40].

Из приведенной цитаты ясно, что Чернышевский считает сопоставление выгодности абстрактной операцией, которая не может быть руководящим началом при выборе формы получения дохода. Есть объективные факторы, лежащие за пределами субъекта хозяйства и определяющие ту или иную форму получения дохода.

Из этой же цитаты ясно, что Чернышевский считал помещика-землевладельца лицом, которое не сможет осуществлять процесс производства в земледелии.

Как указывалось выше, полемика вокруг вопроса о выгодности сама по себе не могла принести каких-либо ощутимых результатов. Она имела большое значение только потому, что подводила к пониманию коренных различий между крепостническим и капиталистическим хозяйством. Становилось все более ясно, что переход от крепостничества к капитализму требует глубокого изменения в системе хозяйства. Вместе с тем возникал вопрос о том, кто должен быть субъектом обновленного хозяйства.

Дискредитируя помещика — феодального землевладельца в качестве возможного фермера, революционные демократы поднимали коренной вопрос периода падения крепостного права: какое хозяйство должно стать основным — и решали его не в пользу господствующего класса.

Классовая природа русской революционной демократии позволила ей фактически преодолеть господствовавшее в буржуазной политической экономии на Западе сведение проблемы перехода от крепостничества к капитализму к проблеме выгодности. Была создана база новой, оригинальной теории перехода, коренным обра-

---

[40] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 52—53.

зом отличающейся от той, которую развили классики буржуазной политической экономии.

За время, которое отделяет русскую экономическую мысль периода падения крепостного права от классиков, буржуазная экономическая мысль на Западе проявила свою бесплодность в разработке проблемы перехода от крепостничества к капитализму. Заботы вульгарной экономии, сменившей классическую, сводились к апологетике капитализма и критике социализма. Одна же из разновидностей вульгарной экономии в Германии — историческая школа политической экономии — пыталась теоретически примирить крепостничество и капитализм.

Только передовая русская экономическая мысль подняла проблему перехода, поставленную Смитом. Причем русская экономическая мысль, представлявшая интересы крестьянства, сумела поставить ее по-новому, на иную классовую основу, и дать ей новое, совершенно оригинальное, крестьянское революционно-демократическое решение.

Основной объект борьбы классов и позиция русской революционной демократии (Н. Г Чернышевский)

Накануне революционной ситуации 1859—1861 гг. в общественно-экономической литературе предметом большой дискуссии явился вопрос о форме крестьянского землевладения. В полемике вокруг проблемы общинного землевладения приняли участие почти все журналы. Были подняты основные вопросы, связанные с общиной: ее генезис, формы, значение для развития земледелия, роль общины после освобождения крестьян. В дискуссии четко выделились две группы: противников и сторонников общины.

Иногда проблему общины пытаются представить как основной узел идейной борьбы в период реформы. Очень ярко такой взгляд высказал И. Иванюков. Он писал: «Всесторонне обсуждался в литературе эпохи преобразования вопрос об общинном землевладении. И не ошиблись защитники общинного землевладения, придав ему громадное значение, поставив его на высоту основного вопроса русской жизни» [41].

Очень ясно эта мысль выражена и в книге В. Штейна, где сказано, что «антитеза — община или капитализм — и была на известном этапе развития русской экономической мысли ее высшим достижением» [42].

Такая антитеза существовала, но она никогда не была высшим достижением русской экономической мысли. Она никогда не ре-

---

[41] Иванюков И. Падение крепостного права в России. Спб., 1903, с. 140.

[42] Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX—XX вв. Л., Изд-во Ленингр. ун-та, 1948, с. 273.

шала основных вопросов экономической теории и классовой борьбы, отражавшейся в этой теории.

Достаточно взглянуть на состав сторонников и противников общины, чтобы видеть, что отношение к общине не может быть критерием разграничения идейных сил периода реформы.

В числе противников общины мы находим преимущественно западников из числа дворянских и буржуазных либеральных экономистов, стремившихся к отмене крепостного права. Эта группа, исходя из буржуазного принципа свободной конкуренции и необходимости его проведения в экономической жизни, считала, что общинное землевладение, связанное с крепостным правом, не должно быть узаконено после отмены крепостного права. Среди противников общины можно найти более или менее открытых крепостников, которые, исходя из того, что отмена крепостного права должна сопровождаться обезземеливанием крестьянства, считали, что в этих условиях сохранение общины было бы бессмысленным.

Теоретическая аргументация против общины не отличалась новизной. Главным аргументом против нее было истощение почвы вследствие незаинтересованности крестьян в удобрении земли при свойственной общине практике переделов.

Сторонники узаконенного сохранения общины были еще более разнородны: среди них — представители откровенных и скрытых крепостников, славянофилы и такие западники, как Кавелин.

За сохранение общины выступили и представители революционной демократии, возглавляемые Чернышевским.

Для представителей дворянства защита общинного землевладения имела целью, во-первых, сохранить систему круговой поруки, во-вторых, не допустить возникновения тех социальных конфликтов, которые, как это было им известно по опыту Запада, возникают в условиях буржуазного развития, в-третьих, обеспечить помещиков дешевой рабочей силой, привязанной к месту общиной, и выгодными для помещиков арендаторами.

Совершенно иное значение имела защита общины русскими революционными демократами, в особенности Чернышевским. Он видел уязвимые места общины и тем не менее защищал ее.

Нет нужды в данной работе восстанавливать всю аргументацию Чернышевского. Следует отметить только, что Чернышевский не отождествлял непосредственное общинное землевладение с социализмом, — он прекрасно знал, что социализм предполагает общественное производство. В общинном землевладении он видел стойкую опору будущего общественного производства, возможность для России миновать капитализм и прямо перейти к социализму. Учение Чернышевского об общине находится в глубоком противоречии с учением славянофилов и других дворянско-помещичьих защитников общины, и всякие попытки их сближения глубоко ошибочны и ведут к стиранию коренных классовых различий между противоположными направлениями экономической мысли.

Для Чернышевского община должна была явиться исходным пунктом социалистического преобразования, для славянофилов община должна была явиться средством против социализма. «Взгляд на общину, — писал Чернышевский, — который мы защищаем, принадлежит западной науке, а не славянофилам»[43]. Эти слова Чернышевского свидетельствуют о том, что он связывал общину с социализмом. Понятно, что под западной наукой он имел в виду утопический социализм.

Из только что сказанного ясно, что попытка провести генеральное размежевание борющихся идейных сил по признаку «за» и «против» общины глубоко ошибочна. Она влечет за собой уход в сторону от основных проблем борьбы классов.

Действительным центральным вопросом, вокруг которого развертывалась классовая борьба в период падения крепостного права, был вопрос не о форме крестьянского землевладения, а об отношениях по земле между двумя основными классами — помещиками и крестьянами.

Характеризуя историческую задачу, которая оставалась актуальной со времен реформы 1861 г., Ленин писал, что она сводится «к уничтожению крепостнических латифундий и к созданию свободного и (насколько возможно при данных условиях) зажиточного земледельческого крестьянства, способного не прозябать, не маяться на земле, а развивать производительные силы, двигать вперед сельскохозяйственную культуру»[44].

Значительная часть помещиков и их идеологов выдвигала первоначально проект безземельного освобождения крестьян. Большая часть дворянских либералов стояла на точке зрения необходимости сохранения за крестьянством земли. Разногласия внутри этой группы были лишь по вопросу о масштабах возможного крестьянского землевладения. Как известно, реформа произвела солидную урезку крестьянского землевладения.

Демократическое направление русской экономической мысли, выражая интересы крестьянства, боролось не только против всякой урезки крестьянского землевладения, но и за ликвидацию помещичьего землевладения — этой основы помещичьего хозяйства — и за замену последнего крестьянским хозяйством.

Такая постановка вопроса была специфичной для России в период смены феодализма капитализмом. Она не была характерна для стран Запада, в частности для Англии.

Английские условия разложения феодализма и развития капитализма не ставили перед Смитом вопроса о судьбе крестьянского хозяйства, ибо в результате того преобразования аграрного строя, которое происходило в Англии на протяжении ряда веков, фигура крестьянина была оттеснена фигурой фермера, а продолжавшиеся в XVIII в. огораживания завершили процесс ликвида-

---

[43] Чернышевский Н. Г. Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России. — Полн. собр. соч., т. IV, с. 617.
[44] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 210.

ции крестьянского хозяйства и становления типично фермерско-капиталистического земледелия. Фермерское капиталистическое хозяйство было не перспективой, а реальной действительностью, крестьянское же хозяйство совсем исчезло. Капиталистическое преобразование было в основном завершено. Землевладение было отделено от земледельческого производства, а непосредственный производитель отделен не только от земли, но и от других средств труда.

Поэтому Смит и не говорит о крестьянском хозяйстве, когда рассматривает вопрос о переходе от помещичьего хозяйства, основанного на принудительном труде, к капиталистическому хозяйству, основанному на наемном труде. Возможность замены крепостного помещичьего хозяйства крестьянским хозяйством находилась за пределами анализа Смита.

Эта особенность системы Смита и всей английской политической экономии хорошо подмечена Чернышевским. Он писал: «Английские политико-экономы, вместе со всею английскою публикою, вообще почти не имеют понятия о быте поселянина-собственника...»[45]. Чернышевский сделал попытку объяснить, почему и в других странах Западной Европы вопрос о крестьянском хозяйстве не подвергался изучению. Он писал: «Господствующая экономическая теория возникла и развилась ... в таком обществе, которое не знало о существовании поселян-собственников. Французские и немецкие политико-экономы знали этот быт, и многие из них очень высоко ценили его. Но не было из них ни одного человека, равнявшегося умом Адаму Смиту, Мальтусу и Рикардо; все они оказывались бессильны проникнуть до самых оснований теории, чтобы восполнить, на основании знакомого им факта, пробел, вкравшийся в нее у Адама Смита и не пополненный ни Мальтусом, ни Рикардо»[46].

Чернышевский прекрасно осознавал ту задачу, которая стояла перед революционной демократией. Он видел, что необходимо не только создать программу крестьянской революции, но и разработать ее теоретическую основу, в центре которой должен быть анализ проблемы самостоятельного крестьянского хозяйства. Для него было ясно, что западноевропейская политическая экономия остановилась перед этой проблемой и что ее разработка выпала на долю русской политической экономии.

Вопрос о крестьянском хозяйстве не был поставлен и до Смита. Физиократы, как известно, пропагандировали фермерское капиталистическое хозяйство. Однако и во Франции до ликвидации феодальных порядков центральная проблема сводилась к феодальным повинностям, а не к вопросу об экономическом месте землевладения и хозяйства феодалов и крестьян.

Французская революция разрешила проблему форм землевладения более радикально, чем эта проблема ставилась в предре-

[45] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). — Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, с. 452.
[46] Там же, с. 460.

волюционной буржуазной экономической литературе. Революция не ограничилась ликвидацией феодальных повинностей. Развязанные ею демократические силы смели наряду с феодальными повинностями и феодальные поместья, производственно-экономическая роль которых еще до революции была незначительной, но которые сильно тормозили развитие крестьянского хозяйства.

Однако вопрос о том, какое поле земледельческого производства будет основным — крестьянское или помещичье, не был и не мог быть центральным и главным, ибо уже в феодальную эпоху земельная собственность была в основном отделена от земледельческого производства.

Во Франции земледельческий процесс производства и до революции осуществлялся в основном в крестьянском хозяйстве. «Ни крупные собственники, ни крупные арендаторы сами не вели хозяйства», — указывает Н. Кареев[47]. Во Франции «преобладало мелкое хозяйство»[48]. Другой русский исследователь, И. В. Лучицкий, также отмечает: «Лишь самый ничтожный процент дворян, еще меньший среди буржуазии, предавался делу ведения самостоятельного сельского хозяйства»[49]. К тем же самым выводам приходит и русский историк крестьянства во Франции М. М. Ковалевский: «Начиная с августовских декретов 1789 года французский крестьянин фактически сделался собственником тех наделов, какими дотоле он пользовался в обмен за барщину, чинш, шампар и ряд других поборов»[50].

Итак, в XVIII и XIX вв. ни в Англии, ни во Франции та проблема, которая была поставлена жизнью в России при переходе от крепостничества к капитализму, не существовала как актуальная. Для России же эта проблема была главной, центральной, основной. Вокруг нее в открытых и скрытых формах развертывалась борьба классов, нашедшая свое теоретическое отражение в той большой идейной борьбе, которая началась в России в период подготовки реформы и продолжалась на протяжении полувека после реформы. Вопрос о земле, об отношении помещичьего и крестьянского землевладения и хозяйства имел коренное значение.

Опыт ряда десятилетий после реформы показал, что только ликвидация помещичьего землевладения могла обеспечить полный простор буржуазному развитию земледелия в наиболее прогрессивных формах. Этот опыт глубоко обобщен в ленинской аграрной теории, развитой В. И. Лениным в период первой русской революции. Но первая постановка этого вопроса есть заслуга передовой русской экономической мысли 50-х и начала 60-х гг. XIX в., отстаивавшей необходимость и прогрессивность не только юриди-

---

[47] Кареев Н. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. М., 1879, с. 188.

[48] Там же, с. 186.

[49] Лучицкий И. В. Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1789—1793 гг. Киев, 1912, с. 25.

[50] Ковалевский М. Происхождение мелкой крестьянской собственности во Франции. Спб., 1912, с. 190—191.

ческой, но и экономической независимости крестьянского хозяйства.

Основные требования революционной демократии в зависимости от условий борьбы принимали ту или другую форму, но они всегда были направлены на победу крестьянского хозяйства и ликвидацию помещичьего путем революционного уничтожения помещичьего землевладения.

Некоторые высказывания Чернышевского о масштабах крестьянского землевладения могут создать впечатление, что революционная демократия ставила перед собой сравнительно ограниченные цели. Такое впечатление могут произвести, например, следующие места из работы Чернышевского «Труден ли выкуп земли?»: «Надел землею, существовавший доселе, во многих местах достаточен для крестьян; в других местах, напротив, он не был бы достаточен для достижения цели, указанной высочайшими рескриптами, именно для обеспечения уплаты повинностей и податей, и полезно бы было его увеличить. Кроме того, без сомнения, отделится крестьянам часть лесов, рыбных ловель и других угодий, необходимых для сельского быта»[51]. Чернышевский считал, что «крестьянскому наделу следовало бы в общей сумме возвыситься до половины всей крепостной земли»[52].

С точки зрения развернутой программы революционной демократии эти требования кажутся более чем скромными. Но их следует воспринимать не как положительную программу, а как критику существующих наделов, как отстаивание принципиальной необходимости изменения поземельных отношений в пользу крестьянства. Здесь налицо теоретическая атака против помещичьей земельной собственности, а не конкретная программа наделения крестьян землей. За этим естественно следует требование ликвидации помещичьего землевладения и замены на этой основе помещичьего хозяйства крестьянским.

Чернышевский как революционный демократ стоял за безвозмездную ликвидацию помещичьей земельной собственности и передачу земли крестьянам без всякого выкупа.

Однако пропаганда этого взгляда должна была принять сложные формы. Следует иметь в виду, что революционные демократы принуждены были излагать свои мысли в подцензурной печати. Не следует также упускать из виду далеко не достаточную зрелость сознания крестьянских масс, их слабую подготовленность к организованной борьбе против господствующих производственных отношений. В этих условиях пропаганда частичных требований подчас более успешно подготавливала массы к восприятию коренных, программных требований революционной демократии, чем прямой призыв к немедленному осуществлению последних. Поэтому революционные демократы приняли участие в дискуссии по вопросу о выкупе.

---

[51] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, с. 510.
[52] Там же, с. 513; см. также с. 719—720.

Дискуссия вокруг выкупа была длительной и острой. В этой дискуссии очень явственно обнаружились позиции действительных и мнимых поборников крестьянского хозяйства. Она четко провела грань между защитниками интересов плательщиков выкупа и защитниками интересов получателей выкупа.

Идеологические формы борьбы вокруг выкупа осложнились тем, что формально было установлено, что личность крестьянина выкупу не подлежит. Задача помещичьего класса заключалась в такой организации выкупа земли, чтобы цена личности крепостного оказалась включенной в выкупную сумму.

Так как все органы печати участвовали в дискуссии о выкупе, может создаться впечатление, что тогда не было противников выкупа. На самом деле, если даже исключить из анализа произведения Чернышевского, написанные им после реформы, то и в этом случае принципиальное отрицание выкупа Чернышевским совершенно ясно.

Но независимо от проблемы выкупа ликвидация крепостного права ставила прежде всего вопрос о том, какое хозяйство будет базой развития капитализма в России — помещичье или крестьянское.

Чернышевский ясно характеризует содержание борьбы против крепостничества и ее сущность в период падения крепостного права. В «Материалах для решения крестьянского вопроса» он писал: «Когда у нас думали, как приступить к освобождению крестьян, большинству рассуждавших представлялось, что главная сторона дела состоит именно в освобождении личности. Правда, многие и тогда уже предвидели, что очень большую важность имеет также вопрос о земле. Но почти никто не предугадывал, какой решительный оборот всему делу даст на практике связь личности с землею»[53]. Под связью личности с землей Чернышевский имел в виду обеспечение самостоятельности крестьянского хозяйства.

Борьба за обеспечение самостоятельности крестьянского хозяйства путем ликвидации помещичьего землевладения и хозяйства и теоретическое обоснование победы крестьянского хозяйства над помещичьим является сердцевиной революционно-демократической экономической мысли в России, составляет ядро теории крестьянской революции, развитой прежде всего Чернышевским.

Призывая массы к революции, русские революционные демократы вдохновлялись стремлением к ликвидации всякой эксплуатации, к утверждению социализма. Таким образом, крестьянская революция должна была решить две группы задач: антифеодальные и антикапиталистические. Уже одно это резко отделяет русских революционных демократов от всякого рода буржуазных революционеров, которые ставили перед собой задачу буржуазного преобразования страны и ограничивались этим.

Хотя путь к социализму был указан неправильно и отдельные меры, которые предлагались революционными демократами в ка-

---

[53] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 711.

честве социалистических, не были таковыми, а являлись по существу объективно буржуазными, тем не менее социалистический характер идеологии русских революционных демократов проводит глубокую межу между ними и другими критиками феодализма.

Не надо также упускать из виду следующее: все русские революционные демократы ставили перед крестьянской революцией социалистические задачи, но не все смешивали антифеодальные задачи с задачами антикапиталистическими.

Чернышевский различал те мероприятия, которые освобождают трудящихся от феодальной кабалы, и те мероприятия, которые должны были освободить их от капиталистической эксплуатации.

Поставив в качестве общей задачи прямой переход от феодализма к социализму, русская революционная демократия утопически сформулировала конечную цель крестьянской революции. Но если социализм в крестьянской революции был утопией, то демократические, антифеодальные задачи были поставлены в концепции Чернышевского с предельным реализмом. Именно революционная демократия, исповедовавшая социализм, оказалась в состоянии последовательно развить теорию и программу антифеодальной революции, обеспечивающей наиболее чистые условия буржуазного развития страны.

Игнорируя эту важнейшую сторону русского социализма, Г. В. Плеханов закрыл себе путь к пониманию того нового, что было внесено Чернышевским в экономическую теорию, и пришел к неправильному выводу, будто задача Чернышевского заключалась «не в том, чтобы добывать новые истины, а в том, чтобы ознакомить своих современников с истинами, уже открытыми общественной мыслью передовых стран» [54].

Передовая русская экономическая мысль периода падения крепостного права имела в качестве объекта анализа страну, где зачатки капитализма тонули в море крепостничества, где противоположность крепостничества и капитализма была слишком очевидна и переход к развитым формам капитализма предполагал крутое изменение способа производства. Поэтому анализ условий и форм перехода от крепостничества к новым общественным отношениям не мог не стать ее главным делом. Этот анализ русская экономическая мысль произвела оригинально. Она самостоятельно поставила и решала эту крупную задачу экономической теории.

Смит и западная экономическая мысль исходили из готовых капиталистических отношений, имевших лишь разные формы.

Шаблонное решение вопроса о способах перехода к капиталистическому производству означало бы в условиях России признание необходимости экспроприации крестьянства, т. е. лишения его земли и хозяйства.

В противоположность этому шаблону Чернышевский писал: «Дело решенное, что в России невозможно уничтожить крестьян-

---

[54] Плеханов Г. В. Соч., т. VI. М., 1925, с. 338—339.

ские земледельческие хозяйства, невозможно сделать так, чтобы простолюдины не были сами производителями хлеба на своих участках, а были только наемными батраками, как в Англии»[55].

Если идеалом буржуазной экономии явилась модель трехклассового общества, соответствующая «трем факторам производства», то русские революционные демократы боролись в период подготовки реформы не за утверждение этой модели в русском земледелии, а за самостоятельное крестьянское хозяйство.

Если в условиях развитого товарного производства обезземеливание крестьянства является выражением закономерного процесса капиталистической дифференциации и победы крупного капиталистического производства, то в условиях падения крепостного права обезземеливание крестьян играло совершенно иную роль. Ленин дал глубочайший анализ экономического значения обезземеливания крестьян в период реформы 1861 г. Он писал: «В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим, социалистическим (лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный *цензурными* препонами псевдоним социализма). Такой взгляд грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высокоразвитому товарному производству) на *крепостническую* почву. В действительности обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли. В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле* кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.»[56]

Итак, формула Маркса относится к высокоразвитому товарному производству, т. е. к вполне сложившейся системе, а перед Россией стояла задача создания этой системы.

В этих условиях отказ от трехчленной формулы классов и борьба против обезземеливания крестьян способствовали победе наиболее прогрессивного пути экономического развития страны.

Может показаться, что отказ от трехчленной формулы классов при отмене крепостничества и выдвижение на первый план свободного крестьянина со свободным хозяйством являются выражением мелкобуржуазной идеологии, характерной для Запада, где ряд теоретиков в условиях развитого буржуазного общества пытался отстоять самостоятельное крестьянское хозяйство. Однако

---

[55] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 720.
[56] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 163.

это не так. Никакого внутреннего сходства между тем, как решался вопрос о самостоятельности крестьянского хозяйства в России, и тем, как он решался на Западе, в действительности нет.

Во Франции вопрос о мелком крестьянском хозяйстве, его природе, судьбе и перспективах был поставлен уже в послереволюционный период, и он нашел своего теоретика в лице Сисмонди. Но при этих условиях вопрос ставился, естественно, в совершенно иной плоскости. Его суть заключалась не в отношениях между помещичьим и крестьянским землевладением, между помещичьим и крестьянским хозяйством, а в отношениях между капиталистическим и мелкотоварным производством, которое разлагалось на капиталистические элементы.

Сисмонди отстаивал самостоятельность крестьянского хозяйства от капитализма и против капитализма. В России в период реформы самостоятельность крестьянского хозяйства отстаивалась против крепостничества, против помещичьего землевладения, против помещичьего хозяйства.

Чернышевский, который наиболее последовательно и решительно отстаивал интересы крестьянства, не видел в самостоятельном крестьянском хозяйстве как таковом средства против капитализма.

Гарантию против капитализма он видел в общинной форме крестьянского землепользования. При выходе из феодального общества только общинная форма землепользования как шаг к коллективной форме производства могла, по концепции Чернышевского, предотвратить капиталистическое развитие деревни.

Таким образом, идеалом Чернышевского не является то самостоятельное крестьянское индивидуальное хозяйство, которое было идеалом Сисмонди и других мелкобуржуазных теоретиков.

Постановка Чернышевским проблемы перехода от крепостничества к новому строю не была ни шаблонно буржуазной, ни мелкобуржуазной. Передовая русская экономическая мысль отстаивала прогрессивную борьбу за победу мелкой культуры в земледелии против крупного крепостнического землевладения[57]. Она поняла различие между крупной земельной собственностью и крупным земледельческим производством. Она защищала мелкое крестьянское производство не от крупного производства, а против крупной земельной собственности, ставя вопрос о революционной ликвидации последней. Она правильно доказывала, что только замена крупного феодального землевладения и соответствующих ему форм производства мелким крестьянским производством обеспечивает в тех исторических условиях быстрое развитие производительных сил. Она правильно утверждала, что речь идет не о борьбе мелкого буржуазного и крупного буржуазного производства, а о борьбе двух принципиально отличных типов производства.

В теорию перехода от крепостничества к капитализму передо-

[57] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 205—206.

вая русская экономическая мысль середины XIX в. внесла крупный вклад.

Между ее трактовкой проблемы перехода и положением Ленина, гласящим: «*чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении и чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире и свободнее шло бы развитие капитализма в России*» [58], может быть протянута идейная нить.

Мы видим, таким образом, что Чернышевский, боровшийся за самостоятельность крестьянского хозяйства и ликвидацию помещичьего землевладения, был далек от мелкобуржуазных иллюзий учения Сисмонди, которое, как известно, было использовано либеральными народниками в качестве теоретической базы их экономической программы.

С позиций мелкого производителя Чернышевский критикует крепостничество, а Сисмонди — капитализм. Капитализму Чернышевский противопоставляет социализм, а Сисмонди — мелкотоварное производство. Чернышевский зовет вперед, а Сисмонди — назад. Учение Чернышевского революционно, учение Сисмонди реакционно.

* *
*

Хотя революционные демократы рассматривали крестьянскую революцию и как антикрепостнический и как антикапиталистический акт, тем не менее лучшие ее представители проводили водораздел между этими сторонами крестьянской революции и не смешивали их. Антикапиталистическая сторона в теории крестьянской революции не ущемляла ее антикрепостническую сторону. Больше того, в известном смысле антикапиталистическая направленность этой теории способствовала наибольшему демократизму ее антикрепостнического содержания.

Неправильно сводить сущность теории и программы крестьянской революции к требованию замены помещичьей частной земельной собственности собственностью государственной (национализацией).

К. Маркс и В. И. Ленин неоднократно указывали, что требование ликвидации частной земельной собственности было широко распространено среди известной части буржуазных радикалов.

Свести теорию и программу крестьянской революции лишь к ликвидации частной земельной собственности — это значит поставить знак равенства между ними и буржуазно-радикальными теориями и программами. Это значит проглядеть классовую сущность теории и программы крестьянской революции.

Мы уже видели, что помещичья земельная собственность в России не была просто средством изъятия дани у хозяйства, ведущегося на капиталистических началах, как это имело место в

[58] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 628.

западноевропейских странах, где уже был завершен процесс капиталистического преобразования аграрного строя.

Помещичья собственность на землю служила не только общей основой феодального экономического строя — она была непосредственной основой помещичьего хозяйства, в котором осуществлялся процесс производства прибавочного продукта.

Борьба против помещичьей земельной собственности в России имела поэтому иное классовое содержание, а ликвидация помещичьей земельной собственности — иные экономические последствия. Это не была борьба буржуа против земельного собственника, т. е. борьба владельца хозяйства против собственника земли, происходящая в условиях, когда земля как объект хозяйства принадлежит капиталисту, а как объект собственности — землевладельцу.

Своеобразие российских условий заключалось в том, что собственник земли вел и хозяйство на земле. Земля как объект хозяйства принадлежала не столько крестьянину, сколько помещику — собственнику земли.

Буржуазная борьба против помещичьей земельной собственности не ставила вопроса о земле как объекте хозяйства. Она ставила вопрос о земле только как объекте собственности.

Крестьянская борьба против помещичьей земельной собственности ставила вопрос о земле как объекте собственности в неразрывной связи с вопросом о земле как объекте хозяйства. Она имела своей целью ликвидацию помещика не только как собственника земли, но и как хозяина на земле.

Поэтому теория крестьянской революции включает в себя не только критику помещичьей земельной собственности, но и критику помещичьего хозяйства. Эта теория исходит при оценке форм земельной собственности из интересов прогрессивного развития сельского хозяйства. Она защищает крестьянское хозяйство как наиболее прогрессивную в указанных условиях форму сельскохозяйственного производства. Исходя из этого и утверждается определенная форма собственности.

«Та форма поземельной собственности есть наилучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице», — писал Чернышевский[59]. Как известно, такое соединение собственника, хозяина и работника осуществимо в крестьянском хозяйстве. Таким образом, формула Чернышевского утверждает, что та форма собственности на землю есть наилучшая, которая обеспечивает существование самостоятельного крестьянского хозяйства.

«Каждый земледелец должен быть землевладельцем»[60], «дайте нам такой быт, в котором каждый человек мог бы занимать положение поселянина-собственника»[61] — таковы программные

[59] Чернышевский Н. Г. О поземельной собственности. — Полн. собр. соч., т. IV, с. 434.

[60] Там же, с. 436.

[61] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю).— Полн. собр. соч., т. IX, с. 465.

требования теоретика крестьянской революции. Они очевидным образом отличаются от требований буржуазных критиков помещичьего землевладения на Западе, которые выступили против помещичьей земельной собственности не во имя утверждения крестьянского хозяйства, а в защиту интересов уже сложившегося фермерско-капиталистического хозяйства.

Программа крестьянской революции предполагает ликвидацию помещичьего хозяйства и его основы — помещичьего землевладения. Это есть средство крестьянской революции. Целью же ее является утверждение самостоятельности крестьянского хозяйства. Единство этой цели и этих средств составляет суть программы крестьянской революции, разработанной и теоретически обоснованной русской революционной демократией.

Выдвинув наиболее демократические задачи, какие когда-либо история раньше ставила перед классами в борьбе против крепостничества, русская революционная демократия в процессе теоретического обоснования своих требований высоко поднялась над буржуазной экономической наукой.

Доказав необходимость перехода от помещичьего хозяйства к крестьянскому, Чернышевский вместе с тем доказывал, что этот переход может совершиться только революционным путем. Так как замена помещичьего хозяйства крестьянским предполагает ликвидацию экономической основы существования класса помещиков — помещичьего землевладения, то исключена возможность, чтобы помещичий класс добровольно согласился на эту ликвидацию. Он неизбежно окажет сопротивление, которое должно быть сломлено революционным выступлением народа.

Чернышевский знал, что вслед за решением проблемы независимости крестьянского хозяйства от помещика встанет проблема его независимости от капиталиста. В связи с этим он писал: «Товарищество есть единственная форма, при которой возможно удовлетворение стремлению трудящихся к самостоятельности»[62]. Если, отстаивая независимость крестьянского хозяйства от помещика, Чернышевский требовал превращения каждого земледельца в землевладельца, то, отстаивая независимость крестьянина от капиталиста, Чернышевский указывал на совместное, товарищеское производство как единственную гарантию против капитализма.

Выражая наиболее последовательно для своего времени исторические задачи классовой борьбы крестьянства, Чернышевский становится вождем революционной демократии, провозглашает непримиримость интересов помещиков с интересами крестьян и зовет «к топору». Он разоблачает либеральных глушителей классовой борьбы и подготавливает крестьянскую революцию.

Революционная критика Чернышевским самодержавия и крепостничества, его борьба за ликвидацию помещичьего землевладения, за интересы крестьянства выражали потребность буржуазно-демократического преобразования России.

[62] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 54.

Наличие утопических элементов в системе воззрений русской революционной демократии не изменяет того факта, что именно она представляла высший пункт развития не только русской, но и мировой экономической мысли домарксова периода. В связи с коренными вопросами, поставленными развитием классовой борьбы в России, она осветила также главные экономические проблемы капитализма, вскрывала его глубокие противоречия и подвергала разоблачающей критике буржуазную политическую экономию.

Это имело огромное значение не только для подготовки нового этапа в развитии экономической мысли, острие которого направлялось уже против капитализма, но и для более глубокой разработки вопроса о движущих силах антикрепостнической революции. Вопрос этот был во весь рост поставлен Чернышевским и решен в соответствии с его учением о позициях разных классов в условиях преобразования общества.

Чернышевский убедительно показал, что и помещики и капиталисты строят свое материальное благополучие на эксплуатации трудящихся классов. В этом он видел основу либерально-примиренческого отношения буржуазии к феодалам и к помещичьей собственности.

Всестороннее обоснование условий победы самостоятельного крестьянского хозяйства, данное Чернышевским, позволило революционной демократии ясно отмежеваться от мнимых защитников крестьянского хозяйства и разоблачать как дворянско-либеральных, так и буржуазно-либеральных критиков крепостничества, в одинаковой мере враждебных коренным интересам трудящихся масс.

Необходимо иметь в виду, что задача ликвидации крепостничества была поставлена в России в такой период, когда на Западе уже вышел на историческую арену рабочий класс, громко заявивший о своих политических притязаниях и правах. В связи с этим господствующие эксплуататорские классы, видевшие в борьбе пролетариата угрозу своей власти, выступали со всей решительностью против идеологии рабочего класса. Этой идеологией, как известно, является социализм. В борьбе против социалистических теорий голоса идеологов буржуазии и помещиков сливались в общий хор. Но и в тех странах, где рабочий класс еще не выделился из крестьянства, где рабочее движение делало свои начальные, самые робкие шаги, идеи социализма встречались в штыки и идеологами буржуазии и идеологами помещиков.

Конечно, непосредственной целью классовой борьбы в России в 50-е гг. было не завоевание социализма, а уничтожение крепостничества. В ходе этой борьбы, естественно, выдвигались вопросы, связанные с будущим экономическим устройством после падения крепостного права. И здесь идеи социализма становились одним из важнейших предметов теоретических дискуссий. Поскольку антикрепостнические стремления выражались идеологами трудящихся, они принимали социалистическую окраску. В проек-

тах, выдвигаемых представителями революционной демократии, содержались требования, имевшие в виду ликвидацию всех форм эксплуатации, как феодальной, так и капиталистической. Поэтому социалистическая сторона в учениях русских революционных демократов подвергалась критике не только представителями помещичьего класса, но и представителями буржуазии.

Правда, угроза социализма не была одинаковой для помещиков и для буржуазии. Известно, что социалистические мероприятия, намечаемые русскими революционными демократами, могли непосредственно задеть только помещичью земельную собственность. Буржуазная, капиталистическая, собственность была еще сравнительно невелика, и ее экспроприация не входила в планы, разрабатываемые в лагере революционной демократии. Тем не менее буржуазия также чувствовала в социалистической идеологии своего врага.

Борьба вокруг идей социализма имела важное значение. Она, во-первых, способствовала размежеванию идеологий борющихся классов, во-вторых, содействовала развитию в русской передовой общественной мысли социалистических теорий, сыгравших громадную роль в умственной подготовке трудящихся масс к восприятию идей научного социализма.

Однако главным объектом борьбы экономических идей был вопрос о крестьянском хозяйстве; крестьянство боролось против помещичьего землевладения, чтобы создать условия самостоятельного крестьянского хозяйства. Этот вопрос был выдвинут на передний план классовой борьбы — и практической и теоретической.

В кн.: Н. А. Цаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., Госполитиздат, 1956.

Экономическая программа славянофилов

Видное место в литературе периода падения крепостного права занимают славянофилы, весьма своеобразно выражавшие классовые интересы дворянства. Славянофилы издавали в период подготовки реформы два журнала: «Русская беседа» и «Сельское благоустройство». «Русская беседа» выходила с 1856 по 1860 г., а «Сельское благоустройство», официально рассматривавшееся как приложение к «Русской беседе», но фактически бывшее отдельным журналом, выходило в 1858 и 1859 гг.

Общий анализ мировоззрения славянофилов, так же как и анализ их политических взглядов, не входит в задачу данной работы. В советской литературе правильно оцениваются их мировоззрение и политические взгляды как реакционные. В области философии славянофилы проповедовали мистически-идеалистическую

поповщину, а в области политики смыкались во многом с представителями так называемой «теории официальной народности».

«Славянофильство» и «западничество» появились в России одновременно. И то и другое было своеобразной идейной реакцией на кризис крепостного хозяйства в России. Как западники, так и славянофилы отмечали противоречия крепостной экономики. Славянофилы относились отрицательно к опыту Запада, но и они критиковали существовавшую тогда экономику России.

Характерно отношение одного из виднейших деятелей славянофильства — Ю. Ф. Самарина — к тому идейному повороту Гоголя, который вызвал знаменитое письмо Белинского к нему.

В письме к К. С. Аксакову, относящемся к 1847 г., Ю. Ф. Самарин признавался, что книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» произвела на него «тяжелое и грустное впечатление», какого он давно не испытывал [1].

В письме Н. Ф. Самарину от 16 марта 1852 г. Ю. Ф. Самарин писал, что «Гоголь искал примирения с тою действительностью, для беспощадного обличения которой он был рожден. Он искал идеалов там, где их нет, оправдывал то, что внутренне осуждал, что должен был осуждать. Незаконность этой сделки с действительностью, ложность этих уступок смутно им сознавалась, и, может быть, в этом сознании заключался источник его внутреннего неудовлетворения» [2].

В письме к графине А. Д. Блудовой, датированном 26 ноября 1848 г., А. С. Хомяков пишет: «Как бы каждый из нас ни любил Россию, мы все, как общество, постоянные враги ее, разумеется, бессознательно. Мы враги ее, потому что мы иностранцы, потому что мы господа крепостных соотечественников, потому что одуряем народ...». По его мнению, общество России — деспотическое, а «это уже никуда не годится» [3].

Славянофилов иногда изображают как апологетов всего русского. Между тем это не так. Хомяков писал, что современная ему Россия дворян «и радует, и теснит; об ней мы можем говорить с гордостью иностранцам, а иногда совестимся говорить даже со своими» [4]. Упоминая о крепостном праве, он сомневался, можно ли назвать правом такое «наглое нарушение всех прав» [5]. В известной статье «О старом и новом» он писал, что «мерзость рабства законного, тяжелая для нас во всех смыслах, вещественном и нравственном, должна вскоре искорениться общими и прочными мерами» [6].

Славянофилы критиковали крепостное право по политическим и экономическим мотивам. В своей записке «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе», написанной

---

[1] См.: Самарин Ю. Ф. Письма.— Соч., т. XII. М., 1911, с. 189.
[2] Там же, с. 356—357.
[3] Хомяков А. С. Письма. — Соч., т. VIII. М., 1900, с. 391.
[4] Хомяков А. С. О старом и новом. — Соч., т. III. М., 1900, с. 15.
[5] Там же, с. 13.
[6] Там же, с 18.

осенью 1856 г., Самарин заявлял, что крепостное право нигде «не было так исторически беззаконно, как у нас, а потому так вредно и опасно в политическом отношении»[7]. Говоря о причинах поражения в Крымской войне, Самарин указывал, что «мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед внутренним бессилием»[8].

Самарин считал, что главная причина всех неудач войны состояла в крепостничестве. По его мнению, «не в Вене, не в Париже и не в Лондоне, а только внутри России завоюем мы снова принадлежащее нам место в сонме Европейских держав»[9]. Он доказывал, что крепостное право «отживает свой век, становится в тягость и что терпение народа истощается»[10]. Он говорил о необходимости ликвидации принудительного, крепостного труда, ибо производительность труда находится «в прямом отношении к свободе трудящегося»[11].

Подобно Самарину, Кошелев считал, что «безуспешно и неблаговидно защищать самое крепостное право на людей, уже осужденное на смерть, как общественною совестию, так и современными требованиями промышленности, народного благосостояния и государственной безопасности».

В числе главных факторов, свидетельствующих, по мнению Кошелева, о том, что крепостной строй изжил себя, он указывал на то, что «обеднение помещичьих крестьян видимо возрастает». Причину этого обеднения он видел в возрастающей эксплуатации крестьян помещиками, в росте оброков, величина которых «соразмеряется не столько с количеством и качеством крестьянской земли, сколько с личными их добывками, с нуждами и требованиями расточительных и корыстолюбивых помещиков». Он указывал и на рост «господских запашек», которые, как полагал Кошелев, за последнее время «удвоились и утроились»[12]. Кошелев понимал, что обеднение крестьянского хозяйства означает ухудшение производственной основы помещичьего хозяйства.

Кошелев с оптимизмом говорил о новой системе хозяйствования, которая возникает после уничтожения крепостного права.

Следует подчеркнуть, что славянофилы не ограничивали задач экономического развития страны только сельским хозяйством. Тот же Кошелев пропагандировал необходимость строительства железных дорог. Он рассматривал отмену крепостничества как условие развития промышленности и писал, что «успехи западной и фабричной промышленности требуют увеличения числа вольных работников»[13].

---

[7] Самарин Ю. Ф. Соч., т. II. М., 1878, с. 30.
[8] Там же, с. 17.
[9] Там же, с. 18.
[10] Там же, с. 65—66.
[11] Там же, с. 37.
[12] Кошелев А. И. О необходимости уничтожения крепостного состояния в России. — Записки (1812—1883 годы). Приложения. Берлин, 1884, с. 87.
[13] Там же, с. 91.

Возникает вопрос: как могло оказаться, что идеологи господствующего класса помещиков, экономическая мощь которого базируется на крепостничестве, выступали против последнего? Не следует ли считать, что если тот или иной идеолог дворянства критикует крепостничество, то он уже перешел на позиции другого, противоположного класса?

Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего иметь в виду, что речь шла о переходе от крепостничества к капитализму, т. е. от одной формы эксплуатации труда к другой ее форме. Известно, что развитие капиталистических отношений происходило в недрах феодального общества, и некоторые русские помещики, продолжая господствовать и извлекать доходы крепостническими методами, использовали часть прибавочного продукта на организацию промышленных предприятий, принимали прямое участие в капиталистических предприятиях, в торговле, особенно внешней. Чувствуя невозможность удержать старые, крепостнические формы производства, боясь революционного взрыва со стороны угнетенных масс крестьянства, стремясь его предотвратить, известная часть идеологов помещичьего класса сама стала на путь критики крепостничества. Она была склонна к известным уступкам для того, чтобы не потерять все. Эта склонность объяснялась уверенностью в том, что дворянство в состоянии будет приспособиться к новым условиям и не потеряет своего господствующего положения при переходе к капиталистической системе эксплуатации.

Главная историческая идея славянофилов заключалась в том, что в западноевропейских странах в основе общества лежит борьба сословий, групп, тогда как в России государство возникло будто бы особым путем (без завоевания, характерного для Запада) и не заключает в себе борющихся сил.

В письме к Могену (сентябрь 1840 г.) Самарин заявлял, что «у нас не было и не могло быть завоевания, благодаря географическому положению страны и малочисленности пришлого племени, следовательно, не могло быть ни феодализма, ни военной аристократии, в смысле самостоятельного принципа, ни враждебных отношений побежденных к победителям, следовательно, не могло быть и революции и конституции» [14].

Этот тезис был центральным в исторической концепции славянофилов. Он служил, в частности, реакционной апологии русского самодержавия, которое, по мнению Самарина, есть «неограниченная власть, единая и народная, действующая во имя всех, идущая во главе нашей цивилизации и совершающая у нас, без ужасов революции то, что на Западе является результатом войн, междоусобных, религиозных смут и общественных переворотов» [15]

Будучи откровенными врагами революции, славянофилы обращались к самодержавию для разрешения тех задач, которые сто-

[14] Самарин Ю. Ф. Письма. — Соч. т. XII. Приложение 1, с. 454.
[15] Там же, с. 456—457.

ят перед Россией. Они предлагали очистить русское общественное развитие от чужеродных напластований и западных институтов, по их мнению, насильственно внедренных в России.

Сплошь и рядом можно обнаружить у славянофилов идеализацию допетровской России. Но на этой основе нельзя делать вывод, что славянофилы были противниками капитализма. В системе взглядов идеализация старины являлась, с одной стороны, способом критики крайних форм проявления крепостничества, приведших к резкому обострению классовой борьбы в России, угрожавшей политической безопасности класса помещиков, а с другой стороны, средством удержать в условиях буржуазного развития феодальные учреждения, которые, по их мнению, могли бы смягчить противоречия капиталистического развития [16].

Опыт Запада подвергается ими критике не потому, что на Западе господствуют буржуазные отношения, а потому, что и буржуазные отношения на Западе, по мнению славянофилов, приняли специфическую форму, производную от особенностей всего исторического процесса Запада, развивающегося в конфликтах и социальной борьбе. Отсюда возникла задача найти такую форму экономических отношений, которая принесла бы с собой классу помещиков все преимущества западного экономического строя, но вместе с тем исключила бы все те социальные конфликты, которыми сопровождается развитие на Западе.

Слабость научной и логической аргументации в защиту особых исторических путей развития России восполнялась славословием во имя православия и многочисленными богословскими трактатами, сдобренными большими дозами мистицизма. Это привело славянофилов по существу к отказу от науки.

Хотя формально учение славянофилов о самобытных путях развития России считается центральным в системе их взглядов, по существу оно не является таковым. Утверждая, что Россия раньше развивалась самобытным путем, славянофилы отнюдь не были уверены в том, что и в будущем ей прочно обеспечена самобытность развития. Беспрестанное подчеркивание самобытного развития России вытекало из боязни того, что Россия пойдет по пути Запада. В стихийном развитии России они не видели никаких прочных основ для того, чтобы она избежала пути Запада, и полагали, что нужно создать условия, при которых Россия может избежать путей Запада. Они пропагандировали возможность особого пути развития России, но не утверждали, что он неизбежен.

Славянофильство было течением помещичьим. Между тем в литературе имеется попытка противопоставить славянофилов представителям помещичьего класса. Исследователь славянофиль-

[16] Интересны в этом отношении следующие слова одного из наиболее правых славянофилов И. В. Киреевского: «Если старое было лучше теперешнего, из этого еще не следует, чтобы оно было лучше теперь. Что годилось в одно время, при одних обстоятельствах, может не годиться в другое, при других обстоятельствах» (Киреевский И. В. Полн. собр. соч. в двух томах. Под ред. М. Гершензона. Т. 1, М., 1911, с. 109).

ства С. Дмитриев писал, что по двум основным важнейшим экономическим сторонам крестьянской реформы (вопросы о земле и выкупе) славянофилы заняли позицию, «отличную от позиции обоих главных помещичьих лагерей кануна реформы — «плантаторов» и «манчестерцев». В отличие от первых славянофилы ратовали все время за освобождение крестьян с землей, в отличие от вторых они предлагали относительно меньшие цифры выкупа, т. е. «дани», помещикам. Буржуазное содержание выступает в этих позициях помещиков-славянофилов достаточно определенно»[17].

Верно, что славянофилы спорили со сторонниками безземельного освобождения, но по существу между позициями славянофилов и сторонниками освобождения не было никаких принципиальных различий. В. И. Ленин считал, что «борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала *тогда* зачастую лишь борьбу двух *крепостнических* лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе без земли *или* «с наделом», т. е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (=идти в кабалу помещику)»[18].

Славянофилы были одной из группировок внутри помещичьего класса, и ни о каком принципиальном противопоставлении их «плантаторам» не может быть и речи. Весьма характерно, что виднейший представитель славянофильства А. С. Хомяков отстаивал сокращение крестьянского землевладения, причем более чем на одну треть[19]. Ни Самарин, ни Кошелев не только принципиально не исключали возможности сокращения крестьянского землевладения, но даже пытались обосновать необходимость этого в отдельных случаях. Реформу, урезавшую крестьянские наделы, они славословили как справедливейший акт.

Нельзя придавать словам славянофилов о необходимости наделения крестьян землей не свойственный им смысл. Они отнюдь не стремились обеспечить создание самостоятельного крестьянского хозяйства, независимо от помещичьего хозяйства.

Об этом свидетельствуют сами славянофилы. Один из видных представителей славянофильства, главный их деятель в редакционных комиссиях, Ю. Ф. Самарин писал, что «земля отводится крестьянам в обрез, отнюдь не для промышленных предприятий, а для обеспечения их существования, в меру их потребностей, и что добываемые из нее продукты составляют не более, как насущный хлеб»[20]. Яснее сказать трудно. И нельзя найти ни одного

---

[17] Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство. — Историк-марксист, 1941, № 1. с. 93.

[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 164.

[19] См.: Хомяков А. С. Об отмене крепостного права в России. Письмо к Я. И. Ростовцеву. — Соч., т. III, с. 306.

[20] Самарин Ю. Ф. Крестьянское дело с 20 ноября 1857 г. по июнь 1859 г. — Соч., т. III. М., 1885, с. 459.

высказывания славянофилов, которое бы находилось в противоречии с этим мнением Самарина.

Не случайно в «Сельском благоустройстве» была напечатана статья помещика К. Троцины, который писал, что «слишком щедрый надел землею скорее был бы для них (крестьян. — *Н. Ц.*) вреден в нравственном отношении, избавляя их от необходимости дорожить своим трудом»[21].

И славянофилы, и плантаторы стремились превратить помещичье хозяйство в основу земледельческого производства. Разница была лишь в методах достижения одной и той же цели.

Этих обстоятельств не учитывает Дмитриев, когда он пишет, что славянофилы «стоят за освобождение крестьян, за освобождение непременно с землей»[22]. Никогда не следует забывать, каково назначение земли, с которой освобождаются крестьяне.

Позиции славянофилов весьма ярко раскрываются и в их подходе к вопросу о выкупе. Славянофилы вообще не мыслили освобождение крестьян без выкупа. У них нет двух проблем: освобождение крестьян с землей и выкуп. Для них это одна проблема, так как ими допускалось лишь освобождение обязательно с выкупом. Выкуп для них — источник средств для перестройки помещичьего хозяйства, средство принудить крестьянина продолжать и в новых условиях работать на помещика. Они прямо потребовали капитализации феодальных повинностей. «Сельское благоустройство» писало, что надо принять «за основание оценки для оброчных имений ныне бездоимочно платимый оброк; а для барщинских, где земли много, но где она, несмотря на ее плодородие, дешева, — стоимость 140 рабочих дней»[23].

Таким образом, очевидно, что в момент перехода от крепостных отношений к буржуазным славянофилы стремились к получению новых доходов.

Вся линия славянофилов в определении размера выкупной суммы направлена на обоснование максимальных платежей в пользу помещиков, на максимальное обременение платежами крестьянского хозяйства, чтобы заставить тем самым крестьян работать на помещика, обеспечить помещичье хозяйство дешевой рабочей силой, кабальными арендаторами и денежным капиталом.

Призрак «резни»[24] являлся одним из важнейших побудительных мотивов мнения славянофилов о необходимости освобождения крестьян с землей. В освобождении без земли они видели угрозу самодержавию и стремились к созданию таких хозяйственных

---

[21] Троцина К. О крестьянском поземельном наделе. — Сельское благоустройство, 1858, кн. 4, с. 168.

[22] Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство. — Историк-марксист, 1941, № 1, с. 93.

[23] Сельское благоустройство, 1858, кн. 2, отд. «Библиография книг и журнальных статей по улучшению быта крестьян», с. 72—73.

[24] См.: Хомяков А. С. Об отмене крепостного права в России. Письмо к Я. И. Ростовцеву, с. 296.

форм, которые обеспечили бы укрепление политических форм помещичьего господства. В поисках бесконфликтных форм буржуазного развития заключалось, своеобразие экономических взглядов славянофилов.

У славянофилов можно обнаружить много высказываний в пользу капитализма и свободной конкуренции. Так, например, Кошелев в 1852 г. в статье «Поездка русского землевладельца в Англию на Всемирную выставку» писал, что взгляды Луи Блана и французов, требующих, чтобы правительство вмешивалось во все промышленные производства и оказывало им деятельное содействие, «победоносно опровергнуты примером Англии, достигшей в промышленном отношении высшей степени развития», хотя «Британское правительство совершенно не вмешивается в дела частных лиц и компаний» [25].

Но вместе с тем славянофилы выступали против неограниченного действия принципа свободной конкуренции. Ошибку стран Западной Европы они видели в том, что эти страны стали на платформу неограниченной свободы конкуренции.

В этой связи Самарин подвергает глубокому сомнению правильность основных положений политической экономии, основанной на признании свободной конкуренции как верховного принципа экономической жизни.

Чем же хочет заменить Самарин систему буржуазной политической экономии и экономической политики, связанной с идеями энциклопедистов, т. е. ту систему, которую принято называть экономическим либерализмом? Характерно, что Самарин искал ответ на возникшие у него сомнения у Фридриха Листа и утверждал, что последний впервые указал на ошибки, в которые впадали экономисты единственно оттого, что «применяли масштаб справедливости и пользы, употребительный в частном быту, к вопросам общественным, народным и государственным» [26].

Эта преувеличенная оценка Листа, основателя немецкой «национальной системы», показывает направление идейных стремлений славянофильства. Между тем ясно, как бы ни относиться к протекционизму Листа, его система и метод являлись шагом назад по сравнению с системой классической школы. Метод Листа был принят на вооружение одной из наиболее отвратительных и реакционных разновидностей вульгарной экономии — исторической школой, явившейся теоретической посредницей между господствующими классами феодального и буржуазного общества и фактически боровшейся за сохранение феодальных монополий в условиях буржуазного развития. Но Лист провозглашал возможность путей буржуазного развития Германии, и эта идея была созвучна стремлениям славянофилов к тому, чтобы внести поправки в западные формы буржуазного развития. Не отрицание, а лишь видоизменение этих форм является программой славянофи-

[25] Кошелев А. И. Записки (1812—1883 годы). Приложение 3, с. 25.
[26] Самарин Ю. Ф. Рецензия на сочинение С. Иванова «Поземельная собственность и общинное владение». — Соч., т. III, с. 149.

лов. Они стремились к превращению помещичьего хозяйства в коммерческое предприятие, отлично понимая, что без наемного труда такое предприятие существовать не может. Самарин писал, что славянофилы очень хорошо понимают «не только неизбежность батрачества, но совершенную его необходимость как одного из существенных органов сельскохозяйственной промышленности» [27]. Поэтому фраза Самарина «сохрани нас бог от пролетариата...» [28] носит риторический характер. Батрак есть пролетарий. Речь идет у Самарина о предупреждении полной пролетаризации. Мысль Самарина и других славянофилов вообще вертится вокруг идеи создания кадров оседлых пролетариев, связанных с землей, идеи, исходящей из интересов землевладельцев, желающих «привязать сельских рабочих посредством наделения их землей» [29].

Разрешение этой экономической задачи поможет, по мнению славянофилов, решению социально-политической проблемы, состоящей в устранении острых классовых противоречий. Однако простое наделение землей крестьян славянофилы считали недостаточным средством для того, чтобы разрешить эти задачи; они полагали, что необходимо закрепить такую форму землепользования, которая не допускала бы мобилизации крестьянской земельной собственности и тем самым смягчала социальные противоречия. Этой формой, по мнению славянофилов, является общинное землевладение, рассматриваемое ими как чисто русское учреждение. С точки зрения Самарина, «сельская община есть факт первостепенный, самородный и бытовой. Возражать на него было бы так же бесполезно, как спорить против климата, языка или физиономии народа. Его надобно просто признать» [30].

Есть ли что общее в вопросе об общине между славянофилами и русскими социалистами-утопистами? Только то, что и те и другие отстаивали точку зрения, согласно которой после отмены крепостного права община должна быть сохранена. Те и другие были против разрушения общинного землевладения.

Но этого совсем недостаточно, чтобы говорить об их идейном родстве, ибо важно не простое признание общинной формы, а содержание, которое вкладывается в эту форму, понимание ее исторической роли.

По существу эти два учения об общине враждебны друг другу, имеют совершенно противоположные основы. Славянофилы сами достаточно ясно понимали это. Кошелев писал, что Чернышевский защищает мирское пользование или владение землей, и в этом соглашался с ним вполне. Но поскольку Чернышевский

---

[27] Самарин Ю. Ф. О теперешнем и будущем устройстве помещичьих крестьян в отношениях юридическом и хозяйственном. — Соч., т. III, с. 31.

[28] Самарин Ю. Ф. Замечания на предложение самарского помещика о выкупе крестьянской земли.— Соч., т. III, с. 480.

[29] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 9.

[30] Самарин Ю. Ф. Четыре записки по крестьянскому делу, написанные в августе 1817 года. — Соч., т. II, с. 171.

смотрел на общину как на «ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями», то следовать за Чернышевским Кошелев отказывался [31].

К сказанному Кошелевым следует добавить, что он не только не был расположен следовать за Чернышевским, но, наоборот, шел в совершенно противоположном направлении.

Самарин не замедлил сочувственно откликнуться на позицию, занятую Кошелевым в отношении Чернышевского.

Славянофилы не противопоставляли принципы общинной собственности и частной земельной собственности как исключающие друг друга. По их мнению, общинная и частная собственность должны выполнять разные социальные функции. Частная собственность должна служить средством развития производства, общинная собственность — средством недопущения роста социальных контрастов.

Помещичье землевладение должно базироваться на частной собственности, и только крестьянское хозяйство должно развиваться в рамках общинного землевладения. Из того, как размежевывали славянофилы помещичье и крестьянское землевладение, совершенно ясно, что они отнюдь не желали увеличения размеров общинного землевладения.

Защищая общину, Самарин не считал ее за форму безупречную, так как общинное землевладение «имеет свои существенные неудобности», и в нем таится внутреннее противоречие, свидетельствующее о том, что эта форма «не может быть вековечною, а должна изменяться путем свободного развития» [32].

О том, в каком направлении может произойти изменение общинного землевладения, Самарин отчетливо говорит в другом месте: «Мирское владение, если того потребует естественный ход экономического развития, легко перейдет в личное; удерживая общину теперь, как факт существующий, мы не связываем нисколько будущего» [33].

Общинное землевладение в системе славянофилов есть средство решения определенных социально-политических и экономических задач известного исторического периода, но не форма развития производительных сил. Общинное землевладение, по мнению славянофилов, является институтом, который «охраняет общественное спокойствие, общественный порядок и общественную незыблемость» [34].

Славянофилы опасались, что крестьянин, не прикрепленный к земле общинным землевладением, может оказаться ненадежной опорой помещичьего хозяйства. Они требовали фиксации общин-

[31] См.: Кошелев А. И. По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности. — Русская беседа, 1857, кн. IV, с. 170.

[32] Самарин Ю. Ф. Рецензия на сочинение С. Иванова «Поземельная собственность и общинное владение», с. 169.

[33] Самарин Ю. Ф. Четыре записки по крестьянскому делу, написанные в августе 1857 года, с. 171.

[34] Кошелев А. И. Об общинном землевладении в России. Берлин, 1875, с. 54.

ного землевладения как средства привязать к земле крестьянина. Кошелев писал, что «земледелие — не такое ремесло, за которое люди берутся, от которого отстают и к которому легко возвращаются: земледелие есть работа самая трудная, крайне неприятная и притом по вознаграждению самая недостаточная»[35].

Средством против бегства от этой неприятной работы и является, по мысли Кошелева, община, так как «общинное владение землею привязывает» крестьян к определенным местам[36].

Славянофилы поддерживали общину и как форму, которая обеспечит выполнение крестьянами повинностей. Самарин писал, что мирское владение «представляет для правительства и для владельцев самую надежную и ничем незаменимую гарантию исправного отбывания всех повинностей»[37]. Ту же мысль развивал и Кошелев[38].

Отстаивая незыблемость помещичьей монополии на землю, славянофилы являлись идеологами помещичьего типа буржуазного развития. С этой точки зрения они не были ни одинокими, ни оригинальными.

Их особенность заключается не в том, что они отстаивали какой-то другой тип развития, а в том, что они не верили в возможность сохранения политического и экономического господства класса помещиков в условиях буржуазного развития без вмешательства государственной власти в игру стихийных сил. Отсюда их критика экономического либерализма и симпатии к исторической школе, к разного рода идеологам буржуазных реформ, направленных на укрепление капитализма путем смягчения отдельных его противоречий.

Если учение славянофилов об общине взять не изолированно, а в связи с их взглядами на размежевание помещичьего и крестьянского землевладения, на условия оставления надельной земли в руках крестьянства, то миф о прогрессивном характере взглядов славянофилов по вопросу об устройстве крестьянского хозяйства, распространявшийся в литературе, рассеивается, как дым.

Славянофилы были злейшими врагами подлинной самостоятельности крестьянского хозяйства. Они боролись за сохранение крепостнических по существу монополий дворянства, за сокращение и ограничение крестьянского землевладения. Их выкупные проекты были проектами продажи, а не ликвидации феодальных повинностей: выкупные суммы эти были грабежом крестьянского хозяйства с целью обеспечить помещичье хозяйство денежными средствами и заставить крестьянина пойти в кабалу к помещику.

[35] Кошелев А. И. По поводу журнальных статей о замене обязанной работы наемною и о поземельной общинной собственности. — Русская беседа, 1857, кн. IV, с. 161.

[36] Там же, с. 157.

[37] Самарин Ю. Ф. Обзор оснований, принятых при составлении положения об улучшении быта помещичьих крестьян и дворовых людей Самарской губернии. — Соч., т. III, с. 454.

[38] Русская беседа, 1857, кн. IV, с. 164; см. также: Кошелев А. И. Записки (1812—1883 годы). Приложения, с. 75.

Община служила в системе славянофилов той дополнительной цепью, которая привязала бы крестьянина к помещичьему хозяйству, а экономической основой последнего продолжала бы служить феодальная по сути монополия на землю.

Поскольку в период падения крепостничества борьба развернулась по существу вокруг вопроса — капитализм демократический или помещичий, экономическая программа славянофилов могла играть только консервативную и реакционную роль. Они защищали помещичьи интересы в капиталистическом развитии сельского хозяйства, против интересов крестьянства.

Несмотря на свои либеральные фразы, славянофилы были не менее энергичными защитниками помещичьей монополии и на землю, чем наиболее откровенные крепостники.

Не случаен также факт затухания идейной борьбы между славянофилами и западниками в период крестьянской реформы, как отмечают сами славянофилы и западники. Что касается такого западника, как Кавелин, то его трудно в этот период отличить от славянофилов. Но и Чичерин не скрывал своих симпатий к славянофилам периода полемики вокруг реформы.

Свидетельства славянофилов и западников по вопросу об их отношении друг к другу можно рассматривать как вполне искренние, соответствующие действительному положению вещей. Разнообразие идеологического оформления, принимавшего иногда очень сложные и пестрые формы, не может скрыть от нас единства помещичьих идеологов в борьбе против крестьянской демократии.

В кн.: История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., Соцэкгиз, 1958.

Теория и программа дворянского либерализма (К. Д. Кавелин)

Одним из крупных представителей экономической мысли русского дворянства в интересующую нас эпоху был К. Д. Кавелин [1].

Главным по общественному значению периодом его литературной деятельности являются 50-е и 60-е гг., т. е. годы, непосредственно примыкающие к реформе 1861 г., в идейной борьбе вокруг которой Кавелин принял активнейшее участие.

[1] Константин Дмитриевич Кавелин родился в 1818 г. в Петербурге. Его отец, бывший некоторое время ректором Петербургского университета, происходил из старинного, но небогатого дворянского рода. Литературная деятельность К. Д. Кавелина началась еще в 1841 г., когда была опубликована в «Юридических записках» его работа «О теориях владения», награжденная Московским университетом золотой медалью, и продолжалась до самой его смерти в 1885 г.

Характеризуя идейную борьбу между демократами и либералами в период падения крепостничества, В. И. Ленин неоднократно указывал на Кавелина как на типичного представителя либеральных тенденций и противопоставлял его Чернышевскому как типичному представителю революционно-демократических тенденций.

Либерализм Кавелина, как и многих других русских либералов периода реформы, весьма значительно отличается от экономического либерализма в том его виде, как его развили буржуазные экономисты на Западе и как его развивал в период реформы ряд русских буржуазных экономистов. Так, Кавелин не разделял основного требования экономического либерализма — невмешательства государства в хозяйственную жизнь.

В условиях середины XIX в. в России, поскольку объективная историческая задача заключалась в ликвидации крепостнического строя, основанного на феодальных монополиях, и переходе к буржуазному строю, основанному на свободной конкуренции, критика последней с позиций дворянства являлась теоретической платформой для сохранения известной части феодальных отношений. Критика Кавелиным принципа свободной конкуренции по своему содержанию приближается к критике принципов свободной конкуренции со стороны исторической школы, защищавшей по сути дела такие формы капитализма, при которых продолжают сохраняться остатки феодализма и охраняются интересы господствующего класса феодального общества в условиях капитализма. Не случайно поэтому Кавелин обнаруживает свои симпатии к исторической школе, метод и теория которой явились, как известно, большим шагом назад в развитии буржуазной политической экономии.

Принцип непрерывности[2] является центральным в историзме Кавелина, характеризующим консервативную природу этого историзма.

Кавелин — решительный и принципиальный враг революции. «Революции всегда задерживают прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм, или надолго сделать его больным и немощным»[3], — писал Кавелин в брошюре «Разговор с социалистом-революционером», изданной в 1880 г. Парадоксально, что в этой же брошюре Кавелин для обоснования своих антиреволюционных взглядов пытается опереться на... Маркса. В работе «Исторические судьбы марксизма» Ленин указывал на один из способов борьбы с марксизмом — интерпретацию его в либеральном духе, в духе эволюционного историзма. Пожалуй, одна из наиболее ранних попыток в этом направлении принадлежит Кавелину.

Кавелин выступил также с лживым утверждением, что между

[2] См.: Кавелин К. Д. Московские славянофилы сороковых годов. — Собр. соч., т. II. Спб., 1899, с. 1153.

[3] Кавелин К. Д. Разговор с социалистом-революционером. — Собр. соч., т. II, с. 1000.

теорией Маркса и его революционной практикой имеется будто бы противоречие[4]. В действительности же, как известно, одной из самых сильных сторон в марксизме является единство теории и практики. Революционная практика Маркса целиком и полностью опиралась на его революционную теорию.

Либерализм Кавелина проявлялся в критике им личной крепостной зависимости крестьян от помещиков. В наиболее концентрированном виде положение о вреде крепостного права развито Кавелиным в его известной «Записке об освобождении крестьян в России».

Кавелин развивал мысль о том, что хозяйство, покоящееся на базе крепостных отношений, находится в противоречии с рациональным экономическим расчетом. Так, он писал, что «огромное большинство помещиков старается производить как можно больше всякого рода хлеба, не справляясь и даже не думая о том, стоит ли заниматься земледелием, и не было ли выгоднее обратиться к другим промыслам»[5].

Кавелин далее отмечал, что «в материальном отношении состояние крепостных весьма значительно ухудшилось против прежнего: их повинности, оброки и другие обязанности к владельцам в последние 10, 20 лет удвоились и утроились»[6]. Этот рост крестьянских повинностей ведет в конечном счете к подрыву производственного базиса помещичьего хозяйства, каковым, как известно, в условиях крепостного строя является крестьянское хозяйство. Таким образом, Кавелин подошел к характеристике одного из важнейших противоречий позднего крепостничества в России.

В своей критике крепостничества Кавелин защищал все атрибуты буржуазного экономического строя. Но он считал, что безраздельное господство принципа свободной конкуренции не может быть положено во главу угла экономической жизни, что свободная конкуренция есть благо лишь постольку, поскольку ей поставлены известные рамки, границы. В статье «Взгляд на русскую сельскую общину», опубликованной в «Атенее» в 1859 г., Кавелин писал: «Социальная анархия, т. е. ничем неумеряемая борьба частных интересов, принадлежит именно к числу тех страшных разъедающих общественных недугов, которые исподволь, незаметно разрушают общественные организмы. Только уравновешенная другим началом, эта борьба поддерживает и развивает жизнь»[7]. Эту мысль он развивал и позднее — в 1881 г. в статье «Крестьянский вопрос»[8].

Неравенство в обществе Кавелин считал известным его законом. В своей работе «Дворянство и освобождение крестьян» он

---

[4] Там же, с. 1003.
[5] Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян в России. — Собр. соч., т. II, с. 27.
[6] Там же, с. 12—13.
[7] Кавелин К. Д. Взгляд на русскую сельскую общину. — Собр. соч., т. II, с. 180.
[8] См.: Кавелин К. Д. Собр. соч., т. II, с. 438.

утверждал, что «различие сословий, различное участие их в государственной и общественной жизни есть явление общее всему человеческому роду, от начала мира до нашего времени»[9] Он ссылался на то, что люди по физической природе, по умственным и другим своим способностям неравны между собой со дня рождения. Из этого прирожденного неравенства вытекает якобы и неравенство «внешней их деятельности». Так, фальсифицируя историю, Кавелин пытался неравенство классов свести к физическому, природному неравенству людей.

Кавелин утверждал, что дворянство является тем классом, который и после отмены крепостничества может и должен оставаться господствующим. В работе «Дворянство и освобождение крестьян» он писал: «Русскому дворянству может предстоять счастливая будущность и блестящая роль. Оно самое образованное и сравнительно самое богатое из всех сословий; оно содержит в себе живые зародыши возрождения»[10].

Достоинство политики Петра I Кавелин усматривал в том, что Петр I преодолел замкнутость высшего сословия. Кавелин уверял, что, благодаря падению вельмож, дворянство стало «представителем всего лучшего, богатого и талантливого в народе»[11]. Но со времени Петра I положение дворянства сильно изменилось, крепостное право поставило его в исключительное положение, и русское дворянство снова «повторило историю нашего старинного вельможества, только уже не в политической, а в гражданской сфере»[12].

Выход из этого положения заключается, по мысли Кавелина, в том, чтобы дворянство опять было обновлено. Однако в России в середине XIX в. стоял вопрос уже не об обновлении старого класса, а о его ликвидации. В этих условиях обновление старого класса противоречило задаче коренного изменения экономического строя России. Эволюционный историзм Кавелина был, таким образом, формой борьбы за сохранение господствующего класса крепостнического общества в новом, буржуазном обществе. Тезис о непрерывности развития использовался им для защиты привилегий помещичьего класса. Дворянство, по Кавелину, должно остаться классом землевладельцев. Кавелин сулит «обновленному дворянству» господствующее положение в экономике страны навсегда. Правда, ему известно, что класс землевладельцев везде, по мере развития буржуазного общества, постепенно отодвигается на задний план. Об этом свидетельствует опыт Западной Европы. Но он искал утешение в том, что в России этого не произойдет вследствие особенностей ее экономики, так как «главным центром промышленности, на очень долгое время, если не навсегда, останется у нас земледелие...»[13]. Таким образом, свои надеж-

[9] Кавелин К. Д. Дворянство и освобождение крестьян. — Собр. соч., т. II, с. 111.
[10] Там же, с. 109.
[11] Там же, с. 118—119.
[12] Там же, с. 122—123.
[13] Там же, с. 128—129.

ды Кавелин связывал с увековечением экономической отсталости России.

Отмену крепостничества он рассматривал не как средство преодоления индустриальной отсталости страны, а как способ обновления дворянства.

Искажая характер реформы 1861 г., он писал, что в России в результате реформы была «порвана всякая юридическая и экономическая зависимость крестьян и сельских работников от помещиков» [14].

Тезис Кавелина о самостоятельности и экономической независимости крестьянского хозяйства от помещичьего являлся лицемерным. Он не мог быть обоснован, и даже формальной аргументации в пользу этого тезиса у Кавелина нет.

Кавелин стремился к буржуазному по форме преобразованию помещичьего хозяйства. Он понимал, что помещикам по-старому хозяйствовать невозможно, поскольку у них нет уже дарового труда, приходилось подсчитывать себестоимость хлеба и возмещать при всех условиях издержки производства. Он говорил, что прошло время, когда «отцы и деды имели крепостных, которым ничего за это не платилось, и всякое даяние почвы, даже 2 зерна, было благо, ибо ничего не стоило» [15] Теперь, писал Кавелин, помещикам при ведении хозяйства нужны капиталы для обзаведения средствами труда и найма рабочей силы.

Проблему источника необходимых денежных средств и обеспечения помещичьего хозяйства рабочей силой он пытался решить еще в «Записке об освобождении крестьян в России», написанной в 1855 г. Эту «Записку» у нас в литературе обычно обходят молчанием, так как выдержки из нее помещены были, как сказано выше, Чернышевским в «Современнике». «Записка» Кавелина является одним из наиболее типичных документов, отражающих взгляды идеологов помещичьего типа буржуазного развития. Однако опубликование ее Чернышевским в свое время сыграло положительную роль. В начальной фазе подготовки реформы идея наделения крестьян землей считалась крамольной. Открытая постановка этого вопроса в литературе имела большое значение. Только эту цель и преследовал Чернышевский, когда публиковал в «Современнике» статью Кавелина.

Несмотря на то что Кавелин подвергся опале за свою «Записку» со стороны правящих кругов, своим проектом освобождения он защищает процесс преобразования, который ведет к победе помещичьего хозяйства над крестьянским.

В «Записке» Кавелин возражал против освобождения крестьян «со всею землею, принадлежащею к имению, в котором они поселены», утверждая, что в многоземельных и даже в большей части издельных имений для крестьян было бы «слишком много

[14] Кавелин К. Д. Освобождение крестьян и г. фон. Самсон-Гимельстиерна. — Собр. соч., т. II, с. 615.

[15] Кавелин К. Д. По поводу губернских и уездных земских учреждений. — Собр. соч., т. II, с. 787.

всей земли, принадлежащей к имению»[16]. Его особенно беспокоило то, что «через это почти исчезла бы в России частная поземельная собственность, а с нею и все ее благодетельные последствия для промышленности и сельского хозяйства». Кавелин утверждал, что «частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и больших хозяйств суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности»[17]

На самом же деле в условиях крепостной России вся помещичья земля обрабатывалась трудом и инвентарем крестьянского хозяйства. Поэтому и нет никаких доводов в пользу кавелинского утверждения, что всей земли помещичьего имения было бы для крестьян много.

Рассуждения Кавелина о необходимости крупного хозяйства также демагогичны.

Основой помещичьего хозяйства является крупная феодальная земельная собственность. Помещичье хозяйство существует только в неразрывной связи с крестьянским, вернее, только на его базе. Нельзя мыслить крепостное помещичье хозяйство без фундамента в виде крестьянского хозяйства.

При отрыве крестьянского хозяйства от помещичьего первое не только сохраняет, но и расширяет возможности воспроизводства. Между тем помещичье хозяйство теряет возможность существования и воспроизводства без коренной перестройки его экономической основы; оно не может быть названо крупным хозяйством до тех пор, пока не будет переведено на новую основу. А до тех пор, пока крестьянское хозяйство выступает в качестве производственной основы помещичьего хозяйства, последнее не может рассматриваться как крупное хозяйство. Важнейшим признаком крупного хозяйства является концентрация в руках владельца хозяйства средств производства, но при крепостном строе помещичье хозяйство этим признаком не обладает. Все рассуждения Кавелина в защиту помещичьего хозяйства как якобы крупного не имеют под собой никакой научной основы. Они являются ширмой для наступления на крестьянское хозяйство, отношение к которому Кавелина достаточно ярко характеризуется также его отношением к французскому опыту разрешения аграрного вопроса. Кавелин прилагал все усилия к его дискредитации[18].

Разрешить трудную задачу перевода помещичьего хозяйства на новые рельсы после ликвидации отношений личной зависимости Кавелин собирался путем выкупной операции, наделения крестьян землей и определенной организации крестьянского землепользования.

Выражая крепостнические вожделения помещиков, он показывал, что выкуп должен вознаградить помещиков как за земли, которые остаются в руках крестьянства, так и за само освобождае-

[16] Кавелин К. Д. Собр. соч., т. II, с. 43.
[17] Там же, с. 44.
[18] См.: Кавелин К. Д. Землевладение в Западной Европе. — Собр. соч., т. II, с. 326—386.

мое крестьянство. Чтобы не продешевить, Кавелин предлагал «оценить крепостных с следующею им землею по существующим на месте ценам», возможно точнее и «ближе к истине», а затем выдавать всю выкупную сумму «сполна при самом отчуждении крепостных из частного владения» [19].

По мысли Кавелина, крестьянство и крестьянское хозяйство являлись средством укрепления политического и экономического положения помещичьего класса. В отличие от Чичерина, он стоял за сохранение крестьянства, так как полагал, что везде, «где сельские массы домовиты и прочно оседлы, они являются самым охранительным общественным элементом, о который сокрушаются все невзгоды, внешние и внутренние» [20].

Наряду с этим политическим мотивом важное значение имели и чисто экономические соображения о сохранении крестьянина в качестве экономической опоры помещичьего хозяйства. По сути дела Кавелин мечтал о батраке с наделом, так как именно такой батрак мог поставлять помещику наиболее дешевую рабочую силу. Поэтому Кавелин и выступил за сохранение надела у крестьян.

Вместе с тем он стремился сохранить те формы крестьянского землевладения и землепользования, которые с его точки зрения более других гарантируют зависимость крестьянства от помещика. Наиболее подходящим для этой цели он считал общинное землевладение.

Из того круга западников, к которому примыкал Кавелин, он был, пожалуй, единственным защитником общинного землевладения. Но это не может служить основанием для противопоставления его западникам. Рассуждения Кавелина об общине являются лишним доказательством того, что нельзя отношение к общине рассматривать как главную разграничительную линию борьбы идейных течений России накануне реформы и в пореформенную эпоху.

Значение, которое Кавелин придавал общинному землевладению как социально-политическому фактору в России, весьма ярко выражено в его письме И. И. Иванюкову, где он писал: «Общинное землевладение в руках государей и русских государственных людей может обратиться в талисман, который избавит нас в будущем и от тяжких испытаний, пережитых остальной Европой, и от социальных фантазий, представляющих в наше время серьезную опасность для европейской цивилизации и культуры» [21].

Он защищал общину по полицейским соображениям; его обуревали охранительные мотивы. Для либерала кавелинского типа «тяжкие испытания» — это революции, а «социальные фантазии» — социализм. В полемике с Лавеле он писал о безусловной

---

[19] Кавелин К. Д. Записка об освобождении крестьян в России. — Собр. соч., т. II, с. 48.

[20] Кавелин К. Д. Взгляд на русскую сельскую общину. — Собр. соч., т. II, с. 186—187.

[21] Кавелин К. Д. Собр. соч., т. II, с. 657—658.

защите общины, что «такого взгляда нельзя не признать односторонним и узким»[22]. По его мнению, «личная поземельная собственность должна и будет существовать во всех сколько-нибудь развитых человеческих обществах»[23]. Но эта личная поземельная собственность предназначалась помещикам, а не крестьянам.

Кавелин безапелляционно переносил преимущества крупного хозяйства на крупную поземельную собственность. Он хотел доказать, что именно крупная и средняя собственность на землю побуждает «ко всяким нововведениям и улучшениям, к опытам и пробам, к новым приемам, увеличивающим доходность; у малой собственности нет для того ни условий, ни почвы, ни нужного простора»[24].

Кавелин защищал в своих работах тот тип развития, при котором буржуазное преобразование осуществляется через помещичье хозяйство. Он боролся за общинное землевладение как за средство смягчения социальных конфликтов, классовых противоречий и недопущения крестьянского типа буржуазного развития, в котором Кавелин правильно видел угрозу экономическому господству дворянства. Не случайны поэтому многочисленные выпады Кавелина против буржуазии, кулаков и т. д.

Противоречивый характер экономической программы Кавелина привел его в конце жизни к идейному краху. Кавелин сознает, что Россия стала на капиталистический путь развития, размывающий старые классы, за сохранение которых в условиях буржуазного развития он, Кавелин, боролся. Отсюда — разочарование Кавелина и в славянофильстве, с которым его связывала защита общины, и в западничестве, у которого он позаимствовал веру в возможность гармоничного развития России на основе буржуазных отношений.

По его мнению, «славянофилы просмотрели в допетровском русском быте темные стороны, приведшие его к упадку и реформе Петра, а западники не разглядели в европейских идеалах их исторической и местной подкладки, делающих их непригодными у нас без важных и существенных оговорок; в такой же самообман, и притом двойной, впали и народники». Они не заметили, что «между крестьянами водворяется индивидуализм, грубый, неприглядный и беспощадный, каким он везде и всегда бывает при первом своем появлении и первых попытках вступить в права гражданства»[25].

Если раньше Кавелин склонен был рассматривать общину как талисман, дающий России возможность пойти по особому пути, то теперь он считает, что особенность крестьянского быта — община, за которую ухватились народники, является лишь остатком «стадного чувства». Он уже не видит в общине средства против распадения крестьянства на социальные полюсы, которое вырыва-

[22] Кавелин К. Д. Общинное владение. — Собр. соч., т. II, с. 267.
[23] Там же. с. 269—270.
[24] Там же, с. 271.
[25] Кавелин К. Д. Злобы дня. — Собр. соч., т. II, с. 1035—1036.

ет крестьянство из рук помещиков и бросает под ярмо кулацкой эксплуатации. Кавелин не может скрыть свою ненависть к кулаку, оттесняющему на задний план дворянина. Если в период реформы он был еще уверен в том, что помещики сумеют приспособиться к новым условиям и с педантичной настойчивостью указывал им пути буржуазного преобразования своих имений, то к концу жизни разочаровался в своих иллюзиях. За 20 лет после реформы буржуа из низов вырос перед Кавелиным как одна из весьма одиозных для него социальных фигур. Но как бороться с его победой, с упадком позиций дворянства в экономике, с размыванием базы дворянства в лице общинного крестьянства и с ростом социальных конфликтов — этого Кавелин не знает. Выход из создавшегося тупика Кавелин не видит в сфере экономической и обращает свои взоры в область нравственного. В письме к Ф. М. Достоевскому он восторгается славянофильством как выдвинувшим на первый план вопрос «о внутренней, душевной, нравственной правде, о нравственной красоте, забытой и пренебреженной»[26]. Но, в отличие от Достоевского и славянофилов, он считает, что нравственное усовершенствование есть цель, а не факт. «Нравственное усовершенствование» должно служить средством усовершенствования общественной жизни.

Кавелин звал к классовому миру, сдабривая свою демагогию тусклыми рассуждениями о нравственном совершенствовании. Призыв этот Кавелин провозглашает от имени того класса, экономических средств к подъему которого он уже не видел. «Нравственное усовершенствование», по мысли Кавелина, должно явиться спасением для дворянства. Это был крах реакционных иллюзий о возможности создания в России на основе помещичьей собственности такой экономики, которая не порождает социальных конфликтов и не подмывает самую основу ее.

Политическая эволюция Кавелина дополняет картину его общей идейной эволюции. В условиях революционной ситуации Кавелин борется против революционной агитации, против насилия и призывов к нему. Он с одобрением пишет об аресте Чернышевского и оправдывает царизм. Именно в этот период наступает разрыв между Герценом и Кавелиным, выявившим себя в качестве врага освободительного движения. Герцен бичует Кавелина. Разоблачает Кавелина и Чернышевский в образе Рязанова в «Прологе». В борьбе с Кавелиным и ему подобными мужал революционный демократизм и Герцена и Чернышевского.

Ленин, неоднократно бравший Кавелина в качестве образца либерала периода реформы, характеризовал его как «подлого либерала», как одного «из отвратительнейших типов либерального хамства»[27].

В кн.: История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., Соцэкгиз, 1958.

---

[26] Кавелин К. Д. Письмо Ф. М. Достоевскому. — Собр. соч., т. II, с. 1032.
[27] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 259.

Буржуазно-либеральная критика крепостничества (Д. Н. Струков и И. В. Вернадский)

В нашей литературе имя Струкова обычно упоминается в связи с освещением той полемики, которую вели журналы «Современник» и «Экономический указатель» по вопросу об общинном землевладении. Дискуссия началась критикой «Современником» статьи Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства», опубликованной в 1857 г. в № 5, 7, 9 и 10 «Экономического указателя». Это была единственная статья, помещенная Струковым в «Экономическом указателе», и о ней обычно упоминают, когда говорят о Струкове. Между тем Струков, хотя и не принял участия в полемике с «Современником», являлся автором ряда других статей и выступлений, в которых он развивал идеи, аналогичные тем, какие содержатся в упомянутой выше статье[1].

Хотя статья Струкова «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства» известна широко в литературе, она не подвергалась специальному анализу. Обычно сущность этой статьи сводят к борьбе против общинного землевладения. Но при таком понимании содержания и значения ее остается неясным, почему Чернышевский дал весьма лестную характеристику статье Струкова. Кроме вопроса об общине, который разделял Струкова и Чернышевского, в статье Струкова были поставлены и другие вопросы, весьма актуальные для экономического развития России, к линии решения которых Струковым Чернышевский относился сочувственно, если даже они и далеко не соответствовали собственным взглядам Чернышевского.

Поставив целью статьи изложить условия успешного ведения сельского хозяйства, Струков не искал последних в технике и агротехнике, в почве и климате, даже в уровне знаний, хотя сам по образованию был агрономом.

Он искал их в общественных условиях, в которых осуществляется сельскохозяйственное производство, и спрашивал: «Какое употребление сделает из грамоты земледелец, если нет книг, со-

[1] Струков сотрудничал в ряде сельскохозяйственных печатных органов. Кроме упомянутой выше статьи наиболее интересными являются его большая статья, направленная против А. Кошелева и опубликованная в приложении к «Земледельческой газете» за 1858 г., № 64 под названием «О поземельном владении и пользовании», а также статья в журнале «Сельское хозяйство» за 1860 г., т. 2 «Замечания на статью г. Русинова, помещенную в журнале «Сельское хозяйство» под названием: «Опыт приложения вольнонаемного труда к сельскому хозяйству».

Даты рождения и смерти Струкова неизвестны, имя его не упоминается в энциклопедиях и библиографических справочниках. Даже инициалы его в «Экономическом указателе» были обозначены неправильно. Во всех статьях Струкова перед его фамилией значилось Д. М. На самом деле инициалы его Д. Н.

образных его понятиям, или если книги учат тому, что бесполезно в кругу его деятельности, или что возбуждает несбыточные желания, или что иногда могло бы найти полезное применение при свободе труда и обеспеченной собственности, но невозможно при отсутствии того и другого?»[2]. С точки зрения Струкова, основными условиями успеха земледелия и страны являются свободный труд и обеспеченная собственность.

Значение статьи Струкова в «Экономическом указателе» заключается в том, что главным предметом ее рассмотрения является один из важнейших вопросов того времени — о приспособлении форм земельной собственности и землевладения к характеру земледельческого производства, т. е. к уровню развития его производительных сил.

Даже чисто внешнее ознакомление со статьей Струкова показывает, что большая ее часть посвящена отнюдь не общинному землевладению. Статья публиковалась в четырех номерах «Экономического указателя» и лишь в последней части, помещенной в № 10, Струков разбирает вопрос об общинном землевладении.

При рассмотрении вопроса он анализирует аграрный строй Англии, Германии и Франции. Критикуя английское землевладение, Струков берет в качестве объекта своих нападок феодальные пережитки в английской системе землевладения. В частности, Струков указывал, что Англия — страна «огромных поземельных родовых владений, не подлежащих ни разделу, ни отчуждению»[3]. На эту же сторону дела он обращал внимание читателя при анализе германского землевладения.

В действительности значение указанного разрыва в Англии и Германии было различным. В Англии земельная собственность была отделена от земледельческого производства, земельная собственность и капитал отделены друг от друга. Между тем в Германии монополия крупной земельной собственности являлась основой участия землевладельцев в производстве. Здесь поэтому оказывалось меньше простора для капиталистической конкуренции, сохранялось много феодальных пережитков в самом способе производства. Правда, как отмечал еще Маркс, по представлению континентальных экономистов именно в Англии «феодальная земельная собственность сохранилась в наиболее косном виде»[4]. Это ошибочное представление континентальных экономистов разделял и Струков. Тем не менее в критике им английского землевладения и даже в отождествлении им английского и прусского землевладения имеется рациональное зерно.

Струков не занимался академическим исследованием, его волновали аграрные проблемы Англии и Германии лишь постольку, поскольку они бросали свет на проблемы, актуальные для России.

---

[2] Струков Д. Н. Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства. — Экономический указатель, 1857, № 10, с. 235.

[3] Струков Д. Н. Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства, с. 204.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 256.

Если подойти к английскому и прусскому землевладению с точки зрения тех исторических задач, которые стояли перед Россией, задач создания условий успешного движения ее экономики вперед, обе формы землевладения и аграрных отношений не могли удовлетворить Струкова как более или менее радикально настроенного буржуа.

«...Английские условия, — говорит Маркс, — единственные условия, в которых адекватно (с идеальным совершенством) развилась современная собственность на землю, т. е. собственность на землю, *видоизмененная* капиталистическим производством»[5]. Но эти условия суть результат уже завершенного процесса преобразования. Между тем перед Россией стояла задача преобразования, требовалось еще начать это преобразование. Для того, чтобы укоренилось фермерское хозяйство капиталистического типа, не стесняемое земельной собственностью, необходимо, чтобы имелся капитал в избытке во всех отраслях производства[6]. Но в России не было ни развитого капиталистического производства, ни избытка капитала. Уже поэтому всякая идея о переносе английских форм аграрного строя в Россию середины XIX в. была бы утопией.

Что касается прусских условий землевладения и земледельческого производства, то консервативный характер их общеизвестен, и нет нужды останавливаться специально на рассмотрении отношения Струкова к ним. При всем различии путей становления аграрных отношений в Англии и в Пруссии между этими двумя путями было одно общее: и в Пруссии и в Англии преобразование старых форм землевладения и создание соответствующих капиталистическому производству аграрных отношений происходило при сохранении господства помещиков. Выясняя этот вопрос, В. И. Ленин отмечал, что в Германии «пересоздание средневековых форм землевладения шло, так сказать, реформаторски, приспособляясь к рутине, к традиции, к крепостническим поместьям, медленно превращающимся в юнкерские хозяйства, к рутинным участкам крестьян-лежебок, переживающих трудный переход от барщины к кнехту и гроссбауэру. В Англии это пересоздание шло революционно, насильственно, но насилия производились в пользу помещиков, насилия производились над крестьянскими массами, которые изнурялись поборами, выгонялись из деревень, выселялись, вымирали и эмигрировали»[7].

Этого не следует упускать при оценке системы английских отношений землевладения и процесса становления их, т. е. английского пути развития капитализма в земледелии.

Таким образом, защита английского варианта «пересоздания средневековых форм землевладения» означала бы борьбу за перестройку аграрных отношений, направленную против крестьян. Английский вариант ломки аграрных отношений был глубоко антидемократическим.

---

[5] Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 251—252.
[6] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 259.
[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 252.

Но независимо от критики английского и прусского землевладения Струков стоит на прогрессивной точке зрения: он высказывается против подчинения процесса развития земледелия помещичьему землевладению.

Было бы наивно искать в статьях либерала Струкова призыва к уничтожению помещичьего землевладения. Однако Струков ясно понимал, что успешное развитие сельского хозяйства России не может происходить на базе помещичьего хозяйства, в экономические возможности которого он не верил.

Он скептически относится к хозяйственным способностям дворянства. Струков прямо спрашивал: «Кто развил обширную внутреннюю и частию заграничную нашу торговлю, у кого миллионы капиталов, в какой среде наша промышленная жизнь, хотя и не просвещенная наукою и не всегда строго честная, или честная по-своему? В среде вчерашних земледельцев, тех богатых, торговых, ловких, смышленых торговцев, знающих промышленные силы и недостатки России, умеющих ужиться с помощью денег и практичности и идущих смело к образованию». У них оказалась уже «главная сила материального движения», между тем как у дворян «остались обветшалые привилегии, отживающее право на заселенные земли и на крепостное состояние, вовсе непрактическая духовная сила образования и полное безденежье»[8].

Струков считал, что новые люди должны прийти на смену дворянству и успехи экономического развития связаны с этими новыми людьми, а дворяне предотвратить это не в силах[9].

Струков полагал, что существуют большие трудности для перехода помещичьего хозяйства на капиталистические рельсы. Этому, собственно, посвящены его замечания на статью Русинова. По мнению Струкова, для перехода к новой системе хозяйства «нужны другие орудия, другие постройки, другое содержание скота, одним словом, иной порядок, для которого нужны капиталы и уменье»[10]. В отличие от дворянских либералов, которые для преодоления этих трудностей требовали высоких выкупных платежей и прикрепления крестьян к земле в той или иной форме, Струков считал, что вообще помещичье хозяйство не сможет справиться с этими трудностями и потому лучше всего будет дворянам расстаться со своими землями, хотя бы с частью их.

Говоря о необходимости значительных капиталов для перестройки помещичьего хозяйства, Струков сомневался, «найдется ли у нас достаточно капиталов и уменья управлять ими?»[11] Это не значит, что Струков вообще сомневался в появлении капиталов в России. Если дворянские либералы отрицали возможности накопления в крестьянском хозяйстве, то Струков верил в возмож-

---

[8] Струков Д. Н. Замечания на статью г. Русинова. — Сельское хозяйство, 1860, т. 2, отд. IV. «Библиография», с. 12.

[9] Там же, с. 14.

[10] Струков Д. Н. О поземельном владении и пользовании. — Приложение к «Земледельческой газете», 1858, № 64, с. 51.

[11] Струков Д. Н. Замечания на статью г. Русинова, с. 9.

ность накопления капиталов на базе крестьянских хозяйств, освобожденных от гнета крепостничества.

Полемизируя с Кошелевым, Струков писал: когда русский крестьянин будет свободно располагать своим трудом и будет иметь земельный участок в личном и потомственном пользовании, у него «явятся излишки и капитал, как являются и теперь нередко небольшие капиталы» [12].

Струков не ограничивался чисто негативным отношением к прусским и английским формам землевладения, а выдвигал и положительную программу. Он обращал внимание читателя на Францию, опыт которой считал достойным подражания и где, по его мнению, «поземельная собственность доступна всем и каждому», а потому «земледельческие сословия находятся в хорошем положении» [13].

Струкову хорошо был известен и путь, который привел к этому положению. В статье «О поземельном владении и пользовании» он писал, что «французская революция и новый кодекс нанесли сильный удар личному привилегированному владению во всех странах, где французский кодекс был введен, сделавши все земли доступными народу и изменив законы наследования» [14]. В той же статье он указывал, что в итоге революции «положение французского хозяйства и земледельческих сословий значительно улучшилось в сравнении с тем, чем оно было в прошлом столетии», «положение земледелия и земледельческих сословий во Франции находится в прогрессивном движении улучшения» [15].

Сочувствуя французской форме преобразования аграрного строя, Струков по существу хотел более радикальной ломки аграрного строя в России. Понятно, что речь шла о желательных для Струкова направлениях и формах экономического преобразования земледелия, а не о методах этого преобразования. Последние не были ни глубокими, ни радикальными, поскольку Струков полагал, что полная свобода мобилизации земельной собственности обеспечит перестройку аграрного строя и принесет победу прогрессивным, передовым формам земледелия, носителем и проводником которых будет недворянин.

Струков имел в виду не только раздробление дворянской земельной собственности, но и считал необходимым изменение всего строя «земельных распорядков» в России.

Он выступил против общинного землевладения. Но что такое общинное надельное землевладение с точки зрения буржуазного преобразования? Средневековый феодальный институт. «Средневековым, — писал Ленин, — является в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение» [16]. Поэтому

---

[12] Струков Д. Н. О поземельном владении и пользовании, с. 52.
[13] Струков Д. Н. Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства. — Экономический указатель, 1857, № 9, с. 204—205.
[14] Струков Д. Н. О поземельном владении и пользовании, с. 34.
[15] Там же, с. 35.
[16] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 405.

критика общинного землевладения с точки зрения буржуазного развития прогрессивна. Ликвидация помещичьего землевладения в России, дополняемая ликвидацией общинного землевладения, означала бы «чистку земель» для капитализма во всех секторах земледелия, означала полную перестройку всех «земельных распорядков».

Являясь противником общинного землевладения, Струков указывал на негативные стороны общины, однако он отрицательно относился к насильственной ломке ее[17]. Для Струкова освобождение крестьянина от опеки общины оказывалось одним из факторов развития крестьянского хозяйства. С хозяйством помещиков он не связывал развитие производительных сил в земледелии России.

Струкову удалось показать антикрестьянский, антидемократический характер славянофильской защиты общинного землевладения. Полемизируя с Кошелевым, Струков писал, что по славянофильским проектам речь идет не только о том, чтобы оставить крестьян при общинном пользовании землей, но и о том, чтобы воспретить им приобретение дворянских земель, т. е. лишить крестьян права приобретения земель в частную собственность. Струков высмеивает разговоры Кошелева о равенстве всех сословий, указывая, что Кошелев стремится к установлению двух разных прав: для помещиков — права частной собственности, для крестьян — только права мирского пользования землей.

Вражда Струкова к общине питалась отрицательным отношением к неполноправности крестьянина, к помещичьим привилегиям, к дворянскому землевладению. Именно поэтому, полемизируя со Струковым по вопросу об общине, Чернышевский так лестно отзывался о его статье. Чернышевский, несмотря на разногласия по вопросу об общине, видел в Струкове противника помещичьего хозяйства.

Струков критиковал помещичье землевладение с точки зрения буржуазного либерала, и потому его аргументация носит весьма ограниченный характер. По существу оно подвергалось критике за то, что находилось в противоречии с необходимостью превратить землю в свободный объект хозяйства. По форме же помещичья земельная собственность критикуется за то, что она затрудняла свободную мобилизацию земли. По существу Струков стремится устранить собственность на землю как условие производства, внешне же он выступает за раздробленную частную собственность на землю. Фактически Струков хочет превратить землю в свободный объект хозяйства, непосредственно же он борется за превращение земли в свободный объект собственности.

Эта тенденция не случайна, она проистекает из буржуазного характера идеологии Струкова. Идеолог буржуазии готов признать исторически преходящий характер любой собственности, за исключением буржуазной.

[17] См.: Струков Д. Н. О поземельном владении и пользовании. — Приложение к «Земледельческой газете», 1858, № 64, с. 46.

Враждуя с монополией помещичьего землевладения, Струков не стоял на почве мелкобуржуазной экономии. Мелкое производство вообще не было его идеалом. Раздробление земельной собственности рассматривается им лишь как средство устранения монополии, мешающей применению труда и капитала, средство устранения препятствий на пути приспособления земледельческого производства к условиям и требованиям свободной конкуренции. С точки зрения Струкова, не собственность на землю должна определять масштабы хозяйства, а масштабы хозяйства должны определять размеры землевладения. Он указывал, что в фермерском хозяйстве «большое количество земли не составляет необходимого условия»; так, в Западной Европе встречаются фермы, занимающие «и весьма малое и весьма большое количество земли» [18].

Выдвигавшееся Струковым положение о том, что размер сельскохозяйственного предприятия должен определяться назначением его и средствами его владельца, а не земельной собственностью, обнаруживает антифеодальный характер его буржуазной программы создания условий «успешного сельского хозяйства». Раздробление поземельной собственности являлось для него не средством создания мелкого производства, а средством устранения препятствий на пути свободной конкуренции.

Струков являлся в период подготовки реформы одним из критиков феодальных форм землевладения с чисто буржуазных позиций. В то время как идеологи революционной демократии делали упор на крестьянском хозяйстве, главная задача Струкова заключалась в том, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия накопления капитала. Хотя создание условий для развития самостоятельного крестьянского хозяйства было объективно созданием условий развития капитализма и накопления капитала, революционные демократы ставили перед своей программой другие задачи. Не случайно община явилась центральным пунктом разногласий между Чернышевским и Струковым.

Для Струкова община была помехой накоплению капитала, для революционной демократии — исходной основой социализма. В отношении к общине обнаружилась противоположность буржуазной идеологии Струкова, с одной стороны, и социалистической идеологии Чернышевского — с другой.

Струков был буржуазным либералом. Его критика феодализма страдала ограниченностью буржуазного либерализма. Требуя демократизации экономического строя, он не выдвигал реальных методов, обеспечивающих действительную его демократизацию. Хотя его критика помещичьего хозяйства и землевладения имела прогрессивное значение, Струкова следует считать идеологическим антиподом русской революционной демократии, которая обосновывала крестьянскую революцию и призывала к ней.

---

[18] Струков Д. Н. Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства. — Экономический указатель, 1857, № 9, с. 208.

Видным представителем буржуазной экономической мысли России в начале второй половины XIX в. был И. В. Вернадский [19].

Будучи издателем и редактором журнала «Экономический указатель» (1857—1861), Вернадский освещал экономические вопросы с позиций буржуазной экономической науки. Отдельные части его литературного наследства не равноценны. Наряду со значительными оригинальными трудами он оставил и работы, которые не представляют научного значения.

В данной главе будут рассмотрены взгляды Вернадского по основным проблемам теории и истории экономической науки, по актуальным проблемам экономики России.

По мнению Вернадского, задача политической экономии состоит в том, чтобы открыть «естественные законы производства» [20], под которыми он понимал законы, «не подчиненные произволу власти» [21].

На первый взгляд кажется, что главным в этом положении является признание объективности экономических законов. В действительности же смысл этого положения заключается в том, чтобы представить законы буржуазной экономики в качестве естественных вечных законов, соответствующих якобы природе человека. «Экономические законы, — пишет Вернадский, — проявляются во всей своей силе везде, где существует труд и мена...» [22]

Иначе говоря, экономическими законами для него являются только законы товарного производства. Взгляд этот, как известно, является обычным для буржуазных экономистов.

Вернадский принимал учение классиков о естественных законах. Но он не разделял чрезмерного оптимизма своих учителей об условиях осуществления законов. Он указывал, что у физиократов, в частности, все выводы из их учения сводятся лишь к лозунгу — «не мешать».

Перед Вернадским вырисовывался не только тот идеальный строй буржуазных отношений, за установление которого он ратовал, но и реальный крепостнический строй, который не мог быть устранен одним лозунгом «не мешать». Мало было «не мешать» буржуазным отношениям, предстояло устранять крепостнические

---

[19] Иван Васильевич Вернадский родился в 1821 г. в г. Киеве, где и получил образование. Был профессором Киевского, а затем Московского университетов, Петербургского педагогического института и Александровского лицея. В 1856—1867 гг. состоял чиновником особых поручений при министерстве внутренних дел. С 1857 г. издавал журнал «Экономический указатель» и приложение к нему — «Экономист». С 1867 по 1876 г. был управляющим конторой Государственного банка в Харькове. Умер Вернадский в 1884 г. в Петербурге.

[20] Вернадский И. Предмет политической экономии. — Журнал министерства народного просвещения, 1856, мая, ч. XC, отд. II, с. 143—144.

[21] Вернадский И. Очерк истории политической экономии. Спб., 1858, с. 1.

[22] Вернадский И. Предмет политической экономии, с. 136.

отношения. Такой вывод был закономерен для буржуазного экономиста страны, в которой феодальные отношения составляли основу отношений производства.

Физиократы имели основания исходить из буржуазных отношений производства, которым лишь недостает полной свободы проявления. Вернадский же был современником крепостнических отношений производства, которые не только мешали буржуазным отношениям, но и являлись господствующими в стране.

Вернадский считал недостаточным определение политической экономии как науки, которая предметом своим имеет богатство или производство богатства. «Политическая экономия, — писал он, — говорит не о самых вещах (что мы разумеем под словом богатство), а только об одном их свойстве — ценности»[23].

Определяя политическую экономию как науку о ценности, Вернадский ограничивал объект науки товарным производством. Однако он не мог остаться в рамках этого определения. Объект его действительного изучения шире, и он подвергает теоретическому анализу и докапиталистические формы производства, пытаясь раскрыть их основы, выявить отличия между ними и буржуазным производством. Рассматривая историю развития общественных форм, Вернадский видел основу этого развития в «истории человеческого труда».

Характеризуя рабовладельческое общество, он отмечал отсутствие в нем стимулов к росту производительности труда, расточительное, хищническое отношение к труду. Вернадский пытался установить различия между древней (рабовладельческой) и средневековой (феодальной) организацией труда. Последняя тоже являлась насильственной, но она выходила «столько же от владения, сколько и от труда».

В ранних работах Вернадского «владение» означало монополию на средства труда, при которой для осуществления эксплуатации необходимо внеэкономическое принуждение. Таким образом, Вернадский в своих характеристиках разных общественных систем отражает реальные различия между ними. В действительности при рабовладельческой системе весь процесс труда — и необходимый и прибавочный труд — осуществлялся путем принуждения. При крепостничестве или не весь процесс труда осуществляется путем принуждения, или не весь продукт принадлежит эксплуататору. Поэтому для рабовладельческой системы он считает характерным господство владения, а для крепостничества — уже не полное господство владения.

Отличительную особенность буржуазного строя Вернадский усматривал в том, что в его условиях «труд окреп и является с полным сознанием сил своих в прямом противоборстве с интересами владения»[24].

Вернадский является безусловным защитником буржуазного

[23] Вернадский И. Проспект политической экономии. Спб., 1858, с. 1.
[24] Вернадский И. Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в. М., 1849, с. 19.

строя. Мелкобуржуазные иллюзии ему чужды. Он воспевает крупный капитал и крупное производство. По мнению Вернадского, «значительный капитал имеет большее преимущество перед малым, ибо он представляет соединение сил, делает возможнее разделение труда, что, как мы видели, составляет главное условие для успешного производства, поэтому страны, где есть значительные капиталы, имеют несравненно большее преимущество перед странами, которые его имеют менее; отсюда является образование машинного производства, что невозможно при малых капиталах» [25].

Приветствуя централизацию капитала и производства, Вернадский тем не менее критиковал крупную земельную собственность. Это тем более заслуживает внимания, что в оценке частной собственности, в том числе частной земельной собственности, буржуазно-апологетические тенденции Вернадского выступают особенно отчетливо. Он защищал частную собственность и объявлял «владение» условием всякого рационального хозяйства. В отношении источников доходов Вернадский объединял собственность на землю и собственность на капитал, оправдывая, таким образом, доход земельного собственника. Здесь ярко обнаруживался переход Вернадского на позиции вульгарно-апологетической трактовки доходов эксплуататорских классов и характерное для трусливой буржуазии примирение с земельной собственностью как формой частной собственности.

Вместе с тем у Вернадского отчетливо выражено критическое отношение к крупной земельной собственности. Выступая сторонником крупного производства и крупного капитала, Вернадский в то же время считал вредной концентрацию земельной собственности. Он выражал сочувствие Васко, который в своем ответе Вольному экономическому обществу доказывал вредность концентрации земельной собственности [26].

Таким образом, у Вернадского имелись две противоположные точки зрения на концентрацию капитала и концентрацию земельной собственности. В «Проспекте политической экономии» он писал: «Что касается до вопроса о хозяйстве в больших и малых участках, большими и малыми капиталами и т. п., то должно отличать здесь две стороны: а) вопрос владения, б) вопрос труда. Для производительности централизация вообще полезна», но «владение большими участками составляет иногда препятствие к большему благоденствию поселян», и потому в интересах народа «лежит хозяйство в больших участках при отдельном, раздробленном владении» [27]

Поскольку в тот исторический период крупная земельная собственность реально была помещичьей, а мелкой могла быть толь-

[25] См.: Шторх Г. Курс политической экономии. Перевод под ред. и с заметками И. В. Вернадского. Т. I. Спб., 1881, с. 150.
[26] См.: Вернадский И. Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в., с. 111.
[27] Вернадский И. Проспект политической экономии, с. 29.

ко крестьянская земельная собственность, эти высказывания были направлены против помещичьей земельной собственности.

Несмотря на буржуазную ограниченность своего отношения к земельной собственности и признание необходимости последней, как всякой другой формы частной собственности, даже правомерности ренты, Вернадский одновременно критиковал помещичью земельную собственность. Теоретической основой его критики являлось проводимое им различие между крупным производством и крупной земельной собственностью, признание высокой производительности крупного производства и вредности крупной земельной собственности.

В качестве примера несовпадения масштабов земельной собственности и производства он приводил Англию. «Может быть большое владение и мелкое возделывание. Такой пример представляет во многих местах и Великобритания: в ней часто существует большая собственность только на бумаге. Другими словами, в ней при grande propriété существует и petite culture»[28].

Вопрос о размере земельной собственности не ставился Вернадским абстрактно; он защищал такие размеры землевладения, которые соответствуют характеру и размеру производства.

Пример с Англией взят неудачно, но мысль о необходимости приведения земельной собственности в соответствие с земледельческой культурой плодотворна. В тот исторический период она была направлена против помещичьей земельной собственности, вместе с тем служила барьером против мелкобуржуазных иллюзий об особых преимуществах мелкого производства в земледелии.

Критическое отношение к английской и германской формам землевладения, симпатия к французской форме достаточно ясно говорят об отношении Вернадского к помещичьему землевладению. Он был сторонником приспособления форм земельной собственности к условиям производства. Как буржуазный экономист, он полагал, что это приспособление может произойти стихийно и быстро, если будет объявлена полная свобода мобилизации земельной собственности. Не понимая консервативной силы помещичьего землевладения, он был уверен, что несоответствие помещичьего землевладения условиям производства приведет к ускоренному сокращению дворянского землевладения. По его мнению, свободная форма крестьянского землевладения и свобода мобилизации земли будут способствовать ускорению приспособления землевладения к условиям производства. Поэтому он выступал против принудительного сохранения общины.

Вместе с тем Вернадский был противником тех кабальных форм и условий наделения крестьян землей, которые подготовлялись реформаторами. Когда В. Кокорев выступил в «Санкт-Петербургских ведомостях» в 1859 г. со статьей «Миллиард в тумане»,

[28] Выступление И. Вернадского 8 апреля 1861 г. на собрании Политико-экономического комитета Географического общества.— Век, 1861, № 26, 5 июля.

в которой предлагал выплатить помещикам миллиард выкупной суммы, Вернадский опубликовал статью «Туман и миллиард», где доказывал вредность предложения Кокорева, так как «ведь плательщики будут все те же крестьяне»[29]. Вернадский принимал другой вариант решения проблемы наделения крестьян землей, предложенный тем же Кокоревым: заменить для помещиков крестьянскую землю пустопорожнею из ближайших казенных дач в поволжских степных губерниях[30]. Эти мысли, как полагал Вернадский, «здравы и не зависят от миллиарда, который, вероятно, останется в тумане и на деле, пока солнце опыта не рассеет его»[31].

Весьма характерны также статьи Е. Кор-ко под названием «Крестьянский вопрос», публиковавшиеся Вернадским в ряде номеров «Экономического указателя». В этих статьях освещались в связи с проблемой выкупа существеннейшие вопросы перехода от крепостничества к новому, буржуазному строю. Автор возлагает мало надежд на помещиков. Он считает, что помещики не будут защищать прогрессивных условий отмены крепостного права[32].

«Экономический указатель» разоблачал помещичьи проекты выкупа и тогда, когда они формально отказывались от выкупа личности, но протаскивали его скрыто, в виде высокой оценки усадьбы или полевой земли. Полемизируя с Бунге, который считал, что вознаграждение владельцев «за крепостной труд законно и необходимо», Е. Кор-ко писал: «...капитализируя оброк, вы с тем вместе капитализируете и произвол»[33].

Говоря о проектах капитализации оброка, Вернадский спрашивал: «Не будет ли это премия тому, кто более вредил общему благосостоянию и выжимал то, на что не имел права?»[34]. В тот же период Вернадский опубликовал в «Экономисте» статью, автор которой, критикуя помещичьи проекты выкупа, писал: «...некоторые прожектеры делают такие великолепные оценки, что просто из спекуляции можно бы покупать имения и освобождать крестьян»[35].

Однако, как бы ни была развита аргументация Вернадского против помещичьей кабалы, следует помнить, что интересы рус-

[29] Указатель политико-экономический, 1859, № 108, с. 87. Характерно, что Кокорев подвергся в тот же период нападкам со стороны «Журнала землевладельцев», который считал, что Кокорев разоряет помещиков (см. статью Н. А. Никифорова «Миллиард не в тумане». — Журнал землевладельцев, 1859, т. V, № 19, отд. 3).

[30] См.: Вернадский И. Туман и миллиард.—Указатель политико-экономический, 1859, № 108, с. 88.

[31] Там же.

[32] См.: Кор-ко Е. Крестьянский вопрос. — Экономический указатель, 1858, № 65, с. 279.

[33] Указатель политико-экономический, 1859, № 128, с. 545.

[34] Вернадский И. Крестьянское дело с научной точки зрения. — Указатель политико-экономический, 1859, № 129, с. 572.

[35] Данилов Н. П. О повинностях срочно-обязанных крестьян помещику.— Экономист, 1859, т. II, кн. 3, с. 34.

ской буржуазии мало сталкивались с интересами помещиков как земельных собственников. Русская буржуазия еще не имела фермерской прослойки в сколько-нибудь значительных масштабах.

Монополия на личность крепостного в большей мере затрагивала непосредственные интересы буржуазии. Поэтому буржуа относительно радикален в требовании ликвидации личной зависимости и явно примиренчески относится к помещичьей земельной собственности. Всегда следует ясно понимать глубокое классовое различие буржуазной и крестьянской критики помещичьей земельной собственности. Либерально-примиренческий характер буржуазной критики помещичьей земельной собственности имеет свою экономическую основу.

* *

Вернадский был противником протекционизма, но отнюдь не безусловным глашатаем идей фритредерства. Это видно из его памфлета «Политическое равновесие и Англия», в котором показывалось значение провозглашенного Англией и проводимого ею фритредерства для английских колоний. Вернадский резко подчеркивал, что именно фритредерская политика способствовала одностороннему обогащению Англии за счет ее колоний, которые благодаря этому превращались в поле экономического грабежа. Однако, рассматривая фритредерство как наиболее полное развитие принципов свободной конкуренции, Вернадский именно в силу этого и отстаивал для России принцип фритредерской политики.

Он считал русскую промышленность в тот период времени не столь беспомощной, чтобы она не смогла выдержать иностранную конкуренцию. По его мнению, уже Крымская война явилась результатом столкновения экономических интересов, прежде всего Англии и России, которая начала выходить на ближневосточные рынки, нарушая тем самым монополию Англии. Между тем в экспансии России на Ближний Восток активную роль играла русская промышленность.

В том же памфлете Вернадский отстаивал интересы молодой русской промышленности. Слабость русской промышленности он видел не в том, что ее здоровая часть не сможет выдержать иностранную конкуренцию, а в том, что она не имеет необходимых условий развития внутри страны, скована феодальными монополиями, которые охраняли крепостническую промышленность в наиболее ответственных для народного хозяйства отраслях ее.

Вернадский, в отличие от его противников, выступал защитником передовых, наиболее развитых в социально-экономическом и техническом отношении форм промышленного производства. Он понимал, что рост машинного производства должен вести не к сокращению, а к расширению рынка[36]. Критикуя Сисмонди, ко-

[36] См.: Шторх Г. Указ. соч., с. 108.

торый стремился к ограничению конкуренции и употребления машин, Вернадский указывал, что Сисмонди рассуждает так, «как будто конкуренция может быть управляема и будто без машин может существовать образованное общество»[37].

Вернадский критиковал не только протекционистов, но и тех фритредеров, для которых осуществление фритредерской политики было средством увековечения аграрного характера страны.

Вернадский являлся переводчиком известной книги Л. В. Тенгоборского «О производительных силах России», хотя и считал, что эта книга «не представляет нам последнего слова в науке».

Переводя книгу Тенгоборского, Вернадский сделал ряд замечаний к отдельным положениям ее. Консерватор по своим взглядам, Тенгоборский считал, что России следует остаться аграрной страной, а промышленность должна существовать в ней в виде придатка к сельскому хозяйству, как сельская промышленность.

Полемизируя с Тенгоборским, Вернадский писал, что «Россия может с выгодою и успехом заниматься не одним земледелием»[38]. Он указывал, говоря о сельской промышленности, что «в техническом отношении она производит и менее, и хуже городской и потому уже особого покровительства не заслуживает»[39]. Тенгоборский утверждал, что Россия не в состоянии сравниться или превзойти другие страны на поприще мануфактурной промышленности и не имеет всех условий, потребных для того, чтобы «сделаться страною мануфактурною». Возражая против этого, Вернадский указывал что «затруднения для мануфактурной деятельности в России находятся не столько в природе страны, сколько в ее теперешнем положении, которое может со временем измениться. Знания и капиталы приобретаются, общественное положение лиц изменяется»[40].

В ответ на заявление Тенгоборского, что вообще нужно поощрять те отрасли промышленности, для которых почва производит в изобилии сырой материал, Вернадский указывал, что автор «ясно увлекается здесь заранее надуманной идеей. Осуждать страну на один только род промышленности и притом отдалять всякую перемену в этом роде покровительством, значит искажать научные положения». Защита фритредерства являлась у буржуазного идеолога Вернадского средством создания условий свободного капиталистического накопления.

* *
*

Вернадский уделял много внимания вопросу о роли труда в экономических явлениях. Он полагал, что

[37] Вернадский И. Очерк истории политической экономии, с. 217.
[38] См.: Тенгоборский Л. В. О производительных силах России. Перевод с дополнениями И. В. Вернадского. Ч. II., отд. II. Спб., 1858, с. 24 (сноска 2).
[39] Там же, с. 10.
[40] Там же, с. 19.

труд есть «главный и единственный источник богатства»[41]. По его мнению, труд есть необходимое условие для того, чтобы «сблизить предмет с потребностью, вследствие труда являются отношения человека к предмету и к людям, и труд делается цементом, связывающим все общество»[42].

Если первое определение не отличается оригинальностью, то вторая характеристика труда ясно выражает правильную мысль, что труд опосредствует не только отношение человека к природе, но и отношение человека к человеку.

Вернадский различал потребительную стоимость, которую он называл годностью, и стоимость, не ставя последнюю в зависимость от потребительной стоимости. Он прямо указывал, что стоимость «определяется трудом, а не годностью» и лишь поэтому делается понятным, «что есть вещи, которых стоимость больше, но годность меньше»[43].

Как известно, многие вульгарные экономисты расширяли понятие труда, а действие силы природы также называли трудом. Вернадский выступал против такого взгляда.

Вернадский отличал меновую стоимость от стоимости, называя первую ценностью: «Стоимость должно отличать, однако, от ценности. Ценность по своей природе не может быть иною, кроме меновой; потому что без мены не может быть и ценности: может быть только годность или стоимость вещи. Ценность выражает уже оценку вещи покупателем»[44].

При этом надо иметь в виду, что Вернадский выступал против всяких субъективистских трактовок ценности. Он писал, возражая Рау: «Ценность не изменяется от нашего суждения или от нашего понятия: она лежит в природе наших отношений и в свойстве самих вещей. Наше незнание, наша леность или наша небрежность, а иногда и наша гордость могут изменять цену вещей, возвышая или понижая ее; но это так же мало соответствует истинной ценности, как сумме усилий, потребных для произведения этой вещи в данный момент времени, как воровская цена или приобретение насилием»[45].

Таким образом, в вопросе о стоимости и источниках доходов Вернадский не отходил от позиций классической школы. Он говорил о Рикардо, что «этот писатель бесспорно принадлежит к замечательнейшим по политической экономии в настоящем столетии»[46] Правда, в работах Вернадского имеется немало комплиментов и по адресу Бастиа. Но в центральных пунктах теории политической экономии Вернадский не разделял взглядов Бастиа, отмечал свое несогласие с его теорией ценности, хотя и в очень

---

[41] Вернадский И. Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX века, с. 1.
[42] Шторх Г. Указ. соч., с. 33—34.
[43] Там же.
[44] Там же, с. 286.
[45] Там же, с. 288—289.
[46] Вернадский И. Очерк истории политической экономии, с. 152.

мягких формах. В своих произведениях Вернадский усердно пропагандировал положение вульгарной экономии, что все виды труда являются производительными. Он отстаивал мнение, будто бы всякого вида услуги производительны и не может быть непроизводительных видов деятельности.

Учение о производительном труде отвечает прежде всего на вопрос о том, какие виды труда создают стоимость и прибавочную стоимость, какие виды труда в состоянии увеличивать народный доход страны и затратой каких видов труда определяется величина народного дохода.

Объявляя все виды труда производительными, Вернадский пошел по проторенной дорожке вульгарной экономии. Казалось бы, если все виды деятельности производительны, то все доходы, получаемые в обществе, должны являться составными частями целого, народного дохода. Народный доход оказывался простой суммой доходов всех членов общества.

Если бы Вернадский так решал проблему народного дохода, тогда можно было бы сказать, что защита буржуазных доходов превратилась у него в вульгарную теорию народного дохода, а вместе с тем в вульгарную теорию стоимости и доходов. Но трактовка Вернадским вопроса о величине народного дохода расходится со всякого рода вульгарными построениями в этой области. «Народный доход, — писал Вернадский, — состоит в массе новых годностей, появившихся в стране в известный период времени, или есть то увеличение, которому подверглись все ценности страны в течение известного времени вместе с теми вещностями, которыми получили ценность впервые. Следовательно, не всякий частный чистый доход может входить в состав его: весь доход от владения, как такой, исключается из него, хотя он входит в счет под иной рубрикой»[47].

Мысль Вернадского состоит в том, что величина народного дохода определяется увеличением ценности «вещностей», в которых заключено и то, что составляет «доход от владения». Последний не должен учитываться особо как самостоятельный источник; он представляет собой часть увеличения ценности и уже учтен.

Вернадский исключает из народного дохода не только доходы от владения, поскольку они уже учтены в производстве, но и услуги. Заявляя неоднократно, что любые услуги так же производительны, как и труд, занятый в сфере материального производства, Вернадский вместе с тем пишет: «Нельзя согласиться... с теми, которые к народному доходу причисляют нематериальные услуги, сделанные в течение времени. Такие услуги полезны, способствуя увеличению производства в стране, но их непосредственная производительность сливается с материальным производством, в ценности которого необходимо заключается и ценность невещественного труда, при произведении его действовавшего»[48].

---

[47] Вернадский И. Проспект политической экономии, с. 48.
[48] Там же.

Таким образом, на место производительности услуг он ставил их полезность, отрицая способность услуг к самостоятельному созданию стоимости.

Представляет интерес характеристика денег, данная Вернадским в связи с анализом развития экономических теорий.

С большим сочувствием он приводил мнение Верри о том, что деньги — всеобщий товар. Вернадский понимал формальную потребительную стоимость денег. Приводя мнение Беллони о том, что благородные металлы приняли за деньги, так как они могут «доставить житейские потребности и житейские удовлетворения», Вернадский обвинял Беллони в забвении того, что «последнее свойство лежит в них не как в металле, а именно как в деньгах, и что каждый род денег, если даже он и не состоит в драгоценном металле, необходимо имеет его» [49].

Из факта существования формальной потребительной стоимости денег Вернадский не делал вывода о сущности денег в номиналистическом духе. Излагая взгляды Дженовези, Вернадский писал: «Вмешательство общественной власти в определение ценности денег он считает вредным, так как ценность их определяется сама собою, с чем нельзя не согласиться» [50].

Сочувствуя критике номиналистической теории денег в ее варианте государственной теории денег, Вернадский критиковал и другие номиналистические оттенки в теории денег.

Рассматривая взгляды Беллони, он указывал, что Беллони называет деньги мерой товаров, и возражал против этого мнения. Он полагал, что деньги «есть нечто более, нежели только мера товаров». Он отмечал, что деньги обладают внутренней стоимостью, а взгляд, что ценность денег «неизменна и постоянна», представлялся ему совершенно ложным [51].

Анализируя теорию денег Верри, Вернадский утверждал, что изменение цен этот автор совершенно правильно считал «зависящим от запроса и предложения» [52]. Но когда Верри этот же закон распространял на деньги, то Вернадский признавал такой взгляд ошибочным, противоречащим взгляду самого Верри, считавшего деньги всеобщим товаром. Вернадский указывал, что если распространять этот закон на деньги, то получится, что и деньги («всеобщий товар») должны подвергнуться тогда общему закону определения цен, т. е. «будут тем более стоить, чем более желающих купить их, чем более покупщиков, и тем менее, чем более продавцов сего товара» [53].

Приведенное положение показывает понимание Вернадским того, что если товарные цены зависят от количества товаров, то в условиях металлического обращения они не зависят от количе-

---

[49] Вернадский И. Критико-историческое исследование об итальянской политико-экономической литературе до начала XIX в., с. 35.
[50] Там же, с. 51.
[51] Там же, с. 35.
[52] Там же.
[53] Там же, с. 60.

ства денег. Этот правильный взгляд, истоки которого восходят к Стюарту, был, как известно, научно развит и обоснован только Марксом.

Вернадский понимал, что знаки стоимости имеют свои специфические законы обращения, отличные от законов обращения как полноценных, так и кредитных денег.

* *
*

Как типичный буржуазный экономист, Вернадский являлся противником социализма, объявлял его продуктом заблуждения. Он демагогически обвинял социалистов в недостаточном знакомстве «с природой человека и с природой вещей» [54]. Успехи социалистического учения он объяснял ростом пауперизма.

Социалистические учения, по Вернадскому, не везде могут пользоваться успехом. «Социализм есть необходимое явление, следующее за пауперизмом, как сознанным убожеством целого класса народа, но поэтому, естественно, где нет последнего, там нет никакой опасности распространения первого» [55]. Спасение от социализма Вернадский искал в том, чтобы избежать тех условий, которые способствуют появлению социалистических идей. Эта иллюзия буржуа была естественна в стране, где капиталистический строй не вполне обнаружил еще свои неразрешимые противоречия.

Полемика Вернадского против Чернышевского по вопросу об общинном землевладении по своему существу была борьбой буржуазного экономиста, боящегося социализма, против теоретика и пропагандиста социализма. Энергия, проявленная Вернадским в этой полемике, была вызвана не заботой о той или иной форме крестьянского землевладения, а стремлением не допустить распространения социалистических идей в России даже в самой элементарной форме.

Полемика Вернадского против Чернышевского была начальной формой выражения антисоциалистической направленности идеологии русской буржуазии. Поскольку крестьянская демократия в России была слита воедино с социализмом, постольку буржуазные идеологи и крестьянские демократы выступали как идеологические антиподы.

* *
*

Литературная деятельность Вернадского продолжалась около трех десятков лет. Если до реформы 1861 г. Вернадский акцентировал на критике крепостничества

---

[54] Вернадский И. Очерк истории политической экономии, с. 221.
[55] Там же.

и всех добуржуазных форм производства, то в пореформенный период (что особенно видно в его заметках на книгу Шторха) основное внимание он уделял защите буржуазного экономического порядка, воспеванию его и соответствующей ему классовой структуры общества.

Последующее развитие капитализма привело к иссяканию критической струи в творчестве Вернадского, что было неизбежно для него как буржуазного экономиста. Сама критика крепостничества со стороны буржуазно-либеральных экономистов резко отличалась от той критики крепостничества, которую развивала революционная демократия. Критика крепостничества Вернадским была либерально-реформаторской в противоположность проповеди революционной расправы с крепостничеством, с которой выступила крестьянская демократия.

Различие классовых интересов буржуазии и крестьянства давало себя знать в содержании теории и в глубине вскрытия внутренних противоречий крепостничества как эксплуататорского строя.

Крестьянство, как класс угнетенный, было заинтересовано в наиболее полной ликвидации всех остатков крепостничества, и его идеологи смело могли замахиваться на все формы эксплуатации.

Классовая природа критики Вернадским крепостничества вполне закономерно вела к апологии им не только капитализма, но и тех остатков крепостничества, которые принимали буржуазную форму. Буржуазия была заинтересована в борьбе против крепостничества во имя смены господства помещиков господством буржуазии. Она заменяла один вид угнетения другим. Поэтому буржуазные идеологи боялись движения масс. Развитие классовых противоречий буржуазного общества все больше выдвигало на первый план борьбу буржуазии против пролетариата, порожденного развитием капитализма. Отсюда понятны вульгарные мотивы апологии капитализма Вернадским, особенно резко выраженные у него к концу жизни. Эволюция Вернадского предвосхищает эволюцию всего буржуазного либерализма, который чем дальше, тем больше порывал с демократией и ко времени революции 1905 г. превратился в контрреволюционный либерализм, объединивший идеологов и буржуазии и помещиков.

В кн.: История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., Соцэкгиз, 1958.

Раздел четвертый

Система экономических взглядов Н. Г. Чернышевского

Экономическая теория Н. Г. Чернышевского — вершина экономической науки домарксового периода

Экономические идеи Чернышевского находятся в неразрывной связи с его философскими, политическими, социологическими и историческими взглядами. Многие произведения Чернышевского могут рассматриваться одновременно как экономические и философские, экономические и исторические и т. п. Вместе с тем очень велика и та часть литературного наследства, которая посвящена специально экономическим вопросам.

Чернышевский откликался на самые актуальные с точки зрения борьбы классов вопросы практики и теории. Единство теории и практики, характеризующее все творчество Чернышевского, особенно ярко бросается в глаза при обзоре его экономических произведений. Трудно указать работу Чернышевского, в которой в той или иной мере не подвергаются критике крепостное право и крепостная экономика. Специально критике системы крепостничества посвящены «Заметки по поводу статьи Бланка «Русский помещичий крестьянин» Безобразова», «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь И. Бабста»; «О новых условиях сельского быта»; «Леность грубого простонародья».

При крепостном праве и в условиях его ликвидации поземельные отношения играют очень важную роль. Анализу земельных отношений посвящено большое количество работ Чернышевского.

Одной из наиболее ранних экономических работ является статья, посвященная книге А. Львова «О земле, как элементе богатства», в которой Чернышевский отметает апологетический вздор Львова о земельной ренте, защищает теорию дифференциальной ренты Рикардо и вместе с тем констатирует наличие ренты и на худшем участке.

Среди работ, посвященных критике помещичьей земельной собственности, защите общинной земельной собственности, обоснованию программы экономических преобразований, необходимых в России, особенно большое значение имеют следующие работы Чернышевского: «Славянофилы и вопрос об общине»; «Опыт изложения главнейших условий успешного сельского хозяйства Струкова»; «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях России барона Августа Гакстгаузена»; «О поземельной собственности»; «Ответ на замечания г. Провинциала»; «Критика философских предубеждений против общинного владения», «Суеверие и правила логики» и ряд других.

Большое место в своей деятельности Чернышевский отводит разоблачению помещичьих условий «освобождения» крестьян. Он систематически помещает в «Современнике» свои «Библиографии журнальных статей по крестьянскому вопросу», в которых критикует крепостнические и либеральные проекты закабаления крестьян, проповедовавшиеся в органах печати. Исключительное значение имеют для этого периода его работа «Труден ли выкуп земли?», а также «Материалы для решения крестьянского вопроса», в которых разоблачается грабительский характер подготавливавшихся проектов освобождения крестьян.

Особое место занимают «Письмо из провинции» и «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Как бы ни был решен спор об авторстве этих произведений, безусловно, что в них заключены революционные идеи Чернышевского, его борьба против либералов, его мысли о необходимости подготовки революционного восстания против самодержавия.

В «Письмах без адреса» Чернышевский дал глубокий анализ реформы 1861 г., вскрыл ее сущность, классовое содержание.

Для понимания позиции Чернышевского в период падения крепостного права важное значение имеют такие художественные произведения, как «Пролог» и «Алферьев».

Критику буржуазной политической экономии, вульгарного воспевания принципов свободной конкуренции находим в работах Чернышевского: «Понятия Гопкинса о народном хозяйстве», «Тюрго», «Молинари. Курс политической экономии», «Политико-экономические письма к президенту Американских Соединенных Штатов» Г. К. Кэри», «Начала народного хозяйства» В. Рошера», «Экономическая деятельность и законодательство». Особое место занимает работа «Капитал и труд», в которой он прямо и открыто противопоставил теории капиталистов теорию трудящихся.

Наиболее крупными экономическими произведениями Чернышевского являются «Примечания к „Основаниям политической экономии“ Д. С. Милля» и «Очерки из политической экономии (по Миллю)». В этих работах дана развернутая критика капитализма и всех эксплуататорских экономических систем, а также критика буржуазной политической экономии. В них Чернышевский обосновал социализм как единственный строй, который может

обеспечить подъем благосостояния трудящихся и наибольший рост производства. Эти работы имел в виду Маркс, когда писал, что Чернышевский мастерски показал банкротство буржуазной политической экономии.

Для понимания социалистических идей Чернышевского огромное значение имеет его широкоизвестное произведение «Что делать?».

1

Задачи экономической теории, ее предмет и метод. О классовом характере экономической науки. Критика буржуазного определения предмета политической экономии

Можно сказать без преувеличения, что не было ни одной проблемы политической экономии, которая бы не подвергалась Чернышевским изучению и анализу. Он рассматривал экономические отношения не только капитализма, но и феодализма. В работах Чернышевского содержится также его понимание социалистической экономики. Наконец, большое внимание уделил он анализу мелкого крестьянского хозяйства.

В процессе разработки проблем политической экономии Чернышевский подверг рассмотрению воззрения теоретиков и идеологов различных способов производства. В его работах имеется глубокая критика крепостнической идеологии, воззрений открытых и скрытых крепостников. Особенно развернутому и острому анализу подвергнута им политическая экономия буржуазии. В работах Чернышевского мы находим также глубокий анализ разных форм утопического социализма: от мелкобуржуазного, псевдосоциалистического, до высшей его формы — английского утопического социализма.

Чернышевский стремится выявить мировоззрение каждой школы, показать классовую основу, историческую роль, значение их для решения тех задач, которые стоят перед наукой. Наконец, в его работах содержатся и специальный анализ проблем методологии, и многочисленные высказывания по вопросам метода политической экономии.

Трудно найти такую область политической экономии, в которой Чернышевский не поднялся бы выше своих предшественников.

Обогатив себя знанием огромного опыта развития России, Западной Европы и Америки, впитав все передовое, что дало человечество в области общественных наук, в особенности экономических, до марксизма, Чернышевский творчески применил добытые им знания для решения больших исторических задач, стоявших перед освободительным движением в России. Именно творческое

решение этих задач позволило ему двинуть вперед экономическую науку во всех ее звеньях и разделах.

* *
*

Система экономических воззрений Чернышевского носит острокритический характер. Она направлена на критику всех эксплуататорских форм общества и защищающих их систем политической экономии.

Классовая позиция Чернышевского, его глубокий революционный демократизм, социалистическое мировоззрение предопределяли подход к задачам науки вообще, политической экономии — в особенности.

Задача политической экономии, по Чернышевскому, заключается в том, чтобы помочь преобразовать действительность, заменить общественный строй, покоящийся на эксплуатации, строем, свободным от эксплуатации. Принцип служения науки практике, преобразованию общества является у Чернышевского выражением его революционного подхода к задачам науки.

Чернышевский четко формулирует важное положение о классовом характере науки в классовом обществе. Из различия интересов общественных классов Чернышевский выводит и неизбежность различного понимания задач политической экономии идеологами разных классов. Он убедительно показывает, что задача политической экономии капиталистов заключается в том, чтобы оправдывать существующие экономические порядки. Этому Чернышевский противопоставляет задачу защиты интересов трудящихся.

Буржуазная политическая экономия подвергалась и до Чернышевского критике как на Западе, так и в России. Западноевропейские социалисты-утописты, а в России Герцен и другие, указывали на своекорыстный характер буржуазной политической экономии. Однако никто до Чернышевского не сформулировал положение о классовом характере буржуазной политической экономии, не поставил сознательно задачи создания политической экономии трудящихся. В России он впервые выдвинул положение о существовании двух политических экономий, представляющих интересы противоположных классов.

* *
*

Установив различие классовых задач экономической теории капиталистов и теории трудящихся, Чернышевский показывает, что различное понимание задач предопределяет и разное понимание предмета политической экономии. Он подвергает глубокой критике буржуазное определение предмета политической экономии.

Чернышевский указывает, что буржуазная политическая экономия считает предметом политической экономии богатство. Между тем, отмечает он, понятие богатства не вполне определенно. В обыденной жизни понятие богатства применяется для определения различий в имущественном положении. Говоря о богатстве в этом смысле, Чернышевский писал: «Богатство — понятие чисто относительное, в нем нет самостоятельной внутренней мерки для предмета, а есть только вывод о превосходстве над другими сравниваемыми предметами»[1]. Разъясняя смысл обыденного представления о богатстве, Чернышевский говорил: «В житейском языке богатство относится не к качеству, а исключительно к количеству вещей»[2]. Точка зрения, на которую сбиваются буржуазные ученые, есть поверхностная точка зрения, мешающая вскрытию сущности экономических явлений и могущая служить лишь оправданию существующих отношений.

Вместе с тем Чернышевский пишет, что «наука понимает под богатством сумму вещей полезных или приятных, имеющих меновую ценность. Тут, как видим, дело состоит в качестве вещей, а не в их количестве; когда их много, богатство велико; когда их очень мало, богатство очень мало, но оно все-таки богатство, как золото все-таки золото, хотя бы его была одна блестка, не стоящая гроша»[3].

Чернышевский отмечает, что эти два понятия богатства постоянно смешиваются учеными школы Смита, вследствие чего задача увеличения богатства получает совершенно разный смысл.

Смысл полемики Чернышевского с буржуазными экономистами (в данном случае — с Миллем) по вопросу о понятии богатства заключается в том, чтобы противопоставить политической экономии буржуазии политическую экономию трудящихся, установить, что школа Смита практически придерживается не научного определения богатства, а такого, которое придает богатству относительный смысл.

Вскрывая противоречия, которые проистекают из двоякого определения богатства, Чернышевский пишет: «Формы распределения, требуемые понятием о богатстве как о превосходстве одних над другими, несовместны с формами производства, проистекающими из понятия о богатстве, как о состоянии положительном, измеряемом потребностями человека, а не превосходством его по имуществу над другими. Смитовская теория запутывается в этом разноречии»[4]. По-видимому, под формами распределения, требуемыми понятием о богатстве «как о превосходстве одних над другими», Чернышевский подразумевал существующие в буржуазном обществе формы распределения, а под «формами производства, проистекающими из понятия о богатстве, как о состоянии поло-

[1] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, с. 29.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 31.

жительном, измеряемом потребностями человека», — социалистические формы производства.

Таким образом, Чернышевский, раскрывая внутреннее противоречие буржуазной политической экономии, обнаруживает ее апологетический характер.

Анализ проблемы богатства не имел для Чернышевского самодовлеющего значения. Он вскрыл специфически буржуазное понимание богатства, как имеющее целью доказать, что «громадная разница между членами общества по имуществу есть нечто непременное, неизбежное, безусловно-истинное»[5].

Этому буржуазно-апологетическому пониманию Чернышевский противопоставляет представление о богатстве, как о «состоянии положительном, измеряемом потребностями человека, а не превосходством его по имуществу над другими»[6]. Такое определение богатства является, по его мнению, абсолютным определением богатства. Оно совпадает с понятием благосостояния, масштаб которому «дается природою человека»[7].

Буржуазное понимание богатства служит оправданием имущественного неравенства. В действительности же, по Чернышевскому, богатство должно измеряться потребностями человека. Такое понимание вопроса представляет собой выражение антропологизма, но оно содержит в себе, несомненно, и определенный рациональный элемент. Чернышевский показывает, что для буржуазных экономистов задача науки — в оправдании богатства одних, покупаемого нищетой других. Если богатство состоит в том, чтобы одни богатели, а другие нищали, то задача науки заключается в том, чтобы способствовать этому неравенству. Но тогда политическая экономия есть наука не о богатстве, а об обогащении.

Так выявляется классовая задача буржуазной политической экономии. Чернышевский не ограничивается критикой буржуазного определения задач науки, а дает и позитивное решение.

Определение политической экономии как науки о богатстве Чернышевский предлагает заменить другим: «Политическая экономия есть наука о материальном благосостоянии человека, насколько оно зависит от вещей и положений, производимых трудом»[8].

Задача науки, говорит Чернышевский, состоит в том, чтобы найти такую форму отношений, которая обеспечила бы материальное благосостояние людей. Это определение служило орудием борьбы против идеологии господствующего класса, способствовало развертыванию революционной критики существовавшего строя.

Критика Чернышевским буржуазных определений богатства не исчерпывает его полемики с буржуазными экономистами по вопросу о предмете политической экономии. Чернышевский показы-

[5] Там же, с. 30.
[6] Там же, с. 31.
[7] Там же, с. 29.
[8] Там же, с. 31.

вает, что буржуазная политическая экономия концентрирует свое внимание на отношениях обмена и придает им определяющее значение. Он отмечает, что преклонение перед обменом характерно для всех школ буржуазной политической экономии, и метко выявляет единство меркантилистов и их критиков из школы Смита. Полемика смитовской школы против меркантилизма, давно сошедшего со сцены, пишет Чернышевский, означает, что смитовская теория «страдает сама меркантильным недугом, засевшим в ее костях». Меркантильная доктрина «придает слишком большую важность деньгам, как средству обмена. Посмотрите же на теорию Смита: она придает такую же чрезвычайную и исключительную важность самому обмену»[9].

Действительно, Смит считает обмен исходной основой разделения труда, результатом естественной склонности людей к нему. Для буржуазной политической экономии характерно стремление завуалировать основное производственное отношение буржуазного общества — эксплуатацию капиталистом наемных рабочих — путем выдвижения на передний план отношений обмена. Между тем последние, во-первых, не являются специфическими только для капитализма; во-вторых, отношения обмена маскируют отношения эксплуатации и представляют отношения между капиталистом и наемным рабочим как эквивалентные, дают возможность отождествить отношения простого товарного производства и капитализма; в-третьих, отношения обмена являются необходимым условием достижения цели капиталистического производства — увеличения стоимости денег.

Поскольку буржуазная политическая экономия воспевает обмен с целью провозглашения буржуазных экономических отношений в качестве естественных форм, постольку критика Чернышевским «меркантильного недуга» смитовской школы, взгляда, что обмен является якобы «живительным началом, без которого не было бы возможно почти никакое производство»[10], имеет серьезное научное значение, способствует выявлению ограниченности буржуазных представлений о предмете политической экономии.

Чернышевский справедливо бросает буржуазной политической экономии обвинение в том, что она игнорирует коренные экономические проблемы. К их числу он относит прежде всего нищету, порождаемую развитием капитализма.

Чернышевский отмечает, что Милль в очерке экономической истории, в котором он много внимания уделяет прогрессу, в особенности со времени появления среднего сословия, лишь упоминает о классах, находящихся в величайшей бедности, аналогичной бедности дикарей.

«В таком равнодушии, — пишет Чернышевский, — виноват не Милль; нет, он еще гораздо лучше всех других последователей смитовской школы. Виновата теория этой школы, построенная

---

[9] Там же, с. 33.
[10] Там же.

так, что в ней нет места для факта, ставшего теперь повсюду главным двигателем истории»[11].

Чернышевский имеет в виду здесь не только самый факт обнищания непосредственных производителей, а и то, что последние приходят к сознанию возможности изменения своего положения. Таким образом, двигателем истории оказывается класс, который имеет твердую мысль о возможности ликвидации своего нищенского положения. В этих условиях несостоятельность буржуазной политической экономии становится особенно очевидной.

Чернышевский подчеркивает, что буржуазия и ее идеологи пытались представить свои теории как теории, выгодные всему народу. «Средний класс, которому принадлежит смитовская теория, думал тогда, что простолюдину ничего особенно не нужно, что полным счастием для народа будет то, когда ему, среднему классу, удастся осуществить свои требования»[12].

Чернышевский указывает, что прошло время, когда подобными уверениями затемнялось сознание трудящихся. «Теперь, — пишет он, — оказалось иное; простолюдины находят, что для прочного улучшения их состояния нужны вещи, которые не нужны среднему сословию, которые во многом даже несовместны с выгодами среднего сословия»[13]. Именно в этих требованиях трудящихся, угрожающих среднему сословию, Чернышевский видит причину апологетических стараний буржуазной политической экономии. Среднее сословие «испугалось этих новых требований; борясь против них в жизни, оно старается опровергнуть их в теории»[14].

Задачи и предмет политической экономии

Правильно противопоставляя интересы эксплуататоров и эксплуатируемых не только в непосредственных экономических отношениях, но и в области теории, сам Чернышевский, однако, не избежал смешения задач экономической теории и ее предмета.

Он учил, что политическая экономия должна служить делу улучшения положения трудящихся. Это правильный демократический тезис; но есть глубокое различие между тем, чему служит наука, и тем, что является ее объектом.

Конечно, политическая экономия должна помочь политике. В этом ее значение, служебная роль. Но она помогает не тем, что дает рецепты действий, а тем, что открывает объективные законы, не зависящие от воли и сознания людей. Использование этих законов людьми выходит за пределы политической экономии, хо-

[11] Там же, с. 35.
[12] Там же.
[13] Там же, с. 35—36.
[14] Там же, с. 36.

тя, понятно, смысл изучения законов заключается в том, чтобы, познав законы, использовать их.

Чернышевский в меньшей мере, чем буржуазные экономисты, подчеркивал объективность экономических законов. И это понятно. Социализм не существовал еще, он еще должен был наступить. Что же касается капитализма или крепостничества, то до тех пор, пока не был открыт закон экономического развития как закон смены способов производства, признание объективности законов этих форм производства было равнозначно признанию их вечности.

Буржуазная политическая экономия так и поступала. Она объявила законы буржуазной экономики объективными и вместе с тем вечными. Но если вечность и объективность слиты воедино, тогда, естественно, основой этих законов объявляются не исторические условия, а природа человека, его разум.

До тех пор, пока не был открыт закон смены одного экономического строя другим, преодоление буржуазной догмы о вечности законов буржуазной экономики возможно было только путем критики того «разума», на который опирались буржуазные экономисты. Поэтому буржуазные отношения объяснялись Чернышевским противоречащими разуму и подлежащими замене другими отношениями. Задача сводилась к тому, чтобы найти другие отношения, действительно соответствующие требованиям разума.

Правильно вскрывая, что определения буржуазными экономистами предмета политической экономии содержат в себе апологию буржуазной экономики, увековечение существующих экономических порядков, Чернышевский говорил вместе с тем, что «экономическая наука — медицина экономического быта»[15].

При таком определении политической экономии она выступает как наука, которая должна предписывать соответствующие мероприятия. Однако для оценки исторической роли этого определения решающее значение имеет то, какой смысл вкладывал Чернышевский в понятие «медицина экономического быта».

Чернышевский отнюдь не собирался врачевать язвы эксплуататорского общества. Он понимал, что язвы неизбежны при этом строе. Его мысль направлена на то, чтобы создать условия, при которых социальные болезни не будут появляться. У Чернышевского речь идет, следовательно, о науке, которая должна помочь коренному изменению экономических условий жизни общества. Но в таком случае независимо от формально-экономических и методологических недостатков определения экономической науки как «медицины экономического быта» на передний план выступает революционное ядро этого определения. Оно направляет политическую экономию на критику основ существующего общественного строя, мобилизует на ликвидацию всех систем эксплуатации одних людей другими, играет исторически прогрессивную роль в борьбе общественных классов.

[15] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). — Полн. собр. соч., т. IX, с. 569.

Когда Чернышевский определяет политическую экономию как медицину экономического быта, как науку о материальном благосостоянии людей, он исходит из того, что материальное благосостояние людей может быть обеспечено не при всякой форме экономического строя общества. Для решения задачи подъема материального благосостояния людей необходимо изменение системы экономического быта.

На первый взгляд кажется, что Чернышевский не видит коренных различий между способами производства и сводит различие между ними лишь к форме распределения. Вслед за Миллем он объявляет, что формы производства независимы от формы общества.

«Рутинные политико-экономы выставляют все части экономического быта одинаково не зависящими в своих основных чертах от соображений человека о лучшем устройстве человеческого быта. На самом же деле принципы только одной части экономического быта, именно производства, налагаются на человека с необходимостью физических законов; остальные же элементы экономического быта устраиваются уже самим человеком и вполне подлежат власти исторических обстоятельств. Разъяснением этой важной разницы теории производства от теории распределения и обмена начинает Милль 2-ую книгу своего трактата»[16].

Если исходить из этого и подобных других высказываний Чернышевского, то покажется, что разные формы экономического быта отличаются, по Чернышевскому, друг от друга только формой распределения. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясным, что, когда Чернышевский говорит о неизменной форме производства, он имеет в виду производство как отношение человека к природе, а не как отношение человека к человеку.

В действительности в системе Чернышевского распределение не занимает определяющего положения, и он не считает предметом политической экономии только распределение. В этом отношении во взглядах и системе Чернышевского есть нечто аналогичное системе Рикардо, который также формально объявляет предметом политической экономии распределение, в действительности же, как указывает Маркс, является прежде всего экономистом производства.

Если мы обратимся к анализу Чернышевским разных форм экономического быта, то увидим, что он всегда подчеркивает прежде всего различия между ними по форме собственности. Но, поскольку Чернышевский рассматривает вопрос о собственности в связи с проблемой распределения, он акцентирует на распределении прежде всего средств производства.

В исторических условиях борьбы за ломку феодальной собственности выдвижение в проблеме распределения на передний план отношений собственности играло прогрессивную роль; оно приковывало внимание к основе феодального строя, к проблеме ее ликвидации. Какую бы форму общества Чернышевский ни рассмат-

[16] Там же, с. 338.

ривал, будь то крепостничество, капитализм или социализм, он видит прежде всего особенности в формах собственности. Когда Чернышевский ставит вопрос об условиях, при которых материальное благосостояние может быть изменено в пользу трудящихся, он всегда ставит вопрос об изменении отношений собственности.

Ему прекрасно известно, что крепостническая форма производства предполагает собственность крепостников-помещиков на землю, а капитализм предполагает, что средства производства находятся в руках капиталистов. Наконец, говоря о социализме, он утверждает, что собственность на землю и на другие средства производства должна принадлежать трудящимся. Мелкое самостоятельное производство он мыслит только при наличии определенных форм собственности.

Главные отличия, которые проистекают из разных форм собственности, Чернышевский видит прежде всего в различии результатов производственной деятельности, т. е. производительности труда. Таким образом, при характеристике различных форм «экономического быта» Чернышевский по существу не только не игнорирует формы и характер производства, но всегда направляет свое внимание прежде всего именно на них. Формально Чернышевский объявляет производство неизменной, надысторической категорией, по существу же он подвергает анализу разные исторические формы производства, основу которых он фактически видит в формах собственности.

Объявить действительный объект своего исследования — производство — главным предметом политической экономии Чернышевскому мешает то, что он не дошел до понятия способа производства. Раз нет этого понятия, то роль каждого данного исторического способа производства не вскрыта, не вскрыто значение его развития. В этих условиях центральная задача неизбежно сводится лишь к критике данной системы экономического быта, к выявлению ее пороков. Последние наиболее очевидно обнаруживаются в сфере распределения, поэтому формально распределение и объявляется Чернышевским главной сферой, главным объектом политической экономии, хотя фактически весь механизм распределения Чернышевский показывает путем анализа форм производства.

Из определения Чернышевским политической экономии как «медицины экономического быта» можно сделать вывод, что, по его мнению, объективный характер имеют лишь законы производства, в то время как законы распределения «устраиваются уже самим человеком». Но такой вывод был бы неправильным. Речь идет не о том, что законы распределения вообще не являются объективными законами. Раз законы распределения зависят, по Чернышевскому, от форм собственности, то ясно, что не от усмотрения людей зависят эти законы. Формы распределения сами по себе не являются продуктом свободного выбора людей. Однако формы собственности могут быть продуктом свободного выбора общества — такова позиция Чернышевского.

Рассматривая различные формы собственности, Чернышевский настойчиво пытается найти их материальную основу. Правда, некоторые из них он находит несоответствующими разуму и общественной пользе; тем не менее он считает необходимым выяснить, почему они существуют. Наконец, Чернышевский стремится установить известное соответствие между определенными формами собственности и характером, как он выражается, «производительных процессов».

Экономические отношения не являются произвольными, они зависят от формы собственности на средства производства. Чернышевский стремится найти закономерную основу их смены. В работе, посвященной критике философских предубеждений против общинного землевладения, он пытается выяснить закономерную картину исторической смены форм собственности. При обосновании диалектических переходов Чернышевский высказывает ряд материалистических положений. Однако в целом диалектика исторического развития не получила материалистического фундамента.

Несмотря на то что Чернышевский не смог освободиться от исторического идеализма, что особенно проявилось в его методологических высказываниях, при анализе отдельных категорий и явлений у него обнаруживалась материалистическая тенденция выявления закономерной основы экономических отношений.

В мысли Чернышевского, что человек может изменить условия своего «экономического быта», не заключено ничего ненаучного. Недостаток взглядов Чернышевского заключается в том, что он противопоставляет эту возможность изменения «экономического быта» якобы невозможности изменения других явлений — явлений производства, которые будто бы навязываются человеку «с необходимостью физических законов». В действительности условия «экономического быта» подлежат изменению в результате действия определенных законов. Между тем Чернышевский возможность изменения условий «экономического быта» противопоставляет явлениям, которые подчинены действию законов. Это и ведет к тем противоречиям, которые имеются в воззрениях Чернышевского: с одной стороны, он пытается найти закон развития человеческого общества, а с другой, считает, что изменения в человеческом обществе есть дело выбора человека.

В системе Чернышевского мы находим не только элементы политико-экономического анализа, который отражает объективные экономические процессы, происходящие в действительной жизни, независимо от воли и сознания людей, но и советы о том, как надо изменить существующие отношения. Поскольку эти советы опираются на анализ объективных экономических процессов, они не противоречат научности экономического анализа и являются вполне правомерным и необходимым элементом воззрений революционного теоретика, для которого теория есть орудие преобразования практики.

Воззрения Чернышевского явились наиболее зрелым выраже-

нием антикрепостнической борьбы, которую вело крестьянство в России. Революционные устремления Чернышевского толкали его на путь признания возможности изменения условий общественного развития. Всякая революционная теория должна исходить из такой возможности. Без этого признания нет и не может быть революционной теории, революционного действия. Люди могут воздействовать на условия своего экономического быта, изменять его, но эти изменения происходят не в противоречии с законами общественного развития, а в соответствии с ними. Стремление к изменению экономического быта может рассчитывать на успех лишь тогда, когда оно находится в соответствии с объективными экономическими закономерностями развития общества. Само революционное действие должно рассматриваться как закономерное отражение требований материальной жизни общества, и его успех зависит прежде всего от того, насколько оно соответствует закономерностям общественного развития. Такой взгляд означает материалистическое понимание истории. Хотя Чернышевский был ограничен историческими условиями эпохи, в которой сложилось его мировоззрение, он продвинулся в этом направлении дальше всех социалистов домарксова периода. Чернышевский вновь и вновь возвращается к проблеме закономерностей смены общественных форм. Он обращает свои взоры к орудиям труда, характеру «производительных процессов» и к борьбе классов.

Каково историческое значение положения Чернышевского о том, что изменение общественных отношений зависит от самих людей? В конкретных условиях России рассматриваемого периода это положение заключало в себе историческую правду. Оно не только не противостояло задачам классовой борьбы угнетенного крестьянства, но и способствовало правильному решению его исторических задач, ибо постановка вопроса, данная Чернышевским, толкала на путь революционного действия. Ближайшей задачей, стоявшей перед крепостным крестьянством как классом, было революционное уничтожение феодальных отношений. Эта революционная задача крестьянства отвечала интересам и всего общественного развития, вытекала из объективного закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Именно из этого закона вытекала в период кризиса крепостного хозяйства необходимость уничтожения тех отношений собственности, на которых покоилось крепостничество. Таким образом, утверждение Чернышевского о том, что экономические отношения людей могут быть изменяемы самими людьми, было исторически прогрессивным. Оно звучало революционно и помогало освободительной борьбе крестьянства России.

Поскольку Чернышевским делался упор на изменение отношений собственности, его учение о возможности изменений общественных отношений было большим шагом вперед по сравнению с позицией английской классической школы политической экономии, разоблачало апологетику капитализма вульгарной буржуазной политической экономией.

Заслуга английской классической школы политической экономии заключалась в том, что она, в противоположность меркантилистскому тезису о прямой зависимости экономического развития от экономической политики, выработала положение об объективности экономических законов, о независимости этих законов от воли и желаний людей. Но классическая школа объявила эти законы вечными и неизменными. Вслед за этим вульгарная политическая экономия объявила их еще и гармоничными, идеальными. Великая заслуга утопического социализма заключается в критике буржуазной догмы о том, что буржуазные экономические отношения являются якобы вечными отношениями, соответствующими природе человека. Подрыв этой догмы имел огромное значение. Однако идеологи западноевропейского утопического социализма, описывая будущие формы социалистического устройства общества, не делали вывода о необходимости революционной смены отношений собственности.

Выставляя положение о возможности изменений общественных отношений, отношений собственности, Чернышевский по существу критикует буржуазный тезис о вечности и неизменности экономических законов капитализма. И хотя вместе с этим тезисом он как бы опрокидывает и тезис об объективности экономических законов, его критика буржуазной догмы о вечности и неизменности экономических законов, экономических отношений капитализма играла прогрессивную роль. Она была ступенью на пути к утверждению мысли об историчности, изменяемости объективных экономических законов. Хотя открытие этого исключительно важного положения выходит уже за пределы системы Чернышевского, своей критикой буржуазной догмы о вечности и неизменности буржуазных экономических законов он помогал движению науки вперед.

Это продвижение Чернышевским науки вперед осуществляется по следующим направлениям.

Во-первых, подрывается догма о вечности буржуазных экономических законов и отношений.

Во-вторых, Чернышевский стремится доказать не только разумность социалистических экономических порядков и неразумность капиталистических, но и то, что развитие общества вообще идет от низших форм к высшим, что это развитие связано с изменениями в самом материальном производстве. Последнее не является для него конечной причиной, но различные ступени материального производства допускают неодинаковые формы общественных отношений.

Чернышевский объясняет возможность существования тех или иных экономических отношений характером «производительных процессов».

Понятие «производительного процесса» не получило у Чернышевского вполне определенных очертаний. Производительные процессы не являются у него творцом определенных форм экономических отношений. Однако мысль Чернышевского бьется в направ-

лении поисков материалистического решения закономерностей смены экономических форм. Так, например, стремясь обосновать разумные формы экономических отношений, социалистические формы, Чернышевский иногда связывает их укрепление с определенным типом производительных процессов, с наличием определенной системы орудий труда.

В-третьих, самую смену крепостнических отношений Чернышевский рассматривает как результат революционных действий масс и в этом смысле как закономерный процесс.

В оценке роли трудящихся в процессе исторического развития общества Чернышевский поднялся над социалистами-утопистами. Как известно, западноевропейский утопический социализм связывал освобождение трудящихся не с деятельностью самих трудящихся, а с убеждением прежде всего господствующих классов. В противоположность им Чернышевский заявляет: «Кто не предъявляет своих требований, о том никто не заботится»[17]

Чернышевский сделал шаг вперед не только по сравнению с утопическим социализмом, который не видел в пролетариате и трудящихся никакой силы исторического движения и был далек от революционных методов осуществления своих идеалов, но и по сравнению со своими предшественниками в рядах русских мыслителей, развивавшими идею революционного уничтожения крепостничества. Своим толкованием предмета и задач политической экономии он стремится научно обосновать закономерность демократического решения задачи революционного преобразования общества, переводит революционную теорию на новую классовую основу и закладывает фундамент нового учения о движущих силах революционного преобразования общества.

Метод политической экономии

Подобно тому как фактически исследуемый Чернышевским предмет политической экономии не совпадает с формально объявленным им предметом, так и метод, который Чернышевский объявляет в качестве метода политической экономии трудящихся, в действительности не является определяющим для всей системы экономических воззрений и исследований Чернышевского.

Научным методом политической экономии Чернышевский формально объявил так называемый гипотетический метод. «Этот метод состоит в том, что, когда нам нужно определить характер известного элемента, мы должны на время отлагать в сторону запутанные задачи и приискивать такие задачи, в которых интересующий нас элемент обнаружил бы свой характер самым несомненным образом, приискивать задачи самого простейшего состава. Тогда, узнав характер занимающего нас элемента, мы мо-

[17] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля, с. 35.

жем уже удобно распознать ту роль, какую играет он и в запутанной задаче, отложенной нами до этой поры» [18].

На первый взгляд гипотетический метод есть обычный метод абстракции, который применялся до Чернышевского, в частности английской классической школой, в особенности Рикардо. Это впечатление усиливается благодаря следующему замечанию Чернышевского: «Итак, из области исторических событий мы должны перенестись в область отвлеченного мышления, которое вместо статистических данных, представляемых историею, действует над отвлеченными цифрами, значение которых условно и которые назначаются просто по удобству» [19].

Гипотетический метод, который Чернышевский объявляет своим методом, включает в себя абстракцию как элемент. Однако при выяснении того, какой смысл вкладывает Чернышевский в гипотетический метод, нельзя ограничиться констатацией того, что он предполагает абстракцию.

Применение абстракции при изучении экономических явлений в тех или иных пределах неизбежно в любой системе политической экономии. Метод абстракции всегда является вспомогательным методом, характер которого определяется другими, более существенными чертами методологии данной школы или данного исследования. Метод абстракции применяют и Рикардо, и Бем-Баверк, но на этой основе было бы нелепо объявить тождество методов Рикардо и Бем-Баверка.

Когда речь идет о применении абстрактного метода, всегда возникает вопрос, от чего абстрагируются экономисты данной школы, какие явления они считают возможным абстрагировать и какие рассматривают в качестве определяющих существо экономических отношений, от которых нельзя абстрагироваться ни на какой ступени анализа. Возникает также вопрос о том, от чего обязательно необходимо абстрагироваться? Известно, что Рикардо обвиняли в том, что он чрезмерно абстрактен. Маркс же показал, что, напротив, он недостаточно абстрактен; например, рассматривая отношения простых товаропроизводителей, Рикардо не в состоянии абстрагироваться от таких категорий, как средняя прибыль, процент, хотя эти экономические явления возникают лишь при капиталистическом производстве. Но так как для Рикардо буржуазная форма производства есть единственная, вечная, раз и навсегда данная форма производства, то и все категории буржуазного общества тоже даны раз и навсегда.

Характерная особенность абстрактного метода Рикардо заключается в том, что он внеисторичен. Но когда Рикардо анализирует капиталистические категории, он не вносит в анализ чуждый капитализму элемент. В этом смысле и при этом условии абстракция Рикардо конкретно-исторична, ибо при анализе Рикардо не абстрагируется от буржуазных производственных отноше-

[18] Там же, с. 59.
[19] Там же.

ний, а из них исходит. Но, поскольку для него буржуазная форма производства, буржуазные отношения являются вечными и они не изучаются им в движении, развитии, эта абстракция становится метафизической. Таким образом, абстрактный метод Рикардо имеет и свои достоинства и свои недостатки, обусловленные общим мировоззрением Рикардо. Но и в своих достоинствах, и в недостатках абстрактный метод Рикардо носит буржуазный характер.

Характер метода определяется общим мировоззрением.

Чернышевский был материалистом в объяснении явлений природы, однако он не поднялся до материалистического объяснения истории. Это обстоятельство явилось определяющим при обосновании Чернышевским гипотетического метода.

Сущность последнего формулируется Чернышевским в соответствии с той задачей, которую он ставит перед политической экономией. Экономическая наука должна доказать несостоятельность способов производства, основанных на эксплуатации одних людей другими, и обосновать разумность и необходимость нового, свободного от эксплуатации строя экономических отношений.

Отсюда стремление к сведению проблем политической экономии к отысканию определенных количественных пропорций между отдельными элементами хозяйства. В связи с этим явно проступает рационализм и нормативизм гипотетического метода Чернышевского. Но обосновывая те или иные выводы, к которым Чернышевский приходит, фактически он сплошь и рядом отходит от нормативизма и рационализма, покидает свой гипотетический метод.

Например, поскольку Чернышевский рассматривает крепостничество и капитализм как исторически преходящие формы экономического быта, он стоит неизмеримо выше классиков буржуазной политической экономии. Поскольку метод абстракции используется для выявления противоречий крепостничества и капитализма, он является полезным и действенным и в нем нет ничего от специфически гипотетического метода. Но при помощи гипотетического метода нельзя вскрыть внутренние закономерности тех или иных отношений крепостничества или капитализма, ибо при анализе данных систем абстракция гипотетического метода выводит производственные отношения за пределы этих систем.

Сам Чернышевский, по-видимому, понимал, что его гипотетический метод отличается от абстрактного метода классической школы. Рассматривая ту или иную проблему, Чернышевский всегда указывал своих предшественников. Характерно, что в данном случае он не ссылается ни на кого. Главным в гипотетическом методе является не то, что он допускает абстракцию, а самый характер абстракции. С этой же точки зрения между методом Чернышевского и, например, Рикардо имеется глубокое различие.

Если оставить в стороне вопрос об абстракции, то бросается в глаза внеисторичность гипотетического метода. При анализе того или иного явления Чернышевский допускает возможность отвлечься от конкретной исторической формы производства, в условиях которой имеет место это явление. Например, рассматривая

вопрос о роли войны для экономики страны, Чернышевский в качестве критерия берет точку зрения нации, но без определения характера национального производства, национальной экономики. Он пишет: «Может ли война быть полезна не для какой-нибудь шайки, а для многочисленной нации?» Ставя вопрос в такой форме, Чернышевский декларирует по существу правомерность внеисторической постановки вопроса, говорит об абстрактной нации без определенной системы производственных отношений. В других случаях Чернышевский анализирует или критикует ту или иную систему производственных отношений, сравнивает ее с другой системой, ссылаясь при этом на разум. Большей частью «разум», к которому апеллирует Чернышевский, чужд тому типу отношений, который им анализируется, хотя и является конкретно-историческим.

Так, например, исследуя крепостное хозяйство, Чернышевский тонко подмечает его существенные стороны и показывает несоответствие крепостнического порядка требованиям разума, под которым имеет в виду разум предпринимателя, ведущего предприятие на основе коммерческого расчета. Коммерческий расчет — категория капитализма. Он не свойствен крепостничеству, ибо при крепостничестве прибавочный продукт получается не путем приведения в движение авансированного капитала.

По Чернышевскому, научная критика должна в конце концов выявить, говоря марксистским языком, соответствие или несоответствие феодальных производственных отношений не уровню развития производительных сил, а их соответствие или несоответствие требованиям разума. Поскольку критика феодализма идет по существу с позиций не абстрактного разума, а разума, опирающегося на конкретные преимущества капитализма перед крепостничеством, постольку она носит конкретно-исторический характер. И такая критика имела исторически прогрессивное значение. Критика капитализма тоже ведется Чернышевским по существу с позиций не абстрактного «разума», а разума, знающего о преимуществах социализма перед капитализмом. В этом смысле и критика капитализма ведется исторически. Но в обоих случаях имеет место и внеисторизм, поскольку при анализе и того и другого строя он абстрагируется от их внутренних закономерностей.

Чернышевский объявляет, например, что крепостническая экономика находится за пределами принципов политической экономии. И капитализм также не соответствует требованиям разума. И при нем имеют место явления, находящиеся в противоречии с требованиями науки, основанной на разуме. Вследствие такого подхода изменения, происходящие в самих отношениях и соответствующих им категориях внутри данного экономического строя, не подвергаются анализу. Чернышевский отделяет иногда форму и содержание экономических категорий таким образом, что объявляет содержание вечным, а форму — исторической.

Но Чернышевский фактически историчен, когда он анализирует соотношение разных видов «экономического быта». Когда Чер-

нышевский пытается ответить на вопрос о смене форм экономического быта, у него налицо попытки материалистического подхода к решению задачи (интерес к средствам производства), попытки диалектически показать процесс смены одной формы экономического быта другой формой («Критика философских предубеждений против общинного владения»).

Основой научности метода политической экономии является подход к категориям политической экономии как к теоретическому выражению исторически определенных производственных отношений. Поскольку Чернышевский не отказывается от поисков наиболее рационального сочетания элементов производства, выявление качественных особенностей производственных отношений каждого строя отступает у него на задний план, и он объявляет, что предметом науки являются «количества, подлежащие счету и мере, понимаемые только через вычисление и измерение»[20].

В действительности предметом политической экономии являются прежде всего качества, т. е. определенные производственные отношения. Количественное измерение выступает только после качественного определения. Чернышевский признает, понятно, определенные законы, коль скоро имеются определенные производственные отношения. Но закона *изменения* самих производственных отношений Чернышевский не раскрыл. Вследствие этого его усилия направлены на поиски наиболее разумных и справедливых производственных отношений.

Переход от одной системы производства, способа производства к другому не изменяет, по Чернышевскому, подхода к экономическим явлениям. Какова бы ни была форма производственных отношений, имеется всегда один критерий оценки, одна количественная мера. Это и мешает ему подойти к законам движения, развития каждого отдельного строя. Его интересует не внутренний закон развития отдельной системы, а несоответствие этого закона «разумному» закону. Если он и исследует развитие, то преимущественно для того, чтобы показать, как это развитие приходит в столкновение с «разумным» законом.

Хотя Чернышевскому и не удалось раскрыть экономический закон неизбежной смены одного экономического строя другим, изучение исторического развития привело его к твердому выводу о неизбежности революционной смены одних экономических отношений другими.

Говоря о преимуществах одного экономического строя над другим, Чернышевский указывал, что появление той или иной системы экономических отношений зависит от характера материального производства.

Часто явления общественной жизни Чернышевский объясняет с материалистических позиций. Например, он пишет: «Просим читателя обратить внимание на коренную мысль Бокля, что история движется развитием знания. Если дополним это верное понятие

[20] Чернышевский Н. Г Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля, с. 58.

политико-экономическим принципом, по которому и умственное развитие, как политическое и всякое другое, зависит от обстоятельств экономической жизни, то получим полную истину: развитие двигалось успехами знания, которые преимущественно обусловливались развитием трудовой жизни и средств материального существования. Влияние других исторических элементов было по преимуществу регрессивным»[21].

Хотя Чернышевский формально не полемизирует с Боклем, он вносит такой новый момент в объяснение истории, который выводит его за пределы идеализма и переводит на рельсы материализма. Как ни расплывчато указание на «развитие трудовой жизни и средств материального существования», ему нельзя придать никакого иного значения, кроме того, что основу и источник исторического процесса нужно искать в материальном производстве.

В приводимом ниже тексте Чернышевского эта мысль получает весьма ясные очертания. «Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов. С одной стороны, это значит, что если изменился характер производительных процессов, то непременно изменится и характер труда, и что, следовательно, опасаться за будущую судьбу труда не следует: неизбежность ее улучшения заключается уже в самом развитии производительных процессов. Но, с другой стороны, не следует забывать и того, что результаты известного факта требуют известного времени для полного своего обнаружения, что факт, требующий новой обстановки, не вдруг может создать ее, и неизбежно продолжает несколько времени существовать прежняя обстановка, соответствовавшая прежним фактам, но для него уже неудобная. Поэтому очень натурально, что характер труда в передовых странах Европы до сих пор еще остается прежний, какой был удобен при ведении производства в малом размере; производство в большом размере само стало усиливаться еще очень недавно: назад тому 80 лет его экономическая роль была совершенно ничтожна, даже в самой Англии, не говоря уже о других странах»[22].

Понятие качества труда имеет у Чернышевского широкое значение; при его помощи Чернышевский приближается к понятию общественно-экономической системы производства. Указывая, что изменение в производительных процессах воздействует на «качество труда», Чернышевский по существу говорит о воздействии изменений характера материального производства на экономическую систему производства. Налицо материалистическая линия в анализе экономических явлений, попытки материалистически объяснить явления экономики. Эти попытки представляют собой высший пункт развития общественной науки до исторического материализма, на путях к нему. Здесь устанавливается прямая связь

[21] Чернышевский Н. Г. Примечания к переводу «Введения в историю XIX века» Гервинуса. — Полн. собр. соч., т. X. М., 1951, с. 441.

[22] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля, с. 222.

между характером материального производства и «качеством труда». Эта связь направляет мысль по тому пути, который ведет к установлению зависимости производственных (экономических) отношений людей от производительных сил.

Успешность производства ставится Чернышевским в прямую зависимость от характера производительных процессов и от «качества работника». «Повсюду успех производства является произведением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда, или, что то же, качества работника, исполняющего эти операции. Само собою разумеется, что если один фактор очень велик, то произведение будет довольно значительно и при малой величине другого фактора. Но выгоднейшая величина в произведении получается тогда, когда оба фактора соразмерны между собою» [23].

Чернышевский считает, что производительность является результатом определенного сочетания орудий и труда того или иного качества. Как видим, он берет те два элемента производства, которые Маркс относит к производительным силам. Однако Чернышевский берет человеческий труд не только с той стороны, с которой тот входит в производительные силы, а и с той его стороны, которая является следствием определенных производственных отношений, обусловленных формой собственности на средства производства. В рецензии на речь Бабста Чернышевский уделяет огромное внимание так называемому нравственному капиталу, сущность которого он сводит к накоплению у агентов производства опыта, знаний и стремления к активной производственной деятельности. Источником этого нравственного капитала Чернышевский считает наличие определенных гражданских отношений. Ставя нравственный капитал в зависимость от общественного строя, Чернышевский рассматривает его все же преимущественно как элемент производительных сил.

В приведенной цитате «качества работника» берутся в более широком плане, и труд рассматривается преимущественно с той его стороны, которая зависит от характера производственных отношений. В конкретно-исторических условиях эпохи падения крепостничества подчеркивание этой стороны труда имело огромное революционно-критическое значение, поскольку оно было направлено против крепостного принудительного труда.

Вместе с тем эта конкретно-историческая задача и ограничивала Чернышевского. Хотя различия между общественными системами наиболее очевидно проявляются в положении непосредственного производителя и его отношении к труду, однако производственные отношения нельзя свести только к «качеству труда» в понимании Чернышевского. Производственные отношения определяют отношения работника к процессу труда, но они не сводятся к этому отношению и проявляются не только в этом.

---

[23] Там же, с. 219.

Система производственных отношений интересует Чернышевского только в пределах того, как она влияет на заинтересованность каждого отдельного производителя в процессе труда. С точки зрения производительности труда в единичном предприятии решающими факторами являются характер орудий труда, подготовленность работника к данному виду производства и его заинтересованность в труде. Но когда речь идет о производительности общественного труда при разных общественных системах производства, то было бы неправильно игнорировать роль всей системы производственных отношений, т. е. и тех экономических отношений, которые выходят за пределы единичного предприятия.

Хотя Чернышевский, изучая развитие общества, акцентирует внимание на качестве труда, однако ему удается с большой силой выявить зависимость форм труда от развития орудий труда. Он связывает характер труда с характером орудий труда. «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразности с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно. Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит подле себя невольничества; она не выдерживает тяжелых рук его беспечности. Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для них необходим вольный человек»[24]. В этом рассуждении Чернышевского пропущена феодальная форма труда, но в целом оно является вполне материалистическим.

Продолжая анализ развития форм производства, Чернышевский говорит: «Но когда производство совершенствуется до того, что требует ведения в широком размере, для него становится недостаточным одно то условие, чтобы работник был свободен. В небольшой мастерской, в маленьком хозяйстве хозяин может наблюсти за исполнением дела; тут нет большой разницы между работою хозяина и наемника, потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякой мелочью»[25].

Чернышевский выступал в эпоху, когда степень концентрации производства была еще относительно низкой. Эпоха монополистического капитализма, выросшего на базе концентрации производства, принесла такое укрупнение производства, которое исключает возможность наблюдения одним лицом за процессом труда. Тем не менее известно, что производительность труда на крупных предприятиях оказывается выше, чем на мелких. Стремясь, далее, показать различие между капиталистической системой труда и той, которая, по его мнению, в условиях крупного производства должна прийти на смену капитализму, Чернышевский пишет:

«Чем обширнее становится размер хозяйства, тем меньше возможности одному хозяину усмотреть за постоянно возрастающим

[24] Там же, с. 220.
[25] Там же, с. 220—221.

числом работников, за подробностями дела, принимающего громадную величину. Тут наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами. Вместо наемного труда выгодою дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре, который уже не может уследить за ним, а в собственном своем расчете; тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося» [26].

Чернышевский исходит из правильной мысли, что капиталистический строй не обеспечивает возможности полностью использовать те производительные силы, которые имеются при крупной машинной индустрии, что свободный труд трудящихся должен обеспечить более высокий уровень производительности труда.

Несомненно, огромную роль играют в этом стимулы к труду. Подчеркивание этого положения было важным не только в борьбе против крепостничества, но и в борьбе с буржуазной экономической мыслью, апологетически воспевавшей наемный труд как якобы свободный. Однако при всей значимости стимулов труда переход от одного строя к другому не ограничивается только сменой стимулов. Например, различия между капитализмом и социализмом в стимулах труда очевидны и громадны, но они далеко не исчерпывают всех коренных отличий между этими способами производства. И преимущества социализма над капитализмом не исчерпываются только преимуществами в области стимулов труда. Даже в тех случаях, когда Чернышевский стоит на материалистических позициях в объяснении некоторых важных явлений общественной жизни, сказывается отсутствие у него понятия способа производства. Так, например, он ограничивает проблему смены одного строя другим проблемой смены стимулов труда. Здесь проявляется также историческая ограниченность эпохи, в которую жил Чернышевский, и класса, интересы которого он представлял. Нельзя упускать из виду упоминание Чернышевским продукта труда как вознаграждения вместо платы за труд. Это концепция самостоятельного производителя, который стремится к получению всего продукта, созданного им. От нее Чернышевский не может освободиться, хотя он и втягивает этого самостоятельного производителя в лоно крупного социалистического производства.

Бесспорно, что мысль Чернышевского работала над тем, чтобы найти материальные основы смены одного экономического строя другим. В этом отношении несомненны заслуги Чернышевского, стремившегося показать зависимость экономических форм от материальных условий и факторов производства.

[26] Там же, с. 221—222.

Хотя смена одного строя другим происходит не только и не столько потому, что необходимо изменить стимулы труда, хотя каждый строй изменяет положение труда, но не это является основой и не к этому только сводится изменение экономического строя. Тем не менее очень существенно, что для Чернышевского смена экономических форм оказывается непосредственно зависимой от изменений в орудиях труда, в характере процесса материального производства.

Материалистическое понимание истории немыслимо без учения о способе производства и двух его сторонах, ибо без диалектики развития производительных сил и производственных отношений нельзя вскрыть научные закономерности общественно-экономического развития.

Хотя приведенные выше высказывания Чернышевского о причинной связи между характером производства и формой экономического строя с точки зрения исторического материализма еще далеки от совершенства, тем не менее они представляют собой движение науки по пути к историческому материализму.

По сути дела они означают, что предметом политической экономии являются общественные отношения, которые исторически меняются в связи с развитием материального производства. Чернышевский по существу провозглашает историзм в политической экономии. Категории политической экономии фактически оказываются у него теоретическим выражением производственных отношений, а задачи политической экономии не сводятся только к выявлению наиболее рациональных количеств.

Таким образом, Чернышевский далеко выходит за рамки гипотетического метода, и в известной мере он даже вступает в конфликт с ним, поскольку подходит к экономическим отношениям как к исторически меняющимся, качественно определенным на каждой ступени исторического развития.

В свете сказанного очевидна неубедительность имеющих место в нашей литературе попыток представить гипотетический метод в качестве всеопределяющего метода Чернышевского. Такие попытки являются результатом сведения гипотетического метода Чернышевского к абстрактному методу, игнорирования того, что абстрактный метод никогда не может быть генеральной характеристикой метода той или иной школы. Но если гипотетический метод не может быть сведен просто к применению абстракции, то и применяемый Чернышевским в политической экономии метод не может быть сведен к гипотетическому.

Чернышевский использовал гипотетический метод преимущественно для критики капитализма. Между тем, когда он стремился дать объяснение исторического развития экономических форм, то он пользовался и диалектикой, стремился материалистически истолковать генезис тех или иных экономических форм.

Методологические приемы Чернышевского были непосредственно связаны с его материалистическим и революционным мировоззрением и служили задаче революционного преобразования Рос-

сии. Они явились новой ступенью в развитии методологии политической экономии по материалистическому пути и помогали ему вскрывать коренные пороки буржуазной политической экономии.

Сущность «теории трудящихся»

Чернышевский объявил свою систему политической экономии «теорией трудящихся». Трудящимися Чернышевский считал всех «простолюдинов», — крестьян, рабочих, ремесленников, т. е. всех, не эксплуатирующих чужой труд, и, наоборот, подвергающихся, как правило, эксплуатации. Поскольку Чернышевский пытался в своей теории дать ответ на вопрос о способах освобождения всех трудящихся от эксплуатации, постольку это название оправдывает себя.

Чернышевский критикует феодальные порядки, вскрывает эксплуатацию помещиками крестьян, показывает малую производительность принудительного труда, преимущества свободного крестьянского хозяйства, необходимость ликвидации феодальной собственности. Этим самым он формулирует требования крестьянства и дает им теоретическое обоснование.

Вместе с тем Чернышевский хорошо показывает противоположность интересов рабочих и капиталистов. Он приходит к выводу, что рабочие могут быть освобождены от эксплуатации только тогда, когда они станут хозяевами процесса производства.

Таким образом, своей теорией Чернышевский стремился служить интересам освобождения всех эксплуатируемых.

«Теорию трудящихся» Чернышевский противопоставлял господствовавшей теории — теории капиталистов. Однако «теория трудящихся» Чернышевского является не только опытом обоснования социализма; она является также и опытом критики капитализма, заключает в себе и критику крепостничества. Неправильно поэтому толкование В. М. Штейна, будто «теория трудящихся» Чернышевского является лишь теорией социализма. Неправильна также интерпретация «теории трудящихся» в книге В. Н. Замятина о Чернышевском, согласно которой «теория трудящихся» касается будто бы лишь категорий капитализма и социализма[27], а анализ и критика крепостничества выходят за рамки «теории трудящихся» Чернышевского. «Теория трудящихся» Чернышевского получает, таким образом, только антикапиталистическую характеристику.

Такое ограничение содержания «теории трудящихся» влечет за собой игнорирование или непонимание антикрепостнической, важнейшей стороны в революционной теории Чернышевского. Политическая экономия была поставлена Чернышевским на службу борьбе не только против капитализма, но и в первую очередь против крепостничества. Чернышевский не считал, что буржуазная политическая экономия сделала все возможное для того, чтобы

[27] См.: Замятин В. Н. Экономические взгляды Чернышевского. М., 1951.

подвергнуть полной критике крепостничество. Между буржуазной и крестьянско-демократической критикой крепостничества имеется существенное различие. Для всей системы экономических воззрений Чернышевского характерна демократическая, антикрепостническая направленность. Даже тогда, когда Чернышевский рассматривает категории капитализма, он не забывает о критике крепостничества. Буржуазная политическая экономия во времена Чернышевского исчерпала свою прогрессивную миссию, поскольку она перестала быть теоретической опорой революционных действий против крепостничества. Поэтому критика Чернышевским буржуазного либерализма представляет собой органическое звено его системы. Когда Чернышевский противопоставляет «теорию трудящихся» теории капиталистов, то он противопоставляет ее и в качестве антикрепостнической теории. Таким образом, в действительности «теория трудящихся» есть система, охватывающая всю совокупность экономических воззрений Чернышевского. Из интересов трудящихся исходит Чернышевский и в критике крепостничества, и в критике капитализма, и в утверждении социализма.

Название «теория трудящихся» верно схватывает устремления теории Чернышевского, но не выявляет классовой сущности учения. Всякая борьба за освобождение трудящихся имеет свою специфическую классовую основу. Название «теория трудящихся» само по себе не дает ответа на вопрос о классовой природе этой теории и о том, какова историческая миссия ее. У трудящихся всегда есть общие интересы. Но классовые различия определяют различие и идеологии, и программы. Когда говорится о трудящихся вообще, то не ясно, о каком конкретном общественном антагонизме идет речь. Каждый класс общества имеет своего специфического антагониста. Этим определяются и теоретические устремления, и программные позиции его представителей. Например, антагонист рабочего — капиталист. Капиталист может эксплуатировать и крестьянина. Но до тех пор, пока крестьянин остается крестьянином, его главным антагонистом является не капиталист, а помещик.

Сила Чернышевского заключается в том, что он видел оба ряда антагонизмов. В этом смысле его теория также является «теорией трудящихся». Теоретически он пытался ликвидировать оба ряда антагонизмов в пользу эксплуатируемых. Однако способ ликвидации обоих рядов антагонизмов у него является классово определенным. И эта классовая определенность особенно проявляется в том, что Чернышевский считал главным для ликвидации общественных антагонизмов.

Несмотря на то, что Чернышевский критиковал капитализм и буржуазную политическую экономию, он являлся не пролетарским, а крестьянским критиком капитализма. Именно крестьянским, не мелкобуржуазным. Как ни величественны критические высказывания Чернышевского против капитализма, как ни глубока иногда критика капитализма как общественного строя, не да-

ющего необходимого простора развитию производительных сил, тем не менее капитализм критикуется Чернышевским через призму крестьянского хозяйства. Капитализму противопоставляется общественный строй, в котором собственник, хозяин и работник соединены в одном лице. Пусть это соединение имеет социалистическую форму, все равно: к противоречиям капитализма он подходит с меркой крестьянского хозяина. По мнению Чернышевского, пороки капитализма проистекают из того, что в последнем нет соединения в одном лице собственника, хозяина и работника.

С точки зрения Чернышевского, барьером, способным оградить рабочего от «язвы пролетариатства», является обеспечение каждого трудящегося землей. Если все члены общества будут иметь землю, то не будет «язвы пролетариатства». Вот формула, в которой крестьянский характер теории трудящихся Чернышевского показывает себя вполне определенно.

Чернышевский считал гарантией не просто владение землей, а общественное владение. Это верно. Но это не меняет специфически крестьянской окраски гарантий от «язвы пролетариатства». Ведь и общинное землепользование не меняет характера производства. И при общинном, и при частном землепользовании существенно то, что земля принадлежит в качестве объекта земледельческого производства трудящемуся и что нет помещичьей собственности на землю. До тех пор, пока у трудящегося есть земля, он гарантирован от «язвы пролетариатства». Гарантия прекращается тогда, когда трудящийся лишается земли. Следовательно, выдвижение общинного землепользования в качестве гарантии от «язвы пролетариатства» не меняет того, что основой этой гарантии является наличие у трудящегося земли. Трудно сомневаться в том, что здесь налицо крестьянский взгляд на причины «пролетариатства».

Чернышевский ярко и глубоко ставит вопрос об экспроприации феодальной земельной собственности. В центре его внимания — проблема аграрных отношений, революционное изменение их, замена одной формы собственности другой. Между тем мы не находим у Чернышевского нигде предложения об экспроприации средств производства у капиталистов. План экспроприации содержится только применительно к земельной собственности. Это опять-таки показывает крестьянский характер его революционной программы.

Теория Чернышевского есть крестьянская, а не мелкобуржуазная теория трудящихся. Чернышевский представлял крестьянство в тот период, когда оно еще не стало мелкобуржуазным. Крестьянство эпохи Чернышевского стремилось стать товаропроизводителем, но еще не стало таковым. Между тем мелкобуржуазные теории представляют крестьянство в тот период, когда оно уже стало товаропроизводителем. Мелкобуржуазные теории защищают, вернее, пытаются защитить мелкого товаропроизводителя от капитализма; они тянут назад, и в этом смысле они реакционны. А теория Чернышевского выражает такие интересы крестьянст-

ва, которые находятся в фарватере общественного развития, соответствуют интересам развития производительных сил.

Из сказанного нельзя делать вывода, будто бы Чернышевский защищал интересы крестьянина лишь как труженика. Нет, Чернышевский выражал и интересы крестьянина как собственника. Крестьянское хозяйство в условиях крепостничества не было еще внутренне противоречивым, как это характерно для крестьянского хозяйства, ставшего на рельсы товарного производства. Крестьянин не был еще собственником главного средства его земледельческого труда — земли, а товарное производство занимало еще незначительное место в его хозяйстве.

Борьба за интересы крестьянина как труженика не вступала в противоречие с борьбой за интересы крестьянина как собственника.

Чернышевский выражал интересы крестьянской собственности против помещичьей, а не против капиталистической собственности. Сама крестьянская собственность также имеет неодинаковое значение. Как сменяющая феодальную собственность крестьянская собственность прогрессивна. Как противостоящая капиталистической собственности она реакционна. Выражая интересы крестьянина как собственника, Чернышевский выражал прогрессивную сторону крестьянской собственности как антифеодальной, антипомещичьей. В этом — великое рациональное и революционное значение «теории трудящихся» и ее законного детища — теории крестьянской революции.

2

Анализ крепостничества и обоснование революционной борьбы крестьянства за его ликвидацию

С наибольшей силой революционный дух учения Чернышевского сказался в его критике крепостничества. Опираясь на богатую традицию критики крепостничества и в русской, и западноевропейской экономической литературе, Чернышевский поднимает борьбу против крепостничества на новую, высшую ступень. Чернышевский связывает дело революционной ломки крепостничества непосредственно с интересами крестьянства и превращает революционную ломку крепостничества в прямую и основную классовую задачу крестьянства, без борьбы которого он не мыслил себе коренных преобразований, ликвидирующих до основания фундамент крепостничества.

Но дело не только в этом: никто до Чернышевского так глубоко не вскрывал внутреннего строя крепостнической системы, не анализировал основу крепостнического строя, его коренные черты, характер барщины и оброка, отличие последних от капиталистических отношений, отличие оброка в России от оброка на За-

паде, дающее глубокую основу для понимания кризиса крепостничества в России. До него никто так ярко и глубоко не показывал различия между крепостничеством и капитализмом, не вскрыл объективной необходимости гибели крепостнического строя. Чернышевский был не только великим крестьянским революционером, но и великим теоретиком крестьянской антифеодальной революции.

О происхождении крепостничества и его роли

Чернышевский ясно видел, что крепостничество является особой исторической формой общественного производства со своей системой экономических отношений. Но Чернышевский, не знавший учения о способе производства, не знал и крепостнического способа производства как определенного исторического единства производительных сил и производственных отношений. Он критиковал взгляд, что крепостничество является якобы искусственной общественной формой. Чернышевский подчеркивал, что были определенные исторические причины, приведшие к победе крепостничества и его утверждению. Однако эти причины, по Чернышевскому, лежат за пределами экономики. Он неоднократно указывал, что причины появления феодализма нужно искать во внешних факторах, в насилии и т. д. Чернышевский приводит реальные исторические факты, связанные с возникновением и утверждением феодализма, но эти факты находятся за пределами непосредственного материального производства.

В общей оценке крепостничества у Чернышевского налицо элементы надысторизма и нормативизма. Они выражаются в том, что Чернышевский считает главной задачей выяснение не закономерностей возникновения крепостничества, а того, соответствуют ли крепостнические отношения и учреждения разуму. Как идеалистически ни звучит такая постановка вопроса, все же следует подчеркнуть ее огромное революционное значение для своего времени, а также наличие ряда глубоко верных характеристик крепостничества и безусловно исторический элемент в критике крепостничества по существу.

В критике крепостничества Чернышевский часто применяет метод исторического и сравнительного анализа отдельных отношений.

Полемизируя с Горловым, Чернышевский опровергает его утверждение, что крепостное право есть искусственная организация, и указывает, что «оно возникает так же естественно, как впоследствии возникает отношение наемного работника к капиталисту. Естественность известного явления, к сожалению, вовсе не ручается за его сообразность с здравыми экономическими понятиями»[28].

[28] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд. — Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 8.

Это положение Чернышевского производит впечатление крайнего рационализма и нормативизма. Но если проследить, как аргументирует Чернышевский против крепостничества, то станет видно, что этот нормативизм не является безусловно надысторическим и антиматериалистическим.

Действительно, Чернышевский сплошь и рядом обращается к «здравым экономическим понятиям», т. е. к разуму. Но критерий «разумности» оказывается у Чернышевского различным в зависимости от того, идет ли речь о феодализме или о капитализме. Когда Чернышевский критикует капитализм, то «разум», которым Чернышевский вооружается против капитализма, как две капли воды похож на разум социалистический. Когда же Чернышевский критикует крепостничество, то у него появляются другие аргументы. У обоих этих «разумов» есть общая основа, но тем не менее конкретная аргументация разума при критике капитализма одна, а при критике крепостничества — другая.

Возникает вопрос: в чем же общая основа и что специфично для разума антифеодального и разума антикапиталистического? Эту общую основу мы должны искать во взгляде Чернышевского на причины исторического прогресса.

Чернышевский считает, что причину исторического прогресса нужно искать в том, что «в людях есть врожденная способность и охота трудиться. Благодаря этим качествам человеческой натуры постепенно устраивается лучший общественный порядок и благосостояние. Масса трудится, и понемногу совершенствуются производительные искусства»[29]. По мнению Чернышевского, для прогресса «причина одна — внутреннее стремление массы к улучшению своего материального и нравственного быта»[30].

Здесь дано антропологическое решение вопроса о причинах прогресса. Несмотря на надысторический характер, оно играло в конкретных исторических условиях положительную роль.

Почему же необходимо такое объяснение прогресса для Чернышевского? Чернышевский исходил из коренной задачи классовой борьбы — ликвидации изжившего себя крепостничества. Не видя в феодализме никакой исторической силы движения, Чернышевский сводит роль феодализма лишь к чисто отрицательному фактору. Рассматривая вопрос о причинах прогресса, Чернышевский говорит: «...формы, под влиянием которых должен вырабатываться этот прогресс, не всегда благоприятны ему, потому что происходят совершенно из других начал и поддерживаются совершенно иными средствами. Возьмем, например, феодализм. Что общего имел он с трудолюбием или любознательностью? Произошел он из завоевания, целью его было присвоение плодов чужого труда, поддерживался он насилием, ученых стремлений феодалы не имели; они хотели проводить в ленности все время, оставшееся у них от войн, турниров и тому подобных занятий». Чернышев-

[29] Чернышевский Н. Г. «История цивилизации в Европе» Гизо. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 477.
[30] Там же.

ский ставит вопрос, каким образом могли быть благоприятны прогрессу эти формы, и отвечает: «Французские земледельцы работали и должны были отдавать все, что только можно было взять у них. Этим ослаблялась энергия их труда, да и самый труд беспрестанно прерывался насилиями всякого рода. Потому сельское население осталось во Франции почти чуждо прогрессу. Горожане часто успевали защищаться за своими стенами, но все-таки очень часто подвергались грабежу, да и в случаях удачной защиты постоянная надобность обороняться отвлекала их силы от труда. Можно ли после этого говорить о том, что тогдашние формы помогали труду? Если он достигал каких-нибудь результатов, то лишь наперекор этим формам» [31].

Чтобы не оставить сомнения у читателя, Чернышевский пишет: «Результат, произведенный человеческою натурою наперекор форме, тяготевшей над ним, очень многими приписывается действию формы: при ней, следовательно, благодаря ей, — такой силлогизм, обманывающий большинство историков» [32].

Здесь дана целая философия истории феодализма. Феодализм — лишь препятствие к действию естественного закона прогресса. Такой взгляд, конечно, грешит антиисторизмом. Ведь если к историческому процессу и прогрессу подойти даже только с точки зрения стимулов к труду, то и в этом случае феодализм представляет собой очевидный прогресс по сравнению с рабством. Но Чернышевский выступает в качестве критика феодализма. Классовые задачи толкают его не на анализ законов возникновения феодализма, а на нахождение его слабых звеньев, чтобы таким образом показать его несостоятельность как формы общественного устройства и призывать к его ликвидации.

Конечно, концепция феодализма как результата насилия игнорирует материальное производство в качестве условия, определяющего характер общественного развития. Но следует также обратить внимание на то, что ко всем явлениям, связанным с феодализмом, Чернышевский подходит с позиций крестьянства как класса феодального общества. На вопрос, что дает для трудолюбия эта форма общества, Чернышевский отвечает определенно: поскольку эта форма общества построена на том, что она отбирает у земледельца его труд или продукт его труда, она не только ничего не дает для развития общества, но является фактором его торможения.

Рассматривая русское крепостническое общество, Чернышевский анализирует также и помещичье хозяйство. И здесь Чернышевский не находит ничего, что могло бы являться фактором повышения производительности труда. Он говорит, что крепостное право — это тлетворная трясина, которая является основным злом всего общественного развития. Во всех рассуждениях Чернышевского о феодализме красной нитью проходит его революционное стремление к уничтожению крепостничества.

[31] Там же.
[32] Там же, с. 478.

Критика крепостнического строя. Анализ помещичьего и крестьянского хозяйства

До Чернышевского экономически проблема ликвидации крепостного права ставилась в плоскости «выгодности» вольнонаемного труда по сравнению с принудительным. Чернышевский считает, что при сравнении разных форм хозяйства нельзя исходить только из критерия выгодности. «При каком порядке дел, — говорит Чернышевский, — производство идет успешнее: при рабстве или при свободе? Я этого не знаю и не хочу знать; я знаю только, что рабство противно врожденным стремлениям раба, что свобода соответствует им, и потому я говорю, что производство должно иметь форму свободы»[33].

Таким образом, Чернышевский стремится найти другие, отличные от критерия выгодности принципы, определяющие преимущества одного строя над другим. И хотя в последнем случае опять мы находим попытку вывести то или иное стремление из природы человека, тем не менее проблема смены одной формы экономического устройства другой выводится за пределы проблемы «выгодности».

Сопоставление крепостничества с капитализмом показывает лишь сравнительную выгодность капиталистического способа ведения хозяйства для предпринимателя. Но есть еще другой подход к оценке крепостничества — не с точки зрения выгодности для предпринимателя, а с точки зрения роста производительности общественного труда. Сравнивая свободное крестьянское хозяйство с крепостническим производством, Чернышевский находит классовую основу для критики крепостничества и для требования его революционной ликвидации.

Первая постановка вопроса сама по себе не является революционной, ибо она не предполагает непосредственной замены одного субъекта хозяйства другим. Здесь речь идет о постепенном превращении помещика в капиталиста, проблема сводится к постепенному видоизменению типа эксплуататора, а не к коренному переходу хозяйства из рук крепостника-предпринимателя в руки самостоятельного крестьянина. Вторая же постановка вопроса сама по себе является революционной, ибо она предполагает непосредственный переход хозяйства из рук одного класса в руки другого класса. Это есть революционная по своему существу постановка вопроса, которая исходит из прогрессивной задачи смены помещичьего хозяйства крестьянским.

Главным в критике крепостничества с позиций свободного крестьянского хозяйства является аргумент о производительности труда. Эта критика не является надысторичной, поскольку крепостничеству противопоставляется вполне определенная исторически данная форма хозяйства. Но обоснование критики крепостного труда как менее производительного носит внеисторический ха-

[33] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд, с. 53—54.

рактер. Чернышевский пишет: «Обязательный труд — явление, совершенно чуждое правилам политической экономии, историческое явление совершенно иной сферы. Он и возникает и держится в противность всяким экономическим принципам; это явление чисто историческое, возникающее из отношений и событий, подлежащих ведению политики, военного быта, административной власти, но никак не политической экономии. Роль его относительно политико-экономических принципов — роль препятствия их развитию» [34].

Несмотря на то что принудительный крепостной труд объявляется феноменом, выходящим за рамки политической экономии, критика, которую ведет Чернышевский, носит вполне конкретно-исторический характер. Он противопоставляет ему, как было сказано выше, вполне определенные исторические формы производства.

В то же время следует отметить, что Чернышевский различал производительность и выгодность. Так, например, он писал: «Крепостное право, без всякого сомнения, может и должно иметь неблагоприятное влияние на земледелие, потому что обязательный труд всегда менее производителен, нежели свободный (не с точки зрения выгод владельца, потому что есть случаи, в которых при замене обязательного труда наемным не вознаградилось бы для собственника происходящее от такой замены увеличение издержек производства, но с общей точки зрения на производительность труда в создавании ценностей); потому что обязательный труд исполняется всегда более или менее небрежно, отчего происходит потеря времени и производительных сил и, стало быть, урон в национальном хозяйстве» [35].

Это очень существенное различие. Оно не проведено Чернышевским до конца и последовательно, но имеет огромное значение с точки зрения перевода проблемы ликвидации крепостничества с дворянско-помещичьей и капиталистической основы на крестьянскую.

Чернышевский подвергает критике попытки крепостников смешивать крепостной труд с наемным, крепостничество — с капитализмом. «Хозяйство с наемным трудом есть коммерческое предприятие, требующее... разумной заботы со стороны хозяина» [36] Хозяйство же с принудительным трудом имеет совершенно иной характер. И природа этого хозяйства такова, что она влечет за собой расточительство со стороны его владельца. «Может ли экономически вести свои расходы тот, доходы которого получаются способом, противным экономическому расчету? Может ли с усердием заниматься своими делами тот, кому представляется, что источник его доходов, обязательный труд, остается неиссякаем и без всякой заботы с его стороны?» [37]

[34] Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта. — Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, с. 106.
[35] Там же, с. 71—72.
[36] Там же, с. 90.
[37] Там же, с. 84.

В критике крепостного хозяйства с принудительным трудом Чернышевский не ограничивается только этим. Он подвергает анализу самый строй и движение составных элементов хозяйства крепостнического по сравнению с капиталистическим. Капиталистическое предприятие, пишет Чернышевский, представляет собой форму движения элементов воспроизводства, авансированных капиталистом, тогда как со стороны крепостника никакого авансирования нет. «Собственник-феодал пользуется рентой и получает, ничего не давая в обмен; купец и хозяин промышленного заведения приобретают богатство посредством обмена: они покупают один предмет и продают другой, берут сырой материал и возвращают обработанный продукт, меняют товары на деньги, меняют кредит на деньги и на товары, дают простолюдину деньги, покупая его труд»[38]. Эта характеристика дана применительно к земельному собственнику, получающему ренту, но принципиальной разницы в смысле получения дохода между земельным собственником и феодалом нет. Поэтому разграничение, которое делает Чернышевский в данном случае, несомненно, имеет значение и для характеристики крепостничества.

Замечательно глубокий анализ крепостного хозяйства дан Чернышевским в борьбе с апологетами крепостного права типа Тенгоборского.

Чернышевский устанавливает коренное различие между рентой капиталистической, с одной стороны, и барщиной и оброком — с другой. Он не дает экономического анализа происхождения феодальной формы производства, но хорошо показывает исторический процесс закабаления и закрепощения крестьян. Говоря о происхождении крепостного права, Чернышевский пишет: «Это учреждение развивалось от бессилия нашей старинной администрации охранить прежние свободные отношения поселян, живших в известной даче, к владельцу дачи и удержать постепенное расширение произвольной власти, захватываемой владельцем над населявшими его землю людьми. ...Возможность учредить крепостное состояние происходила только оттого, что вольные люди, слишком плохо защищаемые управлением, терпели слишком много притеснений, так что переставали дорожить своею свободою и не видели слишком большой потери для себя от записи в принадлежность сильному человеку»[39]. Чернышевский ничего не говорит об экономических причинах того, почему утвердилась эта форма отношений. Мы находим у него заявление, что крепостное право «обязано такой продолжительностью своего существования только дурному управлению»[40].

Несмотря на то что в теоретическом отношении это положение не исчерпывало проблемы, оно имело глубоко революционное значение. Политический смысл его заключался в том, что Чернышевский связывал судьбу крепостничества с судьбой самодержа-

[38] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд, с. 35—36.
[39] Чернышевский Н. Г. Суеверие и правила логики. — Полн. собр. соч., т. V, с. 708.
[40] Там же.

вия, которое было политической надстройкой над крепостничеством, служившей ему и защищавшей его. Чернышевский утверждает, что если бы соблюдалась законность, то «все помещики давно бы перестали находить выгоду в крепостном праве»[41]. И если крепостное право существует, то только потому, что помещик нарушает нормы этого права. Крепостные отношения «очень мало доставляли бы ему материальной и денежной выгоды, если бы управление не позволяло далеко превышать законных размеров и средств пользования крепостным правом»[42].

Чернышевскому, конечно, было хорошо известно, что крепостные отношения предполагают принуждение, что крестьянин лично зависим от помещика. Вместе с тем он подчеркивает, что выход отношений между помещиками и крестьянами за пределы нормы, даваемой крепостным правом, является закономерным. «Нарушения законов далеко не всегда проистекали оттого, что помещик был дурным человеком: нет, источник их лежал не в личных качествах отдельных людей, а в самой натуре крепостного отношения. По своей сущности крепостное право ведет к произволу, и какими бы законами ни определялось оно, оно неминуемо влечет и к нарушению, потому что произвол не может ужиться ни с каким законом»[43].

Чернышевский показывает также, чем вызывается смена одной формы крепостнической эксплуатации другой, например, замена барщины оброком. Он подчеркивает, что смена эта не меняет существа отношения. С точки зрения способов получения доходов они похожи друг на друга. «Увеличивать господскую запашку или оброк — вот и весь секрет к увеличению доходов; тут не нужно никаких соображений, не нужно даже никаких расчетов; не хуже первого мудреца в мире круглый невежда сумеет сказать своему управляющему или старосте: «Я хочу иметь вместо десяти тысяч пятнадцать; потому приказываю запахивать тяглу на моих полях вместо двух десятин по три или платить вместо двадцати рублей по тридцати»[44].

И для барщинного, и для оброчного хозяйств характерно то, что крепостник-помещик получает доход путем внеэкономического принуждения. Чернышевский считает, что при оброке элемент произвола может даже возрастать. «Обычай и в случае нужды закон может мешать увеличению барщины выше трех дней; размер оброка не зависит ни от обычая, ни от закона, он весь в произволе»[45] Как бы завершая эту мысль, Чернышевский пишет: «Мы вовсе не отдаем преимущества барщине перед оброком, мы говорим только, что оброк нимало не составляет шага вперед к уменьшению произвольности в наложении обязательных повинностей»[46].

---

[41] Там же.
[42] Там же, с. 709.
[43] Там же, с. 708.
[44] Чернышевский Н. Г. О новых условиях сельского быта, с. 68.
[45] Там же, с. 103.
[46] Там же.

Чернышевский считает, что в России оброк охватывает более широкий круг трудовой деятельности крестьянина, чем барщина. «Барщина касается только сельскохозяйственного, извозного и фабрично-заводского труда, оброк обнимает все промыслы и занятия. Торговец из крепостных людей по системе барщины должен был бы только поставить вместо себя работника, т. е. отправлять повинность ценой в 20, 30 рублей серебром в год; но он платит оброк в 50, 100 и более рублей»[47].

Это меткое замечание показывает важные особенности оброка в России, во всяком случае в пору разложения и кризиса крепостного хозяйства. «...Оброк у нас довольно мало отличается от барщины по своему влиянию на характер хозяйства: возвышаясь соразмерно возвышению доходов крестьянина, он точно так же, как и барщина, противодействует энергии труда, потому что стремится постоянно поглощать все избытки, ими производимые. Дело иное, если бы наш оброк не возвышался произвольно»[48].

Чернышевский подчеркивает, что оброк вводится для увеличения доходов помещика, а не для облегчения труда крестьян; «оброк есть средство получать с поместья больше доходов, нежели могла бы доставить барщина; ни к чему другому ни средством, ни шагом он не служит»[49]. Чернышевский ведет ожесточенную борьбу с теми защитниками крепостного строя, которые пытались представить рост числа оброчных как шаг в сторону отмены отношений принудительного труда, а оброк — как нечто аналогичное капиталистической земельной ренте. Поскольку Чернышевскому не было известно понятие прибавочной стоимости и то, в каких формах прибавочная стоимость себя обнаруживает, ему невозможно было провести водораздел между оброком как формой существования всего прибавочного продукта и рентой при капитализме как формой существования добавочной прибыли, однако ему удается весьма ярко показать глубокое различие между оброком и рентой. Иронизируя по поводу «сближения» оброка и ренты, Чернышевский пишет: «Чрезвычайно любопытно сближение его (оброка. — *Н. Ц.*) с поземельной рентой: оно совершенно похоже на сближение обязательного труда вообще с наемным трудом. Рента определяется свободной торговой сделкой между отдающим и нанимающим землю точно так, как плата за работу свободным торгом между нанимателем и нанимающимся. Оброк назначается волей землевладельца точно так же, как и вообще размер обязательного труда. Ни на один волос не ближе оброк к ренте, нежели барщина к найму»[50].

Это высказывание Чернышевского ярко показывает строгое различение им отношений крепостнического и капиталистического порядка.

Показывая соотношение оброчного и барщинного хозяйства в

[47] Там же, с. 103.
[48] Там же, с. 86.
[49] Там же, с. 103—104.
[50] Там же, с. 104.

России, Чернышевский подчеркивает, что барщина играла тогда господствующую роль в земледельческом строе России. Он отмечает весьма характерное явление: «...на оброк отпускаются крестьяне преимущественно в поместьях малоземельных»[51]. Чернышевский ставит также принципиальный вопрос о значении принудительного труда как фактора экономического развития. Он выдвигает глубокую и верную мысль о том, что тормозящее влияние принудительного труда на народное хозяйство больше, чем удельный вес этого труда. Подневольный труд отражается на всей системе народного хозяйства. Принудительный труд, писал Чернышевский, является «коренной причиной нашей бедности»[52], бедности страны в целом.

Дав всестороннюю критику крепостного строя как тормоза экономического развития, Чернышевский развивает программу его ликвидации. Эту программу он развертывает на новой исторической ступени — в условиях кризиса крепостничества и резкого возрастания борьбы крестьянства против крепостнического гнета. Его программа не сводится только к ликвидации принудительного труда и к личному освобождению крестьянина. Чернышевский показывает, что в связи с личным освобождением первостепенное значение получает задача борьбы за землю.

Разработка вопроса о земле на новой исторической ступени и по-новому составляет одну из крупнейших заслуг Чернышевского. Он поставил вопрос о необходимости коренного изменения и собственности на землю, и хозяйства на земле.

Чернышевский устанавливает, что после освобождения крестьян помещики не смогут успешно вести хозяйство; фермеры-капиталисты не играют сколько-нибудь значительной роли в земледелии России и навряд ли в ближайшее время смогут играть такую роль; основой земледельческого производства в России должно стать крестьянское хозяйство.

Чернышевский критикует помещичью земельную собственность как феодальный институт, не соответствующий требованиям нового времени. На Западе поземельная собственность «возникла из феодализма и в главной массе своей представляется остатком его»[53]. Теперь эту поземельную собственность необходимо ликвидировать. Чернышевский критикует тех экономистов, которые считают ликвидацию западной формы поземельной собственности «нарушением естественного порядка»[54]. «Теперь, — пишет он, — состав и потребности общества вовсе не те, как во времена феодализма»[55].

Чернышевский внушает мысль, что поземельные собственники — феодалы не могут стать непосредственными хозяевами сельскохозяйственных предприятий. В качестве примера он при-

[51] Там же, с. 86.
[52] Там же, с. 81.
[53] Чернышевский Н. Г. Экономическая деятельность и законодательство.— Полн. собр. соч., т. V, с. 613.
[54] Там же.
[55] Там же.

водит английских лендлордов. «При условии английской жизни и при обширности поместий, лендлорду невозможно быть самому своим фермером. Поэтому, хотя с абстрактной точки зрения собственнику выгоднее самому возделывать свою землю, но в Англии преобладает отдача ферм внаймы, и ратовать против такого стремления английских лендлордов — вещь совершенно напрасная, пока остаются нынешние обычаи и нынешнее распределение поземельной собственности»[56]. Он указывает, что и русские помещики тоже будут испытывать трудности, если они станут пытаться переходить от крепостнического хозяйства к капиталистическому.

Жестокой критике подвергает Чернышевский тех апологетов крепостного хозяйства, которые утверждали, что переходить от принудительного труда к вольнонаемному не следует потому, что принудительный труд дешевле вольнонаемного и что предприятие, основанное на наемном труде, якобы не окупается.

Чернышевский различает «выгодность» хозяйства и его «производительность»; капиталистическое предприятие как коммерческое он противопоставляет крепостническому как находящемуся в противоречии с экономическим расчетом. Доход капиталистического предприятия, пишет Чернышевский, будет меньше дохода с крепостнического поместья только в том случае, если капиталистическое предприятие ведется теми же методами, что и крепостническое поместье. Он по существу приходит к правильной мысли, что капиталистическое предприятие обеспечивает предпринимателю больший доход, чем крепостное поместье той же капитальной стоимости. Капитализация крепостного поместья, определение его стоимости происходят на базе процента, а доход капиталистического предприятия возникает на базе закона средней прибыли; процент есть лишь часть прибыли, часть же всегда меньше целого.

Но дело не только в этом. Чернышевский не верит в возможность развития сельского хозяйства на базе капиталистического предпринимательства самих помещиков. Сопротивление помещиков отмене крепостного права он выводит из того, что помещики не сумеют вести хозяйство на коммерческих основаниях. «Человек, имеющий возможность получать, через отдачу своей недвижимой собственности внаймы, без всяких хлопот ренту, доставляющую ему избыток в жизни, не захочет возиться сам с скучными хлопотами земледельческого хозяйства»[57]. Что же противопоставлял Чернышевский помещичьему хозяйству? — Крестьянское хозяйство. Игнорирование экономики крестьянского хозяйства он считал пороком английской и вообще всей западноевропейской политической экономии.

«Английские политико-экономы, вместе со всею английскою публикою, вообще почти не имеют понятия о быте поселянина-собственника, уцелевшего лишь в немногих и маленьких темных

[56] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд, с. 52—53.
[57] Чернышевский Н. Г. Ответ на замечания г. Провинциала. — Полн. собр. соч., т. V, с. 153.

уголках Англии, куда еще не успела проникнуть новая коммерческая жизнь»[58].

Включение в политическую экономию учения о крестьянском хозяйстве Чернышевский считает одним из важнейших отличий своей теории от буржуазной политической экономии. «Именно то, что мы допускаем к должному участию в установлении политико-экономических принципов понятие о поселянине-собственнике, и служит одною из главных причин разницы наших мнений от господствующих»[59].

Форму крестьянского хозяйства Чернышевский считает высшей из всех существующих форм. Он пишет: «В действительности по вопросу о пользовании продуктом труда высший элемент, знакомый нашему воображению, — положение поселянина-собственника. Все теории коренных улучшений человеческого быта построены на этом понятии. Со временем, конечно, будет представлять действительность данные для идеалов, более совершенных; но теперь никто не в силах отчетливым образом описать для других или хотя бы представить самому себе иное общественное устройство, которое имело бы своим основанием идеал более высокий»[60].

Означает ли это, что идеалом Чернышевского является мелкое крестьянское хозяйство? — Нет. Что имеет в виду Чернышевский, говоря о преимуществе одного вида производства над другим? Он сравнивает разные виды хозяйства в свете тех стимулов, которые эти виды хозяйства создают для непосредственных производителей. С этой точки зрения Чернышевский считает, что наиболее успешной формой хозяйства является хозяйство крестьянина-собственника. «Высока или низка наибольшая возможная успешность труда в данной стране, дело, опять зависящее от политических и климатических условий и от того, какой метод производства употребляется. Но каков бы то ни был этот maximum, работа поселянина-собственника всегда достигает его, между тем, как, при тех же условиях, работа половника имела бы гораздо менее успешности, работа вольного наемщика — еще меньше, не говоря уже об обязательном труде»[61].

Чернышевский соглашается с Миллем, что «хозяйство поселян-собственников при одинаковости условий несравненно успешнее хозяйства фермеров-капиталистов»[62]. Но из сказанного нельзя делать вывода, что Чернышевский считает, будто мелкое крестьянское хозяйство при всех условиях имеет преимущества по сравнению с хозяйством фермеров-капиталистов. Чернышевский указывает, что капиталистическое производство как крупное имеет преимущества перед мелким крестьянским хозяйством. «Перевес

---

[58] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю).— Полн. собр. соч., т. IX, с. 452.
[59] Там же, с. 454.
[60] Там же, с. 465.
[61] Там же, с. 452.
[62] Там же. с. 456.

выгод, даваемых делу усовершенствованными процессами, требующими обширных размеров производства, так велик, что ни в какой отрасли экономического быта мелкое хозяйство не может выдерживать соперничества с большим, как скоро процесс технологии и механики открывает возможность усовершенствованных процессов в этом деле и начинает прилагаться к делу капитал большими массами: никакое усердие в труде не спасает мелкого хозяина, когда являются у большого хозяина усовершенствованные процессы, не доступные мелкому. Если при нынешнем общественном устройстве поселяне-собственники еще сохранились на континенте Западной Европы, это лишь потому, что земледелие в их местах еще сохранило неразвитые процессы производства и в больших хозяйствах. Когда оно станет (а оно уже начинает становиться) не патриархальным, а коммерческим делом, мелкие хозяйства должны погибнуть при нынешнем экономическом устройстве» [63].

Для Чернышевского мелкое крестьянское производство не является абсолютной формой производства. Над некоторыми формами производства оно имеет безусловные преимущества. Над капиталистическим же предприятием оно имеет преимущество лишь тогда, когда капиталистическое предприятие не вооружено передовой техникой. В условиях выхода из крепостного общества крестьянское самостоятельное хозяйство обладает безусловными преимуществами по сравнению с любой другой формой производства, которая тогда существовала. Поэтому в тот период времени Чернышевский выступал в защиту мелкокрестьянской формы хозяйства.

Две задачи крестьянской революции

Чернышевский теоретически обосновывает преимущества крестьянского хозяйства в условиях выхода из крепостнического строя и в соответствии с этим развивает программу антикрепостнической крестьянской революции. Он провозглашает необходимость ликвидации помещичьего землевладения — основы помещичьего хозяйства — и замены помещичьего хозяйства крестьянским. В этом и состоит суть крестьянской революции, целью которой является победа самостоятельного крестьянского хозяйства над помещичьим путем ликвидации помещичьей земельной собственности.

Во имя победы этих программных положений Чернышевский подвергал уничтожающей критике представителей помещичьего либерализма, которых он разоблачал как защитников программы крепостников.

Чернышевский призывал к революционной ликвидации помещичьей собственности. В рецензии на статью одного из видных

[63] Там же, с. 458.

дворянских либералов — В. Безобразова «Физиология общества» Чернышевский приводит следующее положение из названной статьи: «Общество обязано дать движение новым интересам, но также обязано дать вознаграждение старым». Чернышевский показывает смысл этого помещичье-либерального тезиса: можно отменить крепостное право, но так, чтобы помещики не были ущемлены в своих интересах. Тезис Безобразова был направлен на идеологическое оправдание ограбления крестьян при освобождении их от личной крепостной зависимости.

В ответ на этот тезис Чернышевский пишет: «Неужели общество, развивающееся не всегда в нормальных обстоятельствах, не порождает иногда интересов, не заслуживающих ни малейшего снисхождения и долженствующих считать себя счастливыми уже тогда, когда при первой возможности уничтожаются безнаказанно? Когда в XIII в. Рудольф Габсбургский уничтожал разбойничьи феодальные замки на берегах Рейна и в Швабии, разбойники, в течение ста или двухсот лет потомственно грабившие всех приезжих и всех соседов, неужели могли требовать вознаграждения, ссылаясь на право давности? Ведь они лишались части своих доходов. Но какое дело было до того Рудольфу Габсбургскому? Вот иное дело если б эти люди, не дожидаясь, пока общее чувство восстанет против них и смирит их против их воли, прежде того времени и добровольно выразили готовность отказаться от привычки жить чужим добром, насильственно отнимаемым... по юридическому же правилу, грабитель не заслуживает ровно никакого вознаграждения за то, что отказывается от грабежа — он счастлив должен быть уже тем, когда не взыскивают с него денег, награбленных им»[64]. Нетрудно догадаться, что под разбойниками Чернышевский имел в виду помещиков. В революционном духе он разоблачал всякие попытки компенсации помещиков при освобождении крестьян.

Чернышевский понимал, что изменение формы отношений между помещиками и крестьянами неизбежно повлечет за собой развитие новых, буржуазных отношений. Но он знал, что усилия реформаторов были направлены на то, чтобы в максимальной мере сохранить зависимость крестьян от помещиков, обеспечить в будущем закабаление крестьян.

Главный удар теории крестьянской революции направлен против крепостничества. Ликвидация крепостничества создает условия для развития промышленности, торговли, имеющих капиталистическую форму. Это развитие представляет собой прогресс по сравнению с крепостничеством.

Однако демократическая теория Чернышевского направлена против крепостничества как строя эксплуататорского. Она не может быть утверждением капиталистического строя, ибо последний является тоже эксплуататорским.

Непосредственным результатом антикрепостнической крестьян-

[64] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, с. 799—800.

ской революции должно быть утверждение строя мелких самостоятельных производителей — крестьян. Эта форма экономического быта не может оставаться неизменной. Характер изменений хорошо известен Чернышевскому: здесь неизбежно возникает имущественное неравенство, развивается капиталистическое неравенство, т. е. вновь возникает эксплуататорский строй. Таким образом, по Чернышевскому, непосредственная цель крестьянской революции не является ее конечной целью, поскольку эта революция предполагает ликвидацию эксплуатации человека человеком. Ее целью служит строй, в котором нет эксплуатации человека человеком.

Таким образом, в теории крестьянской революции Чернышевского совмещаются задачи двух разных революций — антикрепостнической и антикапиталистической.

По мысли Чернышевского, социализм представляет собой самую лучшую форму общества, обеспечивающую наиболее быстрое развитие производительных сил. Возможность его осуществления определяется переходом к социалистическим формам быта тех общественных групп, которые заинтересованы в них, которые считают их наиболее выгодными для себя.

Раскрытие Чернышевским зависимости форм труда от характера «производительных процессов» позволило ему подняться в понимании закономерностей развития общества выше всех его предшественников. Эта материалистическая теория не была, однако, соединена с диалектическим анализом исторической смены форм собственности, также представляющим собой высший пункт учения о развитии форм собственности домарксова социализма. Поэтому поиски корней нового строя не всегда идут у Чернышевского в плоскости анализа производительных сил. Часто он обращается прямо к форме собственности как непосредственной опоре для развития новой, более высокой формы собственности. При этом преимущественное значение он придает форме собственности на землю.

В нашей литературе при анализе воззрений Чернышевского на задачи крестьянской революции сплошь и рядом не точно оценивается место в них взглядов на общинное земледелие.

Ближайшая задача, которая занимала Чернышевского, заключалась в том, чтобы обеспечить самостоятельность крестьянского хозяйства. В «Ответе на замечания г. Провинциала» Чернышевский указывает, что его забота о сохранении общинного земледелия вызвана желанием сохранить крестьянское хозяйство. Чернышевский четко разграничивает общинное землепользование и общинное товарищеское производство. Отстаивая общинное землепользование, он имел в виду в качестве непосредственного его результата сохранение крестьянского хозяйства от разорения, от утечки крестьянской земельной собственности. Принцип частной земельной собственности отвергался Чернышевским не потому, что он считал его противоречащим природе крестьянского хозяйства, а потому, что частная земельная собственность не могла, по его

мнению, сохраниться в руках крестьянства. В силу законов конкуренции она должна подвергаться концентрации, а крестьяне — обезземеливаться.

Чернышевский не рассматривает частную крестьянскую собственность на землю и общинное землевладение как антагонистов. Эти две формы не должны противопоставляться друг другу, обе они являются основами крестьянского хозяйства. Общинную поземельную собственность Чернышевский противопоставляет помещичьей и крупнокапиталистической. И та и другая исключают возможность существования самостоятельного крестьянского хозяйства. Частная же крестьянская земельная собственность не исключает существования самостоятельного крестьянского хозяйства, так же как и общинная поземельная собственность. Разница между первой и второй заключается в том, что первая не дает гарантий сохранения самостоятельности крестьянского хозяйства, вторая же обеспечивает возможность ее сохранения, поскольку форма общинного землевладения не допустит утечки крестьянских земель.

Критика Чернышевским частной собственности относилась не к крестьянской частной собственности, а к собственности, создающей возможность эксплуатации. Общинная форма землепользования сама по себе не обеспечивает более производительной формы крестьянского хозяйства по сравнению с частной крестьянской собственностью на землю. Только общинное, т. е. товарищеское, производство обеспечит более производительный характер хозяйства.

По мнению Чернышевского, в ближайшие 10—15 лет фермерски-капиталистическое хозяйство еще не станет значительной силой, способной пролетаризировать крестьянские хозяйства. Но в более далекой перспективе он считает угрозу крестьянскому хозяйству совершенно реальной. Чтобы уберечь его от опасности подчинения фермерскому хозяйству, необходимо укрепление общинного землевладения.

Разбить крепостничество — значит, по Чернышевскому, открыть эру самостоятельного хозяйства трудящихся. Удержать эту эру в неизменном состоянии нельзя, но можно удержать самостоятельность трудящихся путем их объединения в товарищества. Разбив крепостничество, надо не допустить капитализм и развить социализм. Социализм постепенно разовьется из мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства, покоящегося на общинном землевладении.

Таким образом, неизбежность капитализма как исторической ступени развития общества на пути к социализму Чернышевским не была понята. В представлениях Чернышевского капитализм — возможный, но не обязательный, да и нежелательный путь. Есть прямой путь — от самостоятельного хозяйства единоличных производителей к самостоятельному хозяйству коллективных производителей.

Теория крестьянской революции Чернышевского направлена на

низвержение крепостничества и недопущение капитализма. В отличие от теории пролетарской революции, задачей которой является низвержение капитализма, теория крестьянской революции такой задачи не ставит. Антикапиталистическая задача крестьянской революции сводится не к уничтожению капитализма, поскольку он еще не существует, а к созданию условий недопущения победы капитализма как общественного строя.

В литературе о Чернышевском различие задач крестьянской революции часто не проводится, и две задачи крестьянской революции ставятся рядом друг с другом, как равнозначные, решаемые совершенно одинаково одним и тем же классом — крестьянством. Между тем в теоретической системе Чернышевского капитализм не низвергается крестьянской революцией, а не допускается ею. Крепостничество же низвергается крестьянской революцией. Единство двух задач крестьянской революции не исключает глубоких различий между ними.

Несмотря на одновременную постановку обеих задач, Чернышевский не просмотрел прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством. Если взять последующую эволюцию русской экономической мысли, то, как известно, для определенного крыла ее — народничества — было характерно отрицание прогрессивности капитализма. Народники хотели миновать капитализм, считая его регрессом. Чернышевский же хочет миновать капитализм как строй, хотя знает его прогрессивность. Такова огромная разница в подходе к капитализму между Чернышевским и народниками. Но есть и нечто общее. Оно заключается в том, что и Чернышевский не нашел в капитализме ничего такого, что могло бы пригодиться для социализма.

У Чернышевского мы имеем революционно-демократическую критику капитализма: критика капитализма сопряжена у него с критикой крепостничества, ведется с позиций крестьянского социализма, в интересах трудящихся; революционный демократизм Чернышевского, как демократизм крестьянский, ставит задачу революционной ликвидации крепостничества и недопущения победы капитализма как эксплуататорского строя. Капитализм прогрессивнее крепостничества, поэтому он меньшее зло, чем крепостничество. Но нет никакой неизбежной необходимости в переходе от крепостничества к капитализму. Возможен переход к социализму, минуя капитализм. На развалинах крепостничества возникает мелкое самостоятельное производство, которое имеет прямую дорогу к социализму, минуя капитализм как господствующий строй. Мелкое самостоятельное производство утверждается ликвидацией крепостничества, мелкий производитель имеет гарантию сохранения своей самостоятельности в товариществе при социализме. Прохождение мелкого производителя через горнило капитализма необязательно. Поэтому стоит задача критики не только крепостничества, но и капитализма. Крепостничество критикуется и с позиций мелкого самостоятельного производителя, и с позиций капитализма. Обе эти формы даны реально-исторически. Антикре-

постнические задачи крестьянской революции получили у Чернышевского вполне ясное программное выражение — требование ликвидации помещичьей земельной собственности и помещичьего хозяйства. Антикапиталистические задачи сводятся к утверждению общинного землевладения.

3

Анализ и критика капитализма. Сущность капитала

Капитал получает у Чернышевского общественное определение, хотя на первый взгляд кажется, что понятие капитала он сводит к вещам. По Чернышевскому, к капиталу относятся те вещи, на которые затрачен человеческий труд. Силы природы не являются капиталом, хотя их полезное действие может быть совершенно тождественным действию тех вещей, которые являются продуктом труда.

Далее, капиталом являются только те продукты человеческого труда, которые служат производству. Служат ли они производству или не служат — это определяется не только их физической природой, а прежде всего их назначением в обществе. Если предмет потребления является предметом пропитания рабочего, занятого в производстве, то он является капиталом, если же он предмет роскоши, то он не капитал. Таким образом, капитал получает социальную характеристику, хотя она исторически не определена.

Определение Чернышевским капитала направлено против капиталистических производственных отношений. Он говорит, что достаточность или недостаточность капитала в стране зависит от «распределения рабочих сил между выгодным и убыточным производством и от распределения продуктов, могущих быть капиталом, между выгодным и убыточным потреблением; а оба эти обстоятельства зависят от экономических учреждений страны»[65], под которыми он понимает гражданские отношения между ее жителями.

Таким образом, под капиталом Чернышевский понимает, по сути дела, общественный фонд производства, т. е. ту часть вещей, которую общество предназначало для «выгодного производства» и «выгодного потребления». Величина этого фонда зависит от экономических отношений. Отделяя понятие капитала от капиталистических отношений, Чернышевский опровергает буржуазную догму о том, что капиталистическая форма производства есть будто бы извечная форма, органически вытекающая из естественного характера общественного производства. Анализ капитала служит доказательством того, что капитализм не обеспечивает возможного максимального роста общественного производства и общественного фонда производства. Тот факт, что фонд производства сосре-

[65] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 149—150.

доточен у капиталистов и они имеют большие доходы, которые расходуют на предметы роскоши, является причиной задержки роста общественного производства.

Положение о том, что капитализм и капитал — не одно и то же, звучит, конечно, как парадокс, но у Чернышевского этот парадокс служит научной критике. Нельзя объявлять законы капитализма законами, вытекающими из природы вещей — вот вывод, к которому приходит Чернышевский и который имеет важное значение для критики капитализма. Определение капитала, данное Чернышевским, разоблачает буржуазную трактовку капитала как понятия, которое будто бы неотделимо от понятия фонда производства. Под видом фонда производства буржуазная политическая экономия объявляет вечными все те специфические формы, которые в действительности не являются вечными, а представляют собой результат данной системы производственных отношений.

Чернышевский считает, что капитал есть нечто вечное, раз навсегда данное, а наряду с ним имеется специфически историческая форма, которая представляет собой неудачную внешнюю форму этого вечного содержания. Задача заключается в том, чтобы снять эту форму и выявить содержание, скрытое за этой нерациональной формой.

Интересны и важны рассуждения Чернышевского о связи труда и капитала. Он говорит, что все экономические явления должны быть сведены к труду как своему основанию. «Коренная идея науки, — пишет он, — ...заключается в том, что труд есть единственный источник производства с человеческой точки зрения»[66]. Самый труд не получает у него никакой специфической общественной характеристики и берется как один и тот же равнозначный труд. Но и эта характеристика труда служит критике капитала. Чернышевский доказывает, что не труд должен быть подчинен капиталу, а, наоборот, капитал должен быть подчинен труду: «Капитал составляет только видоизменение труда и притом видоизменение очень мимолетное, исчезает чрезвычайно быстро, так что поддерживается лишь постоянным воспроизведением через труд и по существу дела не имеет ни малейшей независимости от труда, который один и создает и сохраняет его. Из этого легко видеть, что всякая претензия приписывать капиталу не только преобладание над трудом, но хотя бы какую-нибудь самостоятельность, должна считаться уклонением от нормального экономического порядка»[67].

Критика разделения труда при капитализме

С критикой капитала непосредственно связана и критика разделения труда при капитализме.

[66] Там же, с. 164.
[67] Там же.

Нельзя сказать, что к проблеме разделения труда Чернышевский подходит только с физиологической стороны, как сам он это формально декларирует[68].

Чернышевский подчеркивает значение разделения труда как фактора роста его производительности: Рост производительности труда он связывает с ростом сохранности и производительности самого работника. Ему важно не только то, сколько производит труд, но и то, в каком состоянии оказывается работник после процесса труда. Иначе говоря, к разделению труда он подходит с точки зрения интересов трудящихся.

Сохранение организма работника в удовлетворительном состоянии является не только физиологической, но прежде всего экономической проблемой. Это проблема сохранности основной производительной силы общества.

По Чернышевскому, разделение труда вообще — хорошо, но разделение труда в буржуазном обществе — худо, так как оно постоянно приковывает рабочего к одной и той же частичной операции, что вредит организму. «Высокое разделение труда при нынешнем порядке производства, по которому каждый работник вечно остается при одной и той же частице дела, ведет к порче организма в огромном большинстве работников, находящихся при процессах усовершенствованного производства»[69].

Чернышевский ставит следующую проблему. В современном обществе разделение труда оказывает вредное влияние на экономический быт (здесь он имеет в виду зарплату) и «на самый организм рабочего сословия»[70]. Вместе с тем разделение труда увеличивает производство. «Элемент, развитие которого необходимо для благосостояния, гибелен для массы людей своим развитием»[71]. Здесь Чернышевский по существу раскрывает глубокое внутреннее противоречие капиталистического разделения труда.

По мнению Чернышевского, для успешного роста разделения труда и его производительности совершенно не обязательно пожизненное прикрепление работника к одной частичной операции. Переход от одной функции к другой является фактором повышения производительности труда. Эти переходы сохраняют и развивают организм работника, его умственные способности, а развитие последних есть важнейший фактор роста производительности труда.

Вместе с тем здесь заключена и критика капитализма, углубляющего различие и противоположность между умственным и физическим трудом. Капитализм приводит к пожизненному закреплению работника за одними и теми же частичными операциями и лишает труд всякой творческой потенции. По Чернышевскому, работник, который был бы знаком не с одним каким-либо видом производства, а переходил бы от одного производства к другому,

[68] Там же, с. 187.
[69] Там же, с. 189.
[70] Там же, с. 191.
[71] Там же.

являлся бы творческим работником, более сознательно относящимся к процессу производства. В пожизненном закреплении за отдельными работниками одних и тех же операций Чернышевский видит явление специфически капиталистическое, не вытекающее из самого процесса разделения труда, которое он рассматривает как прогрессивный процесс. Капитализм, по мнению Чернышевского, закрепляет отдельных работников за отдельными операциями потому, что это обеспечивает капиталистам возможность понижения заработной платы и повышения прибылей.

Чернышевский указывает, что «совершенствование производительных процессов при нынешнем экономическом порядке необходимо ведет к упадку рабочего класса в экономическом отношении»[72]. Этот упадок он видит прежде всего в понижении заработной платы: при упрощении процесса труда, благодаря разделению труда, заработная плата рабочих падает.

Критика капиталистического разделения труда, данная Чернышевским, имеет огромное научное значение. Она дает возможность понять, что прогрессивные тенденции в развитии общественного труда, выражающиеся, в частности, в разделении труда, благодаря капиталистической форме производства, обращаются против рабочего класса. Этим Чернышевский лишний раз подчеркивает исторически ограниченный характер капитализма как формы развития производительных сил, показывает его хищнический характер. Рассуждения Чернышевского по данному вопросу перекликаются с мыслями Маркса, развитыми в «Капитале».

О производительном труде

К проблеме производительного труда Чернышевский возвращается неоднократно. Он отвергает буржуазные определения производительного труда и тот критерий, который берется Миллем для разграничения труда производительного и непроизводительного.

Чернышевский правильно отмечает несостоятельность миллевского разграничения производительного и непроизводительного труда, основанного не на общественном признаке, а на признаке материальности или нематериальности результатов труда. «Труд живописца или скульптора по этому делению будет называться производительным только оттого, что картина и статуя — вещи прочные и материальные, а труд актера и музыканта — непроизводительным; между тем, по всем коренным, важным для общества признакам все эти люди и их произведения составляют один разряд. Напротив, в один разряд с живописцем и скульптором ставятся землекоп и водовоз. Что общего между этими людьми и трудами их?»[73]

В качестве определяющего фактора Чернышевский вводит

---

[72] Там же, с. 190.
[73] Там же, с. 68.

другое — значение данного вида труда для роста производства. Признаком производительного труда «должно принять то, что его продукты служат источником нового производства, имеют своею целью увеличение средств к производству»[74]. В соответствии с этим он предлагает иное деление труда — на труд убыточный и выгодный.

Переход на новую терминологию нужен Чернышевскому для того, чтобы поставить вопрос о производительном и непроизводительном труде под углом зрения интересов общества. Выгодно или убыточно для общества то или иное производство — вот критерий, который должен быть единственным в различении производительного и непроизводительного труда. «Чья выгода тут разумеется? Наука говорит о нации, об обществе, о человеческом роде. Потому выгоду и убыточность надобно рассчитывать по делам общества, нации, человеческого рода. О какой именно выгоде надобно говорить? В политической экономии, занимающейся исследованием условий материального благосостояния, конечно, о выгоде для материального благосостояния.

Путь к увеличению материального благосостояния — производство; потому выгодно то, что ведет к увеличению производства»[75].

Таким образом, производительным трудом, по Чернышевскому, является труд, направленный на обеспечение производственных интересов общества. Он говорит о человеческом роде безотносительно к конкретно-исторической форме общества, в которой человеческий род существует. В данном случае налицо тот антропологизм, который сказывается и в других частях системы Чернышевского и который он открыто провозгласил своим символом веры. Чернышевский абстрагируется от определенной формы производства. В его определениях производительного и непроизводительного, выгодного и убыточного труда особенно ярко сказывается влияние того гипотетического метода, который провозглашен Чернышевским в качестве метода «теории трудящихся».

Недостатки в анализе проблемы Чернышевским не могут изменить огромного научного значения его высказываний по вопросам производительного труда. Во-первых, Чернышевский показывает несостоятельность буржуазных определений производительного труда. Во-вторых, путем анализа проблемы производительного и непроизводительного труда как выгодного и убыточного он по существу подвергает критике капитализм как такую форму производства, при которой распределение общественного труда между разными сферами общественного производства не обеспечивает необходимого и технически возможного роста производства. По существу Чернышевский здесь имеет в виду распределение совокупного общественного продукта. Оно, по Чернышевскому, осуществляется таким образом, что обеспечивается роскошь тех, кто никакого участия не принимает в производстве, а те, кто создает

[74] Там же.
[75] Там же, с. 69.

продукты, не получают необходимых средств существования, обеспечивающих высокий уровень производительности труда. Таким образом, проблема производительного труда Чернышевским доводится до проблемы производительности совокупного общественного труда, и в этой плоскости она ставится уже на вполне рациональную основу.

В самом деле, апелляция к обществу, к нации, к человеческому роду, имея антропологический характер, не продвигает решения проблемы производительного труда. Но, когда последняя переводится по существу в плоскость проблемы производительности совокупного общественного труда, она наполняется вполне реальным содержанием. Понятие производительного труда суммирует общественные черты труда; при каждом строе оно наполняется своим специфическим содержанием. Что же касается производительности общественного труда, то это есть понятие, единое для разных способов производства. Через уровень производительности общественного труда обнаруживаются преимущества одного строя над другим. Этот показатель един при всех способах производства: числитель здесь — продукт, а знаменатель — весь совокупный общественный труд. Один общественный строй имеет преимущества перед другим общественным строем именно и прежде всего по линии производительности общественного труда. Анализируя проблему убыточного и выгодного производства, Чернышевский по существу ставит вопрос о том, обеспечивает ли капитализм наиболее высокий уровень производительности общественного труда? И Чернышевский правильно пришел к отрицательному ответу на этот вопрос.

Подчеркивая, что труд в обществе распределен неправильно и что производятся предметы роскоши, в то время как массы не имеют самого необходимого, говоря, что труд, затраченный на производство предметов роскоши, является непроизводительным, Чернышевский наводит читателя на мысль, что при ином распределении общественного труда производительность всего общественного труда была бы выше.

Учение Чернышевского об убыточном и выгодном производстве, хотя методологически и связано с его надысторическим гипотетическим методом, оказывается весьма плодотворно. Оно не решает проблемы производительного труда, но помогает пониманию проблемы производительности общественного труда, пониманию крупнейших противоречий капитализма как исторически ограниченной формы производства.

Критика конкуренции. О законе стоимости

Чернышевский подвергает глубокой критике весь механизм капиталистического производства, обмена и распределения. Он критикует анархию капиталистического производства, являющуюся неизбежным спутником капиталистиче-

ской конкуренции, вскрывает глубокие противоречия последней и показывает изменения в экономическом положении классов буржуазного общества, которые должны вести к обострению противоречий между этими классами. Анализ Чернышевским механизма капиталистического производства также подчинен его основной задаче — раскрытию того, что капитализм является расточительным способом производства.

Чернышевский подвергает критике весь механизм обмена в условиях капитализма. Он показывает, что товарный обмен и все сопутствующие ему явления получают полное развитие только в условиях капитализма. Масштабы обмена резко возрастают, когда производство осуществляется при помощи наемного труда. А вместе с развитием обмена развертываются и его противоречия, противоречия капиталистической конкуренции.

Двигаясь от одной категории к другой, Чернышевский подвергает критике все экономические отношения капитализма по существу с позиции социализма. Сравнительный анализ разных форм «экономического быта», который Чернышевский предпринимает при анализе капиталистических отношений, ярко показывает, что историзм Чернышевского не ограничивается только тем положением, что капитализм должен быть сменен более высокой формой экономического устройства — социализмом. Сами капиталистические экономические формы рассматриваются им как результат прогрессивного развития общества от низших форм к высшим.

Обмен и конкуренцию, деньги и кредит, развивающиеся в условиях капитализма, Чернышевский рассматривает как определенные исторические ступени развития экономических отношений людей, обеспечивающие больший прогресс, чем те формы, которые существовали до них. Сравнивая «патриархальный быт» с «экономическим бытом», в котором имеются обмен и конкуренция, Чернышевский пишет: «Являясь на базар, на ярмарку, на биржу, производитель видит свой товар сравниваемым с подобными товарами всех производителей целого обширного округа или целой страны, целого света; формою сравнения успешности производства тут служит цена. Производитель возбуждается к заботе об усовершенствованиях уже не одними своими личными наблюдениями и знакомствами, а всяким усовершенствованием у кого бы то ни было, где бы то ни было достигнутым»[76].

Чернышевский показывает принудительный характер конкуренции как фактора усовершенствования производства в условиях товарного производства. Он вскрывает и противоречия конкуренции, вытекающие из действия закона стоимости при капитализме.

Конкуренция помогает производителю узнавать усовершенствования, сделанные в производстве другими, и оценивать их. Но при капитализме производители стремятся держать в секрете методы усовершенствования. «Кто выучился пользоваться изобретением,

---

[76] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). — Полн. собр. соч., т. IX, с. 417.

выгода того требует, чтобы другие как можно дольше не пользовались им»[77].

Вследствие конкуренции существует «промышленная неприязнь между разными странами, разными провинциями одной страны, разными производителями одной провинции; экономическая неприязнь между сословиями; слишком рискованные обороты, кончающиеся промышленными кризисами...»[78].

Наконец, Чернышевский обращает внимание на ту форму конкуренции, которая весьма выгодна капиталистам и весьма невыгодна рабочим. «Рабочая плата определяется уравнением запроса и снабжения. Чем больше людей, ищущих работу, тем ниже рабочая плата; следовательно, прямая выгода каждого нанимателя труда состоит в том, чтобы людей, ищущих работы, являлось как можно больше, то есть, чтобы простонародье размножалось как можно быстрее. Смотрите же теперь, какое противоречие: чтобы улучшилось положение работника, должно уменьшиться размножение; чем меньше будет масса простонародья, тем лучше будет каждому простолюдину; но чем больше будет размножаться простонародье, тем выгоднее нанимателю труда; следовательно, на сколько размножение убыточно целому обществу и каждому простолюдину, на столько же оно выгодно сословию, господствующему над экономическими явлениями»[79].

Хотя проблему спроса и предложения труда Чернышевский не связывает с ходом капиталистического процесса накопления капитала и ставит масштабы предложения рабочей силы в зависимость от естественного прироста населения, тем не менее Чернышевский показывает, к каким тяжелым для трудящихся последствиям ведет в условиях капитализма конкуренция рабочих между собой за возможность продать свою рабочую силу.

Чернышевский решал двуединую задачу — критики крепостничества с точки зрения капитализма как более высокой формы, обеспечивающей в отличие от крепостничества прогресс в развитии производительных сил, и критики капитализма с точки зрения социализма, обеспечивающего полный простор развитию производства.

* *
*

Критика конкуренции у Чернышевского связана непосредственно с его анализом действия закона стоимости при капитализме и критикой капиталистической системы в целом.

Чернышевский воспринимает трудовую теорию стоимости; источником стоимости и ее мерой, по Чернышевскому, является труд.

[77] Там же, с. 419.
[78] Там же, с. 420.
[79] Там же, с. 421.

Как известно, многие утопические социалисты считали, что отклонение цен от стоимости противоречит принципу трудовой стоимости. Коренной недостаток капитализма они видели в нарушении этого принципа, а главную задачу социализма усматривали в том, чтобы утвердить действие закона трудовой стоимости. В связи с этим возникло много различных теорий «рабочих денег».

Подобно утопическим социалистам, Чернышевский рассматривал стоимость как вечную, внеисторическую категорию. Но утопические социалисты все свое внимание посвятили проектам устранения отклонения цен от стоимости и не анализировали характер действия закона стоимости в условиях капитализма. В отличие от них Чернышевский подвергает анализу форму действия закона стоимости в условиях капитализма и пытается определить также характер действия закона стоимости в условиях нового, социалистического общества.

При рассмотрении закона стоимости в условиях капитализма Чернышевский обращает внимание на два обстоятельства: во-первых, на колебательные движения меновой стоимости под влиянием изменений в спросе и предложении; во-вторых, на постоянное отклонение меновой стоимости от стоимости.

При анализе закона стоимости он оперирует рядом понятий: меновая ценность, внутренняя ценность, стоимость производства, определяемая суммой издержек производства и прибылью, стоимость производства, определяемая непосредственно затратами труда.

Меновая ценность, по Чернышевскому, есть категория, которая действует в условиях, когда труд выступает в качестве товара, т. е. в условиях капитализма. Меновая ценность выражает отношения между товарами, как они складываются на данной ступени производительности труда и при данном распределении покупательной силы в условиях капиталистической системы производства и распределения. Стоимость производства выражает объективные затраты, сделанные при производстве того или иного товара. Не всякий продукт, на который затрачен труд, обладает внутренней ценностью. Товар может не иметь внутренней ценности, хотя меновой ценностью и обладает. Но без стоимости производства продукты не могут обладать ни меновой, ни внутренней ценностью.

Чернышевский знает, что в результате движения спроса и предложения цены товаров движутся вокруг стоимости производства. Цены не совпадают со стоимостью производства, когда спрос и предложение не равны. Когда же они равны, то меновая ценность (цена) совпадает со стоимостью производства.

Чернышевский показывает, что в условиях, когда сам труд является товаром, стоимость не определяется непосредственно трудом. И он критикует капиталистический механизм действия закона стоимости по разным направлениям.

В этой критике имеются моменты, относящиеся к закону стоимости как таковому, к его действию в условиях всякого товарного производства. Но есть и моменты, выводящие проблему за рам-

ки товарного производства. Закон стоимости, действующий в условиях стихийного производства, товарно-капиталистического производства, Чернышевский критикует с позиции социалистического производства.

Переплетение этих разнородных моментов в критике закона стоимости создает трудности для понимания концепции Чернышевского, которая по существу сводится к следующему.

Действие закона стоимости нельзя оторвать от тех отношений, которые являются определяющими для данного общественного строя. Капиталистическая система распределения, обусловленная распределением главных факторов производства, характером собственности на труд, землю и капитал, порождает определенную форму действия закона стоимости. Наиболее характерным признаком капитализма является превращение труда в товар. При этой форме экономического устройства распределение покупательной силы осуществляется так, что оно не обеспечивает необходимого и возможного роста производства. Это и находит свое выражение в несоответствии меновой ценности с внутренней ценностью. Понятие внутренней ценности предполагает такое распределение общественного труда между разными сферами производства, при котором обеспечивается производство предметов, служащих производству, способствующих его росту.

Таким образом, понятие внутренней ценности у Чернышевского не идентично понятию потребительной стоимости, как это может показаться и как это понимают некоторые исследователи его воззрений. Понятие внутренней ценности не совпадает у Чернышевского и с понятием конституированной стоимости Прудона, как это интерпретирует Г. В. Плеханов.

Сущность конституированной стоимости у Прудона сводится к совпадению цены со стоимостью. Но Прудон своей теорией отразил идеологию мелкого товаропроизводителя, который боится отклонений цен от стоимости. Прудон — противник обобществления производства; он стремится оставить производство товарным и изменить лишь форму обмена. Для него высшая задача — обеспечить совпадение цен со стоимостями. Проблема распределения общественного труда между разными сферами общественного производства как таковая не интересует ни Прудона, ни многих других теоретиков рабочих денег, которые не выходили за рамки товарной формы производства. Вопрос о типе пропорциональности общественного производства, его классовой основе не существует для них. Их удовлетворяет любое распределение общественного труда между разными сферами производства, лишь бы цена совпадала со стоимостью. Мелкий товаропроизводитель есть частный собственник, он не допускает вмешательства в свое производство. Независимо от того, как распределен труд между сферами производства, он хочет только одного — чтобы его собственное производство осталось самостоятельным и чтобы избежать тех неприятностей, которые несет ему рынок своими колебаниями цен.

У Чернышевского мы видим другое понимание вопроса. Он

знает, что, поскольку сохраняется частное товарное производство, неизбежно сохраняются и все связанные с ним особенности рыночного механизма. Чернышевский не стремится к изменению формы обмена при неизменной форме общественного производства.

Для Прудона и теоретиков рабочих денег критика закона стоимости ограничивается критикой механизма закона стоимости как такового: несовпадение цены со стоимостью — вот мишень их критики. Для Чернышевского же такое несовпадение не есть нечто противоречащее основе товарного производства. Поскольку остается товарное производство, постольку несовпадение цены со стоимостью является закономерным. Иначе говоря, Чернышевский не ограничивает свою критику закона стоимости только сферой обращения, только критикой механизма действия закона стоимости. Здесь опять-таки ярко сказывается то, что критика капитализма у Чернышевского не носит мелкобуржуазного характера.

Если теоретики рабочих денег усматривали главное зло капитализма в существовании денег и в ликвидации существующих при капитализме денег видели главную задачу, то Чернышевский считает деньги необходимым продуктом товарного обмена и необходимым его орудием. И не в деньгах видит он пороки капиталистического строя. Деньги являются необходимой формой реализации всех тех отношений, которые складываются при капитализме. Чернышевский метко указывает, что благодаря деньгам создается возможность концентрации покупательной силы в руках отдельных общественных групп, возможность установления экономической зависимости отдельных хозяйств от других. Но все эти моменты вытекают не из самой сущности денег. Деньги являются орудием установления зависимости, которая возникает из существующего общественно-экономического порядка.

Говоря о порядке дел, при котором «плохо удовлетворяется потребность материального благосостояния у огромного большинства людей», Чернышевский пишет: «Сущность дела тут вовсе не в деньгах, а в другом, несравненно более важном факте, из которого возникает и само преобладание денег, — в том, что нынешний экономический быт основан на обмене, а не прямо на тождестве производства с потреблением. Обмен так и должен вестись, как ведется, посредством денег или какой-нибудь другой общей меры ценностей, равносильной деньгам»[80]. При этом Чернышевский имеет в виду не просто обмен, а обмен, когда товаром становится труд, т. е. по существу обмен в условиях капиталистического общества.

Таким образом, в анализе роли и значения денег Чернышевский поднялся над классиками буржуазной политической экономии. Он понял значение денег для установления капиталистических отношений и для развития процессов централизации, характерных для капитализма.

---

[80] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). — Полн. собр. соч., т. IX, с. 559.

Правда, поскольку Чернышевскому не удалось дать анализ формы стоимости, ее развития, он оказался не в состоянии полностью выявить специфические законы движения денег в отличие от движения товара. Чернышевский, подобно Рикардо, считает, что деньги так же точно подчиняются механизму действия закона стоимости, как и товары. «Стоимостью производства определяется для монеты и для других товаров, количество которых может увеличиваться при возвышении ценности, прочный или долговременный уровень ценности, а временные колебания этого уровня определяются уравнением запроса и снабжения» [81].

Это высказывание не оставляет сомнений в том, что Чернышевский понимал механизм действия закона стоимости. Колебания цен он рассматривал не как нечто противоречащее природе капитализма и закону стоимости, а как необходимую форму действия последнего. Чернышевский, однако, не дошел до понимания того, что роль денег и товаров в процессе обмена различны, что категории спроса и предложения неприменимы к деньгам именно потому, что последние являются всеобщим эквивалентом.

При экономическом строе капитализма, подчеркивал Чернышевский, совпадение меновой и внутренней ценности невозможно. При капитализме меновая ценность может совпадать со стоимостью производства, но она никак не может совпадать с внутренней ценностью. Понятие внутренней ценности выходит за рамки капитализма. Если признать внутреннюю ценность в качестве фактора, определяющего взаимоотношение отраслей общественного производства, тогда роль меновой ценности отпадает. Следовательно, когда Чернышевский критикует капитализм за то, что здесь меновая ценность не совпадает с внутренней, то это есть критика не меновой ценности как таковой, а общественного строя, который неизбежно порождает такое отклонение.

При капитализме существует только меновая ценность и стоимость производства, а то, что Чернышевский называет внутренней ценностью, реально здесь не существует. Он и сам говорит: «Пусть не останавливают нас напоминания о том, что действительность не соответствует излагаемым нами принципам, — вероятно, мы сами очень хорошо это помним, когда все только к тому и говорим, чтобы обнаружить это несоответствие действительного положения с надлежащим положением» [82].

Отклонения от стоимости производства не противоречат природе меновой ценности, они находятся в пределах механизма самого закона стоимости. Закон же внутренней ценности имеет совершенно иную экономическую основу.

Эта мысль, быть может, не вполне очевидным образом выражена Чернышевским. Он писал: «При нынешней системе распределения понятие ценности очень важно. Если хотите, оно останется столь же важно и при более удовлетворительной системе рас-

[81] Там же, с. 560.
[82] Там же, с. 550.

пределения. Но важность будет придаваться тогда не тому видоизменению этого понятия, которое выставляется теперь на первый план, а другому, о котором господствующая теория говорит очень мало. Читателю известно, что сама эта теория различает два вида ценности: внутреннюю и меновую. О внутренней ценности она забывает тотчас же, как только скажет мимоходом, что есть кроме меновой ценности внутренняя, и сосредоточивает все свое внимание на одной меновой. Мы считаем это недостатком и, рассмотрев законы меновой ценности, исследуем, насколько позволяют нам пределы статьи, вопрос о том, какое влияние на экономическую судьбу общества должна произвести та неизбежная перемена, когда при развитии рассудительности люди станут прилежнее нынешнего всматриваться во внутреннюю ценность предметов»[83].

Из этой цитаты ясно, что, по Чернышевскому, буржуазная политическая экономия не занималась анализом внутренней ценности. Если бы Чернышевский имел в виду под внутренней ценностью потребительную стоимость, то его замечание по адресу буржуазной политической экономии не было бы правомерным. Буржуазная политическая экономия не игнорировала потребительной стоимости. Уже у Смита имеется различение потребительной стоимости и стоимости. Под внутренней ценностью Чернышевский подразумевает то, чем буржуазная политическая экономия вообще не занималась. Он указывает, что буржуазная политическая экономия, упомянув о внутренней ценности, тотчас же о ней забывает. И когда сам Чернышевский излагает механизм действия меновой ценности, ему нет никакой нужды возвращаться к внутренней ценности. При анализе меновой ценности внутренняя ценность и не нужна.

Внутренняя ценность может существовать при таком распределении общественного труда между разными сферами производства, которое не регулируется трехчленным распределением продукта, обусловленным фактом существования наемного труда. Чернышевский неоднократно говорит о слиянии меновой ценности с внутренней ценностью; при этом он имеет в виду состояние, при котором от закона меновой ценности по существу ничего не остается. Мы находим у Чернышевского неоднократные утверждения о превращении меновой ценности во внутреннюю, когда труд перестает быть товаром. Совпадение меновой ценности с внутренней означает ликвидацию закона меновой ценности и замену его законом внутренней ценности.

Сущность закона меновой ценности заключается, по Чернышевскому, в том, что это закон отношения отдельных товаров в условиях, когда производство организовано на началах частного хозяйства. Закон внутренней ценности предполагает совершенно иную экономическую структуру общества. Здесь должна господствовать общественная собственность на средства производства, когда каждый работник является вместе с тем и хозяином произ-

[83] Там же, с. 519—520.

водства, в отличие от капиталистического производства, где работник и хозяин — разные лица. В условиях соединения функций работника и хозяина в одном лице общественный труд будет затрачиваться на новых началах. Общественное производство будет осуществляться планомерно, в соответствии с общественными потребностями, определяемыми не по признаку сосредоточения в руках отдельных групп покупательной силы.

В условиях господства общественной собственности труд между отраслями будет распределен так, чтобы были удовлетворены прежде всего потребности производства. Потребности же производства предполагают не только обеспечение средствами производства, но и обеспечение самих работников всем необходимым и возможным на данной ступени развития производительных сил. Производится то, что обеспечивает обществу возможность максимального удовлетворения потребностей работников на данной ступени его развития. Ни потребности, ни производство не являются величинами, раз навсегда данными. Они изменяются. Но производство всегда должно определяться задачей обеспечения благосостояния работников.

Внутренней ценностью обладают только такие продукты, которые удовлетворяют потребности трудящихся. Поэтому Чернышевский придает большое значение классификации потребностей. Потребности общества он делит на группы. В соответствии с этим должны подвергаться классификации и продукты; они делятся им на предметы первой необходимости, предметы комфорта и предметы роскоши.

Пока не удовлетворены потребности в предметах первой необходимости, предметы комфорта не могут иметь внутренней ценности. Они могут быть производимы только после того, как будут произведены в достаточном количестве предметы первой необходимости. То же самое он говорит и по отношению к предметам роскоши: «Пока нет сапог, бесполезны перчатки; пока нет перчаток, бесполезны перстни, или: не имея сапог, нельзя заниматься производством перчаток, не имея перчаток, нельзя заниматься производством перстней. А что бесполезно, то не имеет ценности»[84].

Хотя мерой внутренней ценности является тоже труд, однако условия образования внутренней ценности коренным образом отличны от условий образования меновой ценности. Условием меновой ценности товара является наличие спроса на данный предмет. Условием внутренней ценности является то, чтобы данный предмет в данную историческую эпоху был признан необходимым для общества с точки зрения благосостояния всех трудящихся, а не отдельных лиц.

Из сказанного ясно, что понятие внутренней ценности связывается Чернышевским с тем общественным строем, который он считает идеальным, т. е. с социализмом. У Чернышевского разли-

[84] Там же, с. 550.

чие между законом стоимости при социализме и при капитализме отнюдь не сводится к тому, к чему оно сводится у теоретиков рабочих денег, видящих различие только в том, что при социализме погашаются колебания рыночных цен. Чернышевский видит различие не только в механизме действия закона стоимости, но и в самом процессе распределения общественного труда между разными сферами производства; да и сами сферы производства, функционирующие при этих различных экономических порядках, тоже различны.

Чернышевский значительно поднимается над уровнем и таких крупнейших теоретиков утопического социализма, как Оуэн и Брей. Известно, что последние связывали осуществление социализма с утверждением общественной собственности. Однако они полагали, что еще до утверждения общественной собственности возможно устранить колебания рыночных цен и осуществить такое действие закона стоимости, которого нет в условиях колебания рыночных цен. Отсюда «базар справедливого обмена» и проекты обобществления обмена до обобществления производства. Чернышевский свободен от подобных иллюзий.

Конечно, в самом факте отнесения Чернышевским действия закона внутренней ценности к социализму сказывается элемент утопического представления о законе стоимости в условиях социализма. Чернышевский считает, что именно при социализме «стоимость производства определяется прямо количеством труда»[85]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что понятия собственно закона стоимости при социализме у Чернышевского нет. Если функция закона стоимости заключается в распределении общественного труда в соответствии с распределением покупательной силы, то такой функции стоимость при социализме, по Чернышевскому, не имеет: распределение общественного труда в соответствии с общественными потребностями осуществляется прямо. «Уравнение запроса и снабжения получается через расчет о том, по какой пропорции должны быть распределены производительные силы по разным занятиям, для наилучшего удовлетворения надобностей человека»[86]. Это уже не стихийный механизм, а сознательный расчет на основе сопоставления возможностей производства и личных потребностей общества.

Это не закон стоимости, регулирующий обмен. По сути дела обмен исчезает в новом общественном устройстве, рисуемом Чернышевским. Правда, сам Чернышевский заявляет, что при новом общественном устройстве «в обмен будет идти лишь довольно незначительная часть всей производимой массы продуктов»[87]. Он имеет в виду обмен между отдельными хозяйственными единицами, каждая из которых будет иметь значительный размер. В этом сказывается понимание Чернышевским социализма, исходной ос-

---

[85] Там же. с. 555.
[86] Там же.
[87] Там же, с. 560.

новой которого якобы являются отдельные ячейки объединенных производителей, а не единая общественная собственность.

Совпадает ли закон меновой ценности Чернышевского с законом трудовой стоимости? Поскольку он, как и все предшественники Маркса, не отличал стоимости от цены производства, постольку выведенный им закон меновой ценности по сути дела был формой действия закона цен производства. «Читатель видит и сходство и разницу между этим взглядом на количество труда, как норму ценностей, и тем понятием, которое известно в господствующей теории под именем стоимости производства. Близость этих идей так велика, что поражает с первого взгляда: и там и здесь считается количество труда, употребленного на производство предмета. Но в стоимости производства считается, кроме труда, прибыль, да и самый труд принимается только как стоимость рабочей платы. Точка зрения, из которой возникает идея стоимости производства, — точка зрения производителя, и собственно только производителя, покупающего труд у наемных работников» [88].

Из приведенной цитаты видно, что Чернышевский под стоимостью производства понимает сумму заработной платы и прибыли.

Чернышевский видит, что такое определение стоимости производства соответствует экономическим отношениям капитализма, и он осуждает эту форму, но вместе с самим капитализмом, или, как он выражается, с трехчленным делением продукта. Однако следует отметить, что кроме осуждения стоимости производства, определяемой суммой заработной платы и прибыли, и противопоставления ее стоимости производства, определяемой количеством труда, затраченного на производство, у Чернышевского проскальзывает понимание того, что и в условиях капитализма стоимость в конечном счете определяется количеством труда, что цена производства в конечном счете равна стоимости. Это положение не мотивировано Чернышевским, но оно имеется у него. Он пишет: «...для целой нации потребители и производители — одно и то же; потребление прямо определяется производством; рабочая плата, прибыль и рента сливаются в одно целое, в продукт национального труда. Только односторонняя и узкая привычка забывать о национальной или общечеловеческой точке зрения по увлечению ходом дел в частном хозяйстве могла заставить господствующую теорию ограничиваться тем поверхностным понятием о стоимости труда и производства для нанимателя-капиталиста, какое мы находим в ней... Национальный продукт производится национальным трудом. Кажется, очень не трудно дойти с этой точки зрения до идеи, что количество труда служит общею нормою ценности» [89].

Здесь по существу выражен правильный взгляд, что в масштабе всего общества цена производства и стоимость совпадают. Поскольку Чернышевский не знает механизма преобразования стои-

[88] Там же, с. 594.
[89] Там же, с. 595—596.

мости в цену производства, это остается только догадкой. Но Чернышевский и в данном случае делает большой шаг вперед по сравнению с Рикардо.

Как известно, Рикардо видел противоречие между законом средней прибыли и определением стоимости трудом. Однако он пытался выйти из этого противоречия тем, что объявил, будто несовпадение стоимости со средними ценами (т. е. с ценами производства) является случайностью. Рикардо сам чувствовал неудовлетворительность своего объяснения. В одном из писем он указывал, что, если бы ему пришлось вновь заниматься своими «началами», то он должен был бы признать, что, кроме труда, есть еще другой фактор, определяющий стоимость. Это был по существу крах трудовой теории стоимости Рикардо. Хотя Чернышевский и не сумел разрешить указанного противоречия, он не отказался от труда как единственного фактора определения стоимости и сделал исключительно глубокий научный вывод о совпадении стоимости производства (т. е. цен производства) со стоимостью в масштабе всего общества. Таким образом, в понимании закона стоимости Чернышевский поднялся выше всех своих предшественников и ближе всех подошел к тому решению этой проблемы, которое было дано гением Маркса.

Анализ и критика наемного труда

Хотя Чернышевский и говорил, что труд не должен быть товаром, он видел особенность капитализма в том, что здесь труд выступает как товар. Именно из этого факта, обусловленного характером собственности, Чернышевский выводит трехчленное деление продукта и распределение. Последнее является, по мнению Чернышевского, главным и определяющим фактором того, что капитализм есть расточительный способ производства, двинувший вперед производство по сравнению со старыми формами производства, но все же тормозящий развитие его.

В положении Чернышевского о том, что труд не должен быть товаром, заключена имеющая огромное научное значение догадка — предметом купли-продажи при капитализме является не труд. При этом очень важно, как именно доказывал Чернышевский свою мысль. Он писал, что труд не может иметь стоимости потому, что сам является мерой стоимости. Это положение Чернышевского значительно продвинуло вперед науку о капитализме. Хотя Чернышевский и вступал в противоречие с признаваемым им фактом купли и продажи труда, его прямое утверждение о том, что труд не может быть товаром, должно было толкать на путь решения проблемы. Тезис Чернышевского, что труд не должен быть товаром, находился в полном соответствии с действительной тенденцией исторического развития экономических форм. В этом нормативистском утверждении была высказана историческая правда будущего.

Критика Чернышевским труда как товара имеет прогрессивное значение не только с точки зрения всемирно-исторической — в том смысле, что историческое развитие ведет к ликвидации труда-товара, но и с точки зрения конкретно-исторических задач, стоявших перед прогрессивными общественными силами России в период падения крепостного строя. В России совершался переход от одной формы хозяйства к другой. В этих исторических условиях лишение главной массы непосредственных производителей средств производства и превращение их в наемных работников не было наиболее прогрессивной формой перехода от крепостничества к новому общественному строю.

Как указывал Ленин, обезземеливание крестьянства в условиях падения крепостного права в России было по существу фактором торможения развития производительных сил, ибо подлинный прогресс мог идти не через помещичье хозяйство, которое в тех исторических условиях могло выступить лишь в качестве кабального покупателя рабочей силы, а через крестьянское хозяйство, освобожденное от помещичьей кабалы. В этих конкретно-исторических условиях борьба против наемного труда служила идеологически победе крестьянского пути развития. Недопущение превращения труда в товар означало борьбу за наиболее прогрессивную форму капиталистического развития, за победу самостоятельного крестьянского хозяйства.

В устах Чернышевского борьба против труда-товара была революционной по своему содержанию. Чернышевский указывает, что «наемный труд гораздо лучше невольнического»[90], но вместе с тем отмечает принудительный характер всех видов труда на другого человека и видит различие между ними прежде всего в форме принуждения. «Юрист и администратор могут интересоваться разницею между покупкою труда и невольничеством; но политико-эконом, находящий сущность невольничества в обязательном труде, бывает неверен самому себе, если находит существенно различными от невольничества те договоры, по которым человек подчиняется обязанности трудиться на другого человека»[91]. Чтобы не оставить никаких сомнений. Чернышевский продолжает: «Для теории очевидно, что обязательный труд есть обязательный труд, каким бы способом ни возникало обязательство — взятием ли в плен на войне, покупкою ли человека на рынке или заключением с человеком договора о том, что он обязался работать на другого человека»[92].

Эти критические замечания Чернышевского по поводу наемного труда основаны на глубоком анализе существа отношений эксплуатации. Чернышевский, сближая все формы труда на эксплуататоров, видит между ними различия и правильно представляет основу этих различий. Он видит их в форме собственности. «Про-

[90] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). — Полн. собр. соч., т. IX, с. 419.
[91] Там же, с. 538—539.
[92] Там же, с. 539.

изводство имеет три элемента: землю, труд и капитал; смотря по тому, разделяется владение этими элементами по разным классам или соединяется в одном классе, продукт распределяется между разными классами или весь остается в руках одного класса» [93].

В соответствии с этим основным принципом Чернышевский проводит различие между рабством и капитализмом, капитализмом и самостоятельным крестьянским хозяйством. В условиях рабства все элементы производства находятся в монопольном обладании рабовладельца. В условиях капитализма в монопольном обладании капиталиста находится капитал, в обладании земельного собственника — земля. Работник же может формально свободно распоряжаться только своим трудом. Но обладание работника своим трудом не делает его свободным, ибо он принужден трудиться не в свою пользу, а в пользу владельца капитала.

Вполне естественно поэтому, что Чернышевский предпочитает капиталистической форме производства с трех- или двухчленным делением и распределением продукта форму быта поселянина-собственника, который трудится в свою пользу.

Поскольку Чернышевский в данном случае рассматривает разные формы экономического устройства под углом зрения развития стимулов к труду, его противопоставление поселянина-собственника наемному рабочему заключает в себе исторически прогрессивную мысль.

Анализ и критика капиталистических законов распределения

Критика Чернышевским капитализма носит всесторонний характер: он критикует капитализм в свете проблемы роста производительности совокупного общественного труда, проблемы стимулов к труду, в свете выявления внутренних противоречий этого строя и их развития. Это критика революционера, считающего, что данная форма общества не подлежит улучшению, что только ликвидация основ этого общества может обеспечить человечеству лучшие формы экономического устройства. Революционный дух учения Чернышевского обнаруживается при анализе и форм производства, и форм обмена и распределения. Во всех случаях анализ сводит их к основе — к господствующим формам собственности.

Приступая к анализу капиталистических форм распределения, Чернышевский указывает, на чем базируется форма трехчленного распределения продуктов. Она предполагает, пишет Чернышевский, что «из трех элементов производства каждый особо принадлежит отдельному классу, и доля из продукта, достающаяся этому классу, определяется соперничеством. Класс, которому принадлежит труд, является при этой форме быта сословием наемных ра-

[93] Там же, с. 437.

ботников, получающих рабочую плату; капитал принадлежит классу промышленных антрепренеров, получающих прибыль, а земля — классу владельцев недвижимой собственности, не принимающему никакого личного участия в ведении предприятия, но получающему от предпринимателя ренту за дозволение пользоваться недвижимою собственностью (землей), как орудием и помещением для промышленного предприятия»[94].

Анализ Чернышевским форм капиталистического распределения является глубоким, как и его критика капитализма. Вместе с тем нельзя абстрагироваться от того, что Чернышевский не дошел до понятия товар-рабочая сила и до понятия прибавочной стоимости как источника эксплуататорских доходов в буржуазном обществе.

Не зная товара-рабочая сила, Чернышевский не мог вскрыть связь заработной платы с законом стоимости. Отсюда многочисленные недостатки теории заработной платы Чернышевского. Не отличая прибыль от прибавочной стоимости, Чернышевский не мог также дать цельного анализа закономерностей движения прибыли.

Однако трудности в анализе, которые вытекали из указанных недостатков, не помешали Чернышевскому увидеть основные тенденции развития заработной платы, прибыли и ренты и тем самым дать научную в своей основе базу для понимания растущих противоречий буржуазного общества, для понимания непримиримости классовых антагонизмов в буржуазном обществе.

Чернышевский выявил генеральную тенденцию в движении величины заработной платы — тенденцию ее к падению. Опираясь на теорию Рикардо, он показывает, что уменьшение заработной платы соответствует увеличению прибыли. Движение заработной платы и движение прибыли противоположно. По сути дела Чернышевский здесь противопоставляет заработной плате прибавочную стоимость. Он критикует буржуазных экономистов, которые пытаются извратить формулу Рикардо, и говорит, что «при данном положении производства величина прибыли обратно пропорциональна величине рабочей платы»[95]. Он приходит к выводу, что «прибыль имеет постоянную тенденцию развиваться до того, чтобы захватить как можно большую долю из фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этот фонд и останавливается в таком стремлении лишь материальною невозможностью для работника существовать иначе, как при известной величине рабочей платы»[96].

Эти тенденции Чернышевский объявляет вытекающими из самого существа капиталистического строя.

Формально падение заработной платы Чернышевский связывает с тем фактом, что размножение населения происходит более быстро, чем растут средства существования. Однако надо иметь

[94] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю).— Полн. собр. соч., т. IX, с. 468.
[95] Там же, с. 496—497.
[96] Там же, с. 502.

в виду, что в данном случае между Чернышевским и теоретиками фонда заработной платы, опиравшимися на Мальтуса, имеется глубокая пропасть. Для Чернышевского законы Мальтуса действуют только при капитализме. Между тем весь смысл мальтусовского закона, как известно, заключается в том, что несоответствие средств существования и населения существует якобы извечно. Чернышевский не только не разделяет эту догму мальтусовского закона, но и прямо ее опровергает.

Рассмотрев тенденцию заработной платы и прибыли, Чернышевский заявляет: «При трехчленном делении продукта понижение рабочей платы происходит не собственно от размножения людей, как показалось Мальтусу. Причины этого феномена при существующем устройстве совершенно иные. Они заключаются в самом этом устройстве»[97]. Итак, не законы природы, а законы общества, действующие при трехчленном делении продукта, — вот причина падения заработной платы. Отсюда ясно, что и способ ликвидации закона падения заработной платы может лежать не в каких-то коррективах со стороны размножения, а в ликвидации самой трехчленной формы распределения, для чего необходимо ликвидировать капиталистическую форму собственности.

«Рабочая плата, — пишет Чернышевский, — может иметь удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ход промышленных дел будет основываться не на наемной работе; иначе сказать, величина рабочей платы может быть удовлетворительна лишь тогда, когда в действительности не будет наемного труда, то есть не будет и рабочей платы, — когда в действительности этот элемент будет сочетаться в одних руках с прибылью, когда отдельные классы наемных работников и нанимателей труда исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе»[98].

Чернышевский указывает на закономерность, позднее проанализированную Марксом в 13-й главе I тома «Капитала», заключавшуюся в том, что с развитием капитализма вовлекается в промышленное производство и семья рабочего, в результате чего семья, отчуждая большее количество труда, получает от капиталиста такое же количество средств существования, какое она получала, когда работал лишь один глава семьи. «Очень милая вещь — этот принцип трехчленного деления. Чем больше вы всматриваетесь в него, тем яснее обнаруживается прелестная соответственность его с коренными идеями экономической науки. Если муж работает один, он получает известную плату. Если жена, вместо пустой траты времени на вздорные дрязги, станет работать дельным образом подобно мужу, она вместе с мужем будет получать плату не больше той, какая прежде давалась одному мужу. Если дети станут помогать родителям, положение родителей и детей нимало не улучшится. Какое прекрасное поощрение людям к

[97] Там же.
[98] Там же, с. 487.

тому, чтобы занимался дельною работою каждый, кто в силах заниматься ею, — какое хорошее возбуждение к трудолюбию и какая справедливая сообразность вознаграждения с количеством труда»[99].

Свое отношение к категории и закону заработной платы Чернышевский высказывает, исходя не только из сочувствия к положению наемных рабочих, но и из интересов развития производительных сил. Он утверждает, что система заработной платы при капитализме не поощряет развитие трудолюбия, не способствует росту общественного производства.

Анализ заработной платы и прибыли служит у Чернышевского для того, чтобы доказать противоположность и непримиримость интересов наемных рабочих и капиталистов. Этим он показывает несостоятельность всяких попыток представить капиталистические отношения как гармонические, наносит удар вульгарной апологетике капитализма. Но критика Чернышевского не менее действенна и против таких представителей буржуазной политической экономии, как Милль, которые, не скрывая вопиющих, антагонистических по существу, противоречий капиталистического строя, пытались тем не менее примирить их. Милль и ему подобные хотели на буржуазной основе лечить язвы капитализма путем реформирования отдельных его сторон. Милль представлял политическую экономию, которая, оставаясь на позициях буржуазии, пыталась примирить непримиримое.

Классики политической экономии — А. Смит, Д. Рикардо — не видели и не могли еще видеть всех кричащих противоречий капитализма. Поэтому у них и нет попыток разрешения его противоречий. Между тем в эпоху Милля эти противоречия приняли слишком очевидный характер. Если в эпоху Рикардо не было еще всеобщего кризиса перепроизводства и он мог отрицать их возможность, то в эпоху Милля кризисы приняли уже правильно повторяющийся характер, а обнищание пролетариата стало очевидным. В этих условиях теоретические попытки доказать возможность улучшения положения рабочего класса при сохранении частной капиталистической собственности были выражением банкротства буржуазной политической экономии. Не случайно Чернышевский на каждом шагу подчеркивает, что улучшение положения наемного труда возможно только при ликвидации трехчленного деления, а трехчленное деление продукта может быть ликвидировано только при уничтожении капиталистической формы частной собственности.

Глубокой критике подвергает Чернышевский и земельную собственность. Исторические задачи классовой борьбы, из которых исходил в своих теоретических исканиях Чернышевский, толкали его на всесторонний анализ отношений земельной собственности. Конкретно-историческая задача заключалась в ликвидации помещичьего землевладения, этого оплота крепостничества. Чернышев-

[99] Там же, с. 491.

скому хорошо известно различие форм земельных отношений и различие форм производства в земледелии. Он, как мы видели, не отождествляет докапиталистические, феодальные формы ренты с рентой при капитализме. Он показывает, что при капитализме размер ренты подчинен действию закона стоимости, закона конкуренции.

Излагая законы земельной ренты, Чернышевский излагает законы капиталистической земельной ренты. Но Чернышевский вместе с тем знает, что земельная собственность при капитализме представляет собой остаток феодального общественного строя. Поэтому он с особой силой обрушивается на частную земельную собственность. Выступая против деления продукта на части по отдельным классам, он воюет против трехчленного деления, одним из элементов которого является земельная рента, а одним из участников — земельная собственность. Чернышевский считает, что двухчленная система, исключающая земельных собственников, состоящая лишь из капиталистов и наемных рабочих, все же лучше, чем система с трехчленным делением.

Чернышевский знает, что рента представляет собой сверхприбыль. Он следует за Рикардо в объяснении принципа образования дифференциальной ренты. Однако как критик частной земельной собственности Чернышевский оттеняет ту сторону в земельной ренте, которую обходят буржуазные экономисты. Если рента есть часть цены товара, если рента не воздействует на процесс ценообразования, то это не значит еще, что рента, уплачиваемая земельному собственнику, ничего не стоит обществу. Чернышевский показывает, что общее количество труда, которое приходится затрачивать обществу в условиях, когда существует рента, больше, чем когда земледельческий продукт производится без уплаты ренты.

По сути дела при анализе земельной ренты Чернышевский подходит к той социальной обманчивой стоимости, о которой говорит Маркс в связи с анализом дифференциальной ренты. Безусловно, что анализ этого явления имеет весьма серьезное значение с точки зрения критики капиталистического строя земледелия. Критику частной земельной собственности при капитализме Чернышевский поднимает на новую ступень. Он считал недостатком теории ренты Рикардо отрицание им ренты с худшего участка и сам выступил со своеобразной теорией абсолютной ренты. Содержание этой теории сводится к следующему: «И земли самого низшего сорта из удобных к возделыванию приносят ренту (Рикардо опустил это из виду) там, где цена хлеба определяется не издержками производства, а стоит (по излишку населения или другим причинам) выше их; и суммою этой ренты увеличивается и рента со всех других земель» [100].

Таким образом, Чернышевский признавал существование кроме ренты дифференциальной ренты абсолютной. Состояние, при

[100] Чернышевский Н. Г. «О земле, как элементе богатства» А. Львова. — Полн. собр. соч., т. II, с. 396.

котором возникает эта абсолютная рента, не является исключительным. Он указывает, что «таково положение Англии, Франции и проч.»[101], т. е. главных капиталистических стран. Следовательно, в обычных условиях капиталистического производства существует не только дифференциальная, но и абсолютная рента.

Поскольку Чернышевскому не известно различие между стоимостью и ценой производства, он не мог вскрыть источник абсолютной ренты, но он правильно устанавливает, что рента на худшем участке есть разница между ценой сельскохозяйственного продукта и его издержками производства. Он приходит к важному выводу, что уничтожение ренты — а это, понятно, предполагает ликвидацию частной собственности на землю — привело бы к понижению цен на сельскохозяйственные продукты. Чернышевский указывает, что если бы рента оставалась в руках земледельцев, то они вкладывали бы в землю больший капитал, а это привело бы к увеличению производства сельскохозяйственных продуктов и к понижению цен на них, что было бы в интересах всего общества.

Из приводимого Чернышевским доказательства этого положения видно, что он имел в виду, когда говорил об уничтожении ренты, ликвидацию ренты с худшего участка, т. е. ликвидацию абсолютной ренты.

Правильно используя теорию ренты для критики частной земельной собственности, существенно дополняя теорию ренты Рикардо учением, по существу говоря, об абсолютной ренте и поднимая тем самым критику частной земельной собственности на еще более высокую ступень, Чернышевский, однако, не сумел провести различия между ролью частной земельной собственности в отношении дифференциальной ренты, с одной стороны, и абсолютной ренты — с другой. Если частная земельная собственность лишь улавливает дифференциальную ренту, возникающую без ее воздействия, то она является творческим началом абсолютной ренты. Земельная собственность не только присваивает абсолютную ренту, но и является той силой, без которой добавочная прибыль — разница между стоимостью и ценой сельскохозяйственного продукта — ушла бы в общий котел капиталистического распределения прибавочной стоимости.

Это обстоятельство осталось вне поля зрения Чернышевского, но это не снижает его огромной заслуги, заключающейся в констатации того, что действительная величина ренты, присваиваемой земельными собственниками, больше, чем предполагал Рикардо, что ренту приносят и худшие участки, что на величину ренты с худшего участка возрастает рента и с других участков, что ликвидация частной земельной собственности явилась бы фактором повышения производительности сельского хозяйства.

Хотя Чернышевский неоднократно подчеркивал, что характер доходов у капиталистов и земельных собственников одинаков, од-

[101] Там же.

нако он показывает противоположность интересов получателей ренты, с одной стороны, и капиталистов и рабочих — с другой. Пока господствует земельная собственность, интересы капиталистов и рабочих в борьбе против земельной собственности совпадают. «Интересы ренты противоположны интересам прибыли и рабочей платы вместе. Против сословия, которому выделяется рента, средний класс и простой народ всегда были союзниками» [102].

В борьбе против апологии земельной собственности Чернышевский, однако, никогда не забывает, что в условиях капитализма основным противоречием является противоречие между капиталистами и рабочими.

Важно отметить, что, анализируя заработную плату, прибыль и ренту, Чернышевский рассматривает все эти категории в их внутренней связи.

Интерес к связному анализу этих категорий понятен. Чернышевского интересует экономическая основа классовых отношений, а она, как правильно считает Чернышевский, раскрывается именно через эти категории. Стремясь выявить непримиримость классовых антагонизмов, Чернышевский показывает, что развитие противоречий между заработной платой, прибылью и рентой угрожает самому существованию того строя, при котором существуют эти категории. Здесь мы имеем дело с интересным диалектическим анализом противоречий между доходами классов буржуазного общества. «Мы видели, что сами прибыль и рента стремятся разрушить трехчленное деление продукта, — рента стремлением поглотить прибыль и рабочую плату, прибыль — стремлением поглотить рабочую плату, и через то самым успехом своим низвергают устройство, через которое достигают успеха. Мы видим в истории, что за торжеством сословия, получающего ренту, или сословия, получающего прибыль, неизбежно следовал каждый раз переворот, низвергавший это сословие» [103].

По Чернышевскому, борьба сословий, имеющая свою основу в их экономическом положении, может разрешиться только насильственным уничтожением господства одного сословия над другим. Противоречия капиталистического развития могут быть разрешены только насильственно, путем революционного действия.

* *
*

Краткий обзор анализа Чернышевским категорий капитализма показывает полную справедливость ленинской характеристики Чернышевского как глубокого критика капитализма.

К критике крепостничества и капитализма Чернышевский подходил по-разному. Он считал, что крепостничество вообще выхо-

[102] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю).— Полн. собр. соч., т. IX, с. 516.
[103] Там же.

дит за пределы экономического расчета, капитализм же рассматривался им как историческая экономическая форма, обусловленная таким видом собственности, который не соответствует требованиям наилучшего экономического порядка. Считая, что капиталистические отношения суть лишь исторические формы, извращающие сущность экономических законов, Чернышевский сопоставляет первое со вторым. Он видит порок буржуазной политической экономии в том, что она не обособляет сущность экономических категорий от их внешних форм. Чернышевский говорит: «Через всю вторую главу Милля проходит смешивание понятий, относящихся к сущности дела, с воззрениями, относящимися только к одной из внешних форм его» [104].

Отрыв Чернышевским так называемой «сущности дела» от внешней формы выражает непонимание им капиталистического способа производства как определенного единства «сущности» и форм ее проявления. Именно в связи с этим Маркс указывал на полях книги Чернышевского «Дополнения и примечания на первую книгу политической экономии Милля», что Чернышевский не имеет представления о капиталистическом способе производства [105]. Однако недостатки анализа Чернышевским вопроса о взаимоотношении формы и содержания не должны скрывать того обстоятельства, что в этом одновременно заключена критика буржуазной политической экономии, которая объявляет капиталистические формы производства вечными и неизменными. С этой точки зрения рассуждения Чернышевского о сущности дела и внешних формах имеют весьма положительное значение; они показывают исторически преходящий характер капиталистической формы производства, бьют по буржуазной апологетике.

В стремлении Чернышевского отделить сущность от внешней формы сказывается его желание показать, что капиталистические формы производства не являются вечными. Но эта глубоко верная мысль доказывается неправильно. В действительности исторична не только форма капитализма, но и его сущность. Вместе с изменением сущности меняется и форма.

Нельзя сказать, что Чернышевский вообще не следит за развитием капиталистических отношений. В некоторых случаях он показывает изменения, происходящие в процессе развития самого капиталистического производства. Правда, Чернышевский считает, что развитие капиталистических отношений делает все более очевидным несоответствие их разуму и справедливости. В представлении Чернышевского, дело не столько в качественном изменении самих капиталистических отношений, сколько в том, что все большее количество людей может быть вовлечено в орбиту капиталистических отношений и чувствовать их несоответствие разуму и справедливости.

---

[104] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 84.

[105] См.: Чернышевский Н. Г. Избр. соч., т. 11, первый полутом. М.—Л., 1937, с. XXV.

Например, Чернышевский, как и его предшественники и современники (до Маркса), не понял закона тенденции нормы прибыли к понижению. Рикардо пытался объяснить падение нормы прибыли ростом ренты, а рост последней связывал с законом убывающего плодородия почвы. Решение проблемы Рикардо, следовательно, искал в плоскости объективных закономерностей материального производства. Чернышевский берет также объективное материальное явление — концентрацию производства. Однако, по Чернышевскому, концентрация производства становится фактором падения нормы прибыли не потому, что изменяется соотношение объективных элементов производства, а по чисто субъективной причине — за большим предприятием трудно уследить одному человеку. Отсюда вытекает, что мелкое предприятие имеет более высокую норму прибыли, чем крупное. Между тем сам Чернышевский неоднократно говорит о преимуществах крупного производства перед мелким. Получается противоречие: крупное производство — более производительно, более эффективно, а мелкое производство приносит более высокую норму прибыли. Из этого противоречия Чернышевский делает вывод о необходимости такого производства, при котором собственность на предприятие принадлежала бы не одному капиталисту, а всем труженикам предприятия. Они все будут наблюдать за предприятием, будут заинтересованы в результатах его работы, и оно обеспечит больший эффект. Но из этого следует, что в каждый данный момент, с точки зрения нормы прибыли, мелкое предприятие имеет преимущество по сравнению с крупным.

В целом же вместо подвижной связи между производительными силами и производственными отношениями, переходящей от состояния соответствия между ними к состоянию несоответствия, Чернышевский конструирует имеющееся уже в момент возникновения капитализма несоответствие его производственных отношений разуму. Вот почему развитие капитализма не привлекает особого внимания Чернышевского.

Поэтому, хотя Чернышевский стоит на голову выше всех буржуазных экономистов, хотя для него капитализм есть исторически преходящая форма общественного производства, тем не менее в подходе к изучению закономерностей развития капитализма Чернышевский тоже внеисторичен. Он знает механизм капиталистического воспроизводства и показывает его, но этот механизм рассматривается им вне развития, вне качественных изменений.

Исторически преходящий характер капитализма Чернышевский не нашел в самом материальном производстве, во взаимоотношениях двух сторон производства — производительных сил и производственных отношений. Отсюда идеалистический характер его представлений об исторической природе капитализма. Но историзм Чернышевского и в данном вопросе революционен. Теория Чернышевского, не получившая еще материалистической основы, все же остается революционной. Хотя Чернышевский еще не нашел глубокой основы революционных переворотов, он уже исхо-

дит из неизбежности революционных переходов от одной ступени развития общества к другой, ищет общественную силу, способную совершить революционный взрыв. Теория Чернышевского говорит, что освобождение трудящихся должно быть делом их собственных рук.

Революционная теория Чернышевского была прогрессивной, несмотря на ее идеалистическую основу. Ленин писал: «Из-за *теоретического* различия идеалистического и материалистического взгляда на историю Плеханов *просмотрел* практически-политическое и *классовое* различие либерала и демократа»[106]. Это положение имеет огромное значение для оценки теории Чернышевского, для уяснения ее силы и ее слабостей. Но Ленин учит, что нельзя останавливаться на простой констатации идеализма или материализма, надо еще выяснить, чему служит в каждый данный момент конкретный материализм или идеализм. Если с этих ленинских методологических позиций подойти к оценке историзма Чернышевского, то нужно сказать, что, несмотря на крупные недостатки теории Чернышевского, она вооружала передовых людей пониманием исторически преходящего характера капитализма и толкала на путь изучения закономерностей гибели капитализма. Подчеркнуть это тем более необходимо, что, не будучи в состоянии преодолеть идеалистическое понимание истории, Чернышевский тем не менее пытался давать обоснование необходимости замены капитализма социализмом в материалистическом духе. Как уже говорилось, Чернышевский считал, что характер крупного производства исключает возможность его успешного функционирования при частнокапиталистической собственности и оно требует общественной собственности. Идеализм Чернышевского не в том, что он подчеркивает роль сознания при переходе к социализму, а в том, что он не показывает производного характера сознания от развития материального производства и его противоречий, в том, что доводы от сознания и доводы от материального производства движутся у него параллельно.

Несмотря на сказанное, мы видели, что при анализе отдельных экономических категорий теории капитализма Чернышевский подходит к каждой из них с позиции производства, выясняет, в какой мере отношение, находящее теоретическое выражение в данной категории, способствует развитию производительных сил, подъему производительности труда. Это обеспечило Чернышевскому возможность плодотворного критического анализа важнейших экономических отношений капитализма.

---

[106] Ленинский сборник XXV. М., 1933, с. 231.

4

Обоснование социализма.

О предпосылках социализма

Чернышевский является величайшим социалистом домарксова периода не только в России, но и в международном масштабе. Им были сделаны крупные шаги в сторону научного социализма.

Идея социализма в эпоху Чернышевского была не нова. В «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс дали развернутую критику разных видов донаучного социализма и изложили основы научного социализма. Непосредственным предшественником и одним из источников марксизма был утопический социализм первой четверти XIX в.

Коренное отличие утопического социализма от научного заключается в том, что утопический социализм «изобретал» социализм, а научный — открыл его в материальных условиях существования общества. «Изобретение» социализма означает, что социализм рассматривается как продукт развития человеческого сознания: человечество дошло до сознания, что социалистическая форма общежития есть лучшая форма; в связи с этим развивается идея социализма; успех социализма зависит от того, насколько люди сумеют понять эту идею; следовательно, идея социализма должна быть связана с идеей внедрения в сознание людей преимуществ социалистической формы общества.

Чернышевский во многих отношениях отличался от западноевропейских утопических социалистов.

Во-первых, он пытался выяснить, почему идея социализма возникает, каковы условия ее возникновения.

Во-вторых, Чернышевский стремился понять, какие классы общества заинтересованы в социализме.

В-третьих, он ставил судьбу социализма в зависимость от борьбы определенных общественных классов.

В-четвертых, Чернышевский пытался найти материальные корни социализма в предшествующих социализму общественно-экономических условиях.

Эти отличия Чернышевского от его предшественников по утопическому социализму на Западе достаточно существенны для того чтобы не видеть серьезных различий между ним и западноевропейским утопическим социализмом, хотя эти различия и не настолько велики, чтобы уничтожить грань между Чернышевским и научным социализмом.

* *
*

Как уже показано, при анализе и критике отдельных экономических отношений Чернышевский по

существу часто исходит из критерия производительных сил и их развития.

Элементы морализирования по поводу экономических отношений и, так сказать, «рационализации» критики капитализма, т. е. «сталкивания» капиталистических отношений и экономических законов с требованиями разума, безусловно, имеются в произведениях Чернышевского. Следует, однако, поставить вопрос: подменяется ли в системе экономических воззрений Чернышевского критика внутренних противоречий капитализма критикой капитализма с точки зрения морали и разума? Ответ на этот вопрос может быть только отрицательным. В системе воззрений Чернышевского критика капитализма с точки зрения морали и разума не заменяет критики, идущей в экономическом плане. Доводы от морали и разума не являются определяющими в системе его воззрений.

Переплетение в литературно-экономических произведениях Чернышевского разных доводов против капитализма преследовало разные цели. Доводы от морали и разума были у него прежде всего ответом на те попытки оправдания буржуазного строя с позиций морали и разума, которые характерны для буржуазной политической экономии на всех этапах ее развития и которые приняли особенно ясные апологетические формы у представителей вульгарной политической экономии. Чернышевский — революционер и социалист, рвавшийся к практической революционной борьбе, мечтавший о революционной борьбе угнетенных масс против угнетателей, использовал все методы воздействия на сознание эксплуатируемых масс для подъема их на борьбу против угнетателей. Моральному освящению капитализма буржуазными апологетами он противопоставлял его моральное осуждение и моральную защиту социализма. Поскольку в тех или иных случаях в критике Чернышевским капитализма доводы от морали и разума были единственными, постольку имелся отход от научной критики капитализма. Поскольку же критика от морали и разума являлась дополнением к вскрытию внутренних противоречий, постольку эти доводы от морали и разума были необходимыми элементами в борьбе против буржуазной идеологии.

В основе научной теории не может лежать тот или иной моральный критерий, однако передовая научная теория, ее выводы не могут вступать в противоречие с передовыми нормами морали, ибо и первое и второе всегда выражают новое, прогрессивное, помогающее победе этого нового, прогрессивного над старым, отмирающим. Следует помнить известное указание Энгельса о том, что теоретическое положение, неправильное в формально-экономическом смысле, может быть правильным во всемирно-историческом смысле [107] Если довод от морали не может быть аргументом в политической экономии, то моральное осуждение того или иного факта, охватывающее массы, является выражением того, что данный факт отжил свое время.

---

[107] См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21. с. 184.

Чернышевский, осуждая крепостничество, объявляя его аморальным, выражал нравственное сознание крестьянских масс. Моральным осуждением капитализма Чернышевский предвосхищал нравственное сознание рабочего класса, растущего вместе с капитализмом и становящегося грозной силой, способной положить конец капитализму.

Только моральный элемент у Чернышевского не противостоит производственному. У мелкобуржуазных теоретиков мы видим обычно конфликт между их представлениями о справедливом экономическом строе и интересами развития производительных сил. Например, Сисмонди пытался задержать развитие машин, чтобы сохранить мелкобуржуазное производство самостоятельных производителей. Чернышевский никогда не защищает справедливые формы распределения ценой задержки развития производительных сил.

Преимущество одного способа производства над другим в конечном счете рассматривается в плане производственного превосходства. В этом именно плане капитализм выше и прогрессивнее крепостничества, социализм — выше и прогрессивнее капитализма.

Учение о способе производства и общественно-экономической формации не было известно Чернышевскому, и он оперировал понятием экономического быта. Поэтому его сопоставления разных экономических форм выходят за рамки способов производства.

Как крестьянский революционер, Чернышевский уделял особое внимание проблеме крестьянского хозяйства. Его интересует судьба крестьянского хозяйства и в условиях крепостничества, и в условиях капитализма, и в условиях социализма.

Гений Чернышевского обнаружил себя с исключительной силой в том, что, будучи наиболее последовательным защитником крестьянства, он не был во власти иллюзий, характерных для идеологов мелкого крестьянского хозяйства. Он не верил в возможность сохранения такой формы хозяйства в неизменном виде. И его великая творческая революционная сила заключалась именно в том, что, сознавая невозможность сохранения крестьянского хозяйства в неизменной форме, он боролся против крепостничества, за победу самостоятельного крестьянского хозяйства. Для него являлось безусловным, что крестьянское хозяйство при всех обстоятельствах выше помещичьего; он — непримиримый враг помещичьего хозяйства.

Вопрос о соотношении крестьянского хозяйства и капитализма ставится и решается в другой плоскости. Известно, что хозяйству с так называемой трехчленной формой распределения Чернышевский противопоставлял хозяйство, в котором все три экономических агента (собственник, хозяин и производитель) объединены в одном лице. Однако следует иметь в виду, что превосходство последней формы хозяйства над первой Чернышевский допускал только при том условии, когда и то и другое хозяйство имеет одну и ту же систему производительных сил.

Иначе говоря, крестьянское производство, в котором соединены в одном лице и работник, и хозяин, и собственник, выше капиталистического только в том случае, когда капиталистическое производство не базируется на такой системе орудий труда, которая предполагает производство в крупных размерах. Если же производство базируется на машинах, то оно должно осуществляться в крупных предприятиях. В этом случае преимущества самостоятельного мелкого хозяйства, проистекающие из соединения в одном лице собственника, хозяина и работника, могут оказаться недостаточными. Больше того, Чернышевский считает, что преимущества крупного производства с трехчленным делением продукта, проистекающие из того, что в нем могут применяться более производительные процессы, неизбежно должны приводить в конечном счете к победе этого крупного производства.

Таким образом, рассматривая вопрос о соотношении мелкого самостоятельного и крупного капиталистического производства в перспективе, Чернышевский приходит к выводу о неизбежной в условиях стихийного развития победе крупного капиталистического производства. Следовательно, форма хозяйства без трехчленного деления продукта стихийно должна переходить в форму капиталистического производства с трехчленным делением продукта.

Развитие же последней формы, подчиняющей себе все большее количество трудящихся, способствует возникновению стремления к товарищескому производству, т. е. к крупному производству без трехчленного деления продукта. Эта форма хозяйства соединяет в себе преимущества хозяйства без трехчленного деления (заинтересованность непосредственного производителя в результатах процесса производства) с преимуществами крупного хозяйства с трехчленным делением продукта (возможность осуществления более производительных процессов) и не имеет недостатков того и другого.

Таким образом, защита мелкого производства не является универсальной. По существу, превознося мелкое производство, Чернышевский утверждает его безусловное преимущество по сравнению с крепостническим «крупным» производством. Капиталистическому же производству он противопоставляет в конечном счете не мелкое, а крупное социалистическое производство. Мелкое производство является для него исторически преходящей формой производства. Его защита мелкого производства решительно отличается от защиты мелкого производства у Сисмонди или Прудона, для которых мелкое производство есть идеальная форма производства.

В теории Чернышевского генеральная схема развития по существу такова: крепостничество, капитализм, социализм. Вместе с тем он видит и переходные формы. Так, например, при ликвидации крепостничества появляется форма самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства. Она представляет собой прогрессивную форму производства, которая, однако, не может удержаться. Она

будет размываться капитализмом, если прямо не перейдет в высшую, социалистическую форму производства.

В соответствии с этим Чернышевский говорит в основном о двух вариантах движения к социализму: один — без прохождения обществом капитализма как исторически господствующей формы общественного строя, другой — от капитализма к социализму. Причем путь движения от капитализма к социализму у Чернышевского не разработан с такой тщательностью, как путь движения к социализму, минуя капитализм.

Общим для обоих путей, по Чернышевскому, является то, что оба предполагают борьбу классов и переход власти в руки трудящихся. Этим Чернышевский решительно отличается от всех своих предшественников по утопическому социализму. Общим для этих путей является также то, что в обоих случаях социализм возникает в форме товариществ, а также то, что оба пути являются результатом определенных закономерностей, имеющих свою основу.

Казалось бы, можно сказать, что если Чернышевский противопоставлял капитализм крепостничеству как более производительную общественную форму производства менее производительной, то социализм он противопоставлял как строй, основанный на разуме, требованиях науки, капитализму как строю, основанному на рутине. Однако такое понимание далеко от истины. Чернышевский объявляет социализм разумным потому, что он обеспечивает более быстрый рост производства. Дело, следовательно, в преимуществах социализма как строя, «разум» же в данном случае говорит от имени производительных сил.

Преимущества социализма раскрываются как преимущества строя, обеспечивающего наибольший рост производительных сил, а не только справедливые формы распределения. Справедливые же формы распределения являются фактором усиления производства, его роста. Чернышевский не ограничивается общей констатацией факторов большей производительности и переходит подчас на подсчет выгод от социалистического производства в определенных величинах.

Одним из обоснований социализма, по Чернышевскому, является трудовая теория стоимости. Чернышевский считает, что трудовая теория стоимости является наиболее прочной основой теории социализма. Логика Чернышевского в данном вопросе такова: трудовая теория стоимости утверждает, что труд является источником стоимости, труд создает продукт. Следовательно, продукт должен принадлежать тому, кто является его творцом. А творцом является тот, кто затрачивает свой труд.

Такое обоснование социализма является и утопическим, и моралистическим.

Но кроме нормативистской постановки вопроса о социализме у Чернышевского имеется и материалистическое обоснование социализма. Наиболее отчетливо оно дано Чернышевским в связи с анализом вопроса о крупном и мелком производстве.

Отметив, что в крупном производстве при трехчленном делении продукта «наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами»[108], Чернышевский указывает, что использование преимуществ крупного производства требует, чтобы «вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате»[109]. Это и есть форма товарищества, т. е. социалистическая форма производства.

Следовательно, необходимость социализма Чернышевский выводит из противоречий крупного производства. Само же крупное производство он связывает с изменением в характере орудий труда.

Установив зависимость изменений в «характере труда» (т. е. по существу в характере экономического строя, ибо Чернышевский придает решающее значение для каждого строя «характеру труда») от изменений в «характере производительных процессов», он с большим оптимизмом смотрит на будущее. Чернышевский говорит, что «характер производительных процессов» уже таков, что ему не соответствует «характер труда», который был уместен при производстве в мелком масштабе.

Таким образом, Чернышевский стремится установить соответствие между «характером производительных процессов» и «характером труда».

Именно опираясь на необходимость соответствия между «характером производительных процессов» и «характером труда», Чернышевский обосновывает закономерность победы социализма. Относящиеся к этой мысли места в тексте Чернышевского Маркс сопроводил весьма сочувственным «браво!»[110] Установление необходимости соответствия между «характером производительных процессов» и «характером труда» и выведение из нее социализма означает не только то, что наступление социализма рассматривается как закономерность исторического процесса, но и то, что рассмотрение этой закономерности носит материалистический характер. Последняя выводится из характера материального процесса производства, из противоречий общественного процесса производства. Конечно, это еще не исторический материализм, но уже большой шаг в сторону исторического материализма. «Характер производительных процессов» — это еще не «производительные силы», а «характер труда» — это еще не «производственные отношения». Здесь можно говорить о движении по пути к историческому материализму, хотя это еще не движение на рельсах исторического материализма.

Кроме того, обоснование экономической смены одного строя другим предполагает знание тех посредствующих звеньев, которые лежат между фактическим осуществлением смены одного

[108] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 221.
[109] Там же.
[110] См: Чернышевский Н. Г. Избр. соч., т. 11, первый полутом, с. XI.

строя другим и констатацией самых общих противоречий, которые требуют смены этого строя. Трудности на пути познания этих посредствующих звеньев всегда велики, до тех пор пока исходные элементы способа производства не сформулированы с научной точностью. Вот почему мы видим у Чернышевского наряду с безусловно материалистическими попытками обоснования социализма также и выведение социализма из сознания.

Между общественными явлениями сферы материального производства и общественным сознанием до Маркса не была установлена надлежащая связь. Хотя Чернышевский как последовательный материалист проводил идею первичности материи, тем не менее в сфере общественных явлений он не всегда мог находить необходимую связь между материальными явлениями и явлениями сферы общественного сознания. Отсюда обоснование социализма не только из противоречий материального производства, но также и из развития общественного сознания.

Да и сама сфера материального производства характеризуется Чернышевским при обосновании социализма не всегда одинаково. С одной стороны, Чернышевский пытается найти опору социализма в самом процессе производства как отношении человека к природе. Тогда Чернышевский говорит о характере производственных процессов, о характере орудий труда. С другой стороны, пытаясь определить условия возникновения социализма, Чернышевский занят поисками наиболее близких к социализму форм экономических отношений, форм собственности в условиях современной ему действительности.

Таким образом, по сути дела в борьбе за обоснование социализма Чернышевский ищет историческую опору социализма то в сфере производительных сил, то в сфере производственных отношений. Когда Чернышевский анализирует вопрос о необходимости социализма безадресно, то он говорит об элементах производительных сил как факторах, которые обусловливают необходимость социализма. Когда же у Чернышевского идет речь о России, то его главное внимание направлено на ту сферу, которая касается отношений собственности, т. е. производственных отношений.

Такие переходы неизбежны, раз не дана научная формулировка понятия способа производства. Но эти переходы свидетельствуют также о глубоком проникновении Чернышевского в различия тех ступеней исторического развития, которые проходили Россия и Западная Европа. Последняя уже находилась на ступени крупного капиталистического производства на базе машинной индустрии. Россия же была еще крепостнической страной. Искать корни социализма непосредственно в сфере материального производства в России было невозможно. Поскольку же разные стороны способа производства еще сознательно не расчленены, постольку поиски материальной опоры социализма заставляют идти не только по линии отыскания предпосылок социализма в самом непосредственном материальном процессе производства, т. е. в сфере

производительных сил, но и в другой стороне способа производства — в сфере производственных отношений, в характере отношений собственности. Отсюда мы обнаруживаем у Чернышевского не только попытки нахождения тех «производительных процессов», которые делают социализм необходимым, но и поиски таких производственных отношений, которые наиболее близки к социализму.

В общих чертах ход рассуждений Чернышевского в обосновании социализма сводится к следующему.

При возникновении крупного производства на базе машинной техники один хозяин предприятия не может справиться с ним, не может за всем уследить. Только тогда, когда все участники производства будут собственниками его, оно может успешно вестись. Наука открыла, что переход предприятий в руки непосредственных производителей обеспечит наибольший прогресс. Эта идея становится все более популярной среди трудящихся масс. Когда эта идея овладеет значительной частью заинтересованных в ее реализации людей, социализм неизбежно придет. Приход социализма неотвратим. Он — закономерный результат развития сознания, который получает свою опору и в развитии материального производства. Западная наука раньше русской пришла к идее социализма. Россия может воспользоваться этой идеей и прийти к социализму даже ранее Западной Европы. Осуществление социализма на Западе требует превращения тружеников в коллективных собственников условий производства. Но на Западе нет еще исходных форм этой коллективной собственности. В России же такая форма есть — это русская община.

Чернышевский критиковал Герцена за его идеализацию общины, правильно вскрыв, что сохранение общины в России — выражение экономической отсталости страны. Но тем не менее Чернышевский также считал, что Запад имеет свою дорогу к социализму, а для России исходным пунктом социалистического преобразования может явиться община. В отличие от других сторонников общины Чернышевский считал общину лишь исходным пунктом социализма и правильно полагал, что укрепление социализма как формы производства предполагает развитие крупного машинного производства.

Таким образом, Чернышевский практически связывает существование социализма с определенным видом собственности на средства труда и с определенным характером производительных процессов. Но он не в состоянии был показать, как развитие материального производства в недрах капитализма подготавливает материальные предпосылки социализма путем обобществления производства, хотя у него встречаются гениальные высказывания о зависимости «характера труда» от «характера производительных процессов».

Чернышевский сознавал связь между общественной собственностью и общественным производством. Он не знал, что именно общественное производство порождает общественную собствен-

ность, требует ее. Но он знал, что общественная собственность должна быть дополнена общественным производством.

Общественная собственность должна прийти на смену частной как более справедливая и соответствующая выгодам трудящихся, и она должна быть связана с общественным производством. Следовательно, Чернышевский приходит в конечном счете к той основе социализма, о которой говорит и научный социализм, — к единству общественной собственности и общественного производства.

Однако ему не удалось показать, что творческим началом, исходной основой в этом единстве является общественное производство. По Чернышевскому, основа социализма может быть создана как в том случае, когда есть общественное производство, так и в том, когда есть лишь форма общественной собственности, не подкрепленная общественным производством. В первом случае общественный характер производства дополняется общественной собственностью, во втором — общественная собственность дополняется общественным производством. Таким образом, исходный, определяющий характер общественного производства для победы социализма отчетливо им не понят.

По мысли Чернышевского, сущность развития заключается при капитализме не в том, что оно подготавливает предпосылки социализма, а в том, что условия развития при капитализме ухудшаются: крупное производство и собственность капиталиста на него вступают во всевозрастающий конфликт. Крупное производство создает невозможность управиться одному человеку с наблюдением за ним, с его организацией.

Без товарищеской формы производства не может быть достигнута та цель, которую Чернышевский считает центральной: сделать всех тружеников самостоятельными. Гарантия сохранения самостоятельности — в товарищеском производстве. Поэтому следует приветствовать товарищество как форму, обеспечивающую самостоятельность трудящихся.

В рассуждениях Чернышевского о социализме нет имманентной причинной связи между определенным уровнем развития производительных сил и товариществом как формой общественного производства. Социализм, говорит Чернышевский, должен быть крупным производством, но он может начаться и там, где этого производства нет. Запад превосходит Россию не наличием материальных предпосылок социализма, а тем, что на Западе идеи социализма зародились раньше и охватили более широкий круг людей. Что же касается основ социализма, то Россия имеет даже преимущество. То, что на Западе является идеалом, в России выступает как факт. Чернышевский считает, что его социалистическая идея восходит к Западу, но условия создания социализма в России более подходящи, чем на Западе. В России есть общинная форма землепользования, которая, по мнению Чернышевского, и представляет собой исходную основу социализма.

Рассматривая перспективы реализации идеи о «союзном производстве между людьми», т. е. идеи социалистического производ-

ства, Чернышевский пишет, что на Западе, где утвердился принцип частной собственности на землю, «лучший порядок экономических отношений (социалистический порядок. — *Н. Ц.*) соединен с пожертвованиями, и потому его учреждение очень затруднено»[111]. Он противен привычкам английского и французского поселянина. И далее Чернышевский указывает: «Для введения союзного производства в этих землях надобно в целом народе, огромнейшая масса которого еще погрязает в невежестве и не привыкла к размышлению о своих обычаях, вселить новое убеждение, и не только вселить его, но и утвердить до такой силы, чтобы оно взяло верх над обычаями и привычками, которые чрезвычайно сроднились со всем образом жизни тех племен, — надобно путем разумного убеждения перевоспитать целые народы»[112].

Отметив эти трудности на пути установления общественной собственности на Западе и имея в виду общинное землевладение в России, Чернышевский писал: «Те привычки, проведение которых в народную жизнь кажется делом неизмеримой трудности англичанину и французу, существуют у русского как факт его народной жизни»[113]. Отсюда вывод: хотя идея о союзном производстве возникла на Западе, она легче может быть осуществлена в России.

Приведенные выше утверждения показывают понимание Чернышевским того, что мелкий производитель не является по природе своей социалистом. Он видит разъединяющее значение частной собственности и для мелкого производителя.

Но, отмечая эти черты мелкого частного производителя, Чернышевский, поскольку он ищет формы хозяйства, наиболее близкие к социализму с точки зрения положения производителя в процессе производства, неизбежно приходит к строю самостоятельных мелких производителей.

По мысли Чернышевского, от строя мелкого самостоятельного производства легче всего перейти к социализму: и тот и другой не знает эксплуатации, и тот и другой не основан на обмене. В обоих случаях рента, прибыль и зарплата не разъединены между разными лицами. В социализме он видел естественное продолжение и гарантию сохранения тех свойств, которые характерны для мелкого самостоятельного производства: труд на себя.

Чернышевский считает, что стремление трудящихся к самостоятельности может быть реализовано только при форме товарищества. После того как получена самостоятельность трудящихся в борьбе против крепостничества, возникает необходимость в том, чтобы получить самостоятельность против капитализма, который может развиться после уничтожения крепостничества. Чернышевский не видит никаких непреодолимых трудностей, прямого перехода от одной формы самостоятельного хозяйства к другой.

---

[111] Чернышевский Н. Г. Славянофилы и вопрос об общине. — Полн. собр. соч., т. IV, с. 741.
[112] Там же, с. 742.
[113] Там же, с. 743.

Он дает ясно понять, что наиболее легким является переход к социализму от крестьянского хозяйства, покоящегося на общинной собственности на землю.

Но если оставить в стороне это различие между крестьянином, базирующим свое хозяйство на общинной земле, и крестьянином, базирующим его на своей собственной земле, то именно крестьянское хозяйство является непосредственно по характеру отношений наиболее близким к социализму.

Нет нужды подвергать здесь критике эту точку зрения. Ее неправильность теперь очевидна. И эта ошибочная точка зрения имеет своим корнем отсутствие у Чернышевского понятия о способе производства как единстве производительных сил и производственных отношений.

Хотя Чернышевский и ищет основы производственных отношений в характере производства, производительных процессов, однако эти поиски не завершились осознанием закона единства производительных сил и производственных отношений, который предполагает наиболее активную, подвижную роль в этом единстве производительных сил. Те или иные формы производственных отношений, по Чернышевскому, — не обязательный результат определенного уровня развития производительных сил, а формы, которые утверждаются тогда, когда общественные группы, заинтересованные в определенных отношениях, поняв их разумность и выгодность для себя, начнут бороться за них. Исходной основой нового строя могут быть и устанавливаемые заинтересованным общественным классом новые отношения собственности, которые послужат орудием установления и новых производительных сил. Отсюда переплетение различных задач революции: антикрепостнических и антикапиталистических, буржуазных и социалистических, хотя характер постановки тех и других задач различен.

Здесь сказывается определенная историческая граница, поставленная Чернышевскому его эпохой. Чернышевский является одним из величайших теоретиков революционной борьбы против крепостничества. Революционное острие его теории направлено прежде всего против крепостничества, что нашло свое выражение и в его концепции социализма. Как крестьянский революционер, Чернышевский критиковал помещичье землевладение и помещичье хозяйство и боролся за победу самостоятельного крестьянского хозяйства.

Главным оплотом помещичьей эксплуатации, как известно, служило помещичье землевладение. В условиях феодализма основой крепостнической эксплуатации является феодальная земельная собственность. В условиях же капитализма не отношения земельной собственности определяют характер производственных отношений, характер эксплуатации. Форма собственности на землю в известной мере безразлична для характера капиталистической эксплуатации. Последняя мыслима при самых разнообразных формах земельной собственности. Отношения земельной собственности являются определяющими для феодального строя.

Эта роль земельной собственности в условиях феодального строя, несомненно, приводила к гипертрофированию значения земельной собственности в системе воззрений Чернышевского как крестьянского революционера. Отсюда раздувание роли земельной собственности при рассмотрении проблем и капитализма, и социализма.

В самом деле, как представляет себе Чернышевский образование капитализма? Он считает, что капитализм и «язва пролетариатства» образуются вследствие лишения известной части трудящихся возможности участия в земельной собственности. Община являлась в системе Чернышевского барьером против капитализма — орудием предотвращения пролетаризации крестьян и сохранения их в качестве самостоятельных производителей, которые не пойдут в кабалу к капиталисту. По мысли Чернышевского, определенная форма земельной собственности может явиться барьером против капитализма. В данном случае неважно, что Чернышевский имел в виду государственную собственность при общинном владении. Важно то, что определенная форма землевладения выступает как определяющий фактор формы производства.

Этот момент оказывается определяющим и тогда, когда речь идет о социализме. Общинное землевладение — вот исходная прочная основа социализма. В отличие от некоторых других русских социалистов, Чернышевский не ограничивал задачи социалистического преобразования лишь утверждением определенной формы земельной собственности. Но тот факт, что за основу преобразования общества берется определенная форма земельной собственности, сам по себе свидетельствует о характере социализма Чернышевского. Это крестьянский социализм. Научный социализм начинается там, где в основу преобразования кладется экспроприация частной капиталистической собственности на средства производства и где обобществление средств производства является исходной основой социалистического производства. Там же, где изменения в отношениях земельной собственности выступают в качестве главной основы всего социалистического преобразования, социализм носит крестьянский характер.

Крестьянский характер социализма Чернышевского

То, что действительно имеет решающее значение в борьбе за ликвидацию феодальных отношений — вмешательство в поземельные отношения — Чернышевский считает важнейшим орудием установления и социалистических отношений: и для социализма характер поземельных отношений выступает у него в качестве главнейшей, исходной основы. В своем художественном произведении «Что делать?» Чернышевский берет в качестве форм социалистического производства коллективное производство в городе. Может создаться впечатление, что в системе экономических воззрений Чернышевского не деревня, а город

является основной базой социализма. Между тем тот факт, что город показывает пример создания коллективного производства, означает другое: социализм возникает как результат пропаганды, идущей, понятно, из города, из среды интеллигентов, проникшихся идеей социализма и внедряющих ее в те общественные слои, которые могут быть заинтересованы в осуществлении социализма. Город — это источник социалистических идей, социалистического сознания, так как городское население вообще выше по уровню просвещения, чем население деревни.

Социализм должен утвердиться как более производительная система общественного производства. Он обеспечивает больше стимулов к росту производительности труда. Соединение в одном лице собственника, работника и хозяина — вот что является определяющим преимуществом социализма. Но это преимущество характерно и для самостоятельного крестьянского хозяйства. Отсюда, как ни парадоксально, крестьянское самостоятельное хозяйство оказывается непосредственно близким, с точки зрения экономических отношений, к социалистической форме хозяйства. А если оно базируется на общественной собственности на землю, то оно является наиболее близким к социалистической форме хозяйства.

Поскольку во главу угла различий между разными формами производства поставлены Чернышевским стимулы труда, постольку, естественно, освобожденное от крепостничества крестьянское хозяйство рассматривается как близкое к социалистической форме производства. Отсюда идея о возможности прямого перехода от крестьянского хозяйства к социализму.

Глубокий знаток не только русской, но и западноевропейской экономики, Чернышевский тем не менее был ограничен историческими задачами классовой борьбы крепостного крестьянства. Поэтому самостоятельное крестьянское хозяйство выступает не только целью в антикрепостнической борьбе, но и исходной основой социалистического преобразования общества. В этом ярко сказывается крестьянский характер социализма Чернышевского.

Наконец, крестьянский характер воззрений Чернышевского на социализм, который является элементом его «теории трудящихся», обнаруживается и в его плане построения социализма. Экспроприация помещичьей собственности создает при общинном землевладении базу для построения социализма. Но каким путем? Путем соединения трудящихся в артели. Таким образом, материальной опорой социализма признается коллективное объединение крестьян, трудящихся. Чернышевский считает, что потребуется помощь государства новым формам общественного производства. Но при этом важно подчеркнуть, что первичной экономической основой социализма является форма артели.

Этот план социализма отражает такую ступень в развитии социализма, когда он еще не связан с рабочим классом, с его движением. Рабочая революция, направленная на построение социализма, естественно, начинается с экспроприации капиталистичес-

кой частной собственности. Без этого не может быть рабочей революции. Ведь рабочий, в отличие от крестьянина, не имеет никаких средств производства, поэтому естественным и необходимым мероприятием рабочей социалистической революции является экспроприация капиталистических экспроприаторов.

Таким образом, хотя Чернышевский и является теоретиком социалистической революции, но революция, которую он пропагандировал, — это не рабочая, а крестьянская социалистическая революция.

Что является решающим для определения классового содержания революции? Два признака определяют характер революции: 1) какой класс стоит во главе революции, какой класс захватывает власть; 2) на экспроприацию какого класса и какой собственности направлена революция. Рабочая социалистическая революция предполагает захват власти рабочим классом, экспроприацию не только помещичьей, но и капиталистической собственности на орудия и средства производства. В социалистической же революции Чернышевского экспроприируется только частная помещичья земельная собственность, а власть переходит к народу. Но какой же класс в России представляет народ? Понятно, что таким классом являлось крестьянство.

Таким образом, социалистическая революция Чернышевского носит вполне определенный крестьянский характер. Ее классовая сила направлена против феодализма, которому она наносит удар. Она выбивает из-под феодализма его основу — феодальную земельную собственность и утверждает политическое господство крестьянства. Крестьянская социалистическая революция беспомощна против капитализма, а следовательно, беспомощна и как средство утверждения социализма.

Как уже отмечалось выше, крестьянский характер утопического социализма Чернышевского отнюдь не означает, что его социализм носит мелкобуржуазный характер. Чернышевский представлял крестьянство как класс крепостного, а не капиталистического общества. И это в очевидной форме сказалось также на характере его социалистических представлений. Характерным для мелкобуржуазного социализма является сохранение в незыблемости основы мелкого производства — частной собственности на средства производства, а также преимущественный интерес к регулированию сферы товарного и денежного обращения. Между тем важнейший признак социализма Чернышевского — это общественный процесс производства, базирующийся на общественной собственности. Преимущественный интерес Чернышевского находится не в плоскости сферы обращения, а прежде всего в плоскости сферы производства. Чернышевский — не только не мелкобуржуазный социалист, но и острый критик мелкобуржуазного социализма. Мы находим у него критику Сисмонди и Прудона. Чернышевский очень метко показывает, что Прудон сам не знает, кто он, и колеблется между разными системами общественных отношений.

Ни представление Чернышевского о путях перехода к социализму, ни его представление об основе социализма, ни его представление об экономическом строе социализма не заключают в себе мелкобуржуазных черт, хотя во всех звеньях его системы очевиден их крестьянский характер. Тот факт, что именно крестьянство было в эпоху Чернышевского классом, интересы которого совпадали с задачами прогрессивного развития общества, являлся объективным основанием боевого революционного характера учения Чернышевского. Отсюда плодотворность слияния социализма и демократии в учении Чернышевского. Демократизм способствовал превращению социализма из дела филантропии в дело борющегося против эксплуататоров народа. Социализм способствовал наибольшему развертыванию демократической программы революционных преобразований, хотя эти программы по существу не носили социалистического характера.

Великая сила крестьянского социализма заключалась в том, что он главное внимание обратил на анализ условий осуществления крестьянской революции. Не картины будущего — главное у Чернышевского, а поиски путей, которыми можно достигнуть будущего. Крестьянский характер этих поисков в условиях перехода от крепостничества к капитализму являлся фактором, определявшим их революционную направленность. Хотя эта революция не несла с собой социализма, она могла бы явиться наиболее прогрессивной революцией своего времени.

Таким образом, говоря о крестьянском характере теории Чернышевского, мы подчеркиваем не только слабые, но и сильные для своей эпохи стороны этой теории.

Крестьянский характер утопического социализма Чернышевского, как уже было выше отмечено, сказался в понимании исходной основы социализма и причин, делающих социализм более производительной формой экономического устройства. Но если выйти за эти пределы, то в учении Чернышевского о социализме налицо такие элементы, которые являются, несомненно, шагом в сторону научного социализма.

Главный недостаток утопического социализма заключается в том, что он изобретал социализм, между социалистической мечтой и действительностью не видел никакой связи. Утопический социализм строил планы будущего и не ставил вопрос о том, что дает будущему настоящее, что из настоящего является элементом будущего. Конечно, так или иначе все социалисты-утописты исходили из определенных материальных условий своего времени и своей страны. В проектах утопических социалистов Франции видны специфические условия французского народного хозяйства. Английский утопический социализм отражает фабричный характер самой Англии. Однако сознательно ни один утопический социалист не рассматривал то или иное явление конкретной действительности как непосредственную материальную исходную основу социализма. Да и сама задача не ставилась в этой плоскости. Между мечтой и действительностью — полный разрыв. В учении Чернышев-

ского этот разрыв начинает преодолеваться, Чернышевский ищет материальную опору социализма в настоящем. В этом — крупнейшая методологическая заслуга Чернышевского.

В попытке Чернышевского протянуть нить между настоящим и будущим заключена весьма плодотворная в научном отношении мысль о необходимости найти корни социализма и путь к нему в реальной действительности. Правда, та конкретная форма связи между настоящим и будущим — социализмом, которую нашел Чернышевский, не является таковой. Чернышевский ищет эту связь в форме собственности, которая возникла и существовала задолго до социализма. Здесь опять сказывается отсутствие в системе Чернышевского учения о способе производства. Известно, что одна форма общества подготавливает в своих недрах материальные предпосылки нового, идущего ему на смену общества. Капитализм, в частности, подготавливает материальные предпосылки социализма. Производительные силы развиваются в недрах капитализма до такого уровня, при котором производственные отношения капитализма превращаются из формы развития в оковы для производительных сил, которые требуют новых производственных отношений — социалистических. Таким образом, стык между капитализмом и социализмом — в характере производительных сил, созданных капитализмом, но уже не вмещающихся в рамки капиталистических производственных отношений и становящихся основой социализма.

Этот правильный ответ был найден только марксизмом на основе исторического материализма. Искать его в системе Чернышевского было бы напрасно, хотя отдельные элементы глубокого материалистического понимания вопроса в ней имеются.

При всех недостатках того решения проблемы перехода к социализму, которое дано Чернышевским, остается безусловным, что он поставил эту проблему.

Вторая заслуга Чернышевского заключается в том, что он дал развернутую постановку проблемы капиталистической эволюции отдельных стран, проблемы прямого перехода отдельных стран к социализму, минуя капитализм, хотя и здесь решение проблемы Чернышевским было еще далеко от правильного, научного.

Проблему некапиталистической эволюции Чернышевский поставил в связи с вопросом об исторических судьбах экономического развития России в условиях падения в ней крепостного строя. Из опыта Запада ему было известно, что народы проходят после эпохи феодализма фазу капиталистического развития. Он писал, что на Западе только на основе опыта капиталистического развития развилась идея социализма. Ему известна закономерность развития на Западе: феодализм, капитализм, социализм. Но он считает, что это не есть всеобщая закономерность, а только конкретно-историческая закономерность для определенных стран. Страны, наблюдающие опыт Западной Европы, видящие последствия капиталистического развития, могут миновать капиталистическое развитие и перейти прямо к социализму. Люди познали опыт

другой страны и в этой связи стремятся изменить линию своего развития. Закономерность развития, таким образом, оказывается зависимой от человеческого сознания. Сознание в данном случае выступает не как ускоритель экономического развития путем раскрытия и использования экономических законов, а как демиург — творец нового пути развития; сознание не отражает, а формирует закономерность.

Такое понимание вопроса является, конечно, неверным. Но сама постановка вопроса о возможности некапиталистической эволюции отдельных стран плодотворна, ибо возможность некапиталистической эволюции реальна. Она была осуществлена в ряде районов Советского Союза в условиях диктатуры пролетариата. Конечно, опыт одной страны может быть использован при рассмотрении перспектив развития другой страны, но одного знания опыта недостаточно, необходимы определенные политические и экономические предпосылки для того, чтобы такое развитие произошло. Некапиталистическая эволюция той или иной страны предполагает, что этой стране будет оказана помощь со стороны более передовой страны, в которой имеется политическое господство пролетариата, класса, который организует социалистическое производство. Таким образом, некапиталистическая эволюция предполагает в качестве условия победу пролетариата, т. е. класса, выросшего на основе развития капитализма. Нельзя говорить об изолированном развитии страны некапиталистическим путем к социализму. Необходимо наличие материальных и политических предпосылок строительства социализма. Именно их упускает из виду Чернышевский, когда ставит вопрос о некапиталистической эволюции. Но самая постановка вопроса, как было сказано, несомненно, представляет крупную научную заслугу. Именно поэтому Маркс подвергал вопрос о некапиталистической эволюции столь тщательному рассмотрению.

Маркс не отвергал с порога возможность некапиталистической эволюции. Наоборот, он выяснял условия, при которых последняя может быть осуществлена, изучал вопрос о том, в какой мере общинное землевладение, которое Чернышевский рассматривал как исходную базу некапиталистической эволюции, может быть использовано в качестве зачатка социализма.

Как уже отмечалось, новым в учении Чернышевского о социализме является признание социализма результатом классовой борьбы. Он критиковал утопические иллюзии о том, что социализм возникнет в результате филантропических действий господствующих классов, связывал победу социализма с борьбой определенных общественных классов.

Особый интерес для характеристики революционных воззрений Чернышевского имеет его статья-рецензия «Не начало ли перемены?» по поводу рассказов Н. В. Успенского.

В этой статье Чернышевский подчеркивает важную сторону его рассказов. Успенский подмечает пороки народа, что, по мнению Чернышевского, означает признание того, что они исправимы.

Критика народа, по мнению Чернышевского, это выражение веры в его силы.

Чернышевский развивает здесь мысль о том, что, как бы народ ни был задавлен и апатичен, он чувствует боль угнетения; народ не может не начать оказывать противодействие насилию; он обладает огромной силой, и если эту силу сознательно использовать в нужном направлении, она может совершить исключительные дела; в народе есть силы, способные возглавить движение масс [114].

Вера в народ, в его неизбежное пробуждение, его силу, творческое начало, в его способность уничтожить старые порядки нигде так ясно не выражена у Чернышевского, как в этой работе.

Здесь хорошо видно, что Чернышевский понимал недостатки всякого крестьянского движения, но в то же время видел способность крестьянства к революции, если оно будет возглавлено. Он видел, что если крестьянство и может стать оплотом реакции на время, то оно может стать и силой революции, которая с огромной скоростью устремит историю вперед. Эта статья — важный момент теоретического обоснования крестьянской революции. В ней дается реалистическая трактовка слабости и силы крестьянства. Разоблачая сусальных сочувствователей крестьянства, Чернышевский открывает революционные потенции крестьянства.

У предшественников Чернышевского было больше желания революции, чем веры в нее, ибо мужику только сочувствовали. Чернышевский не только сочувствует мужику, но и анализирует его природу, будущее, в котором крестьянин выступит как революционная сила, низвергающая все формы эксплуатации.

5

Н. Г Чернышевский как историк политической экономии

Критикуя буржуазную политическую экономию, Чернышевский вскрыл ее банкротство. Вместе с тем мы находим у него по сути дела также историю буржуазной политической экономии. Наряду с этим он дал анализ утопического социализма.

В анализе Чернышевским исторического развития экономических учений обнаруживаются следующие методологические моменты.

Развитие экономических учений Чернышевский рассматривает в неразрывной связи с развитием материальных условий, в которых эти учения возникали. Экономические учения рассматриваются им не как изолированные, а находящиеся в преемственной связи. Наконец, каждая экономическая школа является, по Черны-

[114] См.: Чернышевский Н. Г. Не начало ли перемены? — Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 882, 887—889.

шевскому, выразителем интересов определенных общественных классов на известных ступенях их исторического развития.

Чернышевский рассматривает отдельные экономические учения не с точки зрения соответствия или несоответствия их абстрактным истинам, а с точки зрения соответствия или несоответствия историческим задачам каждого определенного периода в развитии общества.

Он оставил нам глубокую характеристику всех основных школ буржуазной политической экономии.

Выявляя основные теоретические положения меркантилистской школы, Чернышевский правильно указывает, что эта школа «придает слишком большую важность деньгам»[115]. Меркантилисты, как известно, видели богатство только в денежной форме, чем, по словам Маркса, выдавали тайну буржуазного производства, его цель — увеличение денег. Чернышевский правильно характеризует основную цель экономической политики меркантилизма, сводившейся к идее: «чтобы ввоз серебра и золота был как можно больше, а вывоз как можно меньше»[116]. Но Чернышевский не ограничивается формулировкой идеи торгового баланса; он стремится выяснить также исторические условия возникновения меркантилистской теории и политики.

Некоторые авторы считают ошибочной попытку Чернышевского связать меркантилизм с феодализмом. Между тем в действительности тот факт, что Чернышевский показывает феодальные черты меркантилистской системы, свидетельствует о глубоком проникновении его в природу меркантилизма. Чернышевский не отрицает буржуазного характера системы меркантилизма. Больше того, он подчеркивает единство, в известном смысле, смитовской буржуазной системы с меркантилистской системой: для обеих характерно преувеличенное представление о роли обмена в обществе.

Но правильно подчеркивая связь меркантилизма с буржуазными теориями, Чернышевский в то же время подметил и те черты, которые связывают его с феодализмом. Он указывал, что феодализм предполагает приобретение богатства путем внеэкономического принуждения, и связывал меркантилизм с этим порядком, отметив, что сущность меркантилизма «состоит в том, чтобы брать у других, не давая им ничего взамен»[117].

Этой формулировкой Чернышевский подчеркивал особенность меркантилистской теории, ее положение о том, что прибыль возникает из внешней торговли путем неэквивалентного обмена. Меркантилистская теория, как известно, правильно отразила факт существования неэквивалентного обмена передовых стран с отсталыми странами, хотя и сделала из этого факта неправильный общетеоретический вывод об источнике прибыли.

---

[115] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 33.

[116] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 32.

[117] Там же.

Наконец, следует отметить, что Чернышевский правильно подчеркивает связь меркантилизма с феодализмом, ибо сама меркантилистская политика, будучи по своей природе буржуазной, осуществлялась феодальными методами.

Физиократическая школа получила в трудах Чернышевского еще более развернутую характеристику. Чернышевский в общем правильно характеризует исторические условия возникновения и классовую сущность этой школы политической экономии.

Появление физиократизма он связывает с наступлением эпохи индивидуализма, т. е., по сути дела, с появлением капитализма. Подчеркивая, что общим девизом разных течений, сложившихся в школу физиократизма, был девиз «lassez faire, laissez passer», Чернышевский верно схватывает историческую сущность физиократической школы: борьба против средневековья, феодализма и феодальных методов поощрения капитализма, характерных для меркантилизма.

Будучи непримиримым противником буржуазно-апологетических панегириков свободной конкуренции, с которыми выступала вульгарная экономия, Чернышевский с глубоким историзмом подошел к девизу «lassez faire, laissez passer», провозглашенному физиократами; он считал, что для своего времени — времени борьбы против феодальных и меркантилистских стеснений — этот девиз играл прогрессивную роль. В этой связи он выдвигает важное с точки зрения подхода к экономическим учениям диалектическое положение: «Одно и то же слово может быть представителем прогресса или отсталости, смотря по различию времен»[118].

Чернышевский считает девиз физиократов прогрессивным, ибо, говорит он, «то было время, когда человек рвался из средневековых уз, как птица из клетки»[119].

Определив историческую роль школы физиократов, Чернышевский характеризует также некоторые исходные теоретические положения физиократов, резко отделяющие их от меркантилистов. Формулируя содержание физиократической теории, он писал: «Итак, существенный характер богатства — его материальность, а истинный источник его — земля»[120]. Ему удалось также, рассмотрев теорию воспроизводства Кенэ, показать непосредственную связь ее с учением физиократов о едином налоге.

Показав прогрессивный характер учения физиократов для своего времени, Чернышевский вместе с тем глубоко вскрывает и феодальную, и буржуазную ограниченность физиократической системы.

Феодальную ограниченность физиократической школы Чернышевский видел в том, что она «до чрезвычайности преувеличивала» важность земельных собственников, несмотря на свое требование единого налога. Буржуазная ограниченность физиократиче-

---

[118] Чернышевский Н. Г. Тюрго. — Полн. собр. соч., т. V, с. 311.
[119] Там же, с. 312.
[120] Там же, с. 294.

ской школы подверглась широкому анализу Чернышевским. Он показал, что та свобода, провозвестниками которой были физиократы, была свободой формальной, что права, которыми, по идее физиократов, должны обладать граждане, были чисто формальными правами, что тот строй, который хотели утвердить физиократы, не обеспечивал возможности пользоваться правами, формальным обладателем которых провозглашался каждый гражданин.

Чернышевский прежде всего отмечал чисто формальный характер лозунга Тюрго о «праве работать»; такой же характер имеет и его лозунг свободы, ибо, указывает Чернышевский, «нет свободы там, где слабый остается беспомощным»[121], а лозунг «право работать» означал не что иное, как «право искать работы, а не право иметь ее»[122].

Резюмируя свою критику физиократических лозунгов, Чернышевский писал: «Право в том смысле, как определяли его экономисты XVIII века, как понимал и провозглашал его Тюрго, могло служить только к замаскированию несправедливостей, которые должны были возникнуть из господства индивидуализма, к замаскированию варварства, оставлявшего бедняка в беспомощности.

Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право»; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом»[123].

Наконец, следует особо отметить, что радикальные проекты, которые были намечены Тюрго — этим теоретиком, наиболее последовательно развивавшим взгляды физиократов, по мнению Чернышевского, не могли быть осуществлены при тех условиях, при которых их думал осуществить Тюрго. Последний, по словам Чернышевского, «хотел: отменить феодальные права; уничтожить привилегии дворянства; пересоздать систему налогов и пошлин; ввести свободу совести; переделать гражданские и уголовные законы; уничтожить большую часть монастырей; ввести свободу тиснения; преобразовать всю систему народного просвещения. В довершение всего хотел ввести во Франции нечто очень похожее на конституцию»[124]. Чернышевский указывает, что если бы эти планы Тюрго были осуществлены, то не было бы и революции, и считает, что осуществление всех планов при помощи тех средств, которые имел в виду Тюрго, было вообще невозможно. Ведь Тюрго хотел осуществить их руками феодального государства. Чернышевский, таким образом, разоблачает бесплодность либеральных попыток изменять основы существующего общественного порядка с помощью господствующего класса и его государства.

Хотя Чернышевский несколько гипертрофирует феодальные черты меркантилизма и физиократизма, но он в общем правильно характеризует роль той и другой системы, метко вскрывает их слабости и ограниченность.

---

[121] Там же, с. 299.
[122] Там же, с. 302.
[123] Там же. с. 302—303.
[124] Там же, с. 317.

Еще более верно определяет Чернышевский место, историческую роль и классовый характер английской классической политической экономии. Он устанавливает, что экономическая система, развитая в трудах Смита и Рикардо, «соответствует потребностям среднего сословия»[125], что эта теория выражает интересы капиталистов. Определяя классовую природу классической школы, Чернышевский тем самым устанавливает и исторические условия ее возникновения.

Основным теоретическим достижением классической школы Чернышевский считает «вывод, что всякая ценность создается трудом»[126]. Этому выводу Чернышевский придает двоякое значение. С одной стороны, благодаря положению о том, что источником стоимости является труд, создается прочная основа для выявления характера отношений между классами буржуазного общества. С другой стороны, это положение является, по мнению Чернышевского, исходной, фундаментальной основой для вывода, который находится в противоречии со всей системой буржуазного распределения — с трехчленным распределением продукта. Раз труд есть созидатель стоимости, то он и должен быть владельцем всех созидаемых стоимостей. В связи с этим Чернышевский говорит о противоречии между классовым содержанием учения классической школы и трудовой теорией стоимости. «...Адам Смит,— пишет он, — не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствовавшей экономическому положению среднего сословия, с основным своим учением о труде как источнике всякой ценности»[127].

В данном случае налицо утопически социалистический подход самого Чернышевского к оценке трудовой теории стоимости. Но независимо от этого ясно одно: трудовая теория стоимости являлась теоретической базой научных представлений об эксплуатации капиталистами наемных рабочих и исходной основой создания в дальнейшем К. Марксом теории прибавочной стоимости.

Чернышевский, говоря о противоречии в системе классиков, дает ему глубокое историческое объяснение. Он правильно указывает на идейную преемственную связь воззрений Смита с воззрениями французских энциклопедистов и отмечает, что подобные теории могли развиваться представителями буржуазии в тот период, когда еще не проявились противоречия между интересами народа и среднего сословия и «когда требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, говорившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»[128].

Высоко оценивая теорию распределения Рикардо и, в частности, его теорию ренты, Чернышевский показывает, что развитие

[125] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 37.
[126] Там же.
[127] Там же, с. 38.
[128] Там же.

теории идеологами буржуазии могло иметь место лишь в тот период, когда борьба между основными классами буржуазного общества еще не ставила под сомнение тождество интересов буржуазии и народа.

Дальнейшее (после классической школы) развитие экономической мысли Чернышевский связывает с изменением форм классовой борьбы и с осознанием народом своих интересов, отличных от интересов буржуазии. В этот период буржуазная экономическая мысль направлена на апологетическое истолкование положений классической школы. Возникающая же в противовес апологетическим направлениям критика буржуазного строя отражает интересы угнетенных классов. Но эта критика теоретически преемственна по отношению к учению классической школы и опирается на ее положения, из которых сама классическая школа не в состоянии была сделать необходимо вытекающие из нее выводы.

Таким образом, по сути дела Чернышевский дает нам объяснение исторических условий возникновения вульгарно-апологетических буржуазных теорий, с одной стороны, социалистических теорий — с другой. Существенно подчеркнуть, что процесс этот он рассматривает как двуединый, показывая тем самым, что развитие и возникновение теорий он связывает с ходом развития классовой борьбы. Он прямо об этом говорит, указывая, что победа над феодализмом ведет к развитию борьбы между буржуазией и трудящимися. Среднее сословие напугано требованиями народа, «борясь против них в жизни, оно старается опровергнуть их в теории» [129].

Чернышевский вскрывает апологетический характер вульгарной политической экономии. Он проводит глубокое различие между классиками, заблуждения которых он объясняет историческими условиями, и их эпигонами, которые уже имели дело с фактами, противоречащими буржуазным экономическим теориям, и которые «уже обсудили факты со всех сторон и решили систематически перетолковывать их сообразно с выгодами своей теории или отвергать их».

У Чернышевского имеются также характеристики отдельных вульгарных экономистов. Французских вульгарных экономистов он правильно связывает с Сеем, называя их его последователями. Свое отношение к школе Сея Чернышевский выразил следующими словами: «Мало того, что теория Сэя мертва для нас. Она сама по себе поверхностна и фальшива» [130].

Чернышевский понимает, что Сей представляет собой лишь начало вульгарной экономии, и значительно более энергичные формулировки даны им при характеристике Бастиа, которого он рассматривает как сознательного апологета, искажающего факты, «чтобы предохранить своих читателей от коммунистической за-

---

[129] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 36.
[130] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 710.

разы»[131]. С уничтожающей иронией Чернышевский излагает апологетические упражнения Бастиа — проповедника экономических гармоний.

Глубокой критике подвергает Чернышевский взгляды американского вульгарного экономиста Кэри, вскрывая внутренние противоречия в его воззрениях. Как известно, Кэри был проповедником экономических гармоний, сторонником свободной конкуренции. Наряду с этим он выступил в защиту протекционизма. Чернышевский вскрывает это противоречие во взглядах Кэри и показывает, что Кэри игнорирует главное социальное зло Америки — невольничество. На это он должен был бы обрушиться как сторонник принципов «экономической свободы», а вместо этого Кэри проповедует протекционизм, который никогда и нигде не был способен решить коренные экономические задачи.

Большое внимание уделяет Чернышевский критике воззрений Мальтуса, особенно его человеконенавистнической теории народонаселения. Если в первый период своей деятельности Чернышевский ставил иногда имя Мальтуса рядом с именами Смита и Рикардо, то в последующем Чернышевский более точно определяет социальную роль и значение Мальтуса. Чернышевский указывает, что возникновение теории Мальтуса связано с задачами апологетической борьбы против новых, демократических теорий. Мальтус «понял, — пишет Чернышевский, — что против тогдашних демократических теорий, вроде теории Годвина, не годятся прежние аргументы консерваторов. Он стал искать нового аргумента, более прочного»[132]. Мальтус решил «заняться защитою учреждений, против которых восставали революционные писатели»[133]. Чернышевский вскрыл крупнейшие пороки учения Мальтуса о народонаселении.

Хотя Чернышевскому не удалось, понятно, развить действительный капиталистический закон народонаселения, он умело отстаивал тезис о том, что причина перенаселения не в природе, а в общественных отношениях. Чернышевский так резюмировал сущность теории Мальтуса: «Надобно заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их, не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое дается нынешним коренным его принципом, частной собственностью»[134].

Подчеркивая существеннейшие различия между Мальтусом и классиками политической экономии, Чернышевский писал, что по-

---

[131] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 40.
[132] Чернышевский Н. Г. Примечания к «Основаниям политической экономии» Д. С. Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 266.
[133] Там же, с. 252.
[134] Там же.

литическая экономия получила высокое развитие «через Рикардо и других, но не через Мальтуса»[135].

Особое место в анализе Чернышевским буржуазной политической экономии принадлежит Миллю. Как известно, Чернышевский перевел его «Основания политической экономии». Милля он выделял из среды современных ему буржуазных экономистов, и оценки Милля Чернышевским во многом совпадают с тем, что говорил о Милле Маркс.

Чернышевский резко отделяет Милля от вульгарных экономистов: «Во всяком случае политическая экономия у него далеко не похожа по своему духу на то, что называется политической экономией у отсталых французских экономистов»[136].

В отличие от вульгарных экономистов, Милль не пытался скрывать язвы капитализма, но, ограниченный буржуазным кругозором, он не в состоянии был выйти за рамки частной собственности. Отсюда эклектические попытки реформирования экономических порядков капитализма без ликвидации его основы. Характеризуя отношения Милля к коммунизму и капитализму, Чернышевский писал: «Он говорит, например, что все возражения экономистов против коммунизма не выдерживают критики; а между тем он только исправляет и дополняет в частных случаях ту теорию, односторонность которой доказана писателями, по его собственным словам, неопровержимыми в сущности своих мыслей»[137]. Эклектизм Милля, его половинчатость Чернышевский подчеркивает и в других работах. Характеризуя его отношение к новым теориям распределения, Чернышевский говорит: «Высказав нерешительное сочувствие к новому принципу распределения, Милль, как мы видели, обходит его отговоркою, что заниматься этим еще рано, а следует вникать в прежний принцип, нельзя ли его устроить так, чтобы он был бы лучше нового, которому, по признанию Милля, далеко уступает в нынешнем своем виде»[138].

На примере лучшего буржуазного экономиста середины XIX в. Чернышевский наиболее ярко показывает банкротство буржуазной политической экономии, которая, поскольку она пытается остаться на плоскости фактов и стремления к научной истине, должна признать язвы и пороки капитализма, но не в состоянии найти никакого решения для устранения этих язв и противоречий.

С исключительной глубиной удалось Чернышевскому вскрыть сущность и роль так называемой исторической школы политической экономии. Он показывает, что эта школа не развивает экономической науки, что вся ее задача сводится лишь к оправданию существующих экономических отношений. Историческая школа, пишет Чернышевский, использует историю только для оправдания

---

[135] Чернышевский Н. Г Письмо О. С. и А. Н. Чернышевским 1 ноября 1873 г. — Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, с. 542.

[136] Чернышевский Н. Г. Капитал и труд. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 40.

[137] Там же.

[138] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю).— Полн. собр. соч., т. IX, с. 366.

существующего экономического порядка. В тех случаях, когда тот или иной экономический институт, существующий при капитализме, имел место и раньше, приведение исторических фактов служит доказательством того, что «человечество иначе поступать не может: это лежит в натуре человека». В тех же случаях, когда тот или иной экономический институт раньше не существовал, история привлекается для того, чтобы доказать, что капиталистические институты являются высшей формой развития и, «следовательно, нынешний вид дела уже очень хорош, и недовольны им могут быть лишь безумцы» [139].

Глубокий анализ истории и критика разных школ буржуазной политической экономии служили Чернышевскому орудием идейной борьбы. Наиболее консервативные идеологи, прежде всего из среды дворянских либералов, опирались на западноевропейские теории для защиты интересов дворянства. Характерно в этом отношении пристрастие дворянских либералов к исторической школе. Буржуазные идеологи в России также пропагандировали произведения вульгарных западноевропейских экономистов. Хотя главная задача в последнем случае заключалась в пропаганде принципов свободной конкуренции и пропаганда этой идеи служила делу борьбы против крепостничества, Чернышевский ясно заметил также наличие антисоциалистических тенденций русской буржуазной экономической мысли. Поэтому он подвергает резкой критике русских буржуазных экономистов, пропагандировавших произведения западноевропейских вульгарных экономистов. В этой связи он критикует таких виднейших представителей буржуазной политической экономии в России, как Вернадский, Бабст и др. Вместе с тем следует отметить, что Чернышевский всячески поддерживал этих и других экономистов, когда они выступал с критикой крепостничества. Достаточно напомнить статьи Чернышевского о выступлении Бабста в Казанском университете или рецензии его на «Экономический указатель» Вернадского.

Весьма интересно отношение Чернышевского к мелкобуржуазным критикам капитализма. Он положительно относится к критике противоречий фермерского хозяйства, даваемой Сисмонди, однако Чернышевский — непримиримый противник его реакционных мелкобуржуазных иллюзий об устранении противоречий капитализма путем консервации мелкого хозяйства.

Весьма острой критике подвергает Чернышевский Прудона. Он тонко выявляет особенности Прудона как идеолога промежуточных классов. Кто такой Прудон, говорит Чернышевский, «социалист или не социалист, коммунист или не коммунист — никто этого из континентальных политико-экономов не умеет разобрать, да и сам Прудон, быть может, не знает определенно» [140]. Неизбежная противоречивость взглядов Прудона, который критиковал и

[139] Чернышевский Н. Г. «Начала народного хозяйства» В. Рошера. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 981—982.

[140] Чернышевский Н. Г. Очерки из политической экономии (по Миллю). — Полн. собр. соч., т. IX, с. 349.

капитализм, и социализм и сочинял мелкобуржуазные проекты, нашла убийственную оценку у Чернышевского: Прудон, писал Чернышевский, «был невежда и нахал, кричавший без разбора всякую чепуху, какая забредет ему в голову из какой газеты ли, идиотской ли книжонки, умной ли книги, этого различать он не мог, по недостатку образования» [141].

Совершенно иначе относился Чернышевский к великим представителям утопического социализма. Когда Чернышевский говорит о новой теории, противопоставляя ее старой теории, он имеет в виду утопических социалистов, которые подвергли критике капитализм и выдвинули идею социализма и коммунизма.

Чернышевский рассматривает социализм преимущественно с его экономической стороны. «Сущность социализма, — писал он, — относится собственно к экономической жизни» [142].

Отмечая, что в фурьеризме налицо энциклопедический охват всех сторон общественной жизни, Чернышевский тем не менее отмечает, что «фурьеризм уже прямо занимается всего более экономическою стороною жизни» [143]. Наконец, он отмечает, что «нынешний социализм все свое содержание ограничивает экономическою стороною жизни, точно так же как политическая экономия» [144]. Таким образом, естественно, что идеи утопического социализма он рассматривал как ступень в развитии экономических идей. При этом для Чернышевского это была высшая ступень, поскольку она отвергала капиталистический строй и выдвигала на его место социализм и коммунизм, которые, по Чернышевскому, представляют собой реализацию коренных начал экономической науки.

Успех идей социализма Чернышевский связывал с развитием сознания трудящихся. Вместе с тем самым большим пороком утопического социализма он считал оторванность этого учения от движения масс.

Высоко оценивая учения Сен-Симона, Фурье, Оуэна как учения, открывающие новую эру в идейном развитии общества, Чернышевский с большой силой вскрывает слабую сторону утопического социализма: игнорирование им политической борьбы, игнорирование масс, через борьбу которых только и могла, по Чернышевскому, осуществиться мечта утопических социалистов.

В частности, рассматривая учение Сен-Симона, Чернышевский отмечает общий порок всего утопического социализма — непонимание исторической силы движения трудящихся. Учение Сен-Симона, писал Чернышевский, основано «на мысли, что опека высших над низшими может быть полезна для низших...» [145]. Попыт-

---

[141] Чернышевский Н. Г Письмо О. С. и А. Н. Чернышевским 24 ноября 1873 г. — Полн. собр. соч., т. XIV, с. 550.

[142] Чернышевский Н. Г. Подстрочные примечания к переводу Милля. — Полн. собр. соч., т. IX, с. 828.

[143] Там же, с. 829.

[144] Там же, с. 830.

[145] Чернышевский Н. Г Июльская монархия. — Полн. собр. соч., т. VII, с. 157.

ки опеки над трудящимися Чернышевский рассматривает как кукольную комедию. Победа социализма, считает он, придет тогда, «когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда, вероятно, будет лучше ему жить на свете, чем теперь» [146].

Таким образом, Чернышевский подверг глубокому анализу все основные направления экономической мысли, начиная с меркантилистов. Этот анализ не имел у него самодовлеющего значения. Он был поставлен на службу задачам революционной борьбы крестьянства за ликвидацию крепостничества, а вместе с тем служил борьбе за победу социалистических идей над идеями буржуазной экономической мысли, все потуги которой заключались в конечном счете в том, чтобы оправдать одну определенную историческую форму рабства — наемное рабство. Чернышевский был одним из великих борцов и против этой формы рабства, чему служил и его анализ экономических идей.

6

Историческое место экономического учения Н. Г Чернышевского

Своеобразие тех исторических условий, в которых созрела экономическая теория Чернышевского, а также ее классовая основа, дает ключ к пониманию исторического места экономического учения Чернышевского. По своему объективному классовому содержанию экономическая теория Чернышевского является теорией крестьянской революционной демократии. Она знаменует собой высший пункт развития допролетарской революционной теории.

Объективным содержанием домарксовых революционных теорий является буржуазно-демократическое преобразование общества. Однако возможны два различных по классовой основе типа буржуазно-демократических революционных преобразований. Один тип предполагает защиту интересов буржуазии в первую очередь, другой — защиту интересов прежде всего основного угнетенного класса крепостнического общества — крестьянства. Степень демократичности и глубины революционного преобразования предопределяется типом буржуазного преобразования, природой класса, являющегося двигателем и творцом революционного преобразования.

Чернышевский явился представителем наиболее последовательного, наиболее демократического типа буржуазного революционного преобразования феодального общества. Революционные преобразования феодального общества предполагают изменение

[146] Там же, с. 185.

широкого круга феодальных отношений. Они предполагают замену принудительного труда наемным трудом, смену отношений монополий и привилегий отношениями свободной конкуренции. Однако революционные преобразования оказываются наиболее глубокими, когда они касаются самой основы феодального строя — феодальной земельной собственности. Обычно буржуазные революции так или иначе преобразовывают отношения земельной собственности. Но наиболее глубокими эти преобразования бывают тогда, когда они сопряжены с коренными изменениями в отношениях земельной собственности, приводящими к изменению в строе земледельческого производства. Чернышевский был теоретиком именно такого революционного преобразования, суть которого заключалась в замене помещичьего хозяйства свободным самостоятельным крестьянским хозяйством. Эта цель достигалась путем революционной ликвидации помещичьей земельной собственности.

Однако объективное содержание теории крестьянской революции, ее объективный реальный результат не должны затемнить всю сумму теоретических положений, развитых в защиту этой теории, рамки которой значительно шире ее объективного содержания. Теоретические инструменты, приведенные в движение для обоснования теории крестьянской революции, выходят за рамки задач крестьянской революции, и их значение с точки зрения развития революционной теории выходит за рамки обоснования крестьянской революции. Поэтому рассмотрение значения теории Чернышевского не может быть ограничено рамками проблематики крестьянской революции, хотя она вырабатывалась в ходе обоснования крестьянской революции и крестьянского социализма.

Тот факт, что революционная теория демократического преобразования, развитая Чернышевским, неразрывно связана у него с обоснованием социалистического переустройства общества, не является случайным. Он вытекает из того, что теория буржуазного революционного преобразования исходит в данном случае от представителя борющегося против крепостничества крестьянства, еще не подвергшегося капиталистической дифференциации. Борьба за ликвидацию крепостнической эксплуатации неизбежно связывается у идеологов крестьянства с борьбой против всякой формы эксплуатации. В этом — специфическое отличие крестьянской антикрепостнической борьбы от буржуазной антикрепостнической борьбы.

Особенности крестьянской антикрепостнической борьбы находят свое наиболее яркое выражение в теории Чернышевского, в которой слияние социализма и демократии выражено наиболее очевидно.

В антикрепостнической борьбе предельным является демократизм крестьянский. Сила последнего возрастает в результате слияния его с социалистическими идеями, независимо от объективного содержания этих идей. Борьба против крепостничества сливается идеологически с борьбой и против капитализма, против основ буржуазной идеологии. Буржуазная по своей природе, по сво-

ему объективно возможному результату борьба сливается с борьбой против буржуазной идеологии. В этом — сложность воззрений Чернышевского и в этом причина трудностей в анализе как содержания его теории, ее корней, так и ее исторического места.

Нельзя понять сущность теории Чернышевского во всех ее звеньях, если ограничиться простой констатацией ее классовой основы. Теперь этот вопрос не может вызывать каких-либо споров среди марксистов. Идейное оружие, выработанное Чернышевским, имея в качестве материальной опоры крестьянскую борьбу против крепостничества, может быть понято только в связи с теми идейными источниками, которыми он мог воспользоваться в процессе выработки этого оружия. И только в связи с анализом идейных корней может быть правильно оценено все историческое значение его экономической теории.

Чернышевский явился преемником революционных традиций в экономической науке, которые восходят еще к Радищеву и которые были развиты декабристами, Белинским и Герценом. Если творчество Белинского и Герцена знаменовало уже начало нового, крестьянского этапа в развитии революционной теории, то учение Чернышевского представляет собой зенит этой теории домарксова периода. Тот огромный подъем революционной экономической теории, который связан с именем Чернышевского, не может быть понят без учета также опыта развития стран Западной Европы, за которым следили русские экономисты, хотя они полностью и не понимали его закономерностей, а также без учета того научного арсенала, который был создан до Чернышевского западной наукой. При анализе формирования системы воззрений Чернышевского не должны быть сброшены со счетов достижения немецкой философии в лице Гегеля и Фейербаха, английской классической школы политической экономии, утопического социализма. Чернышевский мобилизовал все предшествующее идейное наследство для решения тех исторических задач, которые стояли перед Россией. Он дал освещение и многих таких вопросов, которые объективно в тот период не были актуальными для России, но имели огромное значение для последующего развития революционной теории.

Учение Чернышевского явилось теоретическим обоснованием наиболее последовательной, буржуазно-демократической революции, крестьянской по своему классовому содержанию, и вместе с тем наиболее глубокой антибуржуазной теорией домарксова периода.

Глубокий демократизм антикрепостнических задач русской буржуазно-демократической революции, отражением которого явилось творчество Чернышевского, обеспечивал не только восприятие всех наиболее передовых воззрений, но и возможность значительного продвижения вперед как антикрепостнических, так и антибуржуазных начал революционной экономической теории.

Характер экономического учения Чернышевского не может быть понят в отрыве от объективных задач крестьянской революю-

ции в России. Но экономическое учение Чернышевского не может быть понято также без учета развития экономической теории не только в России, но и на Западе до него.

Западноевропейские утопические социалистические системы явились своеобразным выражением интересов пролетариата, еще не осознавшего своей исторической миссии. Они выражали, таким образом, интересы более передового класса, чем крестьянство. Однако тот факт, что Чернышевский выражал интересы крестьянства в борьбе против прогнившего крепостничества, обеспечивал Чернышевскому возможность даже в рамках крестьянской идеологии во многих отношениях продвинуться далеко вперед по сравнению с западноевропейскими утопистами-социалистами. Это продвижение шло по пути разработки вопроса об антагонистичности, непримиримости отношений эксплуататорских обществ, непримиримости противоречий классов как феодального, так и капиталистического обществ. Подробная и всесторонняя разработка этого положения имеет огромное значение с точки зрения развития основ революционной экономической теории, служащей как антикрепостнической борьбе, так и задачам антикапиталистической революции.

Можно утверждать, что никто до Маркса так глубоко и всесторонне не разработал проблему антагонистичности экономических отношений крепостнического и капиталистического обществ, как Чернышевский. Поэтому антикрепостническая по своему объективному содержанию теория Чернышевского явилась также ступенью к дальнейшей разработке учения о капиталистическом способе производства, уяснению его основных противоречий, разработке вопроса о неизбежной гибели капитализма.

Не будучи вооруженным учением о способе производства, Чернышевский все же глубоко проник в сущность капиталистического строя. Ему удалось выявить некоторые важные тенденции капиталистического способа производства. С этой точки зрения должно быть отмечено его учение о неизбежности обнищания рабочего класса в условиях капитализма. Опираясь на учение классиков буржуазной политической экономии, особенно Рикардо, о противоположности интересов классов в условиях капиталистического общества, Чернышевский далеко продвинул это учение по сравнению с Рикардо. Основное противоречие буржуазного общества Рикардо видел в отношениях между буржуазией и классом землевладельцев. Чернышевский же, во-первых, показал, что Рикардо не выявил всего значения частной земельной собственности в условиях капитализма, поскольку он игнорировал ренту с худшего участка, во-вторых, — и это главное — Чернышевский стремился показать, что основное противоречие пролегает между буржуазией и рабочим классом.

Чернышевский глубже, чем его предшественники, выявил механизм действия закона меновой стоимости, закона конкуренции и связывал кризисы с основами механизма капиталистической конкуренции. Он не дошел до понимания основного противоречия

капитализма, однако избежал не только рикардианского отрицания всеобщих кризисов, но и сисмондистского объяснения кризисов недопотреблением.

Крупнейший шаг вперед сделан Чернышевским в деле обоснования социализма. Его самая сильная сторона здесь не в характеристике основных черт социализма, а в разработке вопроса о путях перехода к социализму.

Чернышевский рассматривает социализм не как результат убеждения людей в выгодности социалистических форм экономики, а как результат борьбы общественных классов, заинтересованных в социализме, против общественных классов, заинтересованных в сохранении капиталистических порядков.

Чернышевский видел диалектику смен общественных форм и показал, что установление общественной собственности есть необходимая ступень в процессе исторического развития человечества.

Каковы бы ни были недостатки отдельных элементов его учения о переходе к социализму, Чернышевский пытался научно доказать неизбежность наступления социалистического экономического строя как закономерного итога исторического развития. И в этом его отличие от предшественников.

Вопрос о переходе к социализму был поставлен Чернышевским применительно к странам с разным уровнем экономического развития. Это способствовало, как уже отмечалось, научно обоснованной постановке вопроса о возможности некапиталистической эволюции отдельных стран в известных исторических условиях.

Следовательно, можно утверждать, что Чернышевский поднялся над уровнем всех своих предшественников как в анализе и критике крепостничества и капитализма, так и в анализе условий и путей перехода к социализму. Это обстоятельство и делает Чернышевского величайшим представителем экономической теории домарксова периода. В. И. Ленин, характеризуя Чернышевского и других революционных демократов середины XIX в., говорил о них как о предшественниках русской революционной социал-демократии.

Экономическая теория и программа Чернышевского прокладывали путь к марксизму. Теория Чернышевского не противостояла марксистской теории, а была исторически необходимой в России формой движения к высшей революционной теории — к марксизму. Творчество Чернышевского продвинуло вперед развитие всей мировой экономической науки домарксова периода. Чернышевский поднялся не только над своими предшественниками из круга дворянских революционеров России, но и над буржуазной экономической наукой, и над экономическими теориями западноевропейского утопического социализма. Его учение о неизбежности крушения капитализма явилось крупным шагом на пути от утопического социализма к научному социализму.

В кн.: История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова. Т. I, ч. 2. М., Соцэкгиз, 1958.

Крупнейший экономист домарксового периода

Чернышевский вышел на арену революционной практической и теоретической деятельности в исторический период, когда Россия находилась еще в оковах крепостничества, а на Западе капитализм показал уже не только свои преимущества перед крепостничеством, но и глубокие противоречия, свидетельствующие о том, что прогресс при капитализме покупается ценой ухудшения положения рабочего класса. В это время на Западе уже началась критика капитализма и в качестве альтернативы капитализму были выдвинуты разные формы социализма. Рабочий класс Западной Европы уже набирал силу.

Чернышевский владел всеми знаниями, выработанными передовой экономической наукой России и Запада. Однако никто из его предшественников не дал развернутой характеристики важнейших производственных отношений крепостничества и капитализма. Никто из его предшественников по утопическому социализму не подошел так глубоко к пониманию роли капитализма в процессе исторического развития общества.

Хотя Чернышевский, как и другие утопические социалисты, не сумел раскрыть объективный закон неизбежной смены капитализма социализмом, критикуя капитализм, русский ученый раскрыл некоторые основные преимущества социализма перед капитализмом, и если большинство его предшественников по социализму видели их прежде всего в сфере распределения, то Чернышевский подчеркивал экономические преимущества социализма как формы производства.

Никто из утопических социалистов не обнаружил такого понимания необходимости отыскания условий перехода к социализму в современной экономической действительности, как Чернышевский, который связывал его не только с интересами эксплуатируемых классов, но и с их борьбой.

Экономические труды русского революционного демократа изучались Марксом, Энгельсом и Лениным. Многозначительны сочувственные пометки Маркса на полях книг Чернышевского и его упрек, что русские ничего не сделали для ознакомления Запада с трудами русского мыслителя, который, по меткому выражению Маркса, мастерски вскрыл банкротство буржуазной политической экономии. Ленин также характеризовал Чернышевского как замечательного, глубокого критика капитализма.

Совершенно верны характеристики экономических воззрений Чернышевского в качестве революционно-демократических и утопически-социалистических. Однако, взятые в общем виде, они не в состоянии выразить всего богатства и глубины того идейного оружия, которым он вооружил освободительное движение не только в России.

Борьба с феодализмом была определенной чертой революционного демократизма французской буржуазной революции. Но для решения вопросов, которые поставили перед экономической мыслью кризис русского крепостничества и его падение, Чернышевский не мог найти ответа в произведениях своих предшественников — революционных демократов.

Революционный демократизм Чернышевского не был простой разновидностью известного на Западе и в России революционного демократизма. Так же точно и его утопический социализм не может быть поставлен в обычный ряд утопического социализма. Революционный демократизм Чернышевского был крестьянским революционным демократизмом. И для такого, крестьянского революционного демократизма, который ставит во главу угла ликвидации феодальной системы победу самостоятельного крестьянского хозяйства, уже не было объективной основы на Западе[1]. Теория Чернышевского была первой в истории теорией крестьянской демократической революции. Это была теория самой глубокой антифеодальной революции. Ориентация на свободное от крепостнической кабалы крестьянское самостоятельное производство была ориентацией на реальную, возможную перспективу, прямо отражающую реальные требования крестьянства.

До Чернышевского экономическая проблема ликвидации крепостного права ставилась в плоскости выгодности вольнонаемного труда по сравнению с принудительным. Она ставилась, таким образом, как экономическая задача помещичьего хозяйства. Чернышевский переводит проблему в совершенно другую плоскость.

Сопоставление выгодности крепостного, помещичьего и капиталистического хозяйств теоретически несостоятельно, а методологически оно свидетельствует о непонимании коренных различий между способами производства, определяемых различиями в основном отношении способа производства. Такое сопоставление выражает ограниченность буржуазного подхода к экономическим проблемам, когда ко всем явлениям подходят с меркой капиталистической формы хозяйства. Рассуждения о сравнительных преимуществах хозяйств на наемном и принудительном труде имели в качестве основы эту методологическую ошибку. Если все формы хозяйства суть разновидности капиталистического хозяйства, тогда есть основание для сравнения их эффективности и выгодности.

Чернышевский не поддерживает такую постановку вопроса. Он резко противопоставляет капиталистическое и крепостническое производство, показывает, что капиталистическое хозяйство ведется на коммерческих началах, на основе расчета издержек производства и сопоставления их с выручкой. Крепостническое же хозяйство, правильно констатирует он, не имеет и не может иметь

---

[1] Известно, что Англия давно уже не знала крестьянского хозяйства, да и во Франции ко времени французской революции, когда помещичье хозяйство являлось делом далекого прошлого, антифеодальная борьба шла отнюдь не за место крестьянского хозяйства в земледельческом производстве.

расчета издержек производства. Помещик не приобретает орудий производства, не оплачивает труд работников.

Этот вопрос в литературе позднего крепостничества занимал значительное место, были разные решения его. Как известно, А. Смит полагал, что выгодность наемного труда по сравнению с принудительным бесспорна и не подлежит обсуждению. Но тогда возникал вопрос: почему, если наемный труд более выгоден, принудительный труд существовал и продолжает существовать во многих местах? На этот вопрос Смит давал весьма наивный ответ: гордыня побуждает пользоваться трудом принудительным.

Сама постановка вопроса о выгодности или невыгодности наемного или принудительного труда страдает тяжелым методологическим пороком: предприятия, основанные на наемном труде, и предприятия, основанные на принудительном труде, суть производства, предполагающие совершенно разнородную структуру производственных отношений. Способ соединения средств производства с непосредственным производителем есть основное отношение любого способа производства, оно предполагает и определенных субъектов этого производственного отношения. Выгодность есть мера эффективности. Сравнение выгодности той или иной формы хозяйства возможно в рамках единого типа основного производственного отношения, только тогда имеется единообразный числитель и одинаковый знаменатель, т. е. только тогда можно сравнить соотношение результатов и затрат. Но когда основное производственное отношение меняется, то сравнительное определение эффективности оказывается невозможным даже при единстве результата. Можно сопоставлять эффективность только в том случае, если эффект и затраты на получение эффекта сравнимы в обоих случаях.

Но можно ли сравнивать затраты в хозяйстве, основанном на принудительном труде, с затратами в хозяйстве с наемным трудом? Последнее предполагает авансирование стоимости на приобретение объектов производства. Крепостной принудительный труд никаких авансов на приобретение орудий производства и на живой труд не предполагает. Таким образом, нет никакой сопоставимости затрат крепостного хозяйства на получение эффекта (дохода) и затрат капиталистического хозяйства на получение дохода.

Ссылки на то, что помещичьи хозяйства могли быть предметом купли и продажи, не являются аргументом в пользу сравнения выгодности помещичьего, крепостнического и капиталистического хозяйств (соответственно крепостного, принудительного и наемного труда).

«Цена» помещичьего хозяйства определялась не «стоимостью» его элементов, а представляла собой капитализированный доход этого хозяйства. Между тем цена капиталистического предприятия определяется стоимостью факторов производства, которые все без исключения приобретаются на рынке и цена которых определяется их стоимостью, а не капитализированным доходом. Капи-

тализация дохода предполагает, что этот доход приравнивается к сумме, получаемой в соответствии со ставкой процента на ссуженный капитал. Известно, однако, что процент есть лишь часть прибыли, а часть всегда меньше целого. Таким образом, «стоимость» помещичьего и капиталистического хозяйств формируется на совершенно разнородных основах. Если же капитализировать капиталистическое предприятие, то его капитальная «стоимость» всегда будет больше капитальной «стоимости» помещичьего хозяйства, ибо в одном случае в основание капитализации положен процент, а в другом — прибыль. Капитализация дохода, приравненного к проценту, даст всегда меньшую сумму, чем капитализация прибыли, представленной как сумма процентов.

Во всех случаях сопоставление помещичьего крепостного хозяйства и капиталистического хозяйства неправомерно. Оно игнорирует коренные различия способов производства, определяющим для которых является основное производственное отношение.

Как мы видели выше, Чернышевский отвергает по существу сопоставление этих двух типов хозяйств как совершенно разнородных. Таким образом, он становится на голову выше всех своих предшественников по анализу этой проблемы, в том числе выше А. Смита, который вообще не видел в этом вопросе экономической проблемы.

Но сила Чернышевского в анализе крепостнического хозяйства не только в этом. Из критики крепостнического хозяйства он не сделал кажущегося естественным вывода о том, что следует заменить хозяйство без расчета хозяйством с расчетом. Тогда была бы критика крепостничества, выводящая на признание превосходства капиталистической формы земледелия.

Сила Чернышевского в том, что, проводя столь кардинальное различение крепостного и капиталистического хозяйства, он не остается на плоскости последнего, когда ставит кардинальный вопрос о том, какой тип хозяйства должен прийти на смену помещичьему хозяйству.

Он не делает того как бы напрашивающегося вывода, который связан с сопоставлением помещичьего крепостнического и капиталистического хозяйств, а ставит вопрос о том, какая форма производства является наиболее производительной. Отвечая на него, Чернышевский делает вывод, который является новой по классовому содержанию постановкой вопроса об альтернативе крепостному хозяйству. Это крестьянская, а не капиталистическая постановка вопроса. Эта крестьянская альтернатива крепостному хозяйству помещика имеет у Чернышевского ясное теоретическое обоснование. Такая форма земледелия является наиболее производительной, при которой все три фактора производства принадлежат одному и тому же лицу. Крестьянское хозяйство как раз и является таким хозяйством, если оно обеспечено землей. Если земля будет передана в руки крестьянства, то не будет трехчленного деления продукта и тогда появится наиболее производительная форма хозяйства в земледелии.

Таким образом, Чернышевский обосновывает необходимость смены помещичьего хозяйства крестьянским, что предполагает ликвидацию помещичьего землевладения. Это была теоретически обоснованная постановка задач крестьянской революции.

Нельзя сказать, что задачи экономического преобразования Чернышевский ограничивал ликвидацией помещичьего хозяйства и созданием условий для свободного самостоятельного крестьянского хозяйства. Но это было исходным пунктом крестьянской революции, имевшим громадное, определяющее значение с точки зрения создания условий ускоренного экономического развития страны, за которое ратовал Чернышевский.

Чернышевский знал, что победа крестьянского хозяйства приведет к разложению его на капиталистические полюсы. Поэтому он выдвигает перед крестьянской революцией вторую задачу: ликвидировав помещичье хозяйство, не допустить развития капитализма в земледелии и создать условия для социалистического развития последнего. Эти две задачи четко различались Чернышевским, и каждую из них он теоретически обосновывает.

Будучи вдохновителем и теоретиком крестьянской революционной мысли, Чернышевский не обнаружил в своих экономических воззрениях ни грана мелкобуржуазности. Он видел, что освобожденное от пут крепостничества крестьянское хозяйство обязательно будет втянуто в водоворот капиталистических отношений и все процессы разложения его, которые связаны с известными тогда уже противоречиями капиталистического производства, станут уделом русского земледельческого производства.

И он смело выдвигает социалистическую альтернативу капиталистическому развитию крестьянского хозяйства. Конечно, выдвинутый им в этой связи тезис о роли общины как средстве противостоять капиталистическому разложению крестьянского хозяйства есть типично крестьянская утопия — элемент идеологии крестьянской революции. Однако следует обратить внимание на то, что и здесь кроме решения, которое себя исторически не оправдало, налицо важная с точки зрения теоретической и в особенности методологической постановка вопроса о возможности миновать капитализм на путях к социализму.

Социалистическая перспектива, которую Чернышевский лелеял, борясь за ликвидацию крепостничества и недопущение развития капитализма, не была лишь прекраснодушной мечтой. Он искал тот конкретный социальный фундамент, на который можно было опереться в борьбе за социалистическую альтернативу. В то время как утопические социалисты апеллировали к чувству справедливости, природе человека и т. п., русский мыслитель ищет в материальных условиях экономической жизни опору своей социалистической альтернативы. Этот поиск не вывел его теоретически за рамки утопического социализма, но он представлял переход на новую методологическую дорогу. И в этом вопросе методологически философ движется по пути, ведущему к историческому материализму.

Борясь против крепостничества, Чернышевский развенчивает и капиталистическую эксплуатацию. Однако характер критики крепостничества и капитализма резко различен.

Крепостничество Чернышевский критикует с позиций капитализма. Он вскрывает пороки крепостничества с точки зрения капиталистического производства, показывает преимущества капитализма перед крепостничеством.

Капиталистическая форма производства прогрессивна. И там, где она развилась, она несет с собой развитие промышленности. Поэтому Чернышевский не выступал с программой ликвидации капиталистической промышленности в России, которую он рассматривал как необходимый элемент прогресса.

В этой связи революционер-демократ характеризует ту сторону капитализма, которая выражает его товарный характер, подчиненность законам конкуренции, которая разрушает рутинные формы производства и требует развития производства и совершенствования его форм.

Положительно оценивая эту роль капиталистической промышленности, Чернышевский глубоко вскрывал противоречия капиталистического производства. И хотя эта критика иногда носит нормативистский характер, с позиций долженствования, она по своему существу является критикой капитализма с позиций социализма. Апелляция к разуму — это апелляция к социалистическому разуму (конечно, нельзя упускать из виду, что в критике капитализма Чернышевский стоит на позициях не пролетарского, а крестьянского социализма).

И тем не менее это не только апелляция к морали, к справедливости, к сочувствию угнетенным капиталистической системой производства, а критика, опирающаяся на понимание преимуществ социалистического производства. Следовательно, мотив производства, по сути дела рассмотрение экономических отношений как форм развития производства, является определяющим для метода изучения капитализма Чернышевским.

Он критикует тех экономистов, которые пытаются пересмотреть формы отношения распределения, оставляя неизменными формы производства. Изменить капиталистическое распределение, по Чернышевскому, может только коренное изменение формы производства, т. е. ликвидация капиталистической формы производства.

Известно, что применение принципа примата производства может сочетаться с метафизическим, неисторическим подходом к самим экономическим формам как вечным и естественным, что имело место, например, у Рикардо.

В отличие от Рикардо у Чернышевского принцип примата производства сочетается с принципом историзма. Экономические формы производства не являются вечными, они подвержены изменениям и являются продуктом исторического развития.

Чернышевский предпринимает имеющий огромное методологическое значение опыт исследования вопроса о том, каковы факторы, определяющие изменение экономических форм, исторический

процесс смены их. Он не знал учения о диалектике производительных сил и производственных отношений, но он двигался в направлении исторического материализма. Помимо общественной формы процесса производства Чернышевский фактически делает предметом своего анализа также технический процесс производства, который он ставит в прямую связь с орудиями производства, их характером.

Важнейшим в экономической форме производства Чернышевский считал положение непосредственного производителя в производстве, которое он называет формой труда.

В своих рассуждениях Чернышевский оперирует двумя формами труда — невольническим, или рабским, трудом, с одной стороны, и трудом вольного человека — с другой. Чернышевский устанавливает и закономерность невольничества, и необходимость труда вольного человека. И та, и другая формы труда сообразны определенному типу орудий труда.

Но среди факторов, вызывающих необходимость изменения в формах труда, он рассматривает не только орудия труда, но и масштаб производства. Анализ влияния размеров производства на производительность труда выводит русского мыслителя на исследование различий видов труда вольного человека.

Видя необходимость при определенном состоянии производства труда вольного человека, Чернышевский различает два вида такого труда: один — когда вознаграждением является плата за труд, и другой, когда вознаграждением труда является продукт.

Чернышевский знает, что производительность труда вольного человека различна в зависимости от того, что является вознаграждением этого труда. Но он знает также, что производство, в котором сконцентрировано определенное количество работников, более производительно, чем индивидуальное производство. Капиталистическое производство оказывается более производительным, чем производство единоличного производителя, так как индивидуальный производитель не может применять те орудия производства, которые могут быть применены в капиталистическом производстве. Но Чернышевский говорит и об определенных пределах этих преимуществ.

Если вольный человек является наемным, то он хорош только в небольшой мастерской, «потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякой мелочью»[2]. При крупном производстве вольный, но наемный труд уже оказывается недостаточно производительным, ибо за ним не может уже уследить хозяин производства. «Вместо наемного труда выгодою дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу... Тут нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате»[3].

---

[2] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, с. 221.
[3] Там же.

Почему наемный труд вольного человека не может обеспечить возможной производительности труда? Ответ на этот вопрос Чернышевский ищет в природе наемного труда. Он показывает, что хотя формально, юридически между трудом раба, невольника и трудом наемным вольного человека огромное различие, между наемным трудом и трудом невольника фактического различия нет.

Таким образом, Чернышевский, ясно различая невольнический и наемный труд, не менее ясно показывал, что оба они являются результатом принуждения. Во втором случае речь идет об экономическом принуждении, но это экономическое принуждение облачено в форму юридической свободы.

Поскольку современное производство есть крупное производство, обладающее преимуществами по сравнению с мелким, поскольку, далее, наемный труд не может обеспечить при крупном производстве возможной производительности, естественно, возникает необходимость отыскания такой формы, при которой сохранится преимущество крупного производства, но будет устранен порок наемного труда. Это такая форма, при которой труд вознаграждается не платой за труд, а продуктом труда. Такая форма была известна Чернышевскому. Это социалистическая форма труда и производства, которая только и превратит труд вольного человека в действительно свободный труд.

С большой обличительной силой разоблачает Чернышевский отождествление формальной и реальной свободы труда. Он знает, что буржуазная апологетика покоится именно на этом отождествлении.

Критикуя Тюрго, Чернышевский показывает чисто формальный характер лозунга Тюрго о «праве работать», так же как и его лозунга свободы. Эта критика Чернышевским Тюрго очень метко бьет и по современным апологетам капитализма, которые в защите капитализма не ушли дальше Тюрго.

«Нет свободы там, — писал Чернышевский, — где слабый остается беспомощным»[4]. Право же работать означает не что иное, как «право искать работы, а не право иметь ее»[5]. «Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право»; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом»[6]. Эти слова можно адресовать современным апологетам капитализма, которые все еще не хотят отличать социалистическое право на труд, которое обеспечено экономическим законом всеобщей занятости социалистической системы хозяйства, что зафиксировано в Конституции СССР, от буржуазного права на труд, которое есть только право искать работу.

Чернышевский приковывает внимание к безработице и показывает, что формальное право на труд при капитализме часто не может быть реализовано. Он подвергает острой и яркой критике апологетов безработицы типа Мальтуса, который пытался причи-

[4] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. V. М., 1950, с. 299.
[5] Там же, с. 302.
[6] Там же, с. 303.

ну нищеты, вызванной развитием противоречий самого капитализма, перенести на природу, на сам рабочий класс.

В этой критике Чернышевский явил пример глубокого проникновения в сущность экономических явлений, умения разоблачить фальшивые сопоставления разнородных статистических материалов, которые содержались в книге Мальтуса. Работа русского ученого явилась крупным научным вкладом в критику мальтузианства, она имеет значение и в настоящее время.

Чернышевский обращает внимание и на то, к каким последствиям приводят кризисы. Он акцентирует внимание на противоположности прибыли и заработной платы, имея в виду по существу прибавочную стоимость. Он подчеркивает возрастание ее по сравнению с заработной платой, обнажает экономические противоречия классов капиталистического общества.

Великий русский мыслитель анализирует все экономические отношения капиталистического общества, в том числе и ренту, с которой связано существование третьего большого класса буржуазного общества — земельных собственников. Четко проводя различие между рентой при феодализме и при капитализме, он показал, что и худшая земля в условиях капитализма приносит ренту. По сути дела, здесь налицо теория абсолютной ренты, в которой Чернышевский поднялся над уровнем толкования этой проблемы Родбертусом.

Как показал Маркс, Родбертус свел основание абсолютной ренты к неправильному счету издержек, к тому, что помещики не учитывают в качестве издержек семена. Таким образом, Родбертус был далек от понимания земельной собственности в качестве основы абсолютной ренты, он не понял, что абсолютная рента повышает цену земледельческого продукта над обычной ценой производства всякого продукта капиталистического производства.

Конечно, вопрос об абсолютной ренте получил законченное научное решение только у Маркса. Однако Чернышевский движется в направлении критики монополии частной собственности на землю как силы, поднимающей цену земледельческого продукта над обычной ценой; он способствует, таким образом, пониманию паразитической роли частной земельной собственности.

Чернышевский был выдающимся критиком не только капитализма, но и буржуазной политической экономии. Анализ основных отношений капиталистической экономики позволил ему дать яркую картину эволюции буржуазной политической экономии от научности к апологетике и вскрыть причину этого явления в изменении классовой роли буржуазии. Он видел и подъем буржуазной политической экономии, связав его с исторической миссией класса, интересы которого она представляла, и ее падение.

Чернышевский великолепно показывал, что в период борьбы против феодализма среднее сословие, под которым имелась в виду буржуазия, играло прогрессивную роль, а ее идеологи, ведя борьбу с феодализмом, не апеллировали к меркантильным интересам буржуазии и ее отдельных отрядов. Он писал, что в период

борьбы против феодализма «требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, говорившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»[7].

Победа над феодализмом меняет расстановку классовых сил и содержание классовой борьбы. «Как только, — пишет Чернышевский, — одерживает в своем союзе верх над получающим ренту классом сословие капиталистов и сословие работников, история страны получает главным своим содержанием борьбу среднего сословия с народом»[8].

Под народом Чернышевский имеет в виду трудящихся, которые теперь выдвигают новые требования, связанные с новыми формами эксплуатации, утвердившимися после падения феодализма. Среднее сословие напугано требованиями народа. «Борясь против них в жизни, оно старается, — говорит ученый, — опровергнуть их теории»[9].

Таким образом, Чернышевский вскрывает классовое содержание буржуазных теорий после победы капитализма над феодализмом. Новые классовые задачи буржуазии находят свое выражение и в новом теоретическом содержании буржуазных теорий. Их задача сводится теперь к защите интересов буржуазии. Отсюда беспощадная критика русским мыслителем буржуазных экономистов, которые приняли на себя роль апологетов буржуазии после победы над феодализмом.

Чернышевский великолепно сознавал коренное различие между классиками буржуазной политической экономии и вульгарной политической экономией буржуазии XIX в. Характерно, что самые едкие характеристики он дает тем буржуазным экономистам, которых и Маркс подвергал наиболее серьезной критике как вульгарных апологетов буржуазного строя. «Мало того, — писал русский критик, — что теория Сэя мертва для нас. Она сама по себе поверхностна и фальшива»[10]. С саркастической издевкой Чернышевский характеризует теорию Бастиа. «У Бастиа уже доказано, что бедным не на что жаловаться, что каждый работник получает надлежащее вознаграждение, что если и есть на свете люди, получающие меньше, чем им следовало бы, то эти люди не какие-нибудь ткачи, швеи, земледельческие батраки — нет; а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и другие обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающие зависть в неразумных чернорабочих»[11]. Апологетизм теории Бастиа обнажается в этом высказывании с предельным сарказмом.

Огромное значение Чернышевский придавал трудовой теории стоимости. Он высоко ценил ее основателей Смита и Рикардо. Не преодолев полностью внеисторизм в трактовке законов стоимости,

---

[7] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII. М., 1950, с. 38.
[8] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IX. М., 1949, с. 516.
[9] Там же, с. 36.
[10] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV. М., 1948, с. 710.
[11] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 468.

русский ученый по сути дела шел к этому преодолению, ибо проводил водораздел между меновой стоимостью и внутренней стоимостью.

Может показаться, что теория внутренней ценности является отголоском тех попыток сужения действия закона стоимости, которые были довольно широко распространены в первой половине XIX в. на Западе. Теория так называемой конституированной стоимости Прудона — наиболее яркая разновидность подобных мелкобуржуазных утопий. Ее автор хотел оставить все условия действия закона стоимости и ликвидировать необходимые формы его проявления, сохранить частное, анархическое производство и не допустить отклонения цены от стоимости.

Это насквозь мелкобуржуазная теория, суть которой в попытке устранить следствия, сохранив причину. Не случайно отвращение Чернышевского к Прудону.

Господство внутренней ценности, по Чернышевскому, предполагает коренное изменение организации общественного производства, между тем как все его предшественники (в особенности Прудон), говоря о необходимости реформирования действия закона стоимости, оставляли неизменной форму общественного производства.

О каком же изменении формы производства идет речь у Чернышевского? Он имеет в виду такое производство, где общество само сознательно распределяет труд по сферам производства с учетом значимости каждой из них с точки зрения благосостояния членов общества, которые все являются тружениками. В этом случае действует закон внутренней ценности. Здесь, собственно, дано элементарное понимание планомерной организации производства социалистического общества.

Теория внутренней ценности превращается в орудие критики анархической буржуазной формы производства, взятой в целом. Она заключает в себе и критику меновой ценности, и критику буржуазной формы распределения труда между сферами общественного производства.

Может создаться впечатление, что Чернышевский проводит здесь линию «неурезанного» трудового дохода, которую подверг острой критике Маркс в «Критике Готской программы». Но это отнюдь не так.

Авторы Готской программы забыли о необходимости накопления, а русский мыслитель рассматривает в качестве признака производительного труда то, что этот труд дает возможность увеличить количество орудий производства. Таким образом, трактовку им внутренней ценности нельзя подвести ни под один из вариантов утопических, мелкобуржуазных предложений совершенствования закона стоимости.

Социализм противопоставляется Чернышевским капитализму не только как такая форма, которая вырывает трудящегося из лап нищеты, но и как такая форма экономического быта, которая обеспечивает наибольшую производительность общественного тру-

да, или, как мы сказали бы сегодня, более высокую эффективность общественного производства. Она дает возможность накопить большое количество средств производства. К тому же производительность каждого отдельного труженика также оказывается более высокой, поскольку он, как член товарищества, заинтересован в успешности своего труда.

Можно сказать, что Чернышевский во многом уловил главные преимущества социализма перед капитализмом, когда в связи с теорией внутренней ценности говорил об условиях ее осуществления. Хотя революционер-демократ не поставил вопроса о планомерной организации всего общественного процесса производства, которая приходит на смену капиталистической анархии, его учение о внутренней ценности молчаливо покоится на предпосылке планомерного распределения ресурсов общественного производства по сферам производства.

Чернышевский поставил вопросы о структуре совокупного общественного производства и о цели формирования определенной структуры последнего, связал оба вопроса с экономической природой общества, с тем, какова его классовая структура. Он поставил, таким образом, вопрос о том, что внутренняя ценность есть способ разрешения тех противоречий капиталистического общества, которые кое-кто пытался разрешить методом частных поправок к системе экономического строя капитализма. Отсюда его гневная критика в адрес Дж. С. Милля, комментарии к «Основаниям политической экономии» которого Чернышевский считал наиболее подходящими для выражения своих собственных мыслей. Русский мыслитель видел эклектический характер системы Милля. Чернышевский видел, что Милль, подвергая критике некоторые отношения капитализма, своими реформами не дает никаких решений по существу, поскольку он оставляет старую основу производственных отношений. По сути дела Милль пытался оставить экономические отношения собственности неизменными в своей основе, ввести только некоторые коррективы в то распределение экономических благ, которое органически связано с этой формой собственности.

Критика Н. Г Чернышевским буржуазных реформаторов типа Милля вооружает и в борьбе с современными реформаторами разных мастей, в том числе с теоретиками конвергенции. Наиболее показательными в этом отношении являются взгляды видного буржуазного экономиста Дж. Гэлбрейта. С точки зрения метода взгляды реформаторов типа Гэлбрейта восходят к Миллю, который считал возможным соединить несоединяемое. Гэлбрейт метко рисует механизм монополистического господства, особенно в условиях государственно-монополистического капитализма. Он не боится указать на отвратительные черты современной капиталистической системы. И тем не менее третью часть одной из своих последних книг «Цели общества и экономика» он посвящает реформам, которые ни в какой мере не затрагивают основ экономической системы, порождающей критикуемые им явления.

Характеризуя русского революционера-демократа как крупнейшего политико-экономa домарксова периода, нельзя обойти и некоторые другие выводы, которые он сделал из трудовой теории стоимости классиков буржуазной политической экономии.

Как бы ни оценивались собственные исходные позиции самого Чернышевского, он нащупал самое слабое звено классической школы буржуазной политической экономии. Создавая трудовую теорию стоимости и определяя стоимость величиной затрат труда, классики не смогли согласовать это свое утверждение с фактом уравнения цен товаров не по затратам труда, а по затратам капитала. Это было результатом того, что они не сумели понять различия между обменом продуктов овеществленного труда и обменом овеществленного труда на живой труд. Между тем тайна возрастания капитала лежит именно в различии результатов этих двух видов обмена, наличие которых и является необходимым условием капитализма.

Не видя разницы между указанными видами обмена, нельзя понять капиталистический способ производства. Противоречие между этими двумя видами обмена открыл своей теорией прибавочной стоимости Маркс, которая в качестве своей основы предполагала учение о разграничении труда и рабочей силы. Это был теоретический ключ к пониманию различий обмена продуктами овеществленного труда и обмена живого труда на труд овеществленный.

Чернышевский знает слабости классической школы, противоречие между ее теорией трудовой стоимости и признанием правомерности того, что значительная и возрастающая часть этого продукта достается в буржуазном обществе тем, кто не затрачивает труда.

Классики в качестве основного оправдания частной собственности выдвигали положение о том, что основой собственности является труд. Но если основой собственности является труд, то как может собственность принадлежать тем, кто не трудится? «Адам Смит, — пишет Чернышевский, — не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствовавшей экономическому положению среднего сословия, и основным своим учением о труде как источнике всякой ценности» [12].

Однако Чернышевский ставит перед классической школой и другую проблему, связанную с трудом. Он выдвигает положение о том, что труд не может иметь стоимости, и ставит, таким образом, под сомнение ту форму обмена, которая является обменом овеществленного и живого труда.

Чернышевский стоит неизмеримо выше буржуазных экономистов, поскольку защищает принцип трудовой стоимости. Но он выше их и в методологическом отношении, поскольку правильно поставил вопрос о том, что труд не имеет стоимости.

---

[12] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 38.

Вульгарные экономисты критиковали Рикардо, чтобы опровергнуть его трудовую теорию стоимости. Чернышевский критиковал учение о труде как стоимости, чтобы защитить трудовую теорию стоимости. Этим он внес большой вклад в развитие экономической мысли. Однако разорвать порочный круг классической школы, в который она попала тогда, когда, обосновывая стоимость затратой труда, не могла объяснить, как в результате обмена одного труда на другой капиталист становится обладателем большего количества труда, смог только Маркс учением о рабочей силе и ее стоимости. Только Маркс объяснил, почему «стоимость труда» меньше стоимости созданного им продукта.

Теория, которую провозгласил и которой служил Чернышевский, была по своему содержанию не только антикрепостнической, но также и антикапиталистической.

Отражая интересы крестьянства, выходящего из оков крепостничества и еще не охваченного товарными отношениями, Чернышевский не отдал дани мелкобуржуазным критическим сентенциям против капитализма. Он критиковал мелкое производство с позиций крупного. Он критиковал крупное капиталистическое производство с позиций крупного социалистического производства, подняв, таким образом, критику капитализма не только над уровнем его мелкобуржуазных критиков, но и над уровнем всех других социалистических критиков капитализма до Маркса и Энгельса.

Связывая изменения в экономических формах общественного производства с «характером производительных процессов» и «характером труда», Чернышевский подходит к историческому материализму, а устанавливая, какие классы заинтересованы в изменении экономического строя, он связывает их смену с борьбой классов. Это свидетельство того, что учение Чернышевского явилось вершиной общественно-экономической мысли домарксова периода.

Теория, разработанная Чернышевским, явилась непосредственным предшественником теории научного социализма в России, она подготовила почву для органического восприятия в России марксизма, который гением Ленина был поднят на новую ступень. Учение Чернышевского подготовило то движение, которое под знаменем марксизма-ленинизма стало определяющей силой современного мира.

В кн.: Н. Г. Чернышевский и современность. Под ред. Л. Ф. Ильичева. М., Наука, 1980.

Раздел пятый

Русская экономическая мысль в эпоху домонополистического капитализма

Основные проблемы и главные направления русской экономической мысли в эпоху домонополистического капитализма

Изменения в экономике, классовой структуре и новые направления классовой борьбы

Падение крепостного права открыло эпоху капиталистического развития экономики России. В течение нескольких десятилетий в стране утвердился новый способ производства. Однако капиталистическое развитие в России происходило в условиях наличия остатков крепостничества, главным из которых в экономической области было помещичье землевладение. Реформа 1861 г., проведенная крепостниками, отрезала часть крестьянских земель и закрепила их за помещиками. При помощи огромных земельных массивов помещики были в состоянии держать «освобожденное» крестьянство в экономической зависимости. Высокие выкупные платежи и возросшие подати крестьян государству укрепляли эту зависимость. Оставшаяся у крестьян земля была недостаточна для того, чтобы свести концы с концами, и крестьяне были вынуждены арендовать помещичьи земли на кабальных условиях. Пользуясь экономической монополией на землю, большая часть помещиков вела хозяйство по существу старыми крепостническими методами: за получаемую в аренду землю крестьяне были обязаны обрабатывать своим инвентарем помещичьи поля.

Постепенно помещики переходили на капиталистические методы хозяйствования, но этот процесс перехода в силу монополии помещичьего землевладения был весьма замедленным, и к концу XIX в. отработочная система продолжала господствовать в большом числе русских губерний, в особенности в центрально-черноземной полосе. Общеизвестны приводимые Лениным в «Развитии капитализма в России» данные о степени распространенности отработочной (видоизмененной барщинной) системы, с од-

ной стороны, и капиталистической системы в помещичьем хозяйстве — с другой.

Несоответствие помещичьего землевладения новым условиям экономического развития страны нашло свое выражение в распродаже частью помещиков своих земель. Но основная масса частновладельческих земель в конце XIX в. находилась в руках помещиков и являлась оплотом средневековых, крепостнических методов эксплуатации крестьянства. Процесс капиталистического преобразования помещичьих хозяйств, которому правительство оказывало всяческое содействие как путем изъятия у крестьянства огромных средств в виде выкупных платежей, так и другими финансовыми и юридическими мерами, не был завершен не только к концу века, но даже до самого падения капитализма в России.

Однако после отмены личной крепостной зависимости общее направление развития помещичьего хозяйства было и не могло не быть капиталистическим. Крестьянское хозяйство также эволюционировало по пути капиталистической дифференциации.

В своей работе «Развитие капитализма в России» Ленин показал процесс капиталистической эволюции крестьянского хозяйства пореформенной России и полностью разбил народнические представления о господстве в России особого строя «народного производства». Ленин вместе с тем показал, что процесс капиталистической эволюции крестьянского хозяйства сдерживался наличием помещичьего землевладения и что в действительности, несмотря на капиталистическую дифференциацию деревни, в ней в качестве господствующей фигуры оставались помещик и ростовщик.

Трудности капиталистической эволюции, проистекавшие из господствующей роли помещичьего землевладения, усугублялись сохранением многообразных средневековых форм крестьянского землевладения и землепользования, прежде всего общинной формы. Это хотя и не могло остановить капиталистического характера аграрной эволюции, однако также являлось фактором, тормозившим свободное капиталистическое развитие деревни.

Промышленное развитие страны в пореформенный период происходило по сравнению с дореформенным периодом высокими темпами. Особенно быстро развивалось крупное промышленное производство. Характеризуя экономическое развитие России в пореформенный период, В. И. Ленин писал: «Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым»[1]. Вместе с тем Ленин считал правомерным и необходимым анализ вопроса о темпах экономического развития России и под другим углом зрения. Он писал: «Если же сравнивать данную быстроту развития с той, ко-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 601.

торая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным»[2]. Причину медленности темпов развития капитализма по сравнению с возможными Ленин видел в остатках крепостничества и прежде всего в господстве помещичьего землевладения.

Вся совокупность изменений, происходивших в области экономики в результате падения крепостного права, привела к коренным изменениям в классовой структуре русского общества и к необычайному обострению классовой борьбы в России в новых, чрезвычайно усложненных условиях социального развития.

Вышедшее из крепостной зависимости крестьянство оставалось задавленным вследствие поземельной зависимости от помещика и неспособным вести самостоятельное, свободное от помещичьей кабалы, хозяйство. Неизбежное втягивание крестьянского хозяйства в систему товарно-денежных отношений вело к разложению крестьянства. Класс-сословие крепостного общества — крестьянство постепенно раскалывался на противоположные классовые группы.

Социальная природа крестьянства, таким образом, подвергалась весьма существенному изменению. Характерная особенность развития крестьянства в пореформенный период заключалась в том, что в деревне сохранялся антагонизм между помещиком и крестьянином и одновременно развивался антагонизм новых классов, возникавших в связи с капиталистическим разложением деревни. В последней существовали две формы экономической зависимости: одна — крепостническая по своему характеру поземельная зависимость крестьянина от помещика и другая — экономическая зависимость капиталистического типа, зависимость беднейшего крестьянства от кулацких элементов и от помещиков, перешедших на капиталистические методы хозяйствования.

Крупная буржуазия получала значительную поддержку от царизма, который был заинтересован в развитии промышленности. Однако, поскольку всякого рода привилегии и поощрения касались лишь тузов капитала, широкие слои растущей буржуазии продолжали чувствовать стеснения в виде большого количества пережитков крепостничества как в области экономической, так и в области политической. Поэтому значительная часть буржуазии находилась в оппозиции к господствующим социально-политическим формам. Она не была еще политически господствующим классом.

Развитие капитализма привело далее к быстрому росту пролетариата, ряды которого пополнялись как за счет ремесленников, так и в особенности за счет дифференцировавшегося крестьянства. Происходил процесс обособления пролетариата от крестьянства, увеличивался слой потомственных пролетариев, и рабочий класс все более начинал осознавать свои особые классовые ин-

[2] Там же.

тересы. Однако в силу того, что в политической и экономической жизни страны пережитки крепостничества продолжали играть большую роль, ближайшие главные задачи борьбы рабочего класса находились в области общедемократических преобразований, т. е. в области борьбы против самодержавия, против остатков крепостничества.

Отмена крепостного права при сохранении монополии помещичьего землевладения превратила аграрный, точнее, крестьянски-аграрный вопрос в основной вопрос всей общественной жизни страны.

Помещичье землевладение как главный остаток крепостничества накладывало тяжелый отпечаток на все экономическое развитие страны. Крестьянство не могло не бороться за землю. Демократические слои русского общества понимали необходимость ликвидации помещичьего землевладения, боролись против него, хотя и по-разному. Представители господствующего класса прилагали усилия к защите помещичьего землевладения и изыскивали методы его поддержания, упрочения помещичьего хозяйства.

Освобождение крестьянского хозяйства от ярма помещичьего землевладения было центральной экономической задачей освободительного движения, подобно тому как ликвидация самодержавия была его главной политической задачей. Решение крестьянского вопроса имело определяющее значение для судеб экономического развития страны.

Россия после реформы твердо стала на путь капиталистического развития. Но, как показал Ленин, есть два пути развития капитализма. Реформа 1861 г., сохраняя помещичье землевладение, создавала базу для помещичьего пути буржуазного развития. Однако чисто стихийно шло преобразование и крестьянских хозяйств на капиталистической основе, т. е. имел место и крестьянский путь буржуазного развития. Ни один из этих путей не победил еще. И борьба за победу одного из них объективно была содержанием борьбы двух общественных классов — помещиков и крестьянства на протяжении всего пореформенного периода.

Наличие остатков крепостничества приводило к тому, что непосредственные производители страдали как от развития капитализма, так и от недостаточности этого развития. Существование двух групп противоречий осложняло классовую борьбу в России. Наряду с начавшейся против капитала борьбой рабочего класса, ставшего уже значительной общественной силой, продолжала развиваться борьба крестьянства против помещиков и их землевладения.

* *
*

Царское правительство на протяжении всего пореформенного периода вело активную борьбу за укрепление своей социальной опоры.

Главное внимание правительства было направлено на сохранение господствующего положения дворянства не только в политической, но и в экономической жизни страны. Предметом постоянной заботы его было предотвращение начавшегося после реформы процесса утечки дворянских земель и так называемого «оскудения» дворянства. Помимо огромных выкупных платежей, которые царизм передал в руки дворянства, правительство предпринимало другие экономические меры для укрепления помещичьего хозяйства. В 1885 г. был организован дворянский земельный банк, который щедро снабжал помещиков ссудами. В фискальных целях и для обеспечения дворянству более выгодных форм эксплуатации крестьянства правительство сохранило общинную форму крестьянского землепользования и препятствия для свободного передвижения крестьян. Чтобы расширить свою социально-политическую основу, правительство организовало одновременно с дворянским и крестьянский поземельный банк, что должно было способствовать росту кулацкой земельной собственности, укреплению класса кулаков, которые бы служили надежной базой самодержавия в деревне.

Ход экономического развития страны сопровождался ростом промышленности. Понимая, что экономическое отставание страны чревато опасностями с точки зрения международного положения России, правительство оказывало поддержку промышленным капиталистам. Систематически повышались таможенные пошлины на ввозимые промышленные товары. Ставки таможенных тарифов в России были выше, чем в главных капиталистических странах. Почти огульный протекционизм с высокими таможенными ставками способствовал обогащению крупных тузов капитала, но он не мог дать простора развитию производительных сил страны, скованных наличием остатков крепостничества.

Обеспокоенное ростом стачечного движения, царское правительство принимало строгие репрессивные меры против стачечников. Участников и в особенности руководителей стачек подвергали лишению свободы и высылке. Однако развертывавшееся, несмотря на репрессии, стачечное движение вынудило царское правительство подумать о мерах, которые могли бы предотвратить дальнейший рост стачечного движения. В этих целях были изданы законы о штрафах, об ограничении детского труда. Но законы эти были изданы в таких формах, которые не обеспечивали подлинной защиты труда. Под влиянием растущего рабочего движения в 1897 г. был издан закон о рабочем дне. Ограничивая продолжительность рабочего дня, закон создавал возможность для предпринимателей увеличивать рабочий день до установленного максимума в тех отраслях, где рабочий день фактически был ниже этого максимума.

Главные течения экономической мысли в период домонополистического капитализма

Обострение и усложнение форм классовой борьбы в России, материальные основы которой кратко показаны выше, являлись определяющим фактором развития экономической мысли, борьбы экономических идей в пореформенный период. Однако при анализе процесса развития русской экономической мысли пореформенного периода нельзя ограничиться только констатацией этого определяющего фактора и идейного наследства, которое было оставлено предшествующим развитием русской экономической науки во всех ее классовых разветвлениях. Для понимания быстрого роста экономической науки в России в пореформенный период необходимо учесть и условия экономической и политической жизни, а также развитие экономической науки на Западе.

Теснейшие политические и культурные связи России с Западом в пореформенный период играли существенную роль в формировании определенных политических и экономических течений в русской экономической мысли.

Борьба против невольничества в Северной Америке, Парижская Коммуна сыграли крупную роль в процессе развития идейной борьбы не только на Западе, но и в России. Победа научного социализма над всякими формами утопического социализма в Западной Европе резко обострила борьбу между буржуазной и пролетарской политической экономией. Главные усилия буржуазных экономистов Запада были сосредоточены на критике марксизма. В этот период здесь возникает и получает широкое распространение *школа предельной полезности*, родиной которой считается Австрия. В короткий период идеи этой школы становятся господствующими в буржуазной политической экономии. Наряду с этим получает широкое развитие и так называемая *новая историческая школа* со всякого рода разновидностями в виде «кафедер-социализма», «государственного социализма» и т. п. К концу века относится возникновение так называемого социального направления буржуазной политической экономии. В это же время на Западе возникает и развивается ревизионизм, направленный на уничтожение революционной сути марксизма.

Во второй половине XIX в. идеи западноевропейских школ политической экономии находят отражение в русской экономической литературе; они в той или иной мере определяют систему аргументации отдельных течений русской общественной и экономической мысли, хотя, разумеется, движущие силы развития русской экономической мысли коренились в условиях общественной жизни самой России. Но без учета развития экономической мысли на Западе нельзя понять процесс развития экономической мысли в Рос-

сии во второй половине XIX в. Это касается и идеологических течений господствующих классов, и особенно течений, связанных с освободительным движением трудящихся.

Ленин писал: «Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века **таким богатством** интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»[3].

Наконец, трудно переоценить влияние, которое оказала на развитие русской экономической мысли пропаганда даже отдельных экономических идей марксизма. Тот факт, что первый перевод «Капитала» был сделан именно на русский язык, свидетельствует о том огромном интересе, который проявляла русская экономическая мысль к марксизму. Проникновение марксизма в Россию объясняет нам не только развитие марксистской экономической мысли в ней. Развитие и других течений экономической мысли (народничества и даже буржуазной политической экономии) в России совершалось в связи с определенным отношением их к экономической теории марксизма.

Несмотря на значительное влияние русской экономической мысли предшествующего этапа, а также различных направлений европейской экономической мысли, определяющий фактор формирования и развития направлений и течений русской экономической мысли пореформенного периода следует искать в изменившейся экономике и классовой борьбе России. В соответствии с этим исходной основой группировки направлений экономической мысли должна служить классовая структура пореформенной России.

Природа четырех классов пореформенной России — помещиков, буржуазии, крестьянства и пролетариата — поможет понять характер и содержание разных направлений экономической мысли.

Поскольку природа, интересы и задачи названных классов, и в особенности разных групп внутри одних и тех же классов, не могли быть одинаковыми на всех этапах пореформенного периода, многообразие течений экономической мысли не может быть сведено к числу классов, и группировка направлений экономической мысли не ограничивается группировкой классов, которая является лишь исходной основой для понимания природы направлений экономической мысли.

Дворянские идеологи образуют две группы: реакционные идеологи дворянства и дворянские либералы.

Число течений среди буржуазных экономистов было еще более значительно. Несмотря на общность буржуазного мировоззрения, весьма отличны друг от друга Скалдин и Менделеев, Чупров и Ковалевский, Янсон и Янжул.

Наконец, еще больше различий между этой группой буржуазных экономистов и «легальными марксистами».

---

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

Идеологи крестьянства могут быть сведены к двум крупным группам: 1) революционные демократы и 2) либеральные народники. Однако группа революционных демократов оказывается также весьма разнообразной. Достаточно указать, что сюда попадают Бакунин и Лавров, Флеровский и Серно-Соловьевич, Писарев и Шелгунов.

Наконец, обращаясь к пролетарской идеологии, следует и здесь проследить процесс проникновения марксистских идей в Россию, пропаганду отдельных положений марксистской экономической теории, а затем и процесс развития экономической теории марксизма в России.

Возникновение марксистского этапа в развитии русской экономической мысли связано с произведениями Плеханова, написанными им в XIX в.

Новый, ленинский этап в развитии марксизма начинается работами В. И. Ленина 90-х гг.

Главным фронтом классовой борьбы на протяжении всей эпохи домонополистического капитализма была борьба между помещиками и крестьянством. Помещики стремились сохранить свое господство в условиях капиталистического развития. Крестьянство стремилось сбросить помещичью кабалу, навязанную ему условиями реформы 1861 г.

Эта борьба завязалась еще в период падения крепостного права. Идеологи помещичьего класса, проводя реформу, защищали интересы помещичьего типа буржуазного развития. Они обосновывали необходимость превращения помещичьего хозяйства в основную магистраль развития производительных сил сельского хозяйства. Все мероприятия экономической политики идеологи помещичьего класса стремились подчинить задаче победы помещичьего хозяйства. Представители крестьянства, идеологи революционной демократии всесторонне обосновывали необходимость победы крестьянского хозяйства, необходимость ликвидации помещичьего землевладения и помещичьего хозяйства. В этой борьбе между представителями помещичьего класса, с одной стороны, и представителями крестьянства — с другой, в основном были развиты главные положения как в защиту помещичьего хозяйства, так и в защиту крестьянского хозяйства с точки зрения интересов этих классов.

Пореформенное развитие дало новые факты о состоянии помещичьего и крестьянского хозяйства в условиях отмены крепостного права. Многочисленные исследования форм землевладения, помещичьего и крестьянского хозяйства, которые были предприняты экономистами различных общественных групп, способствовали выявлению глубоких противоречий экономического развития как деревни, так и всей страны в целом. Эти исследования еще более выявили паразитический характер помещичьего землевладения и всех остатков крепостничества в пореформенный период.

Однако, хотя классовая борьба между помещиками и крестьянством оставалась центральным фронтом борьбы общественных

классов и конкретные исследования условий пореформенного развития имели серьезное научное и пропагандистское значение, основные теоретические аргументы за и против помещичьего землевладения и хозяйства, за и против крестьянского хозяйства были уже развиты в предреформенный период.

Идеологи помещичьего класса не внесли в пореформенный период чего-либо принципиально нового в решение проблемы защиты помещичьего хозяйства. Борьба шла теперь между отдельными группами идеологов помещичьего хозяйства по вопросу о том, следует ли помещичьему классу идти на дальнейшие уступки или нет. Одни считали, что нет нужды в дальнейших уступках, и пытались всячески дискредитировать крестьянское хозяйство; другие, наоборот, полагали, что для избежания крестьянских восстаний необходимо пойти на некоторые дальнейшие уступки, чтобы таким образом умерить крестьянскую борьбу против помещичьего землевладения.

Предметом дискуссий в среде господствующего класса был также вопрос о форме крестьянского землепользования. Согласно одной точке зрения, необходимо было сохранить общину как форму крестьянского землепользования, ибо это, якобы, обеспечит помещикам лучшие условия эксплуатации крестьян и будет способствовать задержке процесса пролетаризации крестьянства и сохранению его политической инертности. Противоположный взгляд заключался в том, что разрушение общины обеспечит лучшие условия эксплуатации для помещиков и создаст в лице кулачества политическую опору самодержавию.

Новые условия классовой борьбы в пореформенный период и отстаивание интересов помещичьего класса после ликвидации крепостного права не могли не потребовать известного обновления аргументации и не вызвать разных подходов к решению классовых задач помещиков. В связи с этим представляют интерес, с одной стороны, группа реакционных идеологов дворянства типа Каткова, Мещерского и других, которые призывали не только к обороне, но и к наступлению во имя обеспечения помещичьих политических и экономических интересов, с другой стороны, группа дворянских либералов типа Безобразова и Васильчикова, считавших необходимым пойти на некоторые уступки.

Развитие капитализма выдвигало на передний план экономической жизни буржуазию. Поэтому в пореформенный период получает значительное развитие буржуазная экономическая мысль в России.

В условиях относительно неразвитой классовой борьбы пролетариата против буржуазии, когда основным тормозом экономического развития страны являлись остатки крепостнических отношений, русские буржуазные экономисты прилагали усилия к анализу аграрных отношений, исследованию которых было посвящено значительное количество работ. Многие из них сыграли весьма положительную роль в критике пореформенных отношений, в выяснении условий развития сельского хозяйства, в показе тяжелых ус-

ловий крестьянского хозяйства, задавленного гнетом остатков крепостничества (острая земельная зависимость от помещиков, огромные платежи помещику и государству). Работы Скалдина, Янсона и других явились серьезным вкладом в дело освещения пореформенных экономических отношений в русской деревне, выяснения роли помещичьего землевладения как основного тормоза развития крестьянского хозяйства.

Наряду с этим буржуазная экономическая литература уделила значительное внимание анализу общинного землевладения и его значения для экономики русской деревни. В этом вопросе среди буржуазных экономистов не было единства. Одна часть из них полагала, что сохранение общины является необходимым условием поддержания крестьянского хозяйства. Другие же буржуазные экономисты показывали тормозящее значение общинного землевладения для развития капиталистических отношений, свободной конкуренции и выступали против искусственного сохранения общины.

Большую роль в выяснении исторических судеб крестьянской общины сыграла работа М. М. Ковалевского. В этой работе было показано, что общинная форма собственности не является чисто русским институтом, что она была свойственна в свое время всем народам. Вместе с тем выяснялась неизбежность разложения общины. Наконец, в ряде работ буржуазных экономистов показывалось возникновение капиталистических отношений в рамках общинного землевладения.

Вопрос о ликвидации экономической отсталости России весьма остро ставился великим русским ученым Д. И. Менделеевым, который посвятил много внимания проблемам подъема и промышленности, и сельского хозяйства.

Разработка указанных вопросов представляла серьезную научную заслугу буржуазной экономической мысли пореформенного периода. Оставаясь оппозиционной по отношению к господствующему в стране классу помещиков, буржуазная политическая экономия в своей основной части не перешла еще на позиции вульгарной экономии, стремясь к вскрытию действительных экономических отношений.

Больше того, значительная часть буржуазной профессуры проповедовала теорию трудовой стоимости и некоторые положения теории доходов, которые не носили апологетического характера. В отдельных произведениях буржуазных экономистов появлялись сочувственные отклики на экономическое учение Маркса. Понятно, что интерпретация теории трудовой стоимости и всего экономического учения Маркса была далека от подлинного марксизма, но прямого враждебного отношения к экономическому учению Маркса, как это характерно для экономистов, представлявших идеологию прежде всего помещичьего класса, не было среди большей части представителей буржуазной политической экономии.

Как было отмечено выше, возникшие во второй половине XIX в. на Западе новые школы вульгарной буржуазной политической

экономии оказывали серьезное влияние на русскую буржуазную политическую экономию. Часть буржуазных экономистов России уже вела острую борьбу против марксистской экономической теории и занималась апологетикой капитализма. Здесь следует отметить не только широкоизвестные выступления против марксизма Жуковского, но и менее известные выступления буржуазного экономиста Георгиевского.

Критикуя сложившиеся в пореформенный период отношения, буржуазная политическая экономия в России никогда не доходила до понимания основного условия ускоренного развития буржуазных отношений в России и роста ее производительных сил. Она никогда не выходила за рамки оппозиции к существующему политическому и экономическому строю. Исповедуя в той или иной мере идеи экономического либерализма, часто с большими коррективами, она стояла на позициях либерально-реформаторского подхода к задачам изменения условий экономического развития страны, в особенности к задаче ликвидации основного тормоза ее экономического развития — помещичьего землевладения. Такая позиция буржуазных экономистов объясняется историческими условиями развития капитализма в России.

Как в дореформенный, так и в пореформенный период крупная буржуазия в России находила поле своего действия прежде всего в области торговли и промышленности. Фермерски-капиталистическое хозяйство не было распространено не только в предреформенный, но и в пореформенный период. Столкновение интересов крупной буржуазии с интересами класса помещиков происходило прежде всего не в сфере земельных отношений. Это обстоятельство является весьма существенным фактом, помогающим понять позицию русских буржуазных экономистов в вопросе о ликвидации помещичьей земельной собственности. Для буржуазных экономистов характерна критика помещичьего землевладения, признание необходимости изменений в поземельных отношениях. Они понимали, что сохранявшиеся в пореформенный период земельные отношения являются тормозом капиталистического развития. Последнее страдало от остатков крепостничества, которые, с одной стороны, суживали рынок сбыта промышленных товаров, а с другой — препятствовали созданию рынка свободной рабочей силы. Отсюда критика остатков крепостничества, глубина которой не везде и не всегда была одинаковой, но которая остается характерной для буржуазной экономической мысли пореформенного периода.

В то же время отсутствие прямого конфликта между помещиками как землевладельцами и фермерами-капиталистами, которые еще не успели развиться в какую-либо солидную классовую группу, смягчало остроту критики земельной собственности со стороны идеологов буржуазии. Это обстоятельство с особой очевидностью обнаружило себя в период первой русской революции, когда буржуазия встала на защиту помещичьей земельной собственности и перешла в лагерь контрреволюции.

Еще в XIX в. Ленин, отмечая, что царизм оказывал услуги крупному российскому капиталу, подчеркивал, что капитал «...в России особенно склонен жертвовать своим демократизмом, вступать в союз с реакционерами для того, чтобы придавить рабочих, чтобы сильнее затормозить появление рабочего движения»[4].

Следует отметить, что в теоретическом отношении русская буржуазная экономическая мысль пореформенного периода имела достижения в разработке отдельных частных вопросов экономической науки.

Что же касается общей теории политической экономии, то хотя русская буржуазная экономическая мысль в целом не была так склонна к вульгарной апологетике, как западная буржуазная экономическая мысль этого периода, тем не менее она не способна была двинуть ее вперед. Развитие общей теории политической экономии, возможное на базе буржуазного мировоззрения, было осуществлено еще в эпоху Рикардо.

Таким образом, прогрессивное значение русской буржуазной экономической науки в пореформенный период могло заключаться в критике остатков крепостничества, в отстаивании условий буржуазного развития с наименьшим количеством остатков крепостничества.

Однако следует отметить, что буржуазная экономическая мысль в силу указанных выше исторических особенностей развития русской буржуазии оказалась не в состоянии ни в какой период последовательно решить вопрос о создании условий для развития капитализма в России, прогрессивных с буржуазной точки зрения. Наиболее благоприятные условия капиталистического развития России могли быть обеспечены только решением задач крестьянской революции. Между тем буржуазные идеологи были далеки от революционной постановки задач буржуазного преобразования России.

Это обстоятельство очень существенно для понимания того, почему наиболее передовые идеи буржуазного по социальному содержанию преобразования России были развиты не буржуазными, а крестьянскими идеологами.

Угнетенный класс крепостнического общества — крестьянство и после реформы имело интересы, резко отличные от интересов буржуазии. Это отражалось и в его экономической идеологии. Изменения экономической природы крестьянства, происходившие в пореформенный период, нашли свое выражение в том, что идеология крестьянства не была однородна в пореформенный период.

Идеологов крестьянства можно разделить на две основные группы: первая группа — те идеологи крестьянства, которые или открыто провозглашали необходимость революционной борьбы против остатков крепостничества в России или из произведений которых вытекали непосредственно революционно-демократические выводы. К этой группе относятся такие отличающиеся друг

[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 302.

от друга деятели освободительного движения, как Н. А. Серно-Соловьевич и Писарев, Шелгунов и Бакунин, Флеровский и Ткачев. Как ни различны названные мыслители, как ни различны подчас их политические воззрения, их объединяет решительная борьба против помещичьего землевладения и остатков крепостничества.

Вторую группу крестьянских экономистов составляют либеральные народники.

Представители русской революционной демократии явились наиболее глубокими критиками крепостничества и его остатков. Они заложили основы революционно-демократической теории их ликвидации. Как в период падения крепостного права, так и в пореформенный период идеи революционных демократов являлись реалистической формулировкой революционных требований крестьянства, направленных против крепостничества и его остатков.

Во второй половине XVIII в. зародились антикрепостнические течения русской экономической мысли, началась борьба антикрепостнической экономической идеологии против идеологии крепостничества; в процессе этой борьбы происходило и развитие русской экономической мысли. К середине же XIX в. развитие русской экономической мысли определялось борьбой, прежде всего между представителями либерализма, с одной стороны, и революционного демократизма — с другой. Практически политическая борьба против крепостнической идеологии была актуальна и в середине XIX в., но основные теоретические достижения русской экономической мысли этого времени связаны главным образом с борьбой против либерализма, — прежде всего против дворянского либерализма, который являлся теоретическим обоснованием по существу помещичьего типа буржуазного развития.

Основные задачи крестьянской революции, сформулированные еще Чернышевским, не были, как известно, разрешены в ходе классовой борьбы. Поэтому политическая борьба между двумя путями экономического развития России — крестьянски-буржуазным и помещичье-буржуазным — оставалась основным предметом классовой борьбы между крестьянством и помещичьим классом на всем протяжении пореформенного периода. И оценка исторической роли тех или иных течений общественной мысли не могла осуществляться независимо от того, каково было отношение их к этой борьбе. Отсюда то огромное значение для исторических судеб развития России, которое придавал Ленин борьбе между либералами и демократами.

Ленин относил к периоду реформы 1861 г. возникновение либерально-монархической и революционно-демократической тенденций русской политической мысли, и он учитывал, что эти две тенденции со времени 1861 г. «определяют исход борьбы за новую Россию»[5].

Либерализм во всех своих разновидностях был противником идей революционной ликвидации крепостничества и его остатков.

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

Между тем последовательное уничтожение остатков крепостничества могло произойти только революционным путем, т. е. путем перехода власти в руки другого класса, путем коренного изменения отношений земельной собственности. Только демократическое изменение этих отношений обеспечивало прогрессивную победу форм капиталистического развития, освобожденных от всяких остатков крепостничества.

Влияние идей Н. Г Чернышевского на международное и российское освободительное движение и экономическую мысль пореформенного периода

Освободительное движение пореформенного периода было непосредственно связано с революционно-демократической идеологией, высшим пунктом развития которой является творчество Чернышевского. Соединение демократии и социализма, характерное для пореформенного периода, также питалось в основном идеями, почерпнутыми из произведений Чернышевского. Главными из них были признание необходимости решительной борьбы с остатками крепостничества — наследием реформы 1861 г., критическое отношение к капитализму, упор на то, что капитализм приносит лишь формальную, а не реальную экономическую свободу, критика буржуазной политической экономии, признание необходимости социализма для обеспечения подлинной свободы трудящихся. Демократический характер выработанной Чернышевским программы экономических преобразований создавал ей исключительную популярность среди деятелей освободительного движения, а высокие моральные идеалы, которые проповедовал Чернышевский в своих художественных произведениях, снискали ему любовь и поклонение не только в тех странах, которые находились в условиях борьбы с остатками крепостничества, но и там, где освободительное движение носило уже пролетарский характер.

Имя Чернышевского пользовалось широкой известностью не толко в России, но и в странах Западной Европы. Величайшие деятели рабочего движения, начиная с Маркса и Энгельса, преклонялись перед гением и революционной энергией Чернышевского, а на созданных им образах революционеров воспитывались целые поколения борцов освободительного движения. Маркс и Энгельс изучали произведения Чернышевского, в которых они видели не только глубокий анализ происходивших в России изменений в экономическом строе, но и образцы мастерской критики буржуазной политической экономии. По Марксу, творчество Чернышевского имело значение отнюдь не только для России, но и для развития мировой экономической науки.

Особенно большой резонанс имел роман Чернышевского «Что делать?», неоднократно переводившийся и издававшийся на Западе. Август Бебель в журнале «Nene Zeit» (1885, № 8) опубликовал специальную статью об этом романе [6]. Поль Лафарг называл Чернышевского великим и благородным мыслителем.

Формирование мировоззрения Жюля Геда, его отход от анархизма и эволюция в сторону марксизма связываются в той или иной форме с влиянием, которое оказали на него произведения Чернышевского; часть из них Гед вместе с супругой перевели на итальянский язык. «Социалистический катехизис» Геда был написан под значительным методологическим и теоретическим влиянием Чернышевского. Он воспринимал положения Чернышевского о труде, его критику мальтузианства; критикуя частную собственность, Гед обращался прежде всего к частной земельной собственности [7].

Выдающиеся деятели болгарского и международного рабочего движения Д. Благоев и Г. Димитров высоко ценили творчество Чернышевского. Благоев в журнале «Современный показатель» знакомил читателей с его взглядами [8]. Г. Димитров говорил о том огромном влиянии, которое оказали на него в процессе формирования революционного мировоззрения произведения Чернышевского.

Если даже на Западе был весьма значителен резонанс творчества Чернышевского [9], то тем более без него не может быть понято пореформенное освободительное движение России. Не только его ближайшие преемники и ученики (Шелгунов, Серно-Соловьевич), но и Писарев и другие революционные демократы находились под непосредственным влиянием его идей.

Революционно-демократические идеи и некоторые элементы утопии в учении народничества теоретически восходят также к Чернышевскому. Даже воззрения некоторых буржуазных идеологов складывались под тем или иным влиянием идей Чернышевского.

Освободительное движение всех народов Российской империи черпало в трудах Чернышевского ответы на коренные вопросы экономического и политического развития. Нельзя понять быстрое развитие революционно-демократических идей на Украине, если не учесть влияния Чернышевского. Виднейшие революционные демократы Литвы и Белоруссии воспитывались под воздействием идей Чернышевского. Крупнейшие представители революционного демократизма на Кавказе, такие, как Налбандян, Николадзе и

[6] См.: Спижарская Н. В. Неизвестная статья А. Бебеля о Чернышевском. Ленингр. гос. ун-т. им. А. А. Жданова. Доклады и сообщения филологического института. Вып. I. Л., 1949, с. 94.

[7] См.: Белкин И. «Социалистический катехизис» Жюля Геда и Чернышевский. — Вопросы истории, 1946, № 8—9, с. 91—96.

[8] Вопросы экономики, 1956, № 6, с. 86.

[9] См. также: Манфред А. З. Французское революционное движение после Парижской Коммуны и Н. Г. Чернышевский. — Из истории социально-политических идей. М., 1955.

другие, были также соратниками Чернышевского, и их экономические идеи так или иначе связаны с его идеями. Не только непосредственно революционно-демократические, но и демократические деятели вообще всех народов России испытали на себе благотворное влияние его идей.

Основная практическая задача освободительного движения и его главный теоретический вопрос. Подъем русской экономической мысли от революционного демократизма к марксизму

Победа крестьянской революции не могла быть обеспечена только более или менее правильной формулировкой задач этой революции, что было, по существу говоря, сделано уже Чернышевским. Коренным вопросом, без решения которого теория победоносной крестьянской революции не может считаться завершенной, в пореформенный период становился вопрос о движущих силах и условиях победы крестьянской революции, а также вопрос о содержании крестьянской революции.

Тот факт, что борьбу за наиболее прогрессивные условия буржуазного развития теоретически обосновывали идеологи крестьянства, наложил неизбежно свой отпечаток на теорию крестьянской революции. В своем наиболее развитом виде теория крестьянской революции предстала в виде теории крестьянской социалистической революции. И в построениях великих русских революционных демократов, и в построениях революционных народников крестьянская революция должна была не только ликвидировать остатки крепостничества, но и не допустить развитие капитализма, обеспечить прямое установление социалистических общественных порядков. Между тем сумма мероприятий, которые были заключены в программе крестьянской революции, реально обеспечивала только победу над крепостническими отношениями и их остатками. Революционная демократия не проводила необходимого различия между двумя типами революций (буржуазной и пролетарской) и полагала, что крестьянская революция, которая решает задачи антикрепостнические, может одновременно решить и задачи социалистического преобразования общества.

Это и было соединение воедино демократии и социализма, которое характерно для крестьянского социализма. Однако крестьянский социализм был утопичен, поскольку он возлагал надежды на прямой переход к социалистическим преобразованиям, обходя вопрос о материальных и субъективных предпосылках социалистической революции. Соединяя решение демократических, антикрепостнических задач с задачами антикапиталистическими, социали-

стическими, революционная демократия не могла правильно разрешить вопрос об условиях осуществления не только социалистических, но и демократических задач крестьянской революции.

Ко времени формирования русской революционной демократии крестьянство России, идеологическим отражением интересов которого она являлась, не было еще революционным классом. Это нашло свое выражение также в идеологии народничества, в той борьбе, которая происходила внутри него. «Хождение в народ», ткачевские идеи заговора, террористическая программа ликвидации царизма и остатков крепостничества являются в том или ином виде отражением этого факта.

Пока в России не было рабочего класса, вопрос о путях решения задач крестьянской революции изучался и дебатировался внутри революционно-демократического движения, но в силу неразвитости крестьянского движения он не мог получить своего научного решения.

Между тем развитие капитализма поставило революционный демократизм перед новым испытанием. Если в период падения крепостного права обоснование революционной программы носило преимущественно антикрепостнический характер, то развитие капитализма привело к тому, что антикрепостническую по своему объективному содержанию революционную программу революционные народники пытались обосновать прежде всего антикапиталистическими соображениями. Наступил острый конфликт между целями и средствами программы революционного демократизма. Ликвидация самодержавия и помещичьего землевладения — эти средства крестьянской революции — могли обеспечить лишь победу самых последовательных форм капиталистического развития, а отнюдь не предотвращение капитализма, как думали революционные народники.

Вопрос о роли и историческом значении капитализма становился центральным для теории освободительного движения. Прежде всего надо было уяснить роль рабочего класса. Наряду и в связи с этим возникала проблема характера экономических законов развития, роли капитализма как фактора подготовки условий для социализма.

Все коренные вопросы теории как буржуазно-демократической, так и социалистической революции требовали выяснения роли и места капитализма вообще, в России в особенности. Это требование было действительным и для того периода в развитии освободительного движения, когда оно еще являлось разночинским, буржуазно-демократическим, и для того времени, когда оно начало становиться в основном пролетарским.

Периоды и ступени освободительного движения не могут совпадать с периодами и ступенями развития теории освободительного движения. Если Ленин называет период 1861—1895 гг. разночинским, буржуазно-демократическим периодом освободительного движения, то понятно, что теоретическая подготовка этого периода началась задолго до 1861 г.; если Ленин считает началом

пролетарского этапа освободительного движения 1895 г., то ясно, что теоретическая подготовка его начинается еще в 80-х гг.

Рассмотрение вопроса о капитализме, об условиях его развития, о его историческом значении было необходимо для правильного определения содержания, задач, путей и движущих сил осуществления в России как буржуазно-демократических революционных преобразований, так и преобразований социалистических.

Поскольку революционный демократизм в России выступал в социалистическом облачении и субъективно революционные демократы были социалистами, а свою программу рассматривали как программу, обеспечивающую социалистическое развитие страны, постольку главным теоретическим вопросом в связи с развитием капитализма и появлением рабочего движения стал вопрос о природе, судьбе и роли капитализма и рабочего класса.

Центральным пунктом теоретических концепций народничества был тезис о регрессивной роли капитализма. Отсюда главная задача теоретических построений народничества — обоснование возможности некапиталистического развития страны.

Глубокая и разносторонняя критика капитализма, которая была дана величайшим представителем революционной демократии в России Чернышевским, не скрыла от его взора прогрессивности капитализма по сравнению с крепостничеством. Между тем одним из основных теоретических положений народничества был тезис о том, что развитие капитализма означает движение вспять. Выступив в эпоху крепостничества, Чернышевский представлял крестьянство в такой фазе его развития, когда оно еще не было мелкобуржуазным.

Народничество, в том числе и революционное, поддерживая тезис о капитализме как регрессе, отражало факт мелкобуржуазной эволюции крестьянства с неизбежным процессом его расслоения. Народничество выразило эти особенности экономической судьбы крестьянства в пореформенный период. Оно выразило и факт превращения крестьянина в товаропроизводителя, и постепенный процесс расслоения мелкой буржуазии на противоположные полюсы. Продолжая страдать от остатков крепостничества, прежде всего от крупной помещичьей земельной собственности, крестьянство через идеологию народничества выражало свое отношение к помещичьему землевладению. Вместе с тем, подпадая под власть товарно-денежных отношений, а затем и под власть нарождающегося капитализма, крестьянство через народничество заявляло и свой мелкобуржуазный протест против капитализма.

Эта вторая сторона в народничестве выступала тем более ярко, чем больше развивался капиталистический способ производства в России. В либеральном народничестве явно обозначается даже тенденция к примирению с помещичьей земельной собственностью и попытка приспособить буржуазное развитие к интересам мелкой буржуазии. Практически это вело либеральных народников к созданию программы в интересах кулачества.

Тезис о реакционности капитализма выдавал с головой мелкобуржуазные черты народничества. В теоретическом отношении эта мелкобуржуазная попытка отрицания фактов действительного капиталистического преобразования страны вела к субъективизму и волюнтаризму.

Народничество развилось в тот период, когда и в России получило уже значительное распространение экономическое учение марксизма. Домарксовские системы социализма не могли дать ответа на вопрос о роли капитализма, его исторической миссии и попросту отрицали капитализм.

После появления «Капитала» Маркса, где научно поставлен и решен вопрос об экономическом законе движения капитализма и его исторической миссии, нельзя было ограничиваться сентенциями по поводу социальных зол капитализма. Наблюдая рост капитализма в России, народники не могли абстрагироваться от наличия марксистского учения о капитализме. И это обстоятельство заставило народников по-новому поставить вопрос о капитализме. Если раньше капитализм лишь морально осуждался, то заслуга народников заключается в том, что они пытались теоретически поставить вопрос о роли противоречий развивающегося русского капитализма. Поставив этот вопрос, народники помогли дальнейшему развитию русской экономической мысли, хотя сами решили этот вопрос совершенно неудовлетворительно.

Будучи не в состоянии отвергнуть экономическую теорию марксизма, народники выдвинули положение, ставшее ходячим в народнической литературе. Они утверждали, что в силу исторических особенностей экономического развития России законы, открытые Марксом на основе обобщения опыта развития капитализма в западных странах, неприменимы к России, что Россия может пойти особым, принципиально отличным от Запада путем экономического развития.

Для обоснования этого тезиса были выдвинуты специфические субъективистские методологические положения. Наиболее яркое выражение они нашли в воззрениях Лаврова, но были в той или иной мере методологическим фундаментом теоретических и программных позиций всех народников. Не видя в капитализме ничего прогрессивного, народники направили свое внимание на изыскание путей некапиталистического развития. И здесь их главное внимание было сосредоточено на русской общине как талисмане, который может спасти Россию от капиталистической эволюции и превратить крестьянство в строителя социалистического общества.

Вместо того чтобы дальше развить положение Чернышевского о прогрессивном значении капитализма, народники отказались от этого тезиса, а часть из них сбилась даже на путь апологии некоторых институтов крепостничества. В этом отношении характерны попытки народников представить в идиллическом плане отношения, существовавшие еще при крепостном праве. Они пытались представить крестьянина самостоятельным хозяином, хотя по положениям реформы 1861 г. он был наделен таким количеством

земли и на таких условиях, которые ставили его в безысходную зависимость от помещика. Всякого рода ограничения выхода из общины, круговую поруку и т. п. они пытались изобразить как якобы поддержку народного строя производства.

Таким образом, народничество сделало шаг назад по сравнению с великими русскими революционными демократами, что, как указывалось выше, было результатом происходившего процесса развития крестьянства как мелкой буржуазии в условиях формирования капиталистического способа производства.

Н. Г. Чернышевский в общем виде правильно намечал перспективы исторического развития общества, хотя ему и не удалось открыть законы этого развития. Он считал закономерным переход от крепостничества к капитализму и от капитализма к социализму. Если он при этом считал, что капитализм как способ производства может быть обойден Россией, то он во всяком случае не идеализировал мелкое производство, в особенности в условиях задавленности его гнетом помещичьего землевладения, и не считал, что элементы капитализма в России являются упадком. Чернышевский считал крупные капиталистические формы производства явлением прогрессивным, хотя наличие общины, по его мнению, обеспечивало России возможность миновать капитализм.

Таким образом, Чернышевскому были чужды мелкобуржуазные иллюзии в отношении мелкого товарного производства. Община в построениях Чернышевского была противоядием против капитализма, но не как способа производства более прогрессивного, чем мелкое производство, а как простой концентрации богатства на одном полюсе и обнищания на другом. Чернышевский переоценивал роль земельной собственности как фактора, воздействующего на характер производства. Для него границы мобилизации земельной собственности, поставленные общинным землевладением, были средством предотвращения «язвы пролетариатства», т. е. такой концентрации земельной собственности, которая ставит непосредственного производителя в зависимость от владельца земли, но которая сама по себе не содержит более прогрессивной системы организации труда и системы орудий производства. Если он защищал крестьянское хозяйство против помещичьего, то потому, что оно было более прогрессивным. Если он боролся за сохранение и укрепление самостоятельного крестьянского хозяйства, то не потому, что считал такое хозяйство более прогрессивным, чем развитое капиталистическое производство, оснащенное передовой техникой, а потому, что в России в тот период не было никакой другой, более прогрессивной формы сельскохозяйственного производства, чем самостоятельное крестьянское хозяйство. Он не звал назад от капиталистического хозяйства к мелкотоварному. От капиталистического хозяйства он видел прогрессивный путь развития только к социализму. Необходимость миновать капитализм обосновывалась Чернышевским не преимуществами мелкого производства, а преимуществами социалистического производства над капиталистическим.

Таким образом, ядро народнической теоретической концепции — признание капитализма регрессом — не восходит к Чернышевскому. Оно явилось теоретическим положением, распространившимся в освободительном движении России под влиянием происходившего процесса превращения крестьянина в мелкого товаропроизводителя, мелкого буржуа и под влиянием развития на этой основе капиталистических полярных противоположностей, прежде всего в деревне.

В эпоху Чернышевского критика капитализма велась не с позиций мелкого товаропроизводителя, подпадающего под власть капитала. В пореформенный период две формы экономической зависимости — капиталистическая и феодальная — должны были вызвать новую форму реакции со стороны представителей крестьянства. Вопрос о роли капитализма, о его противоречиях превращался в актуальный вопрос для мелкого товаропроизводителя. И Ленин отмечает, что заслуга народничества заключается в том, что оно поставило перед общественной мыслью России вопрос о противоречиях капитализма, хотя, как уже указывалось выше, решение этого вопроса, обусловленное специфической классовой природой мелкого товаропроизводителя, оказалось неудовлетворительным, больше того — реакционным.

Поступательное движение революционной теории с этого момента в России могло идти только в борьбе с народничеством. Революционный демократизм как теоретическая сила исчерпал себя. Развитие революционной теории на базе мелкобуржуазного мировоззрения оказывается невозможным, как бы прогрессивны ни были программные требования тех или иных отрядов народничества. Все последующее развитие народничества не представляет в теоретическом отношении движения вперед.

Прогрессивность народнического движения заключается не в теоретической разработке вопросов русской революции, а лишь в пропаганде необходимости демократических преобразований и в организации общественного движения в их пользу.

Развитие капитализма создало материальную основу для возникновения, а затем и утверждения нового мировоззрения — мировоззрения рабочего класса. Только победа этого мировоззрения и его экономической теории создавала необходимую теоретическую основу для дальнейшего развития революционной теории вообще, экономической теории в частности.

До проникновения марксизма в Россию идеи Чернышевского являлись высшим достижением общественно-экономической мысли, и их пропаганда стала орудием подъема и роста революционной борьбы в России.

Революционно-демократические программные требования Чернышевского оставались реалистическими и в период после выхода марксизма на историческую арену классовой борьбы в России. Тем не менее утопический социализм Чернышевского, несмотря на то что сам Чернышевский сделал серьезные шаги в направлении к научному социализму, препятствовал распространению марксиз-

ма. Как известно, значение всякой утопической системы находится в обратном отношении к развитию действительной борьбы за социализм. И уже к концу века попытка сохранить учение Чернышевского в качестве орудия освободительного движения потребовала специального выступления Плеханова, который показал не только сильные, но и слабые стороны воззрений Чернышевского с точки зрения задач нового этапа освободительного движения. Как известно, это выступление Плеханова было поддержано Лениным. В. И. Ленин вместе с тем выяснил великое революционное значение деятельности и творчества Чернышевского, подойдя к творчеству Чернышевского исторически.

Но даже плехановская критика непосредственно не имела целью умаление исторической роли Чернышевского. Значение этой критики заключалось в том, чтобы предотвратить возврат от Маркса к Чернышевскому. Действительная историческая роль учения Чернышевского в России заключалась в том, что оно было ступенью на пути к марксизму. Возврат на эту ступень после распространения марксизма был бы движением вспять. Только на марксистской основе могли быть решены коренные задачи освободительного движения в период после утверждения капитализма в экономике России. Прогрессивная линия развития России пролегала через развитие капитализма; последнее рождало соответствующие материальные условия и ту общественную силу, которая единственно способна осуществить социализм.

Распространение марксизма в России означало переход русского освободительного движения от утопического к научному социализму. Этот переход был совершен в короткий исторический период. В 90-е гг. марксизм был творчески развит, обогащен выдающимися трудами Ленина.

Уже марксистские работы Плеханова были серьезным вкладом в марксистскую литературу, а его полемика с народничеством положила начало марксистской интерпретации вопроса о судьбах капитализма в России и о роли рабочего класса в ней. Ленинские же экономические труды, созданные в ходе борьбы с народничеством и «легальным марксизмом», явились новой ступенью в развитии самого марксизма.

Огромный интерес к теории Маркса и Энгельса в России вполне понятен. Деятели русского освободительного движения ожидали найти в ней средства для решения задач освободительного движения в стране. Даже народники никогда не пытались с порога отвергать теорию Маркса. В отношении к марксизму для народничества характерны в основном две линии. Одна часть народников даже рядилась в марксистские одежды и пыталась преподносить свои народнические воззрения под флагом марксизма, другая — пыталась утверждать, что не существует общих для разных стран экономических законов, что открытые Марксом закономерности применимы только к Западу, что исторические особенности России требуют и создают возможность другого пути ее экономического развития.

Восприятие марксизма со всеми его выводами могло оказаться в России возможным только тогда, когда на историческую арену вышел и стал заявлять о своих требованиях рабочий класс. До этого русская литература пропагандировала отдельные положения марксизма, но в целом в России марксизма еще не было. В процессе движения русской экономической мысли к марксизму огромное значение имело распространение идей марксизма об исторических тенденциях капиталистического производства. В этом отношении крупнейшую роль сыграли труды Н. И. Зибера. С точки зрения подготовки марксизма в России труды Зибера, который сам не стал марксистом, имели важное значение. Они продвигали русскую экономическую мысль от нормативизма и неизбежного вследствие этого субъективизма к марксизму, они пропагандировали положение о строгой закономерности исторического развития вообще, обусловленной развитием материального производства, в особенности положение о закономерности капиталистического развития и о роли капитализма для подготовки социалистического общества.

Главный упор Зибер делал на положении о том, что капитализм в ходе своего развития подготавливает материальные предпосылки социализма; это имело выдающееся значение в борьбе против теорий, которые видели в капитализме только регресс. Однако Зибер не сумел понять другой важнейшей стороны в марксизме: он не понял, что капитализм подготавливает не только материальные условия, но также и субъективный фактор гибели капитализма и замены его социализмом. Это, собственно, и является тем барьером, который Зибер не смог взять на пути к марксизму.

Несмотря на это, Зибер не пошел по пути буржуазно-либерального приукрашивания капитализма. Подчеркнув его прогрессивную миссию как создателя путем концентрации производства материальных предпосылок социализма, он пропагандировал учение марксизма о развитии внутренних противоречий капитализма. Но хотя Зибер и подчеркивал, что капиталистический технический прогресс ведет к ухудшению положения рабочего класса, он не сумел сделать необходимый вывод об обострении классовой борьбы и неизбежной гибели капитализма под ударами классовой борьбы пролетариата.

Распространение в России произведений Маркса и Энгельса и работы Зибера способствовали продвижению русской экономической мысли по пути к марксизму. Но появление марксизма в России может быть связано только с группой «Освобождение труда», прежде всего с теоретической деятельностью Г. В. Плеханова.

В отличие от Зибера, который рассматривал в своих работах преимущественно общие проблемы развития капитализма, Плеханов широко развернул критику народничества по вопросу о развитии капитализма в России. Он показал, что, несмотря на наличие общинного землевладения, в России развивается капитализм, что развитие капитализма приводит к росту рабочего класса, что

в этом развитии капитализма и росте рабочего класса заключен залог неизбежной победы социализма в России. Победа социализма впервые начинает связываться с ростом силы, сознательности и политического действия рабочего класса. Тем самым в России совершается переход от крестьянского социализма к пролетарскому социализму, развенчиваются народнические иллюзии о социалистических тенденциях крестьянства и показывается, что подлинным носителем социализма является только пролетариат и что победа социализма возможна в России только как победа рабочего класса, берущего в свои руки политическую власть и низвергающего таким образом господство капитализма.

Работами Плеханова был нанесен удар не только по философским и социологическим, но также и по основным экономическим воззрениям народничества. Они имели важнейшее значение для судеб русского освободительного движения, для перехода его на рельсы научного социализма. Плеханов показал, что путь к социализму и в России, так же как и в других странах, лежит через капитализм, что капитализм есть необходимая историческая ступень для перехода к социализму и в России, что только рабочий класс в состоянии осуществить социалистические преобразования и что последние требуют перехода политической власти к рабочему классу.

Место либерального народничества и «легального марксизма» в истории русской экономической мысли

В условиях капиталистического развития России либеральное народничество продолжало быть специфическим рупором общекрестьянской борьбы против остатков крепостничества и являлось поэтому течением демократическим. Оно отражало также факт превращения крестьянства в мелкую буржуазию и вырождение революционного крестьянского социализма в мещанский социализм. Демократизм либерального народничества заключался в критике многочисленных пережитков крепостничества. Его мелкобуржуазный, мещанский характер выражался в теоретическом отрицании капитализма, в сисмондистском отрицании возможности развития капитализма и в романтически-утопических попытках удержать экономическое развитие на стадии простого товарного производства при сохранении частнособственнической основы производства.

Конкретные меры, предлагавшиеся либеральными народниками, не выходили за рамки существовавшего экономического строя; они носили демократический характер, поскольку были направлены на очищение от остатков крепостничества и привилегий для представителей крупного капитала, но в них не было ничего социалистического.

Острая необходимость борьбы против либерального народничества была обусловлена тем, что его мелкобуржуазная теория препятствовала правильному пониманию перспектив экономического развития России, а в связи с этим — формулировке главных задач освободительного движения, характер которого стал изменяться: происходил переход от разночинского, буржуазно-демократического этапа к пролетарскому этапу освободительного движения. Преодоление народнической экономической теории становилось главным фактором подъема революционной теории в России и вооружения освободительного движения правильной теорией.

Все сказанное не умаляет положительной роли программных требований народничества, направленных на устранение пережитков крепостничества.

В критике либерального народничества приняла участие группа буржуазных экономистов. Они использовали ряд положений экономической теории Маркса и с позиций этих положений критиковали народничество. Эта группа буржуазных экономистов вошла в историю под названием «легальных марксистов». Революционный марксизм считал возможным блок с «легальными марксистами» именно в связи с задачей борьбы против народничества, но он, однако, никогда не отказывался от критики его. Уже в 90-е гг. Ленин вскрыл историческое значение и классовую сущность «легального марксизма». Ленин рассматривал «легальный марксизм» как отражение марксизма в буржуазной литературе. Он вместе с тем подчеркивал идейную близость «легального марксизма» и ревизионизма. Правильность ленинской характеристики, данной «легальному марксизму», полностью подтвердилась идейной эволюцией всех основных представителей «легального марксизма». Струве, Туган-Барановский, Булгаков и другие уже в конце 90-х гг. и в начале 1900-х гг. полностью отказались от марксистской экономической теории. Они стали проповедовать буржуазные экономические взгляды и заниматься критикой марксизма.

Как в либеральном народничестве, так и в «легальном марксизме» имеются черты, общие с другими мелкобуржуазными или буржуазными школами. Тем не менее оба эти течения экономической мысли, если взять каждое из них в целом, представляют специфические явления русской экономической мысли конца XIX в. Они имеют свои классовые корни и могут быть поняты лишь в обстановке той борьбы экономических идей, которая развернулась между представителями буржуазно-демократического и пролетарского этапов освободительного движения.

Развертывание пролетарского освободительного движения требовало неуклонной борьбы против экономических концепций как либерального народничества, так и «легального марксизма». Разгром их был осуществлен в трудах Ленина, который вскрыл теоретические корни, классовую основу, историческую роль этих течений русской экономической мысли. Дальнейший подъем революционного движения под руководством рабочего класса был невоз-

можен без его вооружения теорией марксизма. А препятствием на пути к нему были и либеральные народники, и «легальные марксисты»: первые вносили в теоретические основы освободительного движения мелкобуржуазные реакционные идеи, вторые пытались приспособить марксистскую экономическую теорию к нуждам буржуазии.

Подъем марксизма на новую ступень. Начало ленинского этапа политической экономии

Тот факт, что именно Россия явилась страной, где в первую очередь получило дальнейшее развитие учение марксизма, явился результатом совершенно определенных исторических условий. Центр революционного движения перемещался в Россию, где в общих исторических условиях сравнительно высокоразвитого капитализма в промышленности назревала народная революция против остатков крепостничества, которая в новых исторических условиях могла развиваться из буржуазно-демократической в революцию социалистическую.

Главным фактором новых исторических условий был процесс превращения старого, домонополистического капитализма в капитализм империалистический, который привел к огромному обострению противоречий и поставил вопрос о неизбежности революции. Империализм характерен также и рядом серьезных изменений в рабочем движении. Оппортунизм в рабочем движении, который имел свои социальные корни в крупных колониальных капиталистических державах, к концу XIX в. получает на Западе широкое распространение. Теоретически оппортунизм находит свое выражение в ревизионизме, который в той или иной мере охватил рабочие организации большинства передовых капиталистических стран.

Перед русскими марксистами возникла двоякая задача — отстоять марксизм от попыток выхолащивания его революционной души и приспособления его к нуждам буржуазии, двинуть дальше экономическую теорию марксизма путем обобщения нового опыта развития как старых стран капитализма, так и стран, сравнительно недавно вступивших на путь капиталистического развития.

Марксистская теория должна была помочь разобраться как в предпосылках, условиях, методах осуществления социалистической революции в новую историческую эпоху развития капитализма, так и в условиях и методах осуществления буржуазно-демократических революций в эту эпоху. Именно в связи с тем, что назрела новая проблематика, которая нуждалась в творческом решении, возникает новый этап в развитии марксизма, который неразрывно связан с именем Ленина и поэтому носит название ленинизма.

Ленинизм был подготовлен развитием освободительного движения во всем мире. Он является дальнейшим развитием марксизма, учения, возникшего вне России, но не случайно получившего широкое распространение в России. Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы» [10].

Марксизм получил распространение в России, когда в главных капиталистических странах происходил переход к империализму, когда такой переход начался и в России в условиях нерешенности задач буржуазно-демократической революции, что приводило к исключительному усложнению классовой борьбы. Возникнув непосредственно в ответ на потребности освободительной борьбы рабочего класса в России, ленинизм явился вместе с тем развитием теории международного рабочего движения, высшей ступенью развития марксизма.

Начало нового, ленинского этапа в развитии марксизма было заложено трудами В. И. Ленина 90-х гг. С именем В. И. Ленина связаны полный разгром экономических воззрений народничества и победа марксизма в освободительном движении. Всемирно-историческое значение ленинских работ 90-х гг. заключается в том, что они двинули вперед марксистскую экономическую теорию. В этих работах Ленин до конца последовательно разрешил вопрос о формах, роли и исторической миссии капитализма в России и вместе с тем дальше развил положение о роли русского рабочего класса.

В трудах Ленина нашло дальнейшее развитие марксистское учение о значении противоречий капитализма. Если народники, наблюдая противоречия капитализма, связанные с его развитием, делали из этого факта вывод о невозможности развития капитализма в России, то Ленин показал, что именно наличие противоречий и их рост и есть выражение развития капитализма.

Ленин выяснил формы развития капитализма в деревне, в городе, в промышленности и в сельском хозяйстве. Вскрыв теоретическое содержание экономических воззрений народничества, Ленин показал их мелкобуржуазный характер. Он отмечал, что экономические воззрения народничества теоретически восходят к Сисмонди — мелкобуржуазному критику капитализма. Ленин точно установил классовую природу теоретико-экономических воззрений народничества и в борьбе с ним развил Марксову теорию воспроизводства и кризисов.

Вместе с тем Ленину принадлежит заслуга критики и разоблачения апологетических концепций «легальных марксистов» в России. В отличие от Плеханова, он до конца вскрыл буржуазную природу экономических воззрений «легального марксизма».

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 8.

Подвергнув критическому рассмотрению экономические произведения «легальных марксистов» в ряде работ, Ленин показал принципиально различное и противоположное отношение буржуазии и пролетариата к капитализму. Развитие капитализма было для «легального марксизма» самоцелью, а для подлинного революционного марксизма оно означало подготовку условий низвержения капитализма. «Легальные марксисты» ограничивались положением о прогрессивности капитализма по сравнению с предшествующим общественным строем. Ленин же показал, что развитие капитализма есть не только прогресс по сравнению с крепостничеством, но и подготовка условий для победы социализма. Указывая на положительное значение критики народнических воззрений со стороны «легального марксизма», Ленин не уставал разоблачать взгляды «легальных марксистов», поскольку защита тезиса о неизбежности и прогрессивности развития капитализма превращалась у них в апологетику капитализма.

Всесторонний анализ русского народного хозяйства пореформенного периода осуществлен Лениным в его многочисленных работах и завершен книгой «Развитие капитализма в России». Ленин вскрыл основные противоречия экономического развития России, выявил роль различных классов пореформенного общества и правильно определил задачи русской революции.

Народническим воззрениям о том, что носителем социалистических идей в России может быть крестьянство, еще Плеханов противопоставил тезис, согласно которому социализм в России победит только как пролетарский социализм. Тем самым произошло отмежевание пролетарского социализма от крестьянского и были правильно установлены движущие силы социалистической революции в России.

Однако Плеханов не развернул исследование вопроса об условиях победы буржуазно-демократической революции в России, что являлось тогда первоочередной задачей освободительного движения. Всесторонний анализ экономики России показал Ленину, что наряду с противоречиями, обусловленными развитием капитализма, в России сохранились многочисленные пережитки крепостничества. Уничтожение царизма и этих пережитков представляет первую задачу освободительного движения в России. Плеханов сосредоточил свое главное внимание на выявлении того, что задачи социалистической революции могут быть решены только пролетариатом, а не на разработке вопроса об условиях победы, движущих силах и гегемоне буржуазно-демократической революции в России.

Хотя конец XIX в. в России и не был периодом революционной ситуации и поэтому вопрос о характере и условиях победы предстоящей революции в России был разработан полностью Лениным позже, однако Ленин уже в 90-е гг. заложил основы учения об условиях победы буржуазно-демократической революции в России. В своей известной работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», написанной еще в 1894 г.,

Ленин говорил: «Человек будущего в России — мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России — рабочий, думают социал-демократы»[11]. Ленин видел в рабочем вождя всех трудящихся, в том числе и крестьянства. Уже в 90-е гг. Ленин видел в пролетариате тот класс, который станет вождем демократических сил в буржуазно-демократической революции. Рабочий класс, по мысли Ленина, становится во главе демократических сил для низвержения абсолютизма.

Таким образом, от общей постановки вопроса о различии характера крестьянской и пролетарской революций Ленин переходит к более конкретному вопросу — о руководстве крестьянской и пролетарской революциями в России.

В работах 90-х гг. Ленин проводит глубокое различие между буржуазными и крестьянскими требованиями в борьбе против крепостничества. Ленин отмечает различие не только между реакционной теорией народников и их программами, но также и между отдельными сторонами их программы. Он указывает, что программа народников так же двойственна, как двойствен мелкий производитель в условиях товарного хозяйства. В программе народничества есть реакционные элементы, поскольку народничество предлагало «мероприятия, привязывающие крестьянина к земле и к старым способам производства, вроде неотчуждаемости наделов и т. п., поскольку они хотят задержать развитие денежного хозяйства»[12] Но в программе народничества были и прогрессивные элементы, «относящиеся к самоуправлению, свободному и широкому доступу знаний к «народу», к «подъему» «народного» (сиречь мелкого) хозяйства посредством дешевых кредитов, улучшений техники, упорядочений сбыта и т. д., и т. д., и т. д.»[13].

Сопоставляя требования народнической программы с требованиями буржуазных экономистов типа Скворцова, который тоже ратовал за технический прогресс, Ленин указывал, что мероприятия, предлагаемые Скворцовым, являются мероприятиями, рассчитанными «не на всех, а только на отдельных избранников»[14]. Подводя итог анализу программных положений буржуазных идеологов и народничества, Ленин писал: «Народники неизмеримо правильнее понимают и представляют *в этом отношении* интересы мелких производителей, и марксисты должны, отвергнув все реакционные черты их программы, не только принять общедемократические пункты, но и провести их точнее, глубже и дальше»[15].

Цитированные выше положения являются начальным этапом того глубокого анализа, который был дан Лениным вопросу о природе буржуазно-демократических преобразований в России и

---

[11] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 310 (в сноске).
[12] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 530.
[13] Там же.
[14] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1. с. 531.
[15] Там же.

о различии интересов буржуазии и крестьянства в буржуазной революции.

Ленин развивает марксистское учение о союзе рабочего класса и крестьянства под руководством рабочего класса. Задача рабочего класса в этом союзе точно формулируется Лениным как задача наиболее глубокого проведения общедемократических преобразований. Руководящая роль пролетариата в буржуазно-демократической революции получает вполне осязательные материальные основы. Пролетариат в состоянии более последовательно провести все необходимые демократические преобразования, в которых заинтересовано крестьянство, очистив одновременно народническую программу от реакционных ее сторон.

Ленин развивает дальше марксистскую теорию революции. Пролетариат является носителем не только социалистической революции, но и гегемоном наиболее последовательной буржуазно-демократической революции. Вопрос об исторической миссии рабочего класса превращается из вопроса, имеющего определяющее значение для социалистической революции, в вопрос, актуальный также и для периода буржуазно-демократической революции. Закладываются основы марксистской теории крестьянской революции под руководством рабочего класса. Проблема роли рабочего класса, порождаемого капитализмом, становится центральной для освободительного движения. Миссия рабочего класса получает точные очертания и ясное обоснование на период буржуазно-демократической революции. Развивается, таким образом, марксистская теория не только социалистической, но и буржуазно-демократической революции.

Крестьянская теория социалистической революции была по своему существу теорией буржуазной революции. Она правильно ставила цели и определяла средства буржуазно-крестьянской революции. Ее цель — победа независимого от помещика крестьянского хозяйства, ее средства — уничтожение помещичьего землевладения и помещичьего хозяйства. Однако вопрос об условиях победы крестьянской революции не был разработан теоретиками революционной демократии. Только марксизм в лице Ленина поставил эту проблему на научную основу и показал роль различных классов в буржуазно-демократической революции. Развитие капитализма в России дало материал не только для решения вопроса о характере социалистической революции в России, но и для выявления движущих сил буржуазно-демократической революции в России.

Таков итог развития марксизма в России за полтора последних десятилетия XIX в.

За четыре десятилетия пореформенного периода русская общественно-экономическая мысль совершила гигантский скачок, явившийся следствием огромных изменений в экономике страны и в классовой структуре русского общества.

Демократическая экономическая мысль пошла по пути дифференциации, что явилось отражением дифференциации обществен-

ных классов. Крестьянский социализм, который был выражением единства крестьянства перед лицом крепостничества и в борьбе с ним, постепенно распадается, превращаясь, с одной стороны, в мелкобуржуазный, «мещанский» социализм, наиболее яркую форму которого представляло либеральное народничество. В этом превращении находит свое отражение процесс изменения классовой природы русского крестьянства, постепенный процесс его обуржуазивания. С другой стороны, развитие пролетариата в России создает классовую опору для перехода наиболее передовых представителей русской общественно-экономической мысли от революционного демократизма к марксизму, от крестьянского социализма к научному социализму.

Этот переход теоретически был осуществлен на базе всестороннего освещения роли и исторической миссии капитализма в России. Народнический реакционный ответ на вопрос о роли противоречий капитализма был заменен марксистским ответом о том, что путь к социализму лежит через развитие капитализма, в ходе которого возникает и развивается рабочий класс.

Таким образом, русская экономическая мысль получила ответы не только на теоретические вопросы движения — о путях достижения социализма, но также и ответ на конкретный практический вопрос непосредственной классовой борьбы трудящихся масс России против остатков крепостничества. Была выяснена природа буржуазно-демократических преобразований и в основном были освещены условия победы этой революции.

Сказанное выше дает возможность сделать следующие выводы.

Главным объектом классовой борьбы в послереформенный период являлся аграрный, точнее, крестьянски-аграрный вопрос. Как теоретические основы крестьянского решения аграрного вопроса, так и основные программные требования по нему были сформулированы еще до падения крепостного права, в ходе борьбы, связанной с отменой крепостного права.

В теоретической борьбе вокруг этих проблем идеологи дворянства занимали реакционные и консервативные позиции, их идеи сводились в конечном счете к защите помещичьего землевладения. Буржуазная экономическая литература и литература представителей крестьянства имела значительные достижения в анализе сложившихся после реформы 1861 г. аграрных отношений, противоречий русской деревни, возникших в результате реформы. Однако в принципиальной теоретической разработке аграрного вопроса не были развиты идеи, которые по своему коренному содержанию выходили бы за рамки идей, уже развитых великими русскими революционными демократами, в первую очередь Чернышевским.

Критика помещичьего землевладения и сложившегося аграрного строя, которую мы находим в указанной литературе, имела весьма прогрессивное значение, поскольку она мобилизовывала трудящиеся массы на борьбу против главного остатка крепостничества — помещичьего землевладения, поскольку она давала но-

вые факты, подтверждающие необходимость его ликвидации.

Главные теоретические достижения русской экономической мысли изучаемого периода связаны с разработкой тех проблем, которые были выдвинуты ходом развития капитализма в России.

В связи с постановкой этих теоретических проблем развернулась борьба внутри освободительного движения. Если на предшествующем, предреформенном этапе движение русской экономической мысли вперед происходило главным образом в борьбе между представителями дворянства и крестьянства, то в пореформенный период основные достижения русской теоретико-экономической мысли связаны с борьбой между идеологами крестьянства и пролетариата.

На предшествующем этапе главный объект практической классовой борьбы был непосредственно главным объектом и теоретической борьбы. На новом этапе ввиду практической нерешенности крестьянского вопроса и сохранения крепостнического по своему характеру помещичьего землевладения борьба с последним продолжала являться главной практически-политической задачей освободительного движения, все отряды которого в той или иной форме участвовали в этой борьбе. Между тем главным теоретическим вопросом был вопрос о капитализме, о его судьбах в России, об исторической миссии капитализма, о значении противоречий капиталистического развития, вопрос о роли классов, порождаемых развитием капитализма. Распространение и развитие марксизма в России, явившееся результатом развития капитализма и рабочего движения в России, подготовило подъем русского освободительного движения на новую ступень. Русские марксисты не могли ограничиться только пропагандой положений марксизма. Своеобразие в развитии России — нерешенность задач буржуазно-демократического преобразования страны в условиях капиталистического развития — выдвинуло перед русскими марксистами специфические проблемы, правильное решение которых требовало творческого применения марксизма. Русские марксисты разработали вопрос о русской общине, ее природе и судьбе в условиях капиталистического развития, развеяв таким образом основы народнической догмы об особых путях экономического развития России. В связи с разработкой вопроса о судьбах капитализма в России марксизм в России развил проблему рынка, воспроизводства и кризисов, вопрос о формах капиталистического производства и стадиях его развития в промышленности.

Установив неизбежность развития капитализма, марксизм в России поставил и разрешил вопрос о роли рабочего класса в условиях не только социалистической, но и крестьянской революции. Он провел четкую грань между задачами буржуазно-демократической и социалистической революций, твердо определив роль рабочего класса как в той, так и в другой революциях. В результате были четко разграничены крестьянский и пролетарский социализм и характер преобразований, которые касаются только поземельных отношений, и преобразований, которые охватывают всю систе-

му производственных отношений, покоящихся на отношениях частной собственности.

Защита помещичьего землевладения в условиях пореформенного развития являлась главной задачей дворянской литературы. Поэтому она, как правило, носила реакционный и консервативный характер. Буржуазная экономическая мысль концентрировала свое внимание на критике остатков крепостничества, в связи с чем для этой литературы характерно благосклонное отношение к теории трудовой стоимости и к отдельным положениям экономической теории марксизма. Но вульгарно-апологетические элементы в буржуазно-экономической литературе имеют тенденцию нарастать, а в политическом отношении буржуазные экономисты не выходят за рамки либеральной оппозиции.

Заслуга народнической теоретической мысли состоит в критике крепостничества, а также в постановке вопроса о капитализме и его противоречиях. Но они не в состоянии были решить правильно ни один из поставленных ими вопросов. Их решения были теоретически несостоятельны и носили мелкобуржуазный характер. Больше того, теоретическая концепция народников носила реакционный, романтически-утопический характер.

Если отвлечься от характера программных требований различных направлений русской экономической мысли пореформенного периода, то в области политической экономии, начиная с 70-х гг., прогрессивным направлением оказывается только марксизм. Лишь марксизм оказался в состоянии дать правильный ответ на вопросы, поставленные развитием экономики и классовой борьбы в России. Конкретные же исследования представителей различных течений русской экономической мысли, посвященные анализу русской экономики, служили пониманию пореформенных отношений и вопреки идеологии их авторов давали материал, подтверждавший марксистские выводы о судьбах экономического развития России.

Поступательное движение русской экономической мысли во второй половине XIX в. было связано сначала с учением Чернышевского, а затем с учением Маркса, развитым В. И. Лениным.

Таким образом, новый подъем теоретической экономической мысли в России во второй половине XIX в. связан с развитием марксизма в России. Только он дал научные ответы на вопросы, поставленные историческим развитием России и всего международного рабочего движения. В ходе решения этих вопросов русский марксизм внес ценный вклад в сокровищницу марксистской экономической теории. Именно применение экономического учения марксизма было главной сферой теоретической деятельности русских марксистов в изучаемый период. Теоретические достижения русского марксизма, в конце XIX в. явившиеся началом ленинизма, обогатили экономическую науку марксизма и подняли ее на новую ступень.

В кн.: История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова и Н. А. Цаголова. Т. II, ч. 1. М., Соцэкгиз, 1959.

Н. И. Зибер — первый пропагандист экономической теории марксизма в России

Николай Иванович Зибер был виднейшим русским экономистом 70-х гг. XIX в. Родился он в 1844 г. Окончил Киевский университет, в котором в 1869 г. защитил магистерскую диссертацию. Преподавательская деятельность Зибера в Киевском университете продолжалась недолго. В 1875 г. он уехал в Швейцарию, где и написал значительную часть своих произведений. В 1884 г. тяжелобольной, неспособный к продолжению работы, Зибер возвратился в Россию. Умер он в 1888 г.

Его первая опубликованная работа относится к 1869 г., последняя работа написана им в 1884 г. Таким образом, период научной деятельности Зибера охватывает всего лишь пятнадцатилетие, тем не менее Зибер оставил большое литературное наследие.

Первым значительным произведением Зибера была его магистерская диссертация под названием «Теория ценности и капитала Д. Рикардо в связи с позднейшими дополнениями и разъяснениями», опубликованная в 1871 г. В 1876—1878 гг. Зибер публикует в журналах «Знание», а затем «Слово» серию статей под названием «Экономическая теория К. Маркса», где он излагает содержание первого тома «Капитала». При подготовке второго издания диссертации Зибер использовал эти статьи, и в 1885 г. появилась книга под названием «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях». В ней Зибер проводит сравнительный анализ воззрений Рикардо и Маркса, подвергает глубокой критике вульгарную буржуазную политическую экономию, защищает и пропагандирует идеи первого тома «Капитала».

Этот труд Зибера является единственным в своем роде для всей мировой экономической литературы того времени. К этой работе Зибера примыкают его выдающиеся полемические статьи против Ю. Жуковского и Б. Чичерина, в которых Зибер с большим блеском защищает экономическое учение Маркса от нападок вульгарно-апологетических критиков.

Другие произведения Зибера, относящиеся преимущественно ко второй половине 70-х — первой половине 80-х гг., примыкают по проблематике к его книге «Очерки первобытной экономической культуры», изданной в 1883 г. В этот период Зибер освещает вопросы, связанные с общинной собственностью, с проблемами возникновения частной собственности, крупного и мелкого производства в земледелии. Работы Зибера в этих областях не могли не сыграть крупную роль в идейной борьбе 70—80-х гг. в России.

Положение рабочего класса России и Западной Европы было постоянным предметом внимания Зибера, значительная часть его литературного наследия посвящена этому вопросу. Он не уставал разоблачать фальшь буржуазных свобод, показывать, что фабричное законодательство носит формальный характер, так как обыч-

но не обеспечиваются ни наблюдение, ни контроль за исполнением законов [1].

Деятельность Зибера протекала в тот исторический период, когда в результате начавшихся после крестьянской реформы сравнительно резких сдвигов в классовой структуре деревни и города рабочий класс России уже начал отделяться как класс от крестьянства, число рабочих начало быстро расти. Рабочий класс в России начал вести борьбу с капиталистами. Однако борьба эта носила стихийный характер.

Между тем, чем дальше шло развитие капитализма в России, тем с большей очевидностью обнаруживалась необходимость идеологического вооружения рабочего класса. Все представители многообразных форм утопического социализма и революционной демократии, как ни велика была прогрессивная роль отдельных исторических фигур среди них, не могли понять всемирно-исторической роли рабочего класса.

Научным обобщением и выражением интересов рабочего класса, его идеологией является научный социализм — марксизм. Исходная основа марксизма в применении к изучению закономерностей исторического развития общества нашла свое воплощение в историческом материализме, а диалектический и исторический материализм применительно к изучению общественного базиса — экономики — воплотился в экономическом учении Маркса. Ленин говорил, что главным содержанием марксизма и наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение [2]. Оно приводит к выводу о неизбежной замене капитализма социализмом на основе диктатуры пролетариата.

Зибер пытался критиковать вульгарную политическую экономию Запада и России с позиций марксистского экономического учения. Основываясь на марксистском экономическом учении, он провел целый ряд исследований разных форм собственности и экономических отношений. И хотя сам Зибер был по существу далек от овладения марксизмом, он помогал развитию и распространению той идеологии, которая является единственно научной идеологией рабочего класса — марксизма.

Димитр Благоев, основатель коммунистической партии Болгарии, в молодости живший в России и создавший в 1883 г. одну из первых социал-демократических групп в Петербурге, писал, что, вырабатывая социалистическое мировоззрение, изучая труды Маркса, он читал книгу Зибера, популяризирующую «Капитал». Благоев отметил, что это была единственная книга о марксизме в России в то время [3].

При анализе взглядов Зибера следует иметь в виду, что многочисленные произведения Маркса и Энгельса не могли быть извест-

[1] См., напр., статьи Н. Зибера в «Вольном слове» за 1882 г.: Фабричный закон в России (№ 42), с. 2—3; Фабричные рабочие в Швейцарии (№ 45), с. 12—14.
[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 50—51, 60.
[3] См.: Благоев Д. Из историяти на руската революция. София, 1919, с. 31.

ны Зиберу: это касается II и III томов «Капитала», «Теорий прибавочной стоимости» и большого ряда других произведений, а также обширной переписки Маркса и Энгельса. Данное обстоятельство важно для уяснения той глубины, которая была достигнута Зибером в понимании Марксовой экономической теории, поскольку в отдельных случаях он самостоятельно приходил к марксистским ответам на экономические вопросы; оно важно также и для уяснения того, что, не имея возможности при ответе на многие теоретико-экономические вопросы опереться на труды Маркса и Энгельса, Зибер допускал серьезные отклонения от марксизма.

* *
*

Весьма значительное по объему литературное наследство Зибера внешне лишь в сравнительно небольшой части посвящено вопросам русской экономической жизни, и поэтому создается впечатление оторванности научной работы Зибера от актуальных проблем России и русской жизни. Но это лишь видимость. В действительности литературная деятельность Зибера являлась по существу ответом на те вопросы, которые были поставлены русской экономической мыслью в ходе развития классовой борьбы в России 70-х гг.

Господствующей идеологией негосподствующих классов в России 70-х гг. было народничество. Уже в этот период оно начало становиться помехой дальнейшему развитию освободительной революционной идеологии в России. Оно являлось идеологическим препятствием на пути проникновения марксизма в Россию[4].

Творческая деятельность Зибера протекала в тот период, когда происходило превращение народничества из прогрессивной теории в теорию реакционную. И следует отметить, что деятельность самого Зибера была одним из факторов, ускорявших выявление этого процесса, поскольку она способствовала преодолению ошибочных воззрений народников.

Народники ставили вопросы, связанные с судьбами экономического развития России, с характером классовой и революционной борьбы в России. Речь шла о том, неизбежно ли развитие капитализма в России, каково общественно-экономическое значение развития капитализма в России, не может ли Россия миновать капиталистический путь развития на основе общинного землевладения, этого, по мнению народнических теоретиков, самобытного русского института.

Из работ Зибера ясно, что он отрицательно относился к народническим ответам на эти вопросы. У него имеется и прямая полемика с народниками по кардинальным вопросам их экономи-

[4] Достаточно отметить острую полемику Ф. Энгельса против идеологов народничества, в которой он подвергает критике их теории, направленные формально на обоснование революции в России, а по существу мешавшие восприятию научной революционной теории (см., в частности: Энгельс Ф. Эмигрантская литература. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18).

ческой платформы. Так, например, он подвергал критике один из основных догматов народничества о некоей исконной особенности русской общины. Он писал: «Таким образом, возникновение мелкой крестьянской собственности на известной ступени экономического развития общества и при известных положительных и отрицательных условиях может считаться историческим законом»[5]

Весьма глубокую критику экономической концепции народничества дал Зибер в статье, посвященной анализу книги одного из виднейших экономистов народничества — Воронцова (В. В.) «Судьбы капитализма в России». Все основные позиции народников, защищавшиеся В. В., подверглись критическому разбору со стороны Зибера. В результате он указывает: «Капиталистическое движение не есть частное и второстепенное явление, как утверждает автор, а, напротив, универсальное, встречающееся во всяком обществе на известной ступени его развития, если только состоят налицо известные условия существования»[6]. Таким образом, Зибер отвергает основной догмат народничества.

Особо следует подчеркнуть, что не только в работах, специально написанных против народников, но и в многочисленных научных трудах, где нет прямых ссылок на догмы народников, Зибер пытался дать ответ на вопросы, поставленные народничеством.

Это относится не только к вопросам чисто экономического характера. Он полемизирует с либеральным народничеством по такому важнейшему вопросу, как вопрос о роли русского царизма. В упомянутой выше статье против В. В. Зибер резко критикует либерального народника, который связывал свои надежды на лучшее будущее России с самодержавием. Зибер пишет: «...из чрезмерной ненависти к капитализму автор преувеличивает даже значение абсолютной власти в России и одаряет ее такими добродетелями и прочностью, в которых она вовсе не виновна. Чтобы, следуя автору, нынешнее государственное устройство России было исключительно возможно еще надолго, в это уже не верит в настоящее время даже сама самодержавная власть»[7] В этих словах Зибера звучит вера в ликвидацию самодержавия, в неизбежность изменения политического строя России. В этой связи следует оценивать и тот факт, что Зибер сотрудничал в «Вольном слове». Поэтому же становится особенно очевидной неправильность мнения об оторванности Зибера от русского освободительного и революционного движения.

Наконец, для оценки роли Зибера в развитии идеологии освободительного движения в России представляется важным упомянуть здесь о том влиянии, которое оказывал Зибер на деятелей русского освободительного движения в процессе преодоления ими народнических воззрений и овладения марксистской идеологией.

[5] Зибер Н. И. К истории русской общины. — Избр. эконом. произв., т. 2. М., 1959, с. 687.
[6] Зибер Н. И. Капитализм в России. — Избр. эконом. произв., т. 2, с. 673.
[7] Там же, с. 672.

Н. Е. Федосеев — один из первых русских марксистов, полемизируя с народниками по поводу исторических судеб России, часто в своих доказательствах о неизбежности развития капитализма в России ссылался на Зибера. Он писал, что Зибер выдвинул теоретическое предположение, основанное «на твердом убеждении, что при известных общественных отношениях, при существовавших на Руси общественных силах, в результате действия которых совершалась реформа 19 февраля со всеми ее экономическими и прочими последствиями, — что при этих отношениях и силах Россия обязательно пройдет через стадию капитализма (т. е. частновладельческих капиталистических форм) ...Н. И. Зибер во многом оказался прав...» [8].

Высоко оценивая антинароднические направленность трудов Зибера, И. А. Гурвич считал себя прямым преемником воззрений Зибера на общину [9].

Деятель плехановской группы «Освобождение труда» П. Б. Аксельрод отмечал большую роль Зибера в эволюции его взглядов от народничества к марксизму. Он писал: «Впервые мне пришлось услышать ясное, вполне определенное осуждение народнических взглядов на капитализм и общину из уст Зибера» [10].

Ведя борьбу против либеральных иллюзий народничества, против его экономической концепции, Зибер вместе с тем вел борьбу против идеологии господствующих классов пореформенной России. Он вел борьбу и против помещичьей идеологии, и против идеологии побеждающей буржуазии, против вульгарной политической экономии на Западе и в России, одинаково бесстыдно занимавшейся апологетикой капитализма и всяких форм эксплуатации и пытавшейся низвергнуть экономическое учение марксизма.

Зибер сам не мог стать марксистом, но он помог рождению марксистских ответов на вопросы, поставленные развитием теоретической и практической классовой борьбы 70-х гг. в России.

Вместе с тем Зибер явился первым комментатором и пропагандистом «Капитала» Маркса не только в русской, но и в мировой литературе. Многочисленные его работы, в которых Зибер освещал отдельные экономические проблемы, написанные под влиянием экономического учения Маркса, представляют собой первые опыты применения этого учения к анализу конкретных фактов в экономической истории. Хотя в работах этих, конечно, не могло не сказаться, что Зибер не овладел методом Маркса.

* *
*

Первый теоретический вопрос, который возникал при рассмотрении проблемы пореформенного экономического развития России, был вопрос о перспективах разви-

[8] Федосеев Н. Письмо Н. К. Михайловскому от 8/XI 1893 г. — Статьи и письма. М., 1958, с. 100.
[9] См.: Гурвич И. Экономическое положение русской деревни. М., 1941, с. 13.
[10] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. с. 197.

тия капитализма в России, о роли капитализма в исторических судьбах страны, о характере и роли противоречий капиталистического развития.

В этой связи наибольший интерес представляло рассмотрение вопроса о крупном и мелком производстве вообще, крупном и мелком производстве в земледелии в особенности.

Вопрос о крупном и мелком производстве имел двоякое значение. С одной стороны, он был псевдонимом вопроса о взаимоотношении и перспективах капиталистической и докапиталистических форм производства. С другой стороны, он был подготовительной ступенью к рассмотрению вопроса об общих исторических тенденциях капиталистического производства и о материальной основе нового, социалистического общественного строя.

Через все работы Зибер проводит идею прогрессивности крупного производства и неизбежности его победы над мелким. По мнению Зибера, эта победа создает условия для торжества социалистического строя. Именно этим объясняется тот преувеличенный интерес, который проявил Зибер к кооперации и ее разным ступеням.

Зибер считал, что исторический процесс развития общества есть процесс развития кооперации, и утверждал, что закономерности развития общества есть в то же время закономерности развития кооперации, которые не могут быть обойдены по желанию.

Рассматривая в специальной статье «К вопросу о развитии крупного хозяйства» проблему крупного и мелкого производства, Зибер писал: «Поглощение и вытеснение крупным земледелием и фабричной индустрией мелкого земледелия и ремесленной промышленности представляет одно из самых резких общественно-экономических явлений настоящего»[11]. Мобилизуя большой конкретный материал, Зибер показывает формы проявления этого процесса. Особо останавливается он на преимуществах крупного производства в области сельского хозяйства, где, как известно, процесс вытеснения крупным производством мелкого протекает в более сложной форме. Для освещения этого вопроса Зибер использует, в частности, материал и выводы члена английской парламентской комиссии Дженкинса. Он полемизирует с буржуазными и мелкобуржуазными теоретиками, отстаивавшими взгляд об устойчивости и большей производительности мелкого крестьянского хозяйства. Зибер пишет: «Наблюдения над производством пищи убеждают, что... более обширные фермы дают сравнительно более значительный продукт»[12].

Зиберу хорошо известно также, что формы вытеснения крупным производством мелкого специфичны в сельском хозяйстве. Против утверждения, что при возделывании сложных культур мелкое производство обладает преимуществами, Зибер выдвигает и логические, и исторические возражения. Он пишет: «Нет никакого

---

[11] Зибер Н. И. Экономические эскизы. — Соч., т. 1. Спб., 1900, с. 430.
[12] Там же, с. 422.

логического основания думать, что крупная культура не могла бы справиться столь же хорошо с возделыванием вина, фруктов и овощей, как и мелкая. У нас в Южной России составляет, например, всем известную вещь, что большие виноградные сады, баштаны и фруктовые плантации имеют гораздо лучшие сорта растений и приносят пропорционально больший доход, нежели мелкие. Стоит взглянуть на этот вопрос без предупреждения, чтобы немедленно убедиться, что отношение крупного земледелия к мелкому есть совершенно такое же и ведущее к тем же результатам, как и отношение крупной промышленности к ремеслу. Только самый прогресс поглощения крупным производством совершается в этой области более медленным и искусственным путем»[13].

Зибер проводит водораздел между крупным и мелким производством, с одной стороны, и крупной и мелкой земельной собственностью — с другой. Он понимает совершенно разное значение концентрации производства и концентрации земельной собственности.

Вопрос о крупном и мелком производстве и крупной и мелкой земельной собственности имел актуальное значение для России. Проведение четкого различия между ними помогало борьбе за освобождение капиталистического развития от остатков крепостничества, оно помогало разоблачению дворянско-либеральной апологии помещичьей земельной собственности, оно помогало также нанести удар мелкобуржуазному, разделяющемуся народниками взгляду, что мелкое производство обладает преимуществом по сравнению с крупным.

Рассматривая исследование Дженкинса о положении землевладения и земледелия в Голландии и Бельгии, Зибер писал: «Если нельзя не согласиться с автором в том, что крупное хозяйство в целом гораздо выгоднее и производительнее мелкого, то этим еще нисколько не решается вопрос о сравнительной выгодности и полезности крупной и мелкой собственности на землю, как, по-видимому, полагает автор. Верно то, что, как доказывают многочисленные данные, мелкая крестьянская собственность уже отживает свое существование вместе со своим основанием, мелким хозяйством. Но, чтобы крупная собственность была такою формою землевладения, которая должна бесповоротно заменить собою мелкую, в этом позволительно сомневаться. Подобно этой последней, она представляет лишь временную форму овладения землею, которая в свою очередь уступит место иным, более сложным формам»[14].

Из приведенных выше слов Зибера очевидно, что Зибер не знает, каким формам должна уступить место крупная земельная собственность. Во всяком случае он не доводит до сведения читателя, каковы эти формы, ибо нельзя считать указание на сложность формы раскрытием сущности этой формы. Но если иметь в

---

[13] Там же, с. 464—465.
[14] Там же, с. 366.

виду отношение Зибера к теориям и предложениям Генри Джорджа, то будет ясно, что вопрос о ликвидации крупной части земельной собственности Зибер рассматривает лишь как элемент общего вопроса о ликвидации крупной частной собственности вообще. Зибер следующим образом изложил основную мысль Г. Джорджа: «... обратить землю в национальную собственность, с тем чтобы конфисковать даром получаемую землевладельцами ренту и обратить ее на общую пользу в видах отмены всех других налогов вместо единственного (физиократического) налога на ренту»[15]. Он не согласен с предположением Джорджа и пишет: «... Решительный приступ к одному только землевладению оказывается слишком односторонним и потому бесполезным. Бесполезным считаем мы его потому, что землевладение есть только одна из многих составных частей запутанного и сложного экономического общественного механизма, которая связана с остальными его частями множеством прочных звеньев и потому не может быть от него оторвана односторонней законодательной мерой, направленной хотя бы и в видах общей пользы»[16].

Зибер прав, критикуя Джорджа, поскольку Джордж пытается разрешить противоречия капитализма путем конфискации земельной ренты. Зибер понимает, что рента развивается на основе отношений капитализма, что не рента порождает противоречия капитализма, что ликвидация, конфискация ренты не отменяет основной формы эксплуатации при капитализме. Однако Зибер проглядел нечто рациональное, имеющееся в проекте Джорджа. Поскольку Джордж пропагандирует конфискацию ренты как меру, способную якобы ликвидировать эксплуатацию, он глубоко ошибается; но независимо от той цели, которую ставит перед своим проектом конфискации ренты Джордж, реализация его явилась бы прогрессивным мероприятием. Конфискация земельной ренты не в состоянии отменить эксплуатацию. Она создает наиболее благоприятные условия для развертывания капиталистического способа производства, т. е. для развития определенной формы эксплуатации. Но чем более благоприятны условия капиталистической эксплуатации, тем быстрее она создает предпосылки своей ликвидации. В этом смысле меры Джорджа были прогрессивными.

Однако критика Зибером Джорджа правильна, поскольку Джордж рассматривает конфискацию ренты как меру, направленную против капиталистической эксплуатации. Зибер показал, что меры Джорджа недостаточны, бесполезны и не достигают цели, о которой говорит Джордж. В то же время надо отметить, что Зибер не понимает разницы между земельной собственностью и собственностью на средства производства. Утверждение Зибера, что судьба землевладения не может быть оторвана от судьбы всего механизма капиталистического воспроизводства, является непра-

[15] Зибер Н. О влиянии прогресса на бедность. — Избр. экон. произв., т. 2, с. 659.
[16] Там же, с. 660.

вильным. К такому неправильному выводу Зибера приводит отсутствие ясного теоретического представления о характере земельной собственности на базе капиталистического способа производства. Зиберу кажется, что поскольку все отношения буржуазного общества базируются на частной собственности, а земельная собственность также является разновидностью последней, то нельзя обособлять судьбу частной собственности на землю от судьбы частной собственности вообще. К этому выводу толкает Зибера и то обстоятельство, что он в основном придерживался теории ренты Рикардо [17], который, как известно, отрицал абсолютную ренту. Между тем только теория абсолютной ренты раскрывает подлинное значение монополии частной собственности на землю и дает прочную основу для понимания различий между частной собственностью на средства производства вообще и частной собственностью на землю при капитализме.

На первый взгляд кажется, что между положением, высказанным Зибером против Дженкинса по поводу судьбы крупной земельной собственности, и его полемикой против Г. Джорджа имеется неразрешимое противоречие. На самом же деле здесь речь идет о разных вещах. В первом случае предметом анализа является вопрос о крупной и мелкой земельной собственности, во втором — речь идет о значении конфискации частной земельной собственности как средства ликвидации эксплуатации.

В первом случае Зибер утверждает, что нельзя доказать преимуществ крупной собственности над мелкой и того, что она должна сменить собой крестьянскую собственность, хотя последняя, по мнению Зибера, уже отживает. Во втором случае речь идет о значении ликвидации частной собственности на землю. Зибер не разработал этого вопроса, он не выяснил всех различий между крупной и мелкой собственностью. Однако Зибер почувствовал различие между экономической ролью мелкой и крупной земельной собственности. Мелкая собственность базируется на мелком хозяйстве, ее гибель связывается Зибером с гибелью мелкого производства. Между тем судьбу крупной собственности Зибер не связывает непосредственно с судьбой крупного производства. Последнее безусловно прогрессивно, оно будет побеждать — таков взгляд Зибера. Почему не будет побеждать крупная земельная собственность? На этот вопрос у Зибера нет аргументированного ответа.

Следует думать, что Зибер в данном случае отразил в своих взглядах тот эмпирический факт, который имел место в России и который сводился к «таянию» дворянского землевладения и к дроблению дворянских имений. Но во всяком случае Зибер не пошел по проторенной дороге отождествления крупного капиталистического производства с крупной собственностью на землю. С точки зрения исторических задач, которые выдвигались ходом

[17] Зибер защищал теорию ренты Рикардо еще на заре своей научной деятельности. (См.: Зибер Н. К учению о ренте. — Университетские известия. Киев, 1870, № 5, 6).

экономического развития России, различение этих двух явлений имело весьма положительное значение.

Мы отмечали выше, что Зибер отрицал существование абсолютной ренты. Он не был знаком с Марксовой теорией абсолютной ренты и придерживался теории ренты Рикардо. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что Зибер подвергает самостоятельной критике как недостатки теории ренты Рикардо, так и теорию ренты Родбертуса.

Отмечая достоинства теории ренты Рикардо и правильно указывая на наиболее сильные моменты этой теории, Зибер правильно подмечает и ее слабые стороны. Он указывает, что «в истории нельзя найти всеобщего подтверждения того именно порядка занятия земель, о котором говорит Рикардо»[18]. Речь идет о ложном положении Рикардо, согласно которому рента возникает в процессе перехода от лучших участков к худшим.

Зибер критикует Рикардо за связь теории ренты с мальтусовским законом народонаселения и с так называемым законом убывающего плодородия почвы. Он пишет: «Введение улучшений в земледелии давно уже перестало являться случайным только фактором, а представляет гораздо более постоянное явление общественно-экономического прогресса, чем такое возрастание народонаселения, которое сделало бы затруднительным приобретение добавочного количества пищи»[19].

Таким образом, наиболее слабые пункты теории ренты Рикардо не выпали из поля зрения Зибера. Вместе с тем Зибер понимает, что недостатки теории ренты Рикардо не связаны органически с исходными посылками последней. Так, например, по поводу того порока учения Рикардо, который сводится к представлению, что рента возникает при переходе от лучших земель к худшим, Зибер пишет, что порок этот не касается самой сущности теории Рикардо, «так как разность между продуктом участков различного плодородия и расстояния все равно представляет бесспорный факт, — в каком бы порядке ни происходил переход земледелия, — от более ли плодородных земель к менее плодородным, или, наоборот, от последних к первым»[20].

Таким образом, Зибер понимал, что принцип разностной (дифференциальной) ренты не находится ни в какой логической связи с тем, как возникает разность — путем ли перехода от лучших участков к худшим или, наоборот, — от худших к лучшим. Это положение, как известно, развито и всесторонне научно обосновано Марксом в его учении о дифференциальной ренте, с которым Зибер не мог быть знаком.

Весьма оригинальной и глубокой критике подвергает Зибер теорию ренты Родбертуса. Известно, что Родбертус допускал су-

---

[18] Зибер Н. И. Карл Родбертус-Ягецов и его экономические исследования. — Избр. эконом. произв., т. 1. М., 1959, с. 683; см. также: Зибер Н. И. Экономические эскизы. — Соч., т. 1, с. 458.

[19] Зибер Н. И. Карл Родбертус-Ягецов. — Избр. эконом. произв., т. 1. с. 684.

[20] Там же, с. 683.

ществование ренты и на худшем участке. Казалось бы, в этом отношении Родбертус делает большой шаг вперед по сравнению с Рикардо, который признавал существование только дифференциальной ренты. Однако Родбертус выводил ренту на худшем участке из того, что сырье в сельском хозяйстве якобы является даровым.

Зибер выявляет слабое место в логической схеме Родбертуса: Родбертус в своих рассуждениях о ренте пытался исходить из закона стоимости и одновременно, в противоположность Рикардо, который основывал ренту на законе стоимости, «погрешает против закона меновой ценности» [21].

Это замечание Зибера является весьма интересным. Зибер считает, что Родбертус возвращается к учению физиократов, поскольку он выводит ренту из якобы наличия в земледелии дарового сырого продукта. Зибер пишет в этой связи: «Под видом своего «дарового» сырого продукта, присущего будто бы одному только земледелию, Родбертус в более темной форме вводит в окно ту самую физиократическую теорию земледельческого «produit net», которую Рикардо благополучно выпроводил в двери» [22].

Зибер разъясняет, в чем он видит погрешение Родбертуса «против закона меновой ценности»: он говорит, что в случае, указанном автором, мануфактурист платил бы «земледельцу деньги за ничего не стоящий предмет» [23].

Неудовлетворительной считает Зибер и ссылку Родбертуса «на то, что земледелие только начинает производство, и на этом основании получает поземельную ренту на даровой сырой продукт» [24]. Зибер пишет по этому поводу: «Но, во-первых, земледелие, если и начинает производство, то исключительно в том смысле, что люди исторически переходили от земледелия к индустрии, а не наоборот; что же касается до места земледелия в общем процессе производства в средний момент настоящего его течения, здесь оно не начинает производства, а совершается в одно и то же время с индустриальным производством и состоит во внутренней зависимости с ним. Во-вторых, не менее справедливо и то, что совершенно наподобие индустрии, земледелие нуждается в продукте предварительного труда и никакой особенной даровой силой природы для доставления себе дохода не располагает» [25]

Маркс критиковал эти места у Родбертуса следующим образом: «В чем же состоит ошибка? Прежде всего видно, что прядение и ткачество, если бы они были соединены друг с другом, должны были бы [согласно Родбертусу] давать земельную ренту точно так же, как и в том случае, когда прядение соединено с земледелием...» [26]. Сравнение этих высказываний показывает, на-

---

[21] Там же, с. 682.
[22] Там же, с. 681.
[23] Там же, с. 682.
[24] Там же, с. 681.
[25] Там же.
[26] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 2, с. 46.

сколько близко подошел Зибер в своей аргументации против ренты Родбертуса к Марксу, не будучи знаком ни с III томом «Капитала», ни с «Теориями прибавочной стоимости».

Отмечая заслуги Зибера в критике теории ренты Родбертуса и слабых мест теории ренты Рикардо, нельзя забывать, что Зибер не поднялся до исторического материализма. Это важнейшее обстоятельство предопределило наличие у Зибера элементов плоскоэволюционного представления о ходе экономического развития. В самом деле, изучая вопрос о ренте, крупной и мелкой собственности на землю, Зибер не ставит перед собой вопроса о возможном изменении характера собственности в результате борьбы классов. Элиминируя борьбу классов и ее возможные результаты, Зибер не может подвергнуть анализу основные линии классовых антагонизмов в русской деревне. Правильно отстаивая взгляд, что крупное производство побеждает мелкое, что будущее принадлежит крупному производству, т. е. показывая таким образом неизбежное развитие капиталистического производства и рассказывая о противоречиях последнего, Зибер не мог придать должного значения другому антагонизму — антагонизму между крупной земельной собственностью и мелким крестьянским производством, которое сохранялось в России в качестве главного тормоза экономического развития, тормоза победы крупного производства и которое могло быть преодолено в корне лишь революционной ликвидацией помещичьего землевладения.

Именно опыт России мог особенно ярко показать несоответствие крупной частной земельной собственности условиям земледельческого производства и помочь уяснить различие крупной земельной собственности и крупного производства, различие перспектив их развития. Однако Зибер далек от понимания того, что насильственное изменение отношений земельной собственности может явиться крупнейшим фактором капиталистического производства. Дискредитируя крупную земельную собственность, Зибер идет в фарватере прогрессивных исторических задач, стоявших перед Россией. Но, не понимая, что дискредитация должна служить ликвидации помещичьей земельной собственности, Зибер решительно ослабляет значение своей догадки об особых перспективах крупной земельной собственности.

Зибер таким образом оказался оторванным от революционной демократии, реальное историческое значение борьбы которой заключалось в требовании ликвидации остатков крепостничества.

Говоря о естественноисторическом характере законов экономического развития вне связи с классовой борьбой, Зибер не мог выяснить роль крупной земельной собственности в условиях начавшегося капиталистического развития, необходимость ее ликвидации для победы прогрессивных форм капитализма.

Пропаганда марксистских взглядов о крупном и мелком производстве имела огромное значение для борьбы с народничеством, которое отстаивало положение о преимуществах мелкого, в особенности крестьянского, хозяйства.

Возникает вопрос: как же себе представляет Зибер процесс победы крупного производства над мелким? Известно, что часть буржуазных экономистов на основе тезиса о превосходстве крупного производства над мелким сделала апологетические выводы в пользу капитализма. Она пыталась приписывать преимущества крупного производства его капиталистической форме и объявлять последнюю абсолютной формой развития производительных сил.

В противоположность буржуазным поклонникам крупного производства Зибер вскрывает противоречия крупного капиталистического производства и ограниченность этой формы развития производительных сил.

В упомянутой выше статье о крупном хозяйстве Зибер, отмечая, что рост крупного производства есть явление прогрессивное, указывает, что победа крупного капиталистического производства порождает «целый ряд в высшей степени шатких и гибельных последствий для насущных интересов многочисленных классов общества»[27]. Он пишет: «Можно бы сказать почти без преувеличения, что до настоящего времени принесенный им вред почти равносилен полученной от него пользе, если бы только можно было сравнивать столь неодинаковые вещи»[28]. Зибер резко критикует вульгарных экономистов, пытающихся скрыть растущую имущественную противоположность в условиях буржуазного общества. В полемике с Леруа Болье Зибер оспаривает тезис последнего о том, что неравенство имуществ находится в периоде своего уменьшения, и заявляет: «Совсем напротив: весь мелкий люд стонет и стирается с лица земли, благоденствуют одни крупные капиталисты и предприниматели»[29]. Это, по Зиберу, не случайное явление. Это «закон сосредоточения капитала с течением времени все в меньшем и меньшем пропорциональном числе рук»[30], «образование крупных хозяйств на развалинах многих мелких»[31]. При этом Зибер не забывает отметить, что «процесс этот повсюду порождает освобождение от средств существования рабочих»[32].

Можно было бы привести многочисленные высказывания Зибера, из которых ясно, что он видел противоречивый и антагонистический характер капиталистического прогресса производительных сил. Но Зибер не только видел это, он разделял взгляды Маркса, объяснявшие эти явления. Излагая последствия развития капиталистической машинной индустрии, Зибер следует Марксу. Он воспринимает всеобщий закон капиталистического накопления, открытый Марксом, и на его основе подвергает серьезной и обстоятельной критике Мальтуса и его закон народонаселения.

---

[27] Зибер Н. И. Экономические эскизы. — Соч., т. 1, с. 430.
[28] Там же.
[29] Там же, с. 473.
[30] Зибер Н. И. Мысли об отношении между общественною экономиею и правом. — Соч., т. II, с. 320.
[31] Там же, с. 327.
[32] Там же.

Таким образом, Зибер подчеркивает существенные противоречия капитализма.

Однако следует иметь в виду, что Зибер не понял значения этих противоречий. Это видно из того, как он представлял себе перспективы дальнейшего экономического развития в связи с процессами концентрации и централизации капитала. Зибер полагал, что укрупнение производства создает основу перехода к новой общественной системе производства. Укрупнение производства Зибер связывает с определенными производительными силами. «Только в крупном хозяйстве и в нем одном, — пишет Зибер, — содержится источник благополучия грядущих поколений, как по отношению к уравнению борьбы классов, так и к многостороннему развитию свободной человеческой личности»[33].

Эти мысли Зибер повторяет и развивает в ряде других работ. Он решительно критикует Б. Н. Чичерина, который, выступая против Маркса, «с нахальством, достойным лучшего дела, голословно заявляет, что идеалы Маркса обретаются только в его голове»[34]. Зибер пишет, что Маркс «на основании точнейших официальных и иных данных показывает, что капиталы все более и более сосредоточиваются в одних руках, что труд сосредоточивается вместе с ними и объединяется все более и более, что введение машин все более и более эмансипирует громадную долю человечества от пожизненной и наследственной принадлежности к определенным функциям, показывает все это и многое другое и в целом приходит к заключению, что капиталистическому производству предвидится со временем конец»[35].

Мысль о неизбежности конца капитализма и замены его новым общественным строем Зибер повторяет в разной связи во многих местах. Этот вывод Зибера — не просто выражение его субъективных пожеланий, а результат правильного понимания закономерностей капиталистического развития, теоретически сформулированных Марксом. Зибер не понял до конца ни исходных посылок Марксовой теории, поскольку он не понял метода диалектического материализма, ни главного конечного ее вывода, поскольку для него осталась неясной роль и историческая миссия пролетариата, но он умело защищал категории Марксовой экономической системы и с большей силой критиковал буржуазные вульгарные экономические воззрения.

Зибер правильно считал теорию стоимости одним из важнейших элементов теории капиталистического способа производства. Поэтому и в своей основной работе «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях», и в своих полемических статьях против критиков Маркса — Жуковского и Чичерина — он посвятил много страниц критике буржуазных

[33] Зибер Н. И. Экономические эскизы. — Соч., т. I, с. 430.
[34] Зибер Н. И. Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. — Соч., т. II, с. 677.
[35] Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях. — Избр. эконом. произв., т. 1, с. 149.

теорий стоимости и защите трудовой теории стоимости Маркса. Не все положения в трактовке Зибером Марксовой теории стоимости могут рассматриваться в наше время как безупречные. Но, безусловно, критика Зибером вульгарных теорий стоимости является ценной, интересной, не потерявшей своего значения и в наше время.

Зибер ясно показывает, что трудовая теория стоимости и теория издержек производства, которые многие буржуазные экономисты пытаются отождествить, являются не только разными, но и противоположными теориями. Теория издержек производства, утверждает он, покоится на порочном логическом круге. Он метко вскрывает порочность теории спроса и предложения и ее методологии. Зибер пишет, что определение закона цены нужно начинать не с изучения причин изменения цены. «Нужно прежде узнать, от каких причин она придерживается известного уровня. К исследованию причин колебаний жидкостей физика приступила лишь после того, когда стали известны причины, сообщающие жидкостям уровень»[36]. В качестве объекта критики Зибер берет Маклеода как наиболее типичного представителя вульгарной теории спроса и предложения. Зибер критикует и других многочисленных представителей вульгарной политической экономии. Особое внимание он уделяет критике всяких субъективных теорий стоимости и теорий полезности.

Много внимания уделяет Зибер также анализу и критике буржуазных определений капитала и буржуазных теорий дохода на капитал. Большое значение имела критика вульгарно-буржуазных теорий капитала и прибыли. Борьба Зибера против этих теорий имела значение не только с точки зрения пропаганды марксистских воззрений на эти категории в России, но и с точки зрения общей борьбы марксизма против буржуазной вульгарной, апологетической политической экономии.

Как уже отмечалось выше, несмотря на резкую, острую и правильную в основном критику буржуазных и дворянских апологетов капитализма, Зибер представляет себе переход к новому общественному строю и туманно, и наивно. Он слаб в своих представлениях о путях перехода к новому общественному строю. Это, на наш взгляд, и отделяет его от научного социализма, от марксизма, но различие между капиталистическим строем и строем, который его должен сменить, Зибер проводит. Утверждать, как это делает А. Реуэль, что «экономические воззрения Зибера увенчиваются буржуазной схемой нового социального строя, где будут преодолены противоречия капитализма, но где останутся незыблемыми основы этого хозяйственного режима»[37], можно лишь при игнорировании действительных взглядов Зибера. К этому выводу А. Реуэль пришел на основе ряда высказываний Зибера, в которых Зибер развивает мысль о том, что концентрация производст-

[36] Там же, с. 149.
[37] Реуэль А. Л. Зибер как экономист. — В кн.: Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс... М., 1937. с. LXXXII.

ва ведет к возможности осуществления государственной монополии [38], долженствующей заменить частную монополию [39], и возлагает надежды на «междугосударственный конгресс правительств» [40].

Нет нужды опровергать эти высказывания Зибера. Ложность их очевидна. Но их порок лежит не в том, что Зибер якобы создает буржуазную схему нового социального строя, как утверждает Реуэль, а в непонимании того, что только государство рабочего класса в состоянии заменить частную монополию государственной монополией, т. е. заменить экономику, базирующуюся на частной собственности, экономикой, базирующейся на государственной собственности.

В новом строе, по Зиберу, основы капитализма не остаются незыблемыми. Он критикует конкуренцию, которая, как известно, для буржуазных экономистов является основным аргументом в пользу капитализма, и показывает ее разрушительный характер: «соперничество между анонимными обществами и отдельными производителями и торговцами становится невозможным более» [41] Зибер показывает, к каким огромным потерям ведет капиталистическая конкуренция. Он отмечает, что тенденции материального производства ведут не к конкуренции и свободе торговли. Социализация производства, которую Зибер рассматривает как необходимый результат развития крупного производства, по его мнению, «находится в логическом и историческом противоречии с теориею свободы торговли» [42].

Может быть, действительно Зибер является сторонником ликвидации противоречий капитализма при сохранении основ товарно-капиталистического производства в духе Прудона? И такое предположение не имеет под собой никакой основы. Рассматривая вопрос о кооперации и ее капиталистической форме, Зибер ставит в зависимость капитализм и определенные формы общественной кооперации. Он критикует Прудона, который не понимал этой зависимости и мыслил «сохранить общественное деление труда, обмен товарами, соперничество и т. п. и в то же время уничтожить производительность капитала» [43].

А. Реуэль изобразил Зибера в качестве «штопателя дыр» капитализма, идеолога «кооперативного капитализма» [44]. А. Реуэль писал: «Зибер — либеральный деятель, сторонник кооперативно-

---

[38] См.: Зибер Н. И. Экономические эскизы. — Соч., т. I, с. 473.
[39] См. там же, с. 446.
[40] Зибер Н. И. Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. — Соч., т. II, с. 619.
[41] Зибер Н. И. Экономические эскизы.— Соч., I, с. 473—474.
[42] Там же, с. 473.
[43] Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс... — Избр. эконом. произв., т. I, с. 481.
[44] См.: Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс... М., 1937, с. XLVI. В кн. Реуэля А. Л. «Русская экономическая мысль 60—70 гг. XIX в. и марксизм» (М., 1956) уже не повторяются эти эпитеты. Однако по существу А. Л. Реуэль мало изменил свой неправильный, неисторический подход к творчеству Зибера.

го движения, прогрессивный буржуа»[45]. Зибер, продолжает А. Реуэль, мечтал «через рабочее законодательство, через кооперацию подготовить торжество коллективизма»[46].

В произведениях Зибера нет оснований для подобного вывода. В высказываниях Зибера о рабочем законодательстве имеются слабые пункты, обусловленные непониманием им классовой природы государства вообще, буржуазного государства в особенности. Но нигде Зибер не утверждал, что рабочее законодательство подготавливает торжество коллективизма. Это вывод А. Реуэля, за который Зибер не может нести ответственность.

Что касается кооперации, то обвинение против Зибера А. Реуэль строит на базе брошюры Зибера о потребительских обществах, опубликованной Зибером в 1869 г., т. е. до написания им магистерской диссертации.

Воззрениям Зибера на кооперацию А. Реуэль противопоставил ленинскую критику кооперативного социализма. Не требует особого труда доказать, что Зибер не поднялся до марксистско-ленинского понимания природы кооперативных организаций в условиях капитализма. И это вполне понятно, ибо Зибер не понял исторической миссии рабочего класса, значения борьбы рабочего класса, в особенности его политической борьбы. Но тем не менее, как мы увидим, Зибер далек от «кооперативного социализма», больше того, Зибер критикует «кооперативный социализм». Однако посмотрим прежде всего, что инкриминирует А. Реуэль Зиберу? Оказывается, то, что Зибер отзывался положительно о деятельности потребительских обществ, что потребительские общества, по мнению Зибера, имели известное значение для рабочего как покупателя предметов потребления. Самым крупным же криминалом против Зибера является следующая его фраза, приводимая А. Реуэлем: «В дальнейшем развитии общественной жизни от обществ потребителей совершается переход к обществам производителей»[47].

Ни в одном из высказываний Зибера не содержится то, в чем пытается обвинить Зибера Реуэль. Ни в одном из высказываний Зибер не объявляет потребительскую и всякую иную кооперацию формой социализма или тем путем, по которому общество придет к социализму.

Зибер рассматривает вопрос о потребительских и других обществах внутри капитализма, отнюдь не имея в виду противопоставлять их капитализму, как общественному строю. Это был анализ известных институтов в условиях буржуазного общества, а не анализ социалистических или переходных к социализму форм.

Если Зибер не дорос до ленинской постановки вопроса о кооперативном движении при капитализме, то это никак еще не значит, что взгляды Зибера нужно отождествить со взглядами тех, против кого боролся Ленин. Положительный отзыв о потребитель-

[45] См.: Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс... М., 1937, с. XLIX.
[46] Там же, с. L.
[47] Там же, с. XLVIII.

ском обществе и теория кооперативного социализма — вещи разные. Кооперация, по Зиберу, не есть ни форма социализма, ни путь к социализму. Достаточно напомнить ту критику взглядов Прудона, которую мы находим у Зибера.

Указав, что прудоновский план реализации при сохранении индивидуального производства является нелепым, Зибер показывает затем его нелепость и при предпосылке образования «системы производительных ассоциаций, а не изолированных ремесленников»[48]. Зибер далек от того, чтобы считать «систему производительных ассоциаций» социализмом. Он считает, что только в том случае, если «производительные ассоциации» составят одну-единую ассоциацию, можно говорить о коренном изменении характера общественных отношений. В этом случае, по Зиберу, исчезли бы и обмен товаров, и капиталистическое «деление труда». Иначе говоря, Зибер показывает несостоятельность мелкобуржуазных утопических планов Прудона и вместе с тем подчеркивает несовместимость капиталистических отношений и объединенных рабочих ассоциаций[49].

Таким образом, утверждение, что Зибер боролся за облегчение «рождения» «кооперативного капитализма», является неправильным, противоречащим действительным выводам Зибера, не бывшего сторонником ни кооперативного социализма, ни тем более кооперативного капитализма.

Но дело не только в том, что идеалом Зибера не является ни «кооперативный социализм», ни «кооперативный капитализм». Зибер вообще не считает ни кооперативное начало, ни подобные ему начала способом изменения капиталистических отношений.

Зибер решительно критиковал план Лассаля по созданию производственных рабочих ассоциаций. Он писал, что нет условий, при которых ассоциации Лассаля «могли бы рассчитывать на какой-нибудь успех», и что в условиях капитализма ассоциация Лассаля «была бы лишь одним из многих капиталистических предприятий»[50].

Вместе с тем следует отметить, что Зибер придавал определяющее значение с точки зрения перспектив дальнейшего развития другому явлению: «центральным пунктом современной материальной экономической системы, фокусом современного экономического движения является процесс накопления и сосредоточения капитала»[51].

Зибер не представлял себе ясно, как произойдет переход от капитализма к новому общественному строю, но он отчетливо видел противоречия современной ему экономической системы и свой-

---

[48] Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс... — Избр. эконом. произв., т. 1, с. 441.

[49] См. там же.

[50] Зибер Н. И. Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. — Соч., т. II, с. 638.

[51] Зибер Н. И. Мысли об отношении между общественною экономиею и правом. — Соч., т. II, с. 335.

ственных ей процессов накопления и сосредоточения капитала. Подчеркивая несоответствие формы капиталистического присвоения процессу обобществления производства, Зибер по существу критиковал частную собственность и показывал ее исторически преходящий характер.

Неправильно думать, что для Зибера развертывание Марксом противоречий капиталистического строя является лишь своеобразным способом изложения, и делать вывод об «отчетливо выраженных чертах идеализма» в мировоззрении Зибера [52]. Как правильно указывал Плеханов, Зибер не понял диалектики Маркса [53], ее огромного научного значения, но он был далек от идеалистической трактовки категорий Маркса.

Зибер критиковал идеализм Гегеля. В статье «Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина» Зибер подчеркивал различия в методе Гегеля и Маркса и указывал, что Гегель был идеалистом в теории. Вместе с этим Зибер разоблачал консервативный характер выводов системы Гегеля. Указывая, что Гегель был идеалист в теории, Зибер писал, что это нисколько не помешало Гегелю «под крылышком прусского короля находить все к лучшему в сем наилучшем из миров» [54].

Зибер полемизировал с Чичериным, который пытался утверждать, что социализм и материализм несовместимы, и правильно заявлял, что критика Марксом капитализма может быть названа как угодно, «только не идеализмом в философском смысле этого слова» [55].

Критикуя Ю. Жуковского, который нападал на диалектический метод Маркса, Зибер указывал, что Маркс имеет дело не с словесными противоречиями, а с противоречиями действительности. И Зибер приводит ряд ярких противоречий капитализма.

Зибер писал: «Разве, например, не фактическое противоречие капиталистической продукции то обстоятельство, что она заваливает периодически товарами всемирный рынок и заставляет голодать миллионы именно в то время, когда предметов потребления слишком много? Разве, далее, это не фактическое противоречие капитализма, в котором... охотно сознаются сами владельцы капитала, что он в одно и то же время освобождает от работы множество народа и жалуется на недостаток рабочих рук? Разве это не фактическое его противоречие, что средства к уменьшению работы, каковы механические и другие улучшения и усовершенствования, он превращает в средства к удлинению рабочего дня? Разве это не фактическое противоречие, что, ратуя за неприкосновенность собственности, капитализм лишает большинство крестьян земли и держит на одной земельной плате громадное большинство народонаселения?» [56].

[52] См.: Зибер Н. И. Давид Рикардо и Карл Маркс.... с. XII, XIII.
[53] См.: Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Соч., т. VII. Пг., 1923, с. 300—303.
[54] Зибер Н. И. Соч., т. II, с. 676.
[55] Там же, с. 677.
[56] Зибер Н. И. Избр. эконом. произв., т. I, с. 563.

Таким образом, Зибер не только не разделял идеалистической трактовки тех противоречий, развитие которых анализируется Марксом, но и прямо полемизировал против подобного толкования системы Маркса.

Плеханов справедливо отмечал, что Зибер правильно понимает характер исследования Маркса, правильно критикует Жуковского, пытавшегося по существу дать идеалистическую трактовку метода Маркса. Плеханов цитирует Зибера, критикующего взгляд Жуковского на метод Маркса: «Мы остаемся при том убеждении, что исследование задачи материальной всюду предшествует у Маркса формальной стороне его работы» [57].

Одна из крупнейших заслуг Зибера как комментатора и пропагандиста экономического учения Маркса как раз в том и заключается, что он последовательно стремится подчеркивать противоречия капиталистического производства. Сама структура основной работы Зибера «Давид Рикардо и Карл Маркс в их общественно-экономических исследованиях» свидетельствует о том, что Зибер не только не игнорирует коренные противоречия капитализма, а, напротив, привлекает к ним внимание читателя.

Произведения Зибера являются полемическими, Зибер критикует вульгарных экономистов, пытающихся скрыть противоречия капитализма, вульгарные представления о капитале, и отстаивает марксистский взгляд на капитал как производственное отношение.

Критикуя народников и развивая марксистский взгляд на капитал как общественное отношение, Ленин отмечает, что нападкам буржуазных экономистов Зибер подвергался за то, что давал правильное марксистское определение капитала [58].

Зибер не устает подчеркивать вслед за Марксом, что за формальным равенством между капиталистом и рабочим как товаровладельцами скрывается действительное неравенство и что это неравенство не только воспроизводится капитализмом, но воспроизводится в расширенном масштабе, во-первых, в том смысле, что растет неравенство между капиталистом и рабочим, во-вторых, в том смысле, что экономическая зависимость рабочего от капиталиста возрастает. Зибер далее подчеркивает, что нельзя ожидать улучшения положения рабочего класса на базисе капиталистического способа производства; ухудшение же положения рабочего класса Зибер прямо выводит из механизма капиталистического производства и воспроизводства.

Излагая вопрос о развитии машинного производства при капитализме, Зибер вслед за Марксом подчеркивает, что развитие машин при капитализме ведет к удлинению рабочего дня, к росту интенсификации труда, к ухудшению положения рабочего класса.

Свидетельством того, что Зибер правильно излагает учение Маркса о машинной индустрии, является тот факт, что Ленин вместо того, чтобы самому изложить учение Маркса о машинном про-

[57] Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Соч., т. VII, с. 250.

[58] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 222.

изводстве, отсылает читателя к работе Зибера[59]. Известно, что учение Маркса о машинном производстве глубоко вскрывает противоречивый, антагонистический характер капитализма. Ленин специально отмечает, что Зибер правильно понимает процесс обобществления труда в капиталистическом обществе на базе машинной индустрии.

Ленин отмечает также, что Зибер умело различал и разные формы капиталистического производства: «Зибер вполне справедливо указывал на непригодность обычной терминологии (фабрика, завод и т. п.) для научных исследований и на необходимость выделять машинную индустрию от капиталистической мануфактуры»[60].

Эти и ряд других ссылок Ленина на работы Зибера сами по себе достаточно ясно показывают роль Зибера в деле пропаганды существеннейших моментов экономического учения Маркса.

С большим сочувствием Зибер излагает, а местами текстуально воспроизводит Марксов всеобщий закон капиталистического накопления. Особенное внимание уделяет Зибер критике закона народонаселения Мальтуса. Зибер посвящает защите Марксовой теории и критике теории Мальтуса специальную последнюю главу в своей основной работе. Глава эта представляет большой научный интерес, она является попыткой самостоятельно развить ряд аргументов против теории Мальтуса, опираясь на теорию накопления Маркса и продолжая славные традиции русской экономической мысли по критике мальтузианства (Милютин, Чернышевский, Писарев).

Пропаганда Зибером Марксовой экономической теории, теории прибавочной стоимости и капитала, его тезис о том, что учение Маркса о происхождении прибавочной стоимости в связи с общей теорией стоимости представляет ядро всего «Капитала», имел важное значение для распространения экономического учения Маркса.

Правда, следует иметь в виду, что, хотя Зибер и пишет, что учение о прибавочной стоимости составляет ядро «Капитала», он не мог до конца раскрыть значение этого учения. Зибер не видел глубины различий между учением Рикардо и учением Маркса. Изложив учение Рикардо о происхождении «чистого дохода», Зибер восклицает: «Что же оставалось автору «Капитала» прибавить к этому, помимо более точной, подробной и понятной формулировки?»[61] И это не случайное восклицание. Оно является следствием отождествления Зибером, во-первых, труда и стоимости, во-вторых, прибавочной стоимости и прибыли.

Зибер ошибочно считает, что «сам труд есть ценность»[62] Отсюда неизбежно и отождествление им прибавочного труда и прибавочной стоимости.

---

[59] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 179.
[60] Там же, с. 181 (примечание).
[61] Зибер Н. И. Избр. эконом. произв., т. 1, с. 343.
[62] Там же, с. 257.

Категория прибыли, считает Зибер, есть лишь просто результат неправильного отнесения капиталистом прибавочной стоимости ко всему капиталу. Он ставит знак равенства между нормой эксплуатации и нормой прибыли. Зибер пишет: «Уровень излишка ценности можно назвать вполне точным выражением степени эксплуатации рабочей силы капиталом. Но самый учет этой эксплуатации или уровня прибыли производится капиталистом не так, как это было только что сделано, а потому значительно маскируется»[63].

По существу Зибер остается на позициях рикардовского смешения прибыли и прибавочной стоимости. Не случайным для Зибера является и отрицание им тенденции нормы прибыли к понижению.

Не умаляя недостатки в воззрениях Зибера, следует, однако, напомнить еще раз, что ни второй, ни третий тома «Капитала» тогда еще не были опубликованы и что пропаганда выводов Маркса о тенденциях материального производства при капитализме, пропаганда Марксовых идей о глубоко противоречивом характере капиталистического развития производительных сил имела огромное значение для подготовки марксистского этапа общественно-экономической мысли в России. Не случайно Ленин и Плеханов неоднократно ссылаются на Зибера. Восприятие Зибером Марксовой мысли о строго закономерном характере смены одной формы общества другой подводило к идеям исторического материализма и тем самым было критикой народнического волюнтаризма, исходившего из идей о возможности произвольного направления экономического прогресса. Защита Зибером взгляда о превосходстве крупного производства над мелким служила борьбе против мелкобуржуазной реакционной апологии мелкого производства и таким образом прокладывала путь к утверждению марксистского взгляда на роль крупного производства.

Учение о концентрации производства Маркса было воспринято Зибером как учение, которое, по мнению Зибера, охватывает историческую перспективу развития. Работа Зибера в этом направлении была исключительно ценной, ибо она помогала преодолению народнических воззрений на перспективы экономического развития.

Зибер не стоял на позициях «легальных марксистов», как это пытаются утверждать некоторые, Зибер не стоял и на позициях буржуазных просветителей, которые не замечали противоречий капитализма. Зибер не только видел противоречия капитализма, но и пытался толковать их в духе «Капитала».

Таким образом, он способствовал не только поражению народнической идеологии, но и победе идеологии рабочего класса. Буржуазная идеология, противостоящая народничеству, видела в развитии капитализма экономический прогресс по сравнению с крепостничеством и на этом ставила точку.

---

[63] Там же, с. 356.

Идеология рабочего класса видит в развитии капитализма прежде всего развитие антагонистических противоречий и подготовку таким образом условий для победы социализма.

Зибер не смог встать на последовательную точку зрения рабочего класса, но и его интересовал не самый процесс развития капитализма как таковой. Он рассматривал капитализм как ступень, исторически необходимую, к новому общественному строю. Зибера интересовал конец капитализма и победа социализма. Под этим углом зрения он изучал капитализм. Поэтому всякие попытки отождествления его взглядов с позицией буржуазных либералов или «легальных марксистов» являются глубоко порочными. Идеологии буржуазного либерализма и «легального марксизма»— суть идеологии, в корне враждебные революционному, т. е. подлинному марксизму. Зибер представляет собой не антипод идеологии рабочего класса в России, а ступень к ней, т. е. к марксизму. Тот факт, что к началу деятельности Зибера марксизм был уже сложившейся системой, не умаляет заслуг Зибера. Каждая система не только складывается в результате борьбы классов и как орудие классовой борьбы, но даже и в готовом виде воспринимается лишь в тех исторических условиях, которые подобны условиям возникновения этой системы. В эпоху Зибера развитие капитализма в России только начиналось.

Зибер усвоил и развил марксистский взгляд, что будущее не принадлежит мелкому производству и классу, его представляющему — крестьянству. Тем самым Зибер подрывал один из основных ложных догматов народничества, ориентировавшегося на крестьянство. Для подготовки марксистского этапа общественной мысли в России вопрос о взаимоотношении крупного и мелкого производства имел большое значение, ибо он предрешал вопрос о судьбе крестьянства в условиях капиталистического развития. Таким образом, Зибер сумел выйти из рамок мелкобуржуазной идеологии в условиях господства в стране мелкотоварного производства. Преодолевая мелкобуржуазные идеи народничества, Зибер не стал на платформу капитализма. Он был критиком капитализма, не уставая подчеркивать его противоречивый характер, он был глашатаем нового, социалистического строя.

Следуя Марксу в характеристике законов возникновения и развития капитализма, Зибер высоко поднимается над утопическим социализмом и во многом удачно его критикует. Для Зибера, в противоположность социалистам-утопистам, социализм не продукт головы, идеи, а необходимый результат исторического развития материального производства. Зибер видит в капитализме тот процесс обобществления производства, который действительно подготавливает материальную основу социализма. Этим социализм Зибера ярко отличается от социализма утопического. Он поднимается также и над русским утопическим социализмом, искавшим опору социализма в общине.

Однако Зибер, познав законы капитализма, тенденции их развития, остановился перед решающим в учении Маркса, перед

учением о всемирно-исторической миссии пролетариата как могильщика капитализма и революционного творца нового, социалистического общества. Зибер, таким образом, не поднялся на подлинную научную вершину марксизма, которая наиболее глубоко и ярко отделяет научный социализм от утопического социализма.

* *
*

Зибер показал на огромном историческом материале многих народов, что общинная форма собственности и общинное землевладение совсем не являются исключительно русскими институтами, что через эти формы прошли все народы.

Зибер показал далее, что общинная собственность и общинное землевладение исторически себя изживали, что в ходе исторического развития на базе общинного землевладения возникает частная собственность. Эти вопросы Зибер подробно рассмотрел в статье «О коллективном характере первоначальной недвижимой собственности». Он проанализировал большое количество древних исторических документов, принадлежащих народам Западной Европы и Индии. На основании изучения текстов греков, славян, германцев, индусов и италийских племен Зибер пришел к заключению, что общинная собственность на землю свойственна всем первобытным народам, так как условия существования их всех суть одни и те же, несмотря на разницу места и времени. Он писал: «...первоначально земля не была рассматриваема как собственность индивидуума, а как общая кормилица всех людей...»[64]. Следы общинного владения землей Зибер находил и позже — в XVIII—XIX вв. — у арабов, у жителей Океании, в русской общине.

Выявив наличие общинной собственности на землю у разных народов, Зибер сделал важный вывод: «Это общение земель не есть исключительная особенность русских...»[65]. Существование общинной собственности на землю Зибер связывал лишь с определенным историческим периодом в жизни каждого народа — с первобытным, после которого общинное землевладение постепенно заменяется индивидуальной собственностью. Так, разложение общинной собственности на землю в Западной Европе Зибер относил к началу I в. н. э.; возникновение частной поземельной собственности и разложение общины в России он относил к середине XVIII в.

Первую ступень разложения общины Зибер усматривал в равном разделе земельных наделов внутри общины. Это равенство, по мнению Зибера, не могло быть долговечным, оно нарушится, «как только недвижимое имущество начнет обнаруживать свою силу».

[64] Зибер Н. И. Соч., т. I, с. 16.
[65] Там же, с. 8.

Причины разложения общины Зибер пытался найти в экономической сфере. Он считал, что общинная собственность на землю разлагается в результате развития разделения труда, которое вызывает рост производительной силы труда, в результате чего и происходит смена форм собственности. По мнению Зибера, «разделение труда представляет одно из первых инстинктивных изобретений, ведущих к увеличению производительной силы труда, а между тем, оно оказывает под видом меновых сношений и общественной организации в высшей степени крупное влияние на разложение общинного землевладения»[66].

Смену форм собственности Зибер считал закономерной и непрерывной. В этом он видел одну из причин проявлений прогресса материального состояния человечества.

Зибер наносил удар по некоторым важнейшим симво́лам веры народничества — учению о том, что община является средством совершить прямую эволюцию от крепостничества к социализму, учению о том, что община является средством против развития капитализма.

В статье «Общинно-поземельные отношения владельческих крестьян Эльзаса в средние века», опубликованной в 1878 г., Зибер писал: «Общинное землевладение и земледелие, представляя один из числа тех вопросов, от такого или иного решения которых находится в зависимости ближайшая будущность большинства сельского населения России, вполне основательно привлекало к себе в течение последних лет все более и более значительное и пристальное внимание читающей русской публики. Но если возрастание интереса к этому предмету не подлежит сомнению, то не менее достоверным является и то, что литературе нашей остается сделать еще весьма и весьма многое для удовлетворения законной потребности читателя ознакомиться с этим делом возможно разностороннее и глубже»[67]. Зибер указывает, что «мы и теперь имеем почти такое же неполное понятие об историческом развитии и о наличном состоянии общинных учреждений нашего обширного отечества (это «уж так самим богом устроено», — что свои собственные дела мы всегда знаем и исполняем всего хуже) и других стран, как и в то время, когда вопрос этот впервые был поставлен»[68]. Зибер прямо заявляет, что предполагаемую им работу он написал «с целью хоть сколько-нибудь способствовать восполнению этого пробела в нашей научно-публицистической литературе»[69]. Как цитируемая статья, так и многочисленные крупные статьи, написанные Зибером позже, в подавляющем большинстве направлены к этой цели. Зибер доказывает в этих работах, что община — всеобщий общественный институт на заре развития человечества.

---

[66] Зибер Н. И. К истории русской общины. — Избр. эконом. произв., т. 2, с. 686.
[67] Зибер Н. И. Соч., т. I, с. 99.
[68] Там же.
[69] Зибер Н. И. Соч., т. I, с. 99—100.

Работы Зибера, посвященные проблемам первобытной экономики, культуры и общественной организации, имели значение, далеко выходящее за пределы проблемы общины. Зибер по существу доказывал в своих работах ту мысль, которая позднее нашла яркие формы марксистского выражения в известной работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Буржуазная социология и политическая экономия использовали неизученность доклассового общества в целях апологии основы капитализма — вечности частной собственности, буржуазного государства и буржуазной семьи. Они объявили современные буржуазные формы собственности, государства и семьи вечными и естественными институтами.

Не владея методом исторического материализма, Зибер не смог воспроизвести картину развития доклассового общества так, как это было сделано позднее Энгельсом; однако Зибер последовательно отстаивал тот взгляд, доказательству которого были посвящены и труды Моргана, что первобытная экономика базировалась на общинной собственности, что частная собственность есть продукт исторического развития. Для освещения этого вопроса Зибер привлек огромное количество материала. Он умело использовал этнографический материал, авторы которого держались буржуазных представлений об общественных отношениях прошлого. Так, например, в «Очерках первобытной экономической культуры» Зибер полемизирует с теми, кто отождествляет общественные порядки на базе первобытных отношений с феодальными. Зибер подчеркивает демократизм первобытного общественного устройства и экономически закономерный характер родовой организации общества.

Таким образом, Зибер принимает активное участие в разгроме буржуазной легенды о вечности частной собственности и базирующихся на ней общественных отношений и учреждений. Зибер подрывает веру в частную собственность как в вечный институт не только историческими изысканиями, но и анализом противоречий капитализма, перспектив его развития и перспектив развития общественных форм.

Продолжая традиции Чернышевского, Зибер критикует принцип свободной конкуренции, который буржуазная политическая экономия всегда пыталась преподносить как благодеятельный принцип, обеспечивающий якобы прогресс производительных сил. Зибер показывает, что капиталистический строй означает систематический рост эксплуатации, что в случае уменьшения рабочего дня возрастает интенсивность труда[70]. Он с гневом говорит о новейшей системе рабства, прикрытой формальной свободой. Зибер выступает против Чичерина — апологета так называемой экономической свободы: «Что же касается до экономической свободы, то кто же в настоящее время сомневается, что она есть пол-

[70] Зибер Н. И. Экономические эскизы. — Соч., т. I, с. 448.

нейший миф?»[71]. Он подчеркивает несостоятельность вульгарных попыток нарисовать в розовом свете перспективы рабочего при капитализме. «Эта точка зрения, — пишет Зибер, — на основании которой всякий солдат не только надеется, но и действительно может стать генералом, всякий рабочий может сделаться капиталистом, до такой степени страдает отсутствием социологического представления, что не заслуживает и серьезного опровержения. Те, кто придерживается ее, должны закрыть глаза на тот вполне подтверждаемый статистикою общественный факт, что из всего населения Европы едва ли несколько процентов действительно занимают такое положение, которое или представляется само по себе вполне удовлетворительным, или же открывает виды на будущее и, следовательно, нуждается в вышеозначенном поощрении»[72].

На воспевание Чичериным так называемой экономической свободы Зибер отвечает, что «говорить об экономической свободе голодных людей есть самая горькая, злая и софистическая насмешка, на которую только способен враг рода человеческого»[73].

Зибер отмечает, к каким нелепостям приводит капиталистическая конкуренция: «Среди неописуемых богатств, о которых не может дать понятия никакой другой период европейской истории, миллионы рук сидят без дела каждые 5—6 лет по году, по полтора и по два»[74].

Подчеркивая противоречия капитализма, Зибер не устает пропагандировать мысль об исторически преходящем характере капитализма. Критикуя вульгарных экономистов, проповедующих вечность капитализма, он пишет: «...из всех теорий общественного развития самая ненаучная та, которая относит все развитие в историю и полагает, что оно уже достигло апогея»[75].

Зибер отмечает, что «настоящее состояние вещей есть столь же переходное, историческое состояние, как и все предыдущие общественные состояния»[76].

Зибер думает о том, «насколько мог бы быть упрощен и облагорожен весь механизм современного общественного хозяйства, если бы более согласная и планомерная деятельность больших масс людей для достижения всем им одинаково нужных средств существования пришла на смену хаотическому и бестолковому ведению хозяйства эгоистическим путем»[77].

---

[71] Зибер Н. И. Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. — Соч., т. II, с. 639—640.
[72] Зибер Н. И. Мысли об отношении между общественною экономиею и правом. — Соч., т. II, с. 368—369.
[73] Зибер Н. И. Немецкие экономисты сквозь очки г. Б. Чичерина. — Соч., т. II, с. 639.
[74] Там же, с. 638.
[75] Там же, с. 619.
[76] Зибер Н. И. Сравнительное изучение первобытного права. — Соч., т. II, с. 22.
[77] Там же.

Но каков путь к этому новому строю — этого Зибер не знал. Его положения об обобществлении производства капитализмом, являющиеся правильными и подчеркивающие один из важнейших моментов подготовки в недрах капитализма предпосылок социализма, не нашли необходимого дополнения в виде учения об общественном классе — могильщике капитализма. Благодаря этому вопрос о форме и путях перехода от капитализма к новому общественному строю оказывается у Зибера слабейшим местом всей системы его взглядов. Решающей причиной этого является непонимание Зибером классовой борьбы и природы государства. Нельзя сказать, что Зибер не видит классового характера мероприятий современного ему буржуазного государства, но он не видит неизбежности классового характера государства и надеется, по-видимому, на то, что государство станет над классами.

В статье «Из истории фабричного законодательства Великобритании» Зибер пишет, что важнейшие постановления законов о мастерских представляют довольно много лазеек для лиц, которые пожелали бы избегнуть подчинения закону[78]. Для Зибера эти лазейки — не случайность. Они соответствуют всему духу буржуазного законодательства, регулирующего труд на фабриках. Он пишет о правилах, регулирующих труд, что «они, почти без исключения, рассчитаны на удовлетворение интересов только одной заинтересованной стороны — хозяев, и слишком уже пренебрегают интересами другой»[79].

Для него классовая борьба — не случайность. Зибер указывает, что «социальная борьба настоящего представляется последствием объективных общественных отношений»[80]. Он знает, что на базе накопления капитала и его противоречий «возник и вырос до колоссальных размеров вопрос о правах пролетариата»[81].

И тем не менее мы находим у Зибера следующие строки: «... только в настоящее время, и то далеко не везде, государство начинает принимать действительно общественный характер и преследовать общественные цели. До сих же пор государство, как учреждение, стоящее на страже одних только общественных, всеобщих интересов, встречается гораздо более в теоретических учебниках государственного права, чем в непосредственной действительности, которая, напротив, представляет большею частью государство сословное или классное»[82].

Зибер полагает, что государство лишь «большей частью» носит классовый характер. Это глубокое непонимание природы буржуазного государства, рожденное непониманием исторического материализма, и было основой туманных рассуждений о государственной монополии как форме осуществления социализма. Он

---

[78] См.: Зибер Н. И. Соч., т. I, с. 555.
[79] Там же, с. 618.
[80] Зибер Н. И. История швейцарской альменды. — Соч., т. I, с. 179.
[81] Зибер Н. И. Общественная экономия и право. — Соч.. т. II, с. 303.
[82] Зибер Н. И. Сравнительное изучение первобытного права. — Соч., т. II, с. 79.

был далек от понимания того, что только слом государственной машины буржуазии обеспечит возможность создания государства рабочего класса — строителя социалистического общества.

Зибер, заканчивая «Очерки первобытной экономической культуры», писал о том, что новейшее развитие ведет через концентрацию к монополии. «Что же касается до монополии, — писал Зибер, — то она снова превращает частную форму производства в общественную, в которой общественной власти необходимо найти место. Сверх того, многие отрасли промышленности с самого же начала ведутся частью государством, частью подразделениями — провинциями, округами, городскими и сельскими общинами»[83].

Непонимание того, что только государство пролетариата осуществит превращение частной формы производства в общественную, является ахиллесовой пятой всей системы взглядов Зибера. Учение об исторической роли пролетариата явилось той высотой, на которую не смог подняться Зибер и которая отделила его от марксизма.

Поэтому нельзя согласиться с В. В. Воровским, что Зибер был «последователем теории исторического материализма»[84]. Нельзя считать последователем исторического материализма ученого, не понявшего классовой природы буржуазного государства и исторической миссии рабочего класса. Нельзя согласиться с В. В. Воровским, что Зибер играл в России роль «пионера нового учения», т. е. марксизма[85].

Зибер не дошел до учения о пролетарской революции и диктатуре пролетариата. Следовательно, назвать его марксистом неправильно, каковы бы ни были оговорки в этой характеристике. Неправильно характеризовать взгляды Зибера и как «теоретический марксизм»[86]. Марксизм не делится на теоретический и практический. Недостаток «марксизма» Зибера был не в том, что он якобы был сугубо теоретическим, а в том, что он не стал подлинным марксизмом.

Неверно также, что Зибер был «ученый, исходивший не из практических потребностей движения»[87]. В действительности же все работы Зибера были нацелены на теоретическое освещение тех задач, которые встали в ходе идейной борьбы перед русской общественной мыслью.

Недостатки Зибера вытекают не из того, что он исходил не из практических потребностей, а из того, что он оказался не в состоянии понять действительную движущую силу общественной практики. В этом корень всех пороков Зибера. В этом беда Зибе-

[83] Зибер Н. И. Избр. эконом. произв., т. II, с. 468.
[84] Воровский В. В. Н. И. Зибер. — Соч., т. I. М., 1933, с. 178.
[85] Воровский В. В. Н. И. Зибер. — Соч., т. I, с. 178. Правильно возражая Реуэлю, отождествляющему Зибера с «легальными марксистами», автор статьи «Социально-экономические взгляды Зибера» Р. Мейдбраер повторяет неверное положение Воровского о Зибере как пионере марксизма в России (Научные записки, вып. I, Плановый ин-т Госплана СССР. М.— Л., 1940, с. 206, 207).
[86] Клейнборт Л. М. Николай Иванович Зибер. Пг., 1923, с. 93.
[87] Там же, с. 92.

ра, в которой повинны те исторические условия, в которых началась деятельность Зибера: русский пролетариат как революционная сила, способная оказать решающее влияние на ход исторических событий, только зарождался.

То обстоятельство, что Зибер не усвоил ни диалектического, ни исторического материализма, привело к тому, что Зибер не смог преодолеть идеологии эволюционизма и не смог стать идеологом социалистической революции пролетариата. Несмотря на это, великая историческая заслуга Зибера заключается в том, что в поступательном движении русской экономической мысли к марксизму он был пионером пропаганды идеи о том, что социализм является неизбежным результатом развития капитализма, который подготавливает для социализма материальные предпосылки.

В кн.: История русской экономической мысли. Под ред. А. И. Пашкова и Н. А. Цаголова. Т. II, ч. 2. М., Соцэкгиз, 1960.

Раздел шестой

Вопросы истории развития советской экономической мысли

К вопросу о развитии советской экономической мысли

Победа Октября была величайшим триумфом революционной практики пролетариата и его теории.

Главное содержание научного коммунизма заключается в доказательстве объективной закономерности смены капитализма коммунизмом, в учении о диктатуре пролетариата как необходимом условии этой смены. В. И. Ленин всесторонне развил учение о диктатуре пролетариата и о партии как направляющей и руководящей силе диктатуры пролетариата и коммунистического преобразования общества.

Марксизм-ленинизм научно обосновал необходимость переходного периода от капитализма к социализму, создал учение о двух фазах коммунистического общества, выяснил основу экономики коммунизма и различие между высшей и низшей фазами коммунизма.

Однако ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин никогда не претендовали на то, чтобы предвидеть в деталях процесс развития общественного производства после ликвидации капитализма. Только живой опыт строительства социализма и коммунизма может дать необходимый материал для создания развернутой системы политической экономии социализма и коммунизма. Такая система может быть лишь продуктом исторического развития.

Победа социализма в России, явившаяся наиболее ярким выражением общего кризиса капитализма, поставила вопрос о необходимости изучения не только экономических закономерностей нового, социалистического строя, но также и закономерностей развития монополистического капитализма в эпоху общего кризиса капиталистической системы.

Ленин, развивая марксистскую теорию социалистической революции, создал учение об империализме как высшей и последней стадии капитализма и заложил основы учения об общем кризисе капитализма. Опираясь на положения Маркса и Энгельса, Ленин развил основы экономической теории переходного периода и исходные положения политической экономии социализма.

Ленин вскрыл экономическое содержание перехода от капитализма к социализму, разработал вопрос о формах союза рабочего класса и крестьянства и показал пути построения социалистического общества.

Ленин развил фундаментальные положения об условиях построения коммунистического общества. Особое внимание Ленин уделял развитию материального производства, росту техники и методам достижения более высокой, чем при капитализме, производительности общественного труда.

Глубочайшие положения ленинской экономической теории переходного периода, а также разработки Ленина по вопросам экономики социализма и построения коммунистического общества явились основой развития советской экономической науки, основой преодоления буржуазных, троцкистских и правооппортунистических концепций экономического развития.

Ни один класс в истории, совершавший революцию, не был так кровно заинтересован в развитии экономической науки, как рабочий класс. Капитализм приходил на смену феодализму в стихийном порядке. Задача экономической науки заключалась только в том, чтобы помочь буржуазии очистить от феодальных преград поле для стихийного развития капиталистических отношений. Между тем историческая задача, которая стояла перед рабочим классом России, заключалась не только в том, чтобы ликвидировать капитализм, но также и в том, чтобы создать новый экономический строй — строй, который не возникает и не развивается стихийно, который может быть создан лишь путем сознательной, творческой деятельности масс, вооруженных научным знанием о законах экономического развития социализма, о путях построения коммунизма. Именно поэтому марксизм-ленинизм был всегда непримирим ко всем враждебным делу рабочего класса теориям, в особенности ко всякого рода ревизионистским теориям, являющимся проводником буржуазных идей в рабочем движении.

Процесс развития советской экономической науки не может быть понят вне связи с тем интенсивным процессом преобразования производственных отношений и производительных сил, который происходил в послеоктябрьскую эпоху. Советская экономическая наука принимала участие в решении всех актуальных задач, которые вставали в ходе строительства социализма в нашей стране. Советская экономическая наука являлась боевым помощником партии в борьбе за победу социализма.

Советские экономисты приняли активное участие в разработке плана ГОЭЛРО, вели непримиримую борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными теориями в переходный период, защищали теорию и политику социалистической индустриализации, отстаивали идеи ленинского кооперативного плана и разрабатывали вопрос о формах колхозного движения. Они участвовали в создании пятилетних планов развития народного хозяйства, разрешали практические задачи хозяйственного строительства, вопросы хозяйст-

венного расчета, цен, налогов, финансов, бюджета, денежного обращения, кредита и т. д.

Если пытаться в общих чертах охарактеризовать историю развития советской экономической мысли, то следует выделить, прежде всего, два крупных периода, соответствующих основным этапам развития социалистической экономики — этапу революционных преобразований в экономических отношениях, и прежде всего в отношениях собственности, и этапу развития социализма на своей собственной основе. Задачи каждого этапа имели свои особенности, а соответственно специфичны были и задачи экономической науки для каждого из них.

Однако этого общего деления недостаточно для выявления всех главных ступеней в процессе исторического развития советской экономической мысли. Более подробно можно было бы наметить следующие периоды: от Октября до военного коммунизма; военный коммунизм; от начала нэпа до первой пятилетки; период первых пятилеток до построения социалистического общества; период от момента построения основ социалистической экономики до ноябрьской экономической дискуссии 1951 г.; от указанной дискуссии до XX съезда КПСС; с XX съезда — до настоящего времени.

В первый период после победы Октября в экономической литературе завязалась борьба вокруг проблемы рабочего контроля и национализации промышленности. Меньшевистские и буржуазные экономисты вели борьбу и против рабочего контроля, и против политики национализации промышленности. «Левые» же коммунисты третировали рабочий контроль и госкапиталистические формы производства и требовали немедленной национализации всех предприятий. Большевистская, ленинская линия сложилась в борьбе как против меньшевиков, так и против «левых». Ленин выступал за национализацию с «обобществлением на деле», с действительным овладением пролетариатом командными высотами промышленности.

Таким образом, центральным вопросом экономики этого периода оказался вопрос о путях экспроприации капиталистической собственности, о путях создания и упрочения общенародной собственности. А это непосредственно выдвигало на повестку дня вопрос о методах хозяйствования.

Именно в этой связи Ленин развивает положение о демократическом централизме в управлении как необходимой форме руководства социалистической промышленностью, о материальной заинтересованности в результатах труда, о новых стимулах к труду и т. д.

В условиях национализации промышленности теоретически и практически актуальным был вопрос об использовании товарно-денежных отношений для организации социалистического производства. И здесь большевикам пришлось бороться с левацкими попытками отрицания денежного хозяйства и принципов хозрасчета.

Еще в период военного коммунизма Ленин поставил вопрос о создании единого хозяйственного плана. Ленин видел материальную основу этого плана в электрификации России, план которой получил название второй Программы партии.

Таким образом, до нэпа главные задачи молодой советской экономической науки сводились к отысканию новых методов хозяйствования в условиях новых отношений, возникших в результате социалистической революции.

«Левые» элементы партии, оценивавшие политику военного коммунизма как линию прямого строительства коммунистического общества, видели в нэпе отказ от социалистического строительства. Такую же мысль лелеяли и представители крупной и мелкой буржуазии. В этих условиях Коммунистическая партия выдвигает и теоретически обосновывает важнейшие вопросы строительства нашего общества, поставленные в повестку дня практикой развития революции. На первое место выдвигается вопрос о возможности построения полного социалистического общества, вопрос о судьбах социалистического строительства при известном временном допущении капитализма в ряде отраслей народного хозяйства.

Разграничение вопроса о внутренних и внешних условиях победы социализма сыграло решающую роль в теоретическом разгроме троцкизма. В период нэпа были поставлены вопросы о соотношении госкапитализма и социализма, о природе социалистических предприятий, было показано коренное различие между предприятиями госкапиталистическими и предприятиями последовательно социалистического типа. Решение этих проблем имело огромное значение с точки зрения определения перспектив нашего экономического развития.

Решение вопроса о возможности построения социализма в одной стране, окончательно закрепленное в борьбе с троцкизмом, выдвигало проблему путей и методов обеспечения победы социализма над капитализмом, вопрос об экономических рычагах, которые должны быть приведены в движение для победы социализма.

Весьма острую борьбу пришлось выдержать советским экономистам в период нэпа. Буржуазные и мелкобуржуазные экономисты пытались представить советскую экономическую политику как нарушение якобы естественных, вечных законов экономики. Они утверждали, что советская экономика неизбежно должна подчиниться тем закономерностям, которым подчинялась экономика царской России.

Преодолев эти буржуазные воззрения, советские экономисты смогли творчески обосновать политику социалистической индустриализации, которая предполагала преимущественный рост тяжелой промышленности, в первую очередь машиностроения, и требовала также изменения важнейших пропорций народного хозяйства, изменения соотношений между промышленностью и сельским хозяйством, тяжелой и легкой промышленностью, между на-

коплением и потреблением. Крупная заслуга советской экономической науки заключается в том, что она доказала возможность и необходимость индустриализации страны, разработала вопрос об источниках индустриализации.

Коренные изменения, связанные с социалистической индустриализацией, ставили перед советской экономической мыслью вопрос о сущности и роли плана применительно к условиям переходной экономики.

Уже сама постановка вопроса о необходимости планирования народного хозяйства имела огромное практическое и теоретическое значение. Однако сразу же вслед за этим встал вопрос о том, какова роль плана в процессе народнохозяйственного развития. Здесь советская экономическая мысль встретилась с той своеобразной трактовкой роли плана, которая отводила на долю планирования лишь функцию выравнивания тех неизбежных зигзагов в процессе стихийного установления пропорций, которые характерны для товарно-капиталистического производства. План, согласно этой точке зрения, не менял и не мог изменять типа народнохозяйственных пропорций; он объявлялся лишь новым способом достижения пропорций, которые ранее устанавливались стихийно. Различие сводилось к тому, что в стихийном хозяйстве конечный результат достигается путем многочисленных отклонений и колебаний, в то время как плановое развитие приводит к той же цели, только более коротким и верным путем. Это была теория, согласно которой план народного хозяйства есть лишь прогноз тех пропорций, которые устанавливаются и без плана, чисто стихийно. Согласно этой концепции направление развития и пропорции народного хозяйства должны определяться методом экстраполяции. Критика теории плана-прогноза и утверждение активной преобразующей роли плана сыграли огромную роль в борьбе с буржуазными, мелкобуржуазными, правооппортунистическими противниками социалистической индустриализации и вместе с тем явились крупной победой советской экономической науки.

План является орудием социалистического преобразования экономики. Этому преобразованию должны быть подчинены все пропорции народного хозяйства — такова вытекающая из теоретического анализа плана формула планирования.

Вопрос о роли плана был теоретически тесно связан с вопросом о месте и роли закона стоимости в переходной экономике. Значительная часть буржуазных экономистов отстаивала положение о том, что советская экономика регулируется законом стоимости. Правые уклонисты выдвинули теорию о так называемом «законе трудовых затрат», которым якобы регулируются пропорции общественного воспроизводства во все экономические эпохи. Под видом «закона трудовых затрат» по сути дела протаскивалась та же идея о подчиненности пропорций воспроизводства и, следовательно, всей советской экономики стихийно действующему закону стоимости. Всесторонняя критика этого «закона» сыграла большую роль в деле преодоления взглядов буржуазных, право-

оппортунистических и троцкистских идеологов, боровшихся против политики индустриализации и коллективизации.

Крупнейшим вопросом экономической теории переходного периода был вопрос о путях развития крестьянского хозяйства. Советской экономической науке необходимо было развенчать кулацко-чаяновскую теорию устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, бухаринскую идею мирного врастания кулака в социализм. Наконец, необходимо было в борьбе с правыми отстоять ленинский кооперативный план. Как известно, Бухарин противопоставлял ленинскому кооперативному плану свою теорию, согласно которой крестьянство должно войти в социализм не через сферу производства, а через сферу обращения путем ее кооперирования. Критика бухаринского плана кооперирования через процесс обращения как единственного средства втягивания крестьянства в социализм имела большое политическое и теоретическое значение. Она утверждала марксистско-ленинское положение о том, что решающие изменения в экономических отношениях могут наступать только тогда, когда осуществляются изменения в сфере материального производства.

В борьбе с теориями, согласно которым советская экономика зависит от законов капиталистической экономики, под влиянием огромных успехов планового социалистического строительства в нашей стране отдельные экономисты пришли к выводу, что законом развития социалистической экономики является народнохозяйственный план. Дальнейшее развитие этого тезиса привело других экономистов к выводу о том, что законом развития социалистической экономики является диктатура пролетариата, которая сама создает народнохозяйственный план.

Активная преобразующая роль народнохозяйственного плана, устанавливаемого социалистическим государством в соответствии с объективными законами социализма, превращалась в представлении этих экономистов в самостоятельную, творящую законы экономическую силу. Здесь правильное положение об активной роли плана подменялось ложным положением о том, будто план сам является законом развития. По сути дела такой взгляд вел к отрицанию объективного характера экономических законов социализма.

В этом взгляде находит неправильное отражение объективный факт особой роли социалистического государства в процессе экономического развития. Социалистическое государство воздействует на хозяйственную жизнь иным путем, другими методами и при других условиях, нежели государство буржуазное. Роль буржуазного государства коренным образом отличается от роли социалистического государства, которое, опираясь на общественную собственность и сознательно действуя в соответствии с экономическими законами, может вносить коренные изменения в направление экономического развития страны. Но как бы ни была велика преобразующая роль социалистического государства, оно не творит новые законы, оно успешно преобразует экономику только тог-

да, когда действует в соответствии с правильно понятыми экономическими законами, существующими независимо от воли и сознания людей.

Правильная критика концепций, согласно которым советское экономическое развитие якобы подчиняется стихийным законам товарно-капиталистического производства, в определенный период привела советских экономистов к неправильному выводу о полном отсутствии товарных отношений и закона стоимости в условиях социалистической экономики. В частности, в этой связи было выдвинуто также положение о том, что деньги из экономической категории превратились в чисто счетную категорию, в расчетный знак. Эти положения явились ложной формой выражения правильного тезиса о том, что значение и форма действия законов товарно-денежных отношений в условиях господства общественной собственности подвергаются коренному изменению.

Потребовался ряд лет для того, чтобы рациональный элемент, который заключался в отрицании закона стоимости как регулятора, определяющего пропорции социалистической экономики, нашел правильную форму своего выражения в положениях об особых функциях товарного производства и о границах и формах действия закона стоимости при социализме.

После построения социалистического общества в нашей стране главным предметом теоретико-экономических исследований становится вопрос об имманентных законах социалистической экономики. До этого в экономической литературе мог ставиться вопрос лишь о закономерностях развития переходной экономики, т. е. вопрос о путях полной ликвидации капитализма и полной победы социализма.

Когда социализм победил, перед нашими экономистами возник вопрос о развитии социализма на своей собственной основе. Если вопрос о главных линиях, по которым должны развертываться революционные мероприятия переходного периода, был в общих чертах разработан марксизмом-ленинизмом еще в предреволюционный период, то вопрос о законах развития социалистической экономики в условиях полной ликвидации капиталистических отношений не являлся ранее предметом специального теоретического анализа. Необходимо было раскрыть законы развития социалистической экономики.

Движение от социализма к коммунизму представляет не резкую ломку общественно-экономических отношений, а постепенный процесс, развертывающийся на основе социалистической собственности. Сама историческая задача постепенного перехода к коммунизму выдвигала на передний план экономической науки необходимость раскрытия внутренних закономерностей экономики социализма, разработки системы политической экономии социализма.

При изучении процесса развития советской экономической науки следует иметь в виду, что теоретический анализ закономерностей развития социализма неизбежно осложнялся теми историчес-

кими особенностями, при которых происходило строительство социализма в нашей стране.

Наша страна длительное время была единственной страной, строящей социализм, с отсталой по сравнению с развитыми капиталистическими странами экономикой. Все это создавало трудности для выявления и разграничения специфических и общих закономерностей развития от капитализма к социализму.

Но, как показывает экономическое развитие стран народной демократии, строящих социализм, главные теоретические положения, полученные на основе опыта нашей страны, имеют общее значение.

В процессе создания системы политической экономии социализма советским экономистам необходимо было преодолеть ряд догм, распространенных и в предоктябрьский, и в послеоктябрьский периоды в экономической литературе и мешавших правильной формулировке задач советской экономической науки.

Крупнейшим методологическим барьером, который необходимо было преодолеть советским экономистам, являлось положение, распространенное в социал-демократической литературе и поддержанное Бухариным, что объектом политической экономии служит только товарно-капиталистическое производство, только такая форма экономического строя, при которой экономические законы носят стихийный характер, а отношения людей принимают форму вещных отношений. Поскольку ликвидация частнокапиталистической собственности и замена ее общественной собственностью вели к ликвидации стихийности экономического развития, постольку возникавшая новая экономическая система, согласно этой догме, не могла быть объектом политической экономии. Бухаринское понимание предмета политической экономии приводило к выводу о том, что задача экономической науки при социализме сводится лишь к рациональной организации производительных сил.

Выступивший против бухаринской трактовки вопроса о предмете политической экономии А. Богданов сам занял ложную позицию, утверждая, что экономические законы, открытые К. Марксом в «Капитале», свойственны всем общественно-экономическим формациям. По существу между позициями Бухарина, с одной стороны, и Богданова — с другой, не было коренных различий. И тот и другой распространяли законы товарно-капиталистического производства на советскую экономику.

Некоторые экономисты, исходя из ложного положения о том, будто предметом политической экономии может быть только товарно-капиталистическое производство, утверждали, что советская экономическая действительность не содержит проблем теоретико-экономического порядка. Эта концепция длительный период являлась препятствием для теоретической разработки вопросов экономики переходного периода.

Коренной сдвиг в экономической науке произошел в результате развернутой пропаганды ленинских экономических работ, борьбы за ленинское наследство в экономической науке.

Огромное значение имело опубликование замечаний В. И. Ленина на книгу Н. Бухарина «Экономика переходного периода». В этих замечаниях В. И. Ленин показал, что предмет политической экономии как науки сохраняется и при высшей фазе коммунизма. После опубликования замечаний Ленина советские экономисты стали исходить из того определения предмета политической экономии в широком смысле, которое было дано Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» и которое было поддержано Лениным в его известной рецензии на книгу А. Богданова. Это способствовало утверждению в советской экономической науке положения о том, что любой экономический строй, независимо от того, проявляются ли производственные, экономические отношения этого строя в виде отношений вещей или нет, может быть объектом политической экономии. Экономические законы неизбежно существуют при всех формациях. Они выражают самое существенное в производственных отношениях каждой формации и должны быть предметом теоретического анализа.

Необходимо со всей силой подчеркнуть не только огромное теоретическое, но и крупнейшее практически-политическое значение того определения предмета политической экономии, которое содержится в трудах классиков марксизма-ленинизма.

Ликвидация политической экономии социализма лишила бы экономическую политику диктатуры пролетариата научной основы. Политическая экономия требует, чтобы каждое мероприятие экономической политики и планирования было теоретически обосновано и опиралось на познание объективных экономических законов.

Следует отметить, что хотя ленинские замечания на книгу Н. Бухарина не оставляли сомнения в существе марксистского определения предмета политической экономии, однако упрочение подлинно марксистского понимания предмета политической экономии потребовало еще значительного времени. Длительное время еще существовало мнение, что между характером экономических законов при социализме и при досоциалистических способах производства имеется принципиальное различие: политическая экономия социализма имеет дело с такими экономическими законами, которые создаются творческой деятельностью государства, в отличие от законов досоциалистических способов производства, которые имеют объективный характер, независимы от воли людей. Здесь смешивались два совершенно разных вопроса. Стихийность развития отождествлялась с объективностью его, планомерность же развития рассматривалась как выражение факта зависимости экономических законов от деятельности планирующих и управляющих органов социалистического государства. Между тем планомерность развития и тот факт, что в условиях социализма хозяйственную деятельность людей направляют государственные органы, ни в коей мере не отрицают объективного характера законов экономического развития.

Одним из важнейших итогов ноябрьской экономической дискус-

сии 1951 г. и выхода в свет книги И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» было теоретическое преодоление ложного тезиса, будто экономические законы социализма не имеют объективного характера. Законы политической экономии социализма так же объективны, как и законы политической экономии капитализма.

Как видно из сказанного выше, для победы и распространения правильной марксистско-ленинской формулы об объективном характере экономических законов социализма потребовалось более трех десятков лет.

Разработка вопроса об объективном характере законов политической экономии социализма имела фундаментальное значение с точки зрения дальнейшего изучения экономических законов социализма и выявления системы этих законов. Так, формулировка основного экономического закона социализма, закона планомерного развития народного хозяйства, закона распределения по труду, закона неуклонного роста производительности труда и других законов оказалась возможной в связи с утверждением положения об объективности законов политической экономии социализма. Теоретический анализ экономических законов социализма имеет огромное значение, поскольку он является надежной гарантией защиты от волюнтаристических устремлений в экономической политике, в планировании и во всей хозяйственной практике, поскольку он дает возможность научного обоснования принципов и методов хозяйствования. Он имеет также огромное значение для стран народной демократии, предупреждая против игнорирования важнейших объективных закономерностей переходной экономики и экономики социализма, теоретически сформулированных на основе опыта СССР.

Большим достижением советской экономической науки является тот факт, что в настоящее время имеется специальный раздел курса политической экономии социализма, которого не было в предвоенный период. Если созданная система политической экономии социализма и нуждается в серьезном улучшении, тем не менее налицо система, так или иначе определяющая границы и проблематику политической экономии социализма.

Как эти достижения в области политической экономии социализма, так и многочисленные успехи в других областях политической экономии явились результатом деятельности огромного отряда советских экономистов, воспитанных Коммунистической партией за годы Советской власти. В учебнике политической экономии, вышедшем за последние годы тремя изданиями, резюмированы в краткой форме главные итоги работ советских экономистов по политической экономии.

В соответствии с успехами в области разработки политической экономии развивались и другие экономические науки. Рост советского социалистического хозяйства, углубляющаяся специализация, увеличение числа отраслей — все это вызвало необходимость дифференциации конкретных экономических наук. Созданы много-

численные курсы экономики промышленности, сельского хозяйства, транспорта, связи, торговли. Разработаны специальные курсы по экономике отдельных отраслей промышленности. В советских вузах читаются курсы по теории денег и кредита, по финансам, по труду и заработной плате. По большинству из этих курсов имеются разработанные советскими экономистами учебники и учебные пособия, созданные на основе многочисленных исследовательских работ. Особо следует отметить создание курса планирования народного хозяйства, представляющего собой обобщение первого в мире опыта народнохозяйственного планирования. В связи с разработкой проблем планирования актуальными стали вопросы социалистического воспроизводства и баланса народного хозяйства, вопросы народного дохода, его производства и распределения.

Возникновение социалистической системы производственных отношений, с одной стороны, и специфические экономические явления общего кризиса капитализма, с другой, поставили перед советской экономической мыслью большой ряд методологических вопросов. Разработка методологических вопросов, необходимых для научного подхода к новым экономическим отношениям, возникшим в связи с расколом мира на две системы, явилась мощным фактором обогащения марксистско-ленинской политической экономии.

Восстановление политической экономии в широком смысле слова, преодоление представлений о политической экономии как науке, изучающей только товарно-капиталистические экономические отношения, явились методологической базой для изучения разных форм производственных отношений, а не только капиталистических. Стремление проникнуть в сущность законов новой, социалистической экономики толкало на путь широкого сравнительного анализа разных систем производственных отношений. Благодаря этому был сделан ряд опытов характеристики законов, управляющих производством и распределением материальных благ в первобытнообщинном, рабовладельческом и феодальном способах производства. Хотя эти опыты еще далеки от совершенства, однако они дают возможность получить представление о главных чертах каждого из этих способов производства.

Особо должно быть отмечено то обстоятельство, что советские экономисты предприняли изучение закономерностей империализма и развернули критику антиленинских теорий империализма. В этом плане следует прежде всего отметить развернувшуюся в 20-х гг. критику социал-демократических теорий империализма, в том числе теории Р. Люксембург. Известно, что Роза Люксембург была пламенным революционером, отдавшим свою жизнь делу рабочего класса. Однако согласно ее теории империализм являлся не особой исторической стадией капитализма, а лишь политикой промышленных стран по подчинению себе стран с некапиталистической средой. Главный же порок люксембургианской концепции империализма заключался в том, что эта концепция объективно являлась обоснованием автоматического краха капитализма. Не-

состоятельность этой теории была всесторонне раскрыта советскими экономистами.

Советские экономисты развили ленинскую теорию общего кризиса капитализма. С позиции этой теории была подвергнута критике троцкистская идея стагнации, теоретически примыкавшая к люксембургианской концепции империализма. Советские экономисты также подвергли всесторонней критике теорию так называемых больших циклов конъюнктуры, созданную буржуазным экономистом Кондратьевым в противовес ленинской теории общего кризиса капитализма. Смысл теории Кондратьева — в утверждении, что те явления упадка капитализма, которые обнаружились в период после первой мировой войны, носят преходящий характер и что в длительной перспективе капитализму предстоит испытать еще такое же состояние подъема, какое он испытал в прошлом веке в доимпериалистический период. Критика этих апологетических утверждений способствовала развитию и углублению теории общего кризиса капитализма.

В 20-е гг., в период относительной, частичной стабилизации капитализма и под влиянием роста государственно-монополистического капитализма появились ревизионистские социал-демократические теории хозяйственной демократии и организованного капитализма. Основы этих теорий были заложены еще в период первой мировой войны. В нашей стране главным пропагандистом теории организованного капитализма являлся Бухарин, который выдвинул тезис о том, что в связи с образованием монополистических союзов капиталистов противоречия капитализма внутри страны затухают. Критика теории организованного капитализма помогла советским экономистам продвинуть дальше разработку методологических вопросов, связанных с ленинским учением об империализме. Широкое распространение получили ленинские идеи о том, что нет чистого империализма, что империализм представляет собой надстройку над старым капитализмом и что изучение его закономерностей может быть плодотворным только в том случае, если империализм рассматривается во всем многообразии его переплетения с домонополистическими формами производства.

В советской экономической литературе был разработан вопрос о деформации цикла в эпоху общего кризиса капитализма. Теория цикла была продвинута вперед. Было показано, что могут быть циклы как четырехфазные, так и трехфазные.

Среди вопросов, связанных с теорией империализма, важнейшее место принадлежит вопросу об общем кризисе капитализма. Заслуга советской экономической науки заключается в том, что она попыталась дать определение наиболее характерных черт общего кризиса капиталистической системы, установить основные этапы его развития.

Особо должен быть отмечен тот факт, что советские экономисты исследовали вопрос о колониальной системе империализма и дали анализ кризиса этой системы. Был нанесен серьезный удар

по буржуазным, реформистским и ревизионистским теориям «деколонизации».

Новый этап общего кризиса капиталистической системы, связанный со второй мировой войной и с образованием мировой социалистической системы, также явился предметом изучения советской экономической мысли. Было отвергнуто неоправдавшее себя положение о том, что в современную эпоху капитализм не способен к расширению производства.

В связи с образованием ряда социалистических стран актуальным стал вопрос об общих и особенных чертах переходного периода каждой отдельной страны, в которой совершилась социалистическая революция.

Обобщение опыта развития СССР и стран народной демократии Европы и Азии полностью подтвердило ленинский вывод о том, что опыт социалистического развития разных стран внесет много своеобразия в процесс строительства социализма, но в главном и основном переходный период во всех странах будет характеризоваться одними и теми же общими закономерностями.

Крупным достижением советской экономической науки является также разработка вопроса о мировой социалистической системе и о новом типе международного разделения труда в пределах мировой системы социализма.

За истекшие годы советскими экономистами проделана также большая работа в области истории народного хозяйства. Впервые создан капитальный марксистский труд по истории народного хозяйства, в котором дана экономическая история нашей страны с древнейших времен до сегодняшних дней[1]. Появились марксистские труды по экономической истории зарубежных стран.

Многое сделано в области истории экономических учений. В советское время предпринят опыт создания марксистского курса истории политической экономии. Значительное количество работ было выполнено специально по истории русской экономической мысли. На основе изучения первоисточников советские экономисты воспроизводят действительный исторический процесс развития русской экономической мысли, раскрывают ее классовую основу, идейные корни, значение ее в борьбе общественных классов, ее роль в развитии мировой экономической науки, показывают ее связи с зарубежной экономической наукой, их взаимовлияние. В результате этих исследований преодолены вульгарно-материалистические и космополитические концепции о характере русской экономической мысли и ее роли в развитии мировой экономической науки. Созданы также труды по истории экономической мысли отдельных народов Советского Союза.

Значительное место в советской экономической литературе занимают работы, посвященные критике современных буржуазных и мелкобуржуазных экономических теорий. В советской литерату-

[1] Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. I—II, М., 1947—1948.

ре подверглись критике и разоблачению теории Кейнса и его последователей, теории лейбористов и правых социалистов, служащие апологии капитализма и империализма.

Особое значение приобретает борьба с современным ревизионизмом, являющимся главной опасностью на данном этапе развития коммунистического и рабочего движения. Советские экономисты с каждым днем усиливают наступление на ревизионистские экономические концепции, вскрывают их идейные и классовые корни, разоблачают истинное лицо их носителей — лицо прислужников монополистического капитала, проводников буржуазной идеологии в рабочем движении.

Существеннейшим фактором развития советской экономической мысли явилась Декларация коммунистических и рабочих партий, определившая основное содержание современной истории, подчеркнувшая общность закономерностей перехода от капитализма к социализму во всех странах, вставших на путь социалистического развития. Декларация указала те конкретные экономические проблемы, решение которых является обязательным для всех стран, идущих по пути строительства социализма.

Декларация сыграла большую роль в развернувшейся борьбе с ревизионизмом. Борьба с ревизионизмом во всех направлениях, особенно в области экономической теории, имеет большое значение для правильной оценки ряда важнейших явлений современного капитализма, а также для строительства социализма в Европе и Азии. За последнее время подвергнуты развернутой критике буржуазно-апологетические концепции неокапитализма, «народного капитализма», провозглашаемые реформистами и ревизионистами.

Разновременность социалистических революций в разных странах вследствие закона неравномерности развития капитализма в эпоху империализма является одним из важнейших факторов, обусловливающих разновременность победы социализма в них. Эта закономерность сменяется в условиях развития мировой системы социализма новой исторической закономерностью — более или менее одновременным переходом социалистических стран в высшую фазу коммунизма. Всесторонняя разработка этой закономерности составляет одну из важных задач марксистско-ленинской политической экономии. Это тем более существенно потому, что при разнообразии форм движения отдельных стран к коммунизму определяющими будут общие закономерности развития, а не особые формы их проявления.

Единство социальной основы разных социалистических стран — господство социалистической собственности в экономике — создает основу для планомерного развития не только каждой отдельной социалистической страны, но и всей системы социализма. Это же единство создает базу для планомерного осуществления товарищеской взаимопомощи стран социализма. Отсюда возможность быстрого подъема экономического уровня сравнительно отсталых в экономическом отношении социалистических стран.

Перед экономической наукой поставлена также актуальнейшая задача — анализ и обобщение опыта экономического соревнования двух мировых систем, показ преимуществ социалистической системы перед капиталистической, вскрытие всех резервов социалистического производства в историческом соревновании социализма с капитализмом.

Чем глубже будут исследованы закономерности социалистического расширенного воспроизводства, чем больше эти исследования будут опираться на опыт социалистического строительства СССР и стран народной демократии, тем большую практическую помощь они окажут великому делу построения коммунистического общества.

В кн.: Вопросы политической экономии. Под ред. Н. А. Цаголова и Н. В. Хессина. М., Изд-во Моск. ун-та, 1960.

Развитие советской политической экономии

Великая Октябрьская социалистическая революция совершила глубочайший переворот во всех областях общественного бытия и общественного сознания. Утверждение политической и экономической власти рабочего класса создало основу для революционного подъема культурного уровня трудящихся и ускоренного развития науки. Огромное развитие за истекшие полвека получила экономическая наука, в рамках которой возникли новые научные дисциплины и новые разделы. За последние годы достигнут некоторый прогресс в развитии научных методов применения математики в экономике.

Центральное место в системе экономических наук всегда занимала политическая экономия. Обогащаясь достижениями отдельных конкретных исследований и специальных экономических наук, политическая экономия в то же время способствовала их развитию.

Развитие политической экономии неразрывно связано с великой творческой работой партии, всего советского народа. На всех этапах строительства и дальнейшего развития социализма от политической экономии социализма требовались научные решения возникавших в ходе экономического развития теоретических проблем. Характер этих вопросов был различен, начиная от определения перспектив развития мирового революционного процесса и строительства коммунизма и кончая решением задач повышения эффективности социалистического общественного производства.

Экономической мысли, для того чтобы подняться от первых политико-экономических обобщений Аристотеля до опыта создания системы политической экономии А. Смита, понадобилось около двух тысячелетий. Этот исторический факт нельзя не учитывать при оценке развития политической экономии в нашей стране за

истекшие полвека. Творчество советской экономической мысли результируется в создании политической экономии в широком смысле, что, несмотря на несовершенство некоторых ее разделов, само по себе представляет факт выдающегося значения. Создавая политическую экономию в широком смысле, советские экономисты тем самым исполняют известное завещание Ф. Энгельса.

До 1917 г. марксистская политическая экономия ограничивалась преимущественно системой экономических категорий капитализма. В результате творческих работ экономистов к настоящему времени определены некоторые элементы системы политической экономии докапиталистических способов производства.

В области политической экономии капитализма нельзя найти ни одного раздела, в который советская экономическая мысль не внесла бы серьезного вклада, начиная с разделов, трактующих категории товара и стоимости, и кончая разделами, связанными с господством государственно-монополистического капитализма.

Проблемы теории товара и закона стоимости, общественно необходимого труда, рыночной стоимости, двойственного характера труда, простого и сложного труда были предметом длительных и глубоких изысканий советских экономистов в 20-е гг. Обширная литература по этим вопросам представлена значительным разнообразием концепций, давших, несомненно, заметные научные результаты.

Советские экономисты внесли много нового в разработку теории денег и денежного обращения, теории цены производства, закона тенденции нормы прибыли к понижению, проблем Марксовой теории кредита, источника дифференциальной ренты, вопроса о соотношении дифференциальной и абсолютной ренты, вопросов теории воспроизводства и кризисов, методологических проблем, связанных с предметом политической экономии.

Величайшим творческим вкладом в развитие марксистской политической экономии явилась ленинская теория империализма, разработанная В. И. Лениным в книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и в ряде других работ. Было положено начало новому разделу политической экономии капитализма. Созданное В. И. Лениным учение о капиталистической монополии является дальнейшим развитием марксистского учения об экономических монополиях. С именем В. И. Ленина связано создание теории государственно-монополистического капитализма, основные положения которой составляют руководящие принципы исследования экономики современного буржуазного общества.

В связи с разработкой теоретических основ второй Программы партии В. И. Ленин сделал ряд выводов, имеющих огромное методологическое значение для теории капитализма вообще и теории монополистического капитализма.

Ленинское положение о том, что империализм представляет надстройку над капитализмом вообще, сохраняет силу и ныне, несмотря на то, что за истекшие полвека развился в громадных размерах государственно-монополистический капитализм.

Монополистический капитализм не может развиваться обособленно от законов капитализма вообще, капитализма свободной конкуренции. И в этом смысле монополистический капитализм — империализм остается надстройкой над старым капитализмом.

В то же время научное раскрытие форм проявления монополии предполагает вовлечение в анализ более конкретных экономических отношений, чем это необходимо для познания системы производственных отношений монополистического капитализма, и является надежной методологической базой для опровержения теорий «чистой монополии» и «организованного капитализма». Вместе с тем, рассматривая такой большой круг экономических отношений, теория монополистического капитализма позволяет вскрыть интересы как отдельных классов, так и различных социальных слоев и классовых группировок, позволяет обосновать тем самым необходимость организации единства антимонополистических сил.

Многочисленные исследования, посвященные вопросам монополистического капитализма, подтвердили основные исходные теоретические и методологические позиции, разработанные В. И. Лениным полвека назад. Достигнутые советскими экономистами результаты в области изучения новых явлений монополистического капитализма, финансового капитала и финансовой олигархии, новых форм монополистических объединений и государственно-монополистического капитализма — серьезный вклад в развитие ленинской теории империализма, в теоретическое обоснование стратегии и тактики коммунистических и рабочих партий в их борьбе против империализма.

* *
*

Что касается политической экономии социализма, то она прошла более сложный путь: от отрицания ее как науки до последних опытов создания системы экономических категорий социализма. Первый этап развития политической экономии социализма связан с периодом крутой ломки старых производственных отношений, второй период ее истории связан с развитием социалистического способа производства на его собственной основе. Эти два периода существенно отличаются друг от друга по проблематике и по характеру решения ряда коренных вопросов политической экономии.

Первый период характеризуется преимущественно обоснованием тех или иных мероприятий экономической политики партии и государства. Теоретическое осмысливание переходного периода от капитализма к социализму нашло свое выражение в курсе «Экономической политики», который представлял собой опыт систематического изложения политики Советской власти в разных областях экономики, и в «Теории советского хозяйства». Сами создатели «Теории советского хозяйства» оговаривались, что они не пре-

тендуют на то, что их идеи в дальнейшем оформятся в политическую экономию социализма. Больше того, указывалось, что эта теория преследует цель обобщения только опыта экономики переходного периода. После же того как задачи переходного периода будут выполнены, отпадет и надобность в этой теории, поскольку считалось, что социализм, в экономике которого, по их мнению, будет якобы все ясно и прозрачно, представляет объект, не подлежащий научному, теоретическому экономическому исследованию.

Но формальное отрицание политической экономии социализма сопровождалось в то же время большой фактической работой советских экономистов в области теоретических проблем. «Теория советского хозяйства» по существу представляла опыт политико-экономической разработки многих теоретических проблем социализма. На самом деле советские экономисты рассматривали вопросы, которые составляют предмет политической экономии социализма.

Это нужно особо отметить еще и потому, что иногда у нас, трактуя те или иные вопросы политической экономии социализма, нередко игнорируют ту литературу, которая существовала в период до прямого признания политической экономии социализма как науки. Открывшиеся теперь возможности для воссоздания подлинной истории становления политической экономии социализма позволяют полностью использовать в интересах развития нашей науки ценные приобретения экономической мысли того времени.

Первый период развития политической экономии социализма тесно связан с именем Ленина, который, основываясь на опыте первых лет Советской власти, сформулировал ряд принципиальных положений. Среди них следует особо отметить его высказывание о природе продукта при социализме, характеристику товара в условиях переходной экономики.

Используя многочисленные труды Ленина по коренным вопросам экономики переходного периода (создание материально-технической базы социализма, преобразование крестьянских хозяйств, методы хозяйствования при социализме и т. п.), советские экономисты разработали многие вопросы, связанные с политикой электрификации и индустриализации, сделали попытки определения объективных результатов, возникших под ее влиянием.

К рассматриваемому периоду относится также большая дискуссия о регуляторе советской экономики, в ходе которой обнаружились резкие различия во взглядах. Не следует, однако, рассматривать воззрения, высказанные в этой дискуссии, только под углом зрения их теоретической доказательности. Их необходимо оценивать прежде всего с точки зрения политической направленности.

Силы, боровшиеся за сохранение старых пропорций, отстаивали незыблемость действия закона стоимости, который трактовался как вечный, естественный закон, регулирующий общественный процесс воспроизводства. Одним из вариантов этой концепции бы-

ла теория так называемого «закона трудовых затрат». Что же касается противников таких идей, то их критика не была позитивной, поскольку она не сопровождалась открытием каких-либо других объективных экономических законов, регулирующих развитие экономики, идущей по пути социализма. Закону стоимости противопоставлялись план, диктатура пролетариата как регуляторы новой экономики. В теоретическом отношении эти концепции были далеко не безупречны, больше того, ошибочны. Необходимые формы проявления и реализации новых экономических законов, рождаемых социалистическим базисом, они принимали за сами эти законы. Но несмотря на это объективно борьба против идей о законе стоимости и «законе трудовых затрат» как регуляторах производства правильно отражала изменение в производственных отношениях общества. С политической же точки зрения это означало признание необходимости ломки старых производственных отношений, осуществления социалистической индустриализации путем использования централизованных капитальных вложений. Эта борьба также помогала осуществлению идеи коллективизации в сельском хозяйстве.

Новый период в развитии политической экономии социализма надо связывать с победой социализма в нашей стране. Для всего этого периода характерны поиски объективных экономических законов социализма и накопление на этой основе определенного опыта по созданию политической экономии социализма. Выполнение задач переходного периода, теоретическая основа которых в общем виде была дана еще в предреволюционный период, выдвинуло на первый план создание политической экономии социализма, которая дала бы картину движения социалистического способа производства на своей собственной основе.

Этот период можно разделить на ряд этапов. Первый этап — это время примерно до начала 1941 г., когда подавляющее большинство советских экономистов, исходя из побед планового начала в экономике, по существу отрицали товарные отношения в условиях социализма. Второй этап — это период от первых признаний существования товарных отношений и закона стоимости при социализме до ноябрьской дискуссии 1951 г., на которой предметом обсуждения был макет учебника политической экономии.

Особенность второго этапа не только и не столько в признании наличия товарных отношений. Важно то, что существование товарных отношений связывалось с действием объективного закона стоимости.

Однако на этом этапе вопрос об объективности экономических законов при социализме был поставлен не в общеметодологическом плане, а в плане признания конкретного экономического закона в качестве объективного закона. Поскольку таковым является закон стоимости, который существовал и до социализма, сама постановка вопроса об объективном характере экономических законов социализма не могла выйти за эти узкие пределы. Необхо-

димо было еще установить те законы, которые возникли в результате социалистического преобразования общества.

Ноябрьская экономическая дискуссия 1951 г. по макету учебника политической экономии положила начало этому периоду, характеризующемуся преодолением субъективизма в теории политической экономии. Получает широкое признание тезис об объективности экономических законов социализма. Старое положение о том, что государство, диктатура пролетариата создают экономические законы, подверглось глубокой критике. Вместе с тем был сформулирован ряд объективных экономических законов социализма.

Тем самым был открыт путь к различению экономических законов и деятельности государства, планирующих органов. Плановая деятельность тем успешнее, чем в большей мере соответствует объективным экономическим законам, но сама по себе она не гарантирована от несоответствия им.

Был сформулирован, например, закон планомерного развития в отличие от плана и планирования как субъективной деятельности государственных планирующих органов. Был сформулирован основной экономический закон, в котором цель социалистического производства в целом выступает не как результат благих пожеланий, а как объективный органический элемент и результат основного производственного отношения социализма. Признание объективности экономических законов социализма из методологического абстрактного положения превратилось в формулировку реальных, независимых от воли и сознания людей объективных экономических законов.

Это была, действительно, революция в развитии политической экономии социализма. Впервые конкретно были названы и сформулированы объективные экономические законы, которые не являются наследием прошлого, пережитками старого, а представляют выражение сущности социалистических производственных отношений. И в этом огромное значение дискуссии 1951 г., которая впервые не только сформулировала объективность экономических законов социализма, но и заложила начала их системы. Она еще не выработала осознанных методологических критериев и принципов, но идея о ряде законов социализма, так или иначе связанных друг с другом, явилась шагом вперед по пути создания системы категорий политической экономии социализма.

Однако до XX съезда КПСС положения, выработанные на экономической дискуссии и нашедшие затем воплощение в учебнике «Политическая экономия» Института экономики АН СССР, не подвергались какой-либо существенной модификации. Примерно до 1956 г. происходила преимущественно разработка теоретико-экономического содержания отдельных экономических законов социализма.

После XX съезда КПСС научная работа в области политической экономии заметно оживилась. В результате появилось много новой экономической литературы, посвященной исследованию от-

дельных вопросов. Было издано значительное количество учебных пособий, учебников по отдельным разделам курса, несколько кратких учебников, а также полный двухтомный учебник для экономических вузов. Как бы мы ни относились к отдельным опытам в этой области, они выражали то или иное движение вперед к созданию более совершенной системы политической экономии.

В связи с разработкой в учебниках системы политической экономии социализма были поставлены также вопросы о соотношении производительных сил и производственных отношений, о соотношении экономических законов и экономической политики, о функциях и роли социалистического государства в политической экономии, об исходном и основном экономических отношениях социализма, о системе производственных отношений и собственности, о сущности и явлении в политической экономии социализма, о содержании и месте основного экономического закона социалистического способа производства, о критериях эффективности социалистического производства и ряд других. Постановка и решение всех этих вопросов вызвали оживленные дискуссии и связывались непосредственно с проблемой создания системы политической экономии социализма.

Политическая экономия, состоящая из отдельных частей, лишенная единой связанной во всех ее решающих элементах системы, оказывается недостаточной для того, чтобы быть надежной основой хозяйственного руководства. Когда нет системы, когда нет ясного представления о значении и месте каждого отдельного экономического отношения, и экономическая политика, и хозяйственная практика оказываются без твердых, ясных, научных критериев.

Система политической экономии должна отразить внутреннюю логику движения и развития социалистической экономики. Только на этой основе можно осуществлять научно обоснованное социалистическое хозяйствование. Раньше, в переходный период, политическая экономия служила преимущественно теоретическому обоснованию тех или иных мер экономической политики. Когда же социализм утвердился на своей собственной основе и стал действительно господствующим способом производства, политическая экономия социализма должна превратиться в теоретическое орудие хозяйствования в масштабе всего общества. А это невозможно без раскрытия законов, которые обеспечивают социалистическому способу производства постоянные преимущества над капитализмом, непрерывный рост и систематический подъем эффективности социалистического производства.

В связи с задачей создания научно обоснованной системы политической экономии развернулось широкое обсуждение методологических проблем политической экономии.

В подходе к построению системы выявились существенные различия во взглядах. С одной стороны, развивается идея, что политическая экономия есть единая наука с единым методом, примененным Марксом в «Капитале», с другой стороны, существует

мнение, что специфика социализма требует специфического метода, и что метод, примененный Марксом в «Капитале», не может быть использован для создания системы политической экономии социализма. Такое мнение является в какой-то мере рудиментом прежних представлений о производственных отношениях социализма, которые якобы обладают такой спецификой, которая исключает их теоретико-экономическое изучение. Близки к этому и высказывания о том, будто бы в отличие от политической экономии капитализма предметом политической экономии социализма кроме производственных отношений является также экономическая политика.

В ходе обсуждения на конференциях и в печати все более широко находит признание взгляд, согласно которому коренные различия в системах производственных отношений разных способов производства не исключают необходимости исследования их именно как систем производственных отношений, и потому необходим единый метод такого исследования. Этим методом является метод «Капитала».

В связи с обсуждением методологических проблем политической экономии социализма большое внимание было уделено вопросу об исходном отношении социалистического способа производства.

По этому вопросу имеется еще много разноречий. Однако ряд концепций, отражавших незрелость начальной фазы изучения политической экономии социализма, отвергнуты большинством экономистов.

Уже не пользуются доверием системы, которые начинают изучение производственных отношений социализма с анализа материально-технической базы общества. Не находят поддержки и такие системы, при которых в качестве исходного в анализе выступает так называемая общая характеристика производственных отношений социализма. Все большее число экономистов считает, что исходным может быть только конкретное производственное отношение, а не социалистическая собственность в целом. Продолжается обсуждение вопроса о соотношении исходного и основного производственных отношений. Хотя и существуют разногласия, тем не менее теперь общепризнанно, что основное отношение определяет цель социалистического производства, взятого в масштабе всего общества.

Получает все большее подтверждение вывод о том, что незрелость непосредственно-общественного производства, недостаточная развитость непосредственно-общественного характера труда при социализме требуют сохранения товарно-денежных форм экономических отношений. Стало также ясно, что попытки искусственного ограничения сферы действия товарно-денежных отношений ведут к потерям в народном хозяйстве.

С особой остротой встал вопрос о соотношении планомерности и товарности в условиях социализма. Элементы планомерности, как указывал В. И. Ленин, вносят уже монополии, поскольку они

подрывают товарное производство, ведут производство на основе заранее учтенных потребностей в масштабе общества. Планомерность и товарность внутренне противоречивы. Но противоречия между товарностью и планомерностью отнюдь не означают, что их существование невозможно в рамках единого способа производства. В то же время это не означает равнозначности планомерных и товарных отношений.

Планомерность и товарность суть выражения определенных производственных отношений. Поскольку планомерные и товарно-денежные отношения взаимно противоречивы, они в рамках единой системы определенным образом взаимодействуют. Не может быть чисто планомерных отношений в обществе, где имеются товарные отношения. Не может быть и чисто товарных отношений, где планомерность является реальным производственным отношением. Задача экономической науки и заключается в том, чтобы выявить, каково же соотношение между этими элементами. Для ответа на этот вопрос необходимо иметь ясное представление о всей системе производственных отношений социализма.

Отсутствие всесторонне обоснованной и общепризнанной научной системы производственных отношений социализма привело отдельных экономистов к выводу о том, что социализм является видом товарного производства. Такой вывод основывается на том, что при социализме существуют товарные отношения и что все отношения осуществляются якобы в товарной форме. При этом предается забвению, что исходной характеристикой продукта, производимого на основе народнохозяйственного плана, не может быть его товарность. Социалистический продукт включается в систему общественного производства на уровне общественной планомерной организации производства. Вместе с тем социалистические предприятия, производя продукт по общественному плану, отчуждают его в возмездном порядке. Здесь товарная форма продукта выражает реальное товарное отношение между отдельными социалистическими предприятиями. Механизм товарных отношений между предприятиями имеет огромное значение с точки зрения стимулирования предприятий к снижению затрат живого и овеществленного труда. Этот метод стимулирования, идущий от движения продукта как товара, имеет свою специфику.

Чтобы определить экономическую структуру продукта социалистического производства, не следует забывать самое главное: предприятие функционирует и производит продукцию по указанию общественного центра, выгодность производства того или иного вида продукции может быть мотивом для предприятия только при определении конкретной номенклатуры изделий внутри данного вида производства. Коренные же отраслевые пропорции народного хозяйства определяются не выгодностью производств тех или иных продуктов для отдельных предприятий, а общественным центром на основе учета интересов не только отдельных предприятий, а прежде всего общественного производства в целом. Но такой способ регулирования производства имеет в качестве исходной,

определяющей характеристики не товарность, а планомерность. Экономическая реформа не отменила да и не могла отменить той коренной черты социалистического способа производства, что его исходным отношением является не товарность, а планомерность.

В связи с более широким использованием товарных отношений в условиях экономической реформы вновь подвергся обсуждению вопрос о цели производства при социализме и о критериях эффективности капитальных вложений. Еще в переходный период советские экономисты ставили вопрос о разграничении народнохозяйственного критерия эффективности и критерия эффективности товаропроизводящего предприятия.

В настоящее время вопрос об эффективности социалистических предприятий может быть поставлен на основе значительно более широкого опыта. Тем не менее в изучении этого вопроса продолжает сказываться тот подход к системе социалистических производственных отношений, при котором отрицались товарное производство и товарные отношения при социализме. Прежде задача ставилась в пределах поисков единого критерия эффективности производства. И теперь некоторые экономисты заняты поисками единого для всех ступеней хозяйствования критерия. Одни пытаются найти этот критерий, исходя из функционирования предприятий как товаропроизводителей, другие — отвлекаясь от товарных категорий.

Социалистическая система производственных отношений предполагает народнохозяйственный критерий эффективности, на основе которого ведется работа по планомерной организации всего общественного производства в целом. Но в условиях, когда социалистические предприятия функционируют при наличии товарных отношений, предприятие не может не иметь своего, основанного на товарных отношениях критерия эффективности. Этот критерий отличается от критерия эффективности совокупного общественного производства, но он реален для предприятия. Предприятие определяет выгодность для него тех или иных вариантов производства в соответствии с целью, которая вытекает из того, что оно производит товар. Производя по плану товарный продукт, предприятие должно произвести его с наименьшими затратами. Работа по установлению норм хозяйственного расчета может быть успешной только в том случае, если понято различие между критерием эффективности общественного производства и критерием эффективности отдельного социалистического предприятия. От этой работы зависит успех экономической реформы.

Вестн. Моск. ун-та. Сер. Экономика, 1967, № 5.

Содержание

Раздел первый

Классики буржуазной политической экономии 3

«Экономическая таблица» Кенэ и ее значение (К 200-летию «Экономической таблицы») 3
«Богатство народов» А. Смита — первая система политической экономии 13
К вопросу о теории стоимости Рикардо 26

Раздел второй

Основные экономические проблемы периода падения крепостного права 29

Кризис крепостного хозяйства 29
О причинах падения крепостного права 65
Экономическое содержание реформы 1861 г. 76

Раздел третий

Русская экономическая мысль в эпоху кризиса и ликвидации крепостничества 98

У истоков идейной борьбы вокруг двух типов буржуазной аграрной эволюции в России 98
Главный объект борьбы экономических идей и основные позиции идеологов крестьянства 118
Экономическая программа славянофилов 164
Теория и программа дворянского либерализма (К. Д. Кавелин) . . . 175
Буржуазно-либеральная критика крепостничества (Д. Н. Струков и И. В. Вернадский) 184

Раздел четвертый

Система экономических взглядов Н. Г. Чернышевского . . 203

Экономическая теория Н. Г. Чернышевского — вершина экономической науки домарксового периода 203
Крупнейший экономист домарксового периода 307

Раздел пятый

Русская экономическая мысль в эпоху домонополистического капитализма 321

Основные проблемы и главные направления русской экономической мысли в эпоху домонополистического капитализма 321
Н. И. Зибер — первый пропагандист экономической теории марксизма в России 354

Раздел шестой

Вопросы истории развития советской экономической мысли 384

К вопросу о развитии советской экономической мысли 384
Развитие советской политической экономии . . . . . 39?

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЦАГОЛОВ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Зав. редакцией *Н. А. Рябикина.* Редактор *И. Е. Новикова.* Художник *О. Н. Гребенюк.* Художественный редактор *Л. В. Мухина.* Технический редактор *Г. Д. Колоскова.* Корректоры *М. И. Эльмус, В. А. Ветров.*

Тематический план 1984 г. № 72 ИБ № 1689

Сдано в набор 6.12.83. Подписано к печати 10.02.84. Л-78755 Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 25,50+1 вклейка (0,0625) Уч.-изд. л. 30,47. Тираж 8500 экз. Заказ 275. Цена 2 р. 30 к. Изд. № 2179.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета, 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы